

КОЛЛЕКЦИОННАЯ

ФАНТАСТИКА

РОБЕРТ АСПРИН

КОРПОРАЦИЯ М.И.Ф.

КОРПОРАЦИЯ М.И.Ф.

*

РОБЕРТ
АСПРИН

5

КОЛЛЕКЦИОННАЯ ФАНТАСТИКА

Роберт Асприн

Корпорация М.И.Ф.
в действии

У Р. АСПРИН КОРПОРАЦИЯ М.И.Ф. В ДЕЙСТВИИ

КОЛЛЕКЦИОННАЯ ФАНТАСТИКА

5
ТОМ

Robert Asprin

M.I.T.H. Inc. Link

**Myth-nomers
And Impervections**

M.I.T.H. Inc. In Action

Роберт Асприн

**Корпорация М.И.Ф. —
связующее звено**

**Мифо-наименования и
из-вержения**

**Корпорация М.И.Ф.
в действии**

Компания ГРИФ-Ф Лтд.

МОСКВА

1994

ББК 84 США
А69

А69 Асприн Р.

**Корпорация М.И.Ф. — связующее звено. Мифо-на-
именования и из-вержения. Корпорация М.И.Ф. в дей-
ствии. / Пер. с англ. - М.: Компания ГРИФ-Ф Лтд.,
1994, т.5. - 480 с.**

**Великолепные мифо-похождения Скива, девола Ааза
и их верных друзей по измерениям Вселенной в оче-
редном продолжении потрясающего сериала Р.Асприна.**

**Перепечатка как отдельных частей, так и
всего произведения в целом возможна только с
разрешения издательства ГРИФОН.**

© by Robert I. Asprin

© Компания ГРИФ-Ф Лтд., 1994

**Корпорация М.И.Ф. —
связующее звено**

Уважаемый читатель!

Вы держите пятый и последний номерной том Коллекционной фантастики.

Мы можем продолжить номерную серию еще пятью томами, но только в том случае, если получим от Вас положительные отзывы.

В этих томах предполагается продолжить уже известные Вам сериалы, а также напечатать два новых сериала К. Сташеффа и Р. Асприна.

Издательство так же планирует опубликовать переводы новых книг 1990 — 1993 годов издания популярных авторов.

Для продолжения номерной серии Вы должны прислать открытку или позвонить:

*г.Москва, 103287, а/я 32,
телефон (095) 213-3516.*

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Серия книг, объединенных под названием “Мифические приключения Ааза и Скива”, начиная с первой публикации в 1978 году, постоянно набирает популярность. (Вероятно, незачем объяснять это Вам, так как вы уже держите в руках томик. Познакомить с этим изданием нужно тех, кто еще не брал в руки книжку фэнтэзи... вроде того парня за соседним столом в читальном зале, глотающего детективы, или вашего одноклассника. Так что вам надо легонько постучать их по плечу или по голове и...)

Извините! Я склонен возбуждаться и отвлекаться, когда в воздухе носится запах денег... особенно если он удаляется. О чем я?

Книги... набирали популярность... ах, да!

Как писателя меня чаще всего спрашивали не “Откуда вы берете свои идеи?”, а, скорее, “Будет ли новая книга в серии “МИФ”?” Ответом, во всяком случае на какое-то время, будет определенное “Да!”. Завершив “Маленького мифометчика”, я подписал контракт с издательством “Доннинг-Старблейз” на добавочные шесть книг, из которых эта книга — первая. Хотя мы все еще “обсуждаем”, будут ли они написаны со скоростью одна-две в год. В данный момент есть уверенность, что серия еще какое-то время продлится.

По завершении рукописи этого тома я понял, что случайному читателю название может показаться неясным*. Трудно понять такое незадолго до публикации, поскольку книга уже разрекламирована под этим названием, а менять его слишком поздно. Пытаясь дать разъяснения я в отчаянии прибегаю к дешевому приему авторского предисловия.

№7 названа “Корпорация М.И.Ф. — связующее звено”, потому что она отмечает некоторое изменение в серии из первых шести и, следовательно, “связывает” начало серии с тем, что следует дальше. (Ловко, а? Путано, но ловко.) К несчастью, большинство изменений относятся к самому писателю и могут быть не совсем понятны читателю. Чтобы смягчить создавшуюся ситуацию, я воспользовался преимуществом этого пере-

* М.У.Т.Н. INC. LINK — “Корпорация “М.И.Ф.” — связующее звено” созвучно выражению missing link — недостающее звено (в эволюционной цепочке между обезьяной и человеком).

ломного пункта в серии и дал читателю возможность заглянуть в душу писателю, чтобы было понятней, как появляется на свет серия, в частности та, о которой пойдет речь. Если вас это не интересует, не стесняйтесь, перескакивайте к основному содержанию книги и, будем надеяться, наслаждайтесь им.

Писатели не только “живут” тем, что пишут. Они иной раз пользуются этим для регулирования своей реальной жизни. То есть, если они падают духом, то написание чего-то бодрящего может поднять им настроение. Именно так и появилась на свет первая книга “Мифа”.

В то время (в 1976 году) я писал свой первый роман “Холодноналичная война” для издательства “Сент-Мартин Пресс”. Это мрачная повестушка о войнах между корпорациями содержит немало сцен, которые можно назвать ужасающими. Раненые наемники сами себя хоронят еще живыми, чтобы лишить противника возможности подсчитать потери врага, а администраторы организуют убийства своих соперников прямо на улице, в той вселенной такое — норма. Замысел был интересный, и так как взялся я за подобное дело впервые, то отдавал ему все силы. К несчастью, я должен был работать полный рабочий день с девяти до пяти, чтобы кормить жену и двоих детей. Появилась опасность, если я буду слишком много ночей подряд писать “Холодноналичную войну”, то начну смотреть на своих коллег в конторе, не говоря уж о прохожих на улице и членов собственной семьи, как на мишени для нападения или нападающих. А такое состояние — не самая лучшая гарантия душевного здоровья.

Я решил, что мне нужно использовать для предыдущей другой литературный вариант (если просто бросить писать, то никогда не вернешься к написанному!). В этом случае предпочтительней что-нибудь более светлое. Для этой цели я начал выстраивать идею своей следующей книги.

Будучи поклонником Конана, Кейна и им подобных, я хотел попробовать свои силы в Героической фэнтези. Эта разновидность фэнтези становилась с каждым днем все серьезней и значительней, и, на мой взгляд, давно заждалась хорошей пародии. (Все и вся, попавшие в ловушку слишком серьезного отношения к себе — законная добыча для таких действий. К счастью, для таких писателей, как я, в мишенях нынче недостатка нет.)

В первую очередь мне требовался главный герой. Так как в Героической фэнтези и так уже кишмя кишели

мускулистые варвары с мечами, охотящиеся на колдунов, я решил удариться в противоположную крайность и рассказать свою повесть с точки зрения мага. Для поддержания интереса к повести, он должен быть несколько некомпетентным... скажем даже, учеником. Всегда полезно дать главному персонажу помощника или подручного, что позволяет сообщать читателю нужные сведения через диалог, не прибегая к длинным отступлениям. В оппоненты же магу... почему бы не дать демона? Для личностного контраста придется сделать его настолько грубым и нелюбезным, насколько симпатичным будет мой главный герой.

Вот тут-то и приложила руку судьба. Я всегда был поклонником “дорожных” фильмов Боба Хоупа — Бинга Кросби. Как раз, когда я возился с новыми героями, по телевидению целую неделю шел фестиваль этих фильмов. Конечно, как самоотверженный писатель, работающий над книгой при обговоренном сроке сдачи рукописи, я был невосприимчив к такому искушению, верно? Если вы в это верите, то вам нужно еще многое узнать о писателях... или, по крайней мере, о данном писателе. Каждый вечер заставлял меня сидящим перед ящиком для идиотов с целью получить еще одну порцию безумия, которой изобилуют эти фильмы. Чтобы не чувствовать себя виноватым и совсем уж безответственным, я держал на коленях блокнот для “работы над развитием персонажей” во время рекламных перебивок. Было трудно переключать настроение с “дорожных” фильмов на “Войну” и обратно, и поэтому имело смысл кропать свою комедию, пока смотрю их. По ходу сценария шутники-аферисты, чьи похождения всегда впутывали их в необычайную уйму неприятностей, забрели с экрана ко мне в блокнот... и персонажи Ааз и Скив начали обретать облик.

Ко времени завершения “Войны” я был готов представить Ааза и Скива в качестве персонажей своей следующей книги. Однако, когда я оповестил об этом своего литературного агента, то он обратил внимание на одну упущенную мною мелочь. “Юмор не идет!”, — уведомили меня. — “Мы пытаемся сейчас обеспечить тебе карьеру, и вслед за “Войной” нужна действительно сильная книга! Есть еще что-нибудь?” Такая позиция поразила меня, но легко подтвердилась. Один беглый взгляд на годовую подшивку “Паблишерс уикли” показывал, что и впрямь, если ты не Эрм Бомбек с национальной известностью благодаря газетной колонке, то юмор не фигурировал в списках бестселлеров. Вследствие

этого я занялся другим замыслом — “Войнами Жучков” — и отложил публикацию Ааза и Скива в долгий ящик.

Там наброски оставались, пока я не потратил около года на работу над “Войнами Жучков”. Однажды вечером в конце 1977 года у меня зазвонил телефон. Звонил Келли Фрис, художник, нарисовавший обложку номера “Аналога”, где опубликовали выдержки из “Войны”, и мой давний друг по разным съездам. Он объяснил, что запускает новую серию книг (“Старблейз”) в вирджинском издательстве (“Доннинг”) и выклянчивает в настоящее время сочинения. Не завалилось ли у меня каких-нибудь неопубликованных рукописей? Незачем говорить, я был польщен, но вынужден признаться, что готов предложить только юмористическое сочинение... а этого ему не надо, не так ли? Возникло заметное колебание, а затем он предложил мне прислать его посмотреть.

Через короткий срок он прислал его обратно со своим резюме: персонажи и обстановка понравились, но сюжет, по его мнению, был слабоват. Если я смогу подыскать другой сюжет, то он выкроит мне контракт. Будучи так же жаден и подвержен лести, как и любой другой человек, я согласился. Когда я обнаружил, что сюжет ему нужен “как можно скорее, чтобы книгу успели занести в число первых наших названий”, уверенность моя поколебалась, но я обещал сделать все, что в моих силах. Какого черта, я же занесен в список.

Меня настолько захватила и понесла перспектива этой договоренности, что я лишь потом сообразил, что не получил на все это “добро” от своего литагента.

Испытывая понятный трепет от смущения, я позвонил ему и объяснил ситуацию. Последовало тяжелое молчание, но затем он согласился. “Я понимаю, как тебе хочется оказать услугу старому приятелю, — сказал он, — и ты вполне можешь отдать ему то, что все равно нигде не пойдет”. Я всегда расцветаю, услышав ободряющие слова.

Итак, у меня были герои, обстановка, контракт, но никакого сюжета. Столкнувшись с крайним сроком в виде “как можно скорее” и давлением литагента “покончить с ним побыстрее и вернуться к серьезным сочинениям”, я прибег к освященному временем средству писателей, оказавшихся под давлением... краже сюжета! На деле, я довольно ловко подвел под это мероприятие базу. Эта книга — пародия, верно? Почему бы не взять “затасканный вусмерть” сюжет и не пустить

его снова в дело с тем насмешливым уважением, какого он заслуживает?

При таком predetermined сюжете и героях, которых я уже знал, словно родных, написание романа пошло довольно быстро. Если точнее, я написал всю книгу от корки до корки за пять недель, работая одновременно полный рабочий день в конторе. Для интереса я подобрал цитаты-эпиграфы к главам. В конце концов, в книгах, которые я пародировал, перед главами шли цитаты из песен или сочинений, выдуманных автором именно для этой цели, так почему бы не сделать то же самое для моих. (Когда книга стала серией, я выяснил цену этому "почему бы не"! Если сделать это в первом томе, читатели будут ожидать того же и в последующих томах. А выдумать 120 остроумных цитат куда труднее, чем 20!)

Рукопись отправилась в издательство и была принята без сучка и задоринки. (Есть определенное преимущество при работе с художниками, ставшими редакторами. Они склонны оставлять твоё сочинительство в покое!) Проблема же возникла, ну кто бы мог подумать, с названием. У меня всегда возникали трудности с названиями книг, и эта книга не стала исключением. Предложил я, наконец, название "Демон и я". "Не пойдет", — сказал Келли. Я обещал придумать альтернативное. До истечения в полдень последнего срока я сидел на телефоне и говорил с Келли в 11.45, все еще пытаясь изобрести название. "Демон на первой клетке"? Как насчет "Демона на свободе"? Лучше, но не смешно.

Смешно... смешно... Мои мысли устремились к репликам и названиям фильмов из классической комедии. Что ты думаешь об "Еще одной отличной передрыге"*? Хммм... Келли положил трубку и отпасовал название своей жене Полли, ее вкус превосходил оба наших вместе взятых. Миг спустя он вернулся. Я сказал "Еще одна отличная передрыга" или "Еще один отличный МИФ"? Я предпочел первое. Новое совещание. Ну, оно не блеск, но кажется, лучшее, какое нам удалось придумать. Они с ним согласны.

Три часа спустя (ближе к закату, когда я обычно начинаю думать) мой мозг заработал вдруг как автомобильный мотор холодным утром. "Еще один отличный миф"... "Мокруха или Миф"... "Мифоразумения"!**. Я поспешно схватился за трубку и позвонил Келли.

* Another fine mess.

** Названия созвучны: Hit or miss — наугад, кое-как, и Misconceptions — недоразумения.

На тот случай, если он захочет приобрести еще одну книгу с этими героями, объяснил я, и если будет возможность превратить ее в серию, “Миф” может оказаться удобным для связки названий. Действительно, будет целесообразней использовать в качестве названия первой книги “Мифоразумения” и оставить “Еще один отличный миф” для продолжения! Насколько окончательно полуденный крайний срок?

Оказалось, что полуденный крайний срок реален. (Верный признак неопытного редактора. Настоящий профессионал никогда не скажет правды о том, когда нужна рукопись или название, просто чтобы дать своевольным творческим умам время оттянуть предполагаемый крайний срок и все же уложиться в него!) Идея эта ему, однако, понравилась. Хотя мы не могли сменить название с “Еще одной отличной передраги” на “Мифоразумения”, мы могли озаглавить рукопись “Еще один отличный миф” и сослаться на опечатку в каталоге! А название “Мифоразумения” мы просто придержим для второй... Мы и впрямь говорим о создании второй, не так ли? Ух ты!

Так вот и была запущена серия. За минувшие годы издательство “Доннинг” продолжало получать материалы от меня по контрактам, обычно, на одну книгу, а я продолжал воровать сюжеты для пародий. Безумный маг, вздумавший захватить власть над миром, отборный отряд против армии, мастерское ограбление, большая игра, война с организованной преступностью... вытаскивались все старые знакомые избитые анекдоты (которые я сам слушал с живым интересом) и проигрывались еще разок. Однако, по дороге случались кое-какие странности.

Я с самого начала пообещал себе, что по ходу серии Скив будет расти и развиваться. Теоретически это не даст мне попасть в ловушку пересказа одного и того же и повторного использования тех же самых острот. Однако, перечитывая растущую кипу рукописей, я начал понимать, насколько основательно проникли на страницы мой собственный духовный рост и развитие. С тех пор, как я взялся писать серию “Миф”, я растил (или, точнее, помогал расти) в интервалах между книгами) своих двух детей и испытывал все связанные с отцовством трудности и сомнения. Я превратился из занятого весь рабочий день бухгалтера с постоянным чеком на получение жалования в занятого весь рабочий день писателя со случайным притоком наличных, и, соответственно, деньги стали меня заботить еще больше, чем

когда они водились в достатке. Я попробовал было организовать собственную корпорацию, но только для того, чтобы та развалилась в первые же шесть месяцев. С успехом книг я даже испытал головокружительное ощущение пребывания в мелких знаменитостях и известность, когда моя фамилия стала знакома совершенно незнакомым мне людям. Все эти испытания стали частью развития Скива и эволюции его отношений со своей кампанией друзей. Из-за этого и сами друзья начали обретать новую жизнь и параметры, пока не стали перехлестывать на центральное место в повествовании о Скиве.

Это приводит нас к "Корпорации М. И. Ф.". (Помните? Я начал рассказывать вам об этом? Это книга, которую вы сейчас держите в руках.) В этом томе читатели получают возможность увидеть деятельность "Мифа" и, что еще важнее, Скива глазами не только центральных персонажей. Чтобы не ввергнуть в панику преданных поклонников Скива, спешу заверить, что я не покончил с точкой зрения Скива... ни в коем случае! Однако, в последующих томах рассказанное от лица Скива будет носить обычное название с "Миф", а рассказанное от лица других будет обозначаться "Корпорация М. И. Ф.". В этом конкретном томе есть разделы того и другого, отсюда и "Связующее звено" между старой и новой моделями. Уразумели? А, ладно, может, когда прочтете этот том, станет яснее.

Другая крупная перемена состоит в том, что при законтракованной гарантии появления новых томов я, как рассказчик, могу работать на более крупном полотне (да, это смешная метафора), чем когда-то планировал по одной книге в один прием. Не все линии повествования должны разрешиться в пределах единственной книги и можно будет посеять семена будущих рассказов и ситуаций. Это означает, помимо прочего, что я, вероятно, буду отходить от предсказуемых "пародий на старые сюжеты", которыми занимался в прошлом, и создавать ситуации и повести, применимые только к вселенной "Мифа" и ее обитателям.

(Если из этого вытекает, что вам надо будет покупать все тома, чтобы не потерять нить, то это не совсем случайно. Я многому научился и на совместном редактировании "Воровского мира*")

* Издательство выпускает книгу "Воровской Мир" в серии Коллекционная фантастика" в самое ближайшее время.

Избранный мной для себя и “Мифа” путь крайне дерзок для автора, но я считаю его необходимой альтернативой как закрытию серии, так и “повторению нрежных острот”. В книжной и комиксовой индустрии есть люди, настаивающие, что читатели серии быстро становятся пристрастившимися к статус кво и будут протестовать или бунтовать против любой попытки изменить его. Могу лишь надеяться, что верные читатели “Мифа” сочтут новые направления столь же увлекательными и интригующими, как и я. Именно так и будет, по меньшей мере, еще в пяти книгах.

Хотя иногда может показаться, будто я совершенно безразличен к чужому мнению и тверд в своих решениях, мне, как и любому автору, всегда любопытно узнать реакцию читателя... особенно при введении крупной перемены формы. На случай, если вам об этом неизвестно, вы всегда можете написать мне (или любому другому автору при условии, что он жив) на адрес издательства. Если вам хотелось бы иметь более широкий форум для выражения своих чувств, то всегда есть клуб поклонников Мифоприключений (Myth-Adventures Fan Club, P. O. Box 95, Sutter, CA 95982 (явная шпаргалка!)) с его ежеквартальным бюллетенем. Будьте любезны вложить в письмо маркированный конверт с обратным адресом.

В заключение я хотел бы искренне поблагодарить всех читателей “Мифа” за их долголетнюю верность и интерес. Все ваши письма читаются (даже если мне не представляется возможным ответить на них) и глубоко ценятся. Несмотря на предупреждения со стороны моего (бывшего) литагента и отсутствия заказов со стороны других издательств, появление книг “Мифа” в списках бестселлеров среди фэнтэзи увеличили мой вес в данной области до такой степени, что мне теперь предлагают шестикнижные контракты, позволяющие экспериментировать с новыми идеями. А в соединении с возросшей популярностью книг Пирса Энтони из серии “Ксанф” читательский интерес вынудил издателей пересмотреть свое отношение к юмористическим фэнтэзи. Открылась дверь для новой волны талантливых писателей, творчество которых получило отражение в книгах, появившихся на полках магазинов. И я еще раз благодарю вас от лица этих до недавнего времени непризнанных юмористов так же, как от себя лично и всей компании из “Мифа”.

*Роберт Линн Асприн
Энн Арбор, 1986 г.*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Мелкая преступность — бич сегодняшнего бизнеса.

Д. Лорин

Наша новая контора действительно нравилась мне больше, чем прежняя. Хотя Ааз упорно настаивал на сохранении “Равных Шансов” в качестве бара (читай, “приносящего деньги предприятия”), многие из нас дружно выступили против него и возразили, что раз у нас есть лишнее здание, то лучше переделать его в контору, чем продолжать наживаться на своем доме. Кому, в самом деле нужны толпы посторонних, слоняющихся туда-сюда, мешая твоей личной жизни? Такая практика уже раз ввергла нас в неприятности, и именно воспоминания об этой эскападе и убедили наконец моего старого наставника согласиться с нашим планом.

Конечно, перестройка оказалась куда заковыристей, чем я ожидал, даже после того, как я подрядил на плотницкие работы один из местных религиозных храмов. Даже работая задешево, они оказались дороже, чем я предполагал, а в какое время они предпочитали при этом работать... Но я отвлекся.

У меня теперь был большой кабинет с письменным столом, корзиной для бумаг, графиком работающих в день, креслами для посетителей и площадью в целых девять ярдов. Он мне очень нравился. А не нравилось мне доставшееся вместе с ним звание... а именно, звание Президента.

Совершенно верно. Все утверждали, что раз корпорация нашей веселой шайки — моя идея, то логично было выбрать меня официальным главой корпорации. Даже Ааз предал меня, провозгласив это отличной мыслью, хотя наверняка, говоря это, он скрывал ухмылку.

Если бы я знал, что мое предложение приведет к этому, то уж поверьте, держал бы язык за зубами.

Не поймите меня неправильно, команда у нас великошпная! Если бы мне предстояло возглавить какую-то группу, то я не мог бы мечтать о более приятной, более верной кампании, чем имевшаяся в моем распоряжении сейчас. Конечно, могут найтись и желающие оспорить этот последний пункт. Троллина, тролль, два гангстера, шмара и извращенец... Извините, изверг... Тяжесловесная вамп и малолетний дракон могут показаться для средней личности не совсем идеальной командой. Мне они не показались идеальными, когда я впервые встретился с ними. И все же, за минувшие годы они неизменно поддерживали меня, и мы добились вместе впечатляющих успехов. Нет, я предпочитаю держаться знакомой, пусть даже странной гоп-компании, чем доверить свою судьбу каким-то другим лицам, какими бы они ни казались мастерами своего дела.

Раздражает меня не команда... звание. Видите ли, сколько я себя помню, я всегда думал, что быть лидером, это все равно, что ходить с нарисованным на спине большим кругом мишени. Работа эта в основном требует отвечать за уйму людей, а не только за себя. Если что-то выходит не так, виноват, в конечном итоге, ты. Даже если напортачил кто-то другой, все равно ты, как лидер, в ответе. А в случае, если все выходит как надо, ты лишь чувствуешь себя виноватым от того, что тебе ставят в заслугу сделанное кем-то другим. В общем и целом пост этот кажется мне невыигрышным и неблагоприятным, и я охотно предпочел бы передоверить его кому-нибудь другому, пока сам развлекаюсь на оперативной работе. К несчастью, все прочие тоже, кажется, придерживаются в основном того же мнения, а я, как самый неопытный член команды, придумывал причины уклониться от этой чести с меньшим мастерством, чем другие. Вследствие этого, я стал Президентом корпорации "М.И.Ф." (то есть Молодые Искоренители Фатальностей. Не вините меня. Название придумал не я). Ассоциации магов и аварийных монтеров, посвятивших себя одновременно двум целям: помощи другим и добычанию денег. Стартовой площадкой нам служил Базарна-Деве, хорошо известное место встреч для заключения магических сделок, расположенное на перекрестке разных измерений. Как нетрудно себе представить, работы в подобной среде всегда хватает.

Я едва приступил к утренней работе, как раздался легкий стук в дверь и Банни сунула голову в кабинет.

— Заняты, Босс?

— Ну...

Она исчезла прежде, чем я сумел до конца сформулировать туманный ответ. Ничего необычного. Банни служила мне секретаршей и всегда знала больше моего о том, какие дела я рассматриваю. Вопросы о занятости обычно задавались ею из вежливости или для проверки, не занят ли я чем-то недостойным, прежде чем запустить в кабинет клиента.

— Великий Скив сейчас примет вас, — пригласила она величественным жестом своего подопечного. — На будущее я предложила бы вам договариваться о встрече заранее, тогда вам не придется ждать.

Приглашенный Банни девол казался чуточку скользким типом, даже для девола. Его ярко-красную кожу покрывали нездорового вида розовые кляксы, а лицо искажала постоянная плотоядная гримаса, и когда Банни покинула помещение, он направил свой плотоядный взгляд ей вслед.

Ну, нельзя отрицать, что Банни — одна из наиболее привлекательных женщин, когда-либо встречавшихся мне, но в уделяемом ей этим фраером внимании было что-то нездоровое. Я с усилием попытался утихомирить свою нарастающую неприязнь к этому деволу. Клиент есть клиент, и мы брались помогать попавшим в беду, а не выносить о них моральные суждения.

— Чем могу помочь? — осведомился я, стараясь сохранять вежливость.

Это вернуло внимание девола ко мне, и он протянул мне руку через стол.

— Так вы и есть Великий Скив, да? Рад с вами познакомиться. Слышал немало хорошего о вашей работе. Слушайте, у вас действительно здорово все устроено. Особенно мне понравилась та штучка, что работает у вас секретаршей. Может, даже попытаюсь смазать ее у вас. У этой девушки явно выдающийся талант.

Глядя на его плотоядное лицо и подмигивание, я как-то не мог заставить себя пожать протянутую руку.

— Банни моя помощница по административной части, — осторожно сказал я. — Она также служит маклером нашей фирмы. И своего положения она добилась благодаря умению, а не внешности.

— Это точно, — снова подмигнул девол. — Хотел бы я как-нибудь отведать образчик этого умения.

Это послужило последней каплей.

— Почему бы не попробовать сейчас? — улыбнулся я, а затем слегка повысил голос. — Банни! Ты не могла бы зайти сюда на минутку?

Она появилась почти сразу же и, не обращая внимания на плотоядный взгляд девола, двинулась к столу.

— Да, Босс?

— Банни, ты забыла дать мне краткую справку об этом клиенте. Кто он?

Она выгнула бровь и покосилась на девола. Мы редко устраиваем такие брифинги перед клиентами. Наши взгляды снова встретились, и я легким кивком подтвердил свою просьбу.

— Его зовут Гиббель, — пожала плечами она. — Он известен как приказчик в лавочке, здесь, на Базаре, торгующий мелкими магическими новинками. Его ежегодная доля с этой операции выражается невысокой шестизначной цифрой.

— Эге! Весьма неплохо, — усмехнулся девол.

Банни продолжала, словно не слыша.

— Он также является тайным владельцем трех других предприятий и частичным владельцем еще дюжины. Наиболее известна магическая фабрика, снабжающая товарами лавки в этом и других измерениях. Она расположена в субизмерении, куда можно попасть через кабинет в его лавке, и на ней занято несколько сот рабочих. Приблизительный ежегодный доход с одной только этой фабрики выражается средней семизначной цифрой.

Девол быстро перестал плотоядно пялиться на нее.

— Откуда вы все это знаете? — потребовал он ответа. — Ведь считается, что это тайна!

— Он также мнит себя большим сердцеедом, но в поддержку этих претензий нет почти никаких свидетельств. Спутницы, с которыми его видели в общественных местах, сопровождали его за плату, и ни одна не протянула больше недели. Кажется, они считают деньги недостаточной платой за необходимость выносить его отталкивающую личность. В еде он питает слабость к брокколи*.

Я нейтрально улыбнулся спущенному с небес на землю деволу.

* Капуста Спаржеволь (итал.).

— ... Вот благодаря этому таланту, сударь, Банни и заслужила свое место. Ну, как вам понравился этот образчик?

— Она неправа насчет брокколи, — слабо отозвался Гиббель. — Я терпеть не могу брокколи.

Я посмотрел на Банни, подняв бровь, и та подмигнула в ответ.

— Возьмем на заметку, — сказала она. — Есть еще что-нибудь, Босс?

— Не уходи, Банни. Мне, вероятно, понадобится твоя помощь с указанием г-ну Гиббелю цены за наши услуги. Если он все-таки соберется сообщить нам, в чем его беда.

Это вывело девола из шокового транса.

— Я скажу вам, в чем беда! Барышня Банни была совершенно права, когда сказала, что магическая фабрика — лучшее мое владение. Беда в том, что кто-то нагло обворовывает меня! Я теряю целое состояние из-за мелких краж!

— Какой процент пропаж? — мигом стала внимательной Банни.

— Поднимается к четырнадцати процентам... с шести в прошлом году.

— Вы говорите о розничной цене или о себестоимости?

— Себестоимости.

— А каковы ваши действительные общие потери?

— Меньше восьми процентов. Они точно знают, какие товары таскать... маленькие, но дорогие.

Я откинулся на спинку кресла и постарался принять умный вид. На двух этапах разговора я совершенно потерял нить их беседы, но Банни, кажется, знала, что делала, и поэтому я предоставил инициативу ей.

— Всех, кого я отправлял расследовать, клеймили шпионами компании, не давая им даже присесть, — говорил Гиббель. — Так вот, до меня дошли слухи, что у вашей команды есть кое-какие связи с организованной преступностью, и я счел...

Он дал своему голосу сорваться, а затем пожал плечами, словно стеснялся довести эту мысль до конца.

Банни посмотрела на меня, и я без труда догадался, что она пытается спрятать улыбку. Она была племянницей дона Брюса, сказочного крестного Синдиката, и всегда забавлялась, сталкиваясь с почти суеверным страхом, испытываемым посторонними к организации ее дяди.

— Думается, мы можем вам помочь, — осторожно сказал я. — Конечно, это будет стоить денег.

— Сколько? — парировал девол, приступая к тому, что известно по всем измерениям как специальность деволов... к торговле.

В ответ Банни что-то быстро нацарапала в своем блокноте, а затем вырвала листок и вручила Гиббелю.

Девол взглянул на него и побледнел до светло-розового.

— Что!! Это же грабеж среди бела дня!

— Если учесть, чего стоят вам потери, то нет, — любезно ответила Банни. — Вот что я вам скажу. Если вы хотите, то мы возьмем небольшую долю с вашей фабрики... скажем, полпроцента от стоимости сокращения краж с той минуты, как мы возьмемся за дело?

Гиббель за несколько секунд перешел от розового к вулканически красному.

— Ладно! Согласен... на первоначальное предложение!

Я слегка кивнул.

— Прекрасно. Я немедленно поручу дело паре агентов.

— Минутку! Выходит, я плачу такую цену и даже не получаю услуг главного специалиста? Вы что же это пытаетесь тут провернуть? Я хочу...

— Великий Скив стоит за всеми контрактами корпорации М. И. Ф., — перебила Банни. — Если вы желаете заключить контракт на его личные услуги, то цена будет существенно выше... скажем, к примеру, контрольный пакет.

— Ладно! Ладно! Сообщение принято! — поспешно отступил девол. — Присылайте своих агентов. Просто надо им быть лучшими, вот и все. При таких расценках я ожидаю соответствующих результатов!

И с этими словами он вышел из кабинета, хлопнув дверью и оставив меня наедине с Банни.

— А сколько ты ему поставила в счет?

— Всего лишь обычный наш гонорар.

— В самом деле?

— Ну... я добавила немного сверху, так как он мне не понравился. Есть возражения?

— Нет. Просто любопытно, вот и все.

— Слушайте, Босс. Вы не против подключить к этому заданию меня? Времени оно много занять не должно, а этот субъект вызвал у меня любопытство.

— Идет... но не главным оперативником. Я хочу иметь возможность всегда вытянуть тебя обратно сюда, если дела в конторе вконец запутаются. Парадом пусть командует твой напарник.

— Никаких проблем. Кто будет работать со мной на пару?

Я откинулся на спинку кресла и улыбнулся.

— Неужели не догадываешься? Клиент хочет организованную преступность, он получит организованную преступность!

РАССКАЗ ГВИДО

— Гвидо, ты уверен, что правильно понял инструкции?

Это Банни говорит. Босс по какой-то причине счел мудрым порадовать меня на этом задании ее обществом. Ну, я не прочь, так как Банни более чем приятна на вид и молодчина с головы до пят, то есть, попросту говоря, поумнее меня, чего я не могу сказать о многих людях, хоть парнях, хоть куколках.

С тревогой я смотрю на это партнерство только по одной причине. Как ни замечательна Банни, всякий раз, когда предстоит дело, у нее появляется заметная склонность к занудству. Это все от того, что у нее затруднения с одной задачкой, сводящейся к тому, что она положила глаз на Босса. Ну, мы все об этом знаем, так как это стало ясно, как день, с их первой встречи. Даже Босс все понял, и это о чем-то говорит, так как хотя я восхищаюсь Боссом, как организатором, он малость туго соображает, когда дело доходит до юбок. Чтобы показать вам, о чем речь, напомним: когда он сообразил, что у Банни и впрямь возникли какие-то виды на него, он чуть в обморок не упал на нервной почве. И это парень, который при мне сталкивался, не моргнув глазом, с вампирами и оборотнями, не говоря уж о самом доне Брюсе! Как я сказал, куколки — не сильная его сторона.

Так или иначе, я говорил о Банни и ее проблемах. Она сумела, наконец, убедить Босса, что на самом деле не пытается подклеиться к нему, а интересуется только успешной деловой карьерой. Ну, это была наглая ложь, и мы все это знаем... хотя Босса ей, кажется, и удалось одурачить. Даже этот зеленый бродяга Ааз догадался,

что затеяла Банни. (Это немного удивило меня, так как я всегда считал его главным инициатором поднимать большой шум.) Банни всего-навсего переключилась с одного подхода на другой. Главная ее цель осталась неизменной.

А худо в этом то, что вместо прельщения Босса своим телом, которое у нее, как я сказал, выдающееся, она теперь пытается вызвать его восхищение тем, какая она ловкая сотрудница. Этого не слишком трудно добиться, так как Банни работает классно, но подобно всем куколкам, она считает, что у нее ограниченное время для достижения своей цели, пока не подкачала внешность, и поэтому она слишком уж старается, чтобы Босс ее заметил.

Это несчастное обстоятельство может сделать ее настоящей головной болью в районе пониже спины для тех, кто с ней работает. Она так боится, что кто-то другой испортит её планы, что может заставить лезть на стенку такого умелого работника, как я, своей нервной болтовней о двойной проверке. И все же она отличная куколка, и все мы в лепешку расшибемся ради нее, и поэтому терпим все это.

— Да, Банни, — говорю я.

— Что “да, Банни”?

— Да, Банни, я уверен, что правильно понял инструкции.

— Тогда повтори их мне.

— Зачем?

— Гвидо!

Когда Банни заговаривает в таком тоне, остается разве что подыгрывать ей. Ведь часть моей задачи и состоит в поддержке напарника, когда мы на задании, но также и потому, что если Банни сочтет тебя насолившим ей, то у нее есть на этот случай грозный хук левой. Мой кузен Нунцио открыл это однажды до того, как его уведомили о ее родстве с доном Брюсом, а так как у него челюсть, словно наковальня, о которую я как-то поранил свой кулак без всяких заметных результатов для ее, то я не испытываю желания подтверждать на себе силу удара, которым она отправила его на помост. И поэтому я решил выполнить ее довольно оскорбительное требование.

— Босс хочет, чтобы мы выяснили, как именно товары этого конкретного предприятия разбредаются с его территории незамеченными, — говорю я. — Для этой цели я должен смешаться с рабочими, став одним

из них, и посмотреть, не смогу ли я определить, как они это проделывают.

— И... — говорит она, сверля меня взглядом.

— ... и ты тоже этим займешься, только среди конторских. В конце недели мы должны снова встретиться и, сравнив наблюдения, посмотреть, не напали ли мы на ложный след.

— И... — снова вступает она, выглядя чуть взволнованной.

Тут уж и я начал чуточку нервничать. Хотя она и ожидала от меня продолжения, я не мог больше перечислить никаких инструкций, иссякли.

— ... и... имм... — заикаюсь я, пытаюсь додуть, что же я проглядел.

— ... и не подымать никакой бучи! — заканчивает она, сурово глядя на меня. — Правильно?

— Да. Разумеется, Банни.

— Тогда скажи это!

— И не подымать никакой бучи.

* * *

Ну, меня малость задело, что Банни сочла необходимым так сильно привлечь мое внимание именно к этому пункту, так как, по-моему, подымать бучу не в моей натуре ни при каких обстоятельствах. И я и Нунцио вовсю стараемся избегать всяких ненужных споров насильственного характера и беремся положить конец таким осложнениям, только если нам их навязывают. Однако, я не стал привлекать внимания Банни к своим задетым чувствам, так как знаю, что она молодчина и не станет намеренно наносить подобные раны по самолюбию такой деликатной личности, как я. Просто она, как я уже говорил, беспокоится об успешном выполнении предстоящей работы, и если я покажу ей, как черство и бессердечно она поступает, Банни зря огорчится. Среди моих коллег многие проявляют схожие признаки нервозности, готовясь к большому делу. Однажды я работал вместе с парнем, имевшим склонность, дожидаясь начала работы, тыкать острым ножом в тела коллег-налетчиков. Вполне можно понять мотивы этих лиц и не обижаться на их личные слабости, когда дело пахнет жареным. Это один из секретов успеха, рано усваиваемый нами, исполнителями. Как бы там ни было,

я вынужден признаться, что почувствовал немалое облегчение, когда пришло время браться за дело, позволив на время избавиться от общества Банни.

Как работяга, я явился на работу намного раньше, чем требуется для управленцев, вроде Банни. Почему дело обстоит так, я не знаю, но это одна из тех несправедливостей, которыми полна жизнь... например, ваша очередь всегда бывает самая длинная при разбивке по алфавиту.

Готовясь к своим скрытым маневрам, я забросил свой обычный щегольский наряд и оделся более похоже на работяг, с которыми мне требовалось смешаться. Только эта часть задания и причиняла мне какие-то неудобства. Видите ли, чем больше работяга преуспевает, тем больше он походит по одежде на обитателя притонов или оборванца и поэтому выглядит либо готовым барахтаться в грязи, либо уже побарахтавшимся, что прямо противоречит всему усвоенному мной в деловом колледже.

Для тех из вас, кому это последнее интересное сообщение кажется удивительным, спешу указать, что я и в самом деле посещал высшие учебные заведения, так как это единственный способ приобрести имеющийся у меня диплом магистра. Если же вы, подобно некоторым другим, возможно, гадаете, почему человек с такими документами выбрал работу моего профиля, то причин у меня две: во-первых, я человек общительный и предпочитаю работать с людьми, а во-вторых, мою чувствительную натуру отталкивает безжалостность, необходимая для успешной деятельности в верхнем слое управленцев. У меня попросту нет способности портить людям жизнь сокращениями производства, закрытием заводов и тому подобным. Скорее, я нахожу куда более приятным сломать иной раз ногу-другую или, быть может, немного перекроить физиономию, чем уживаться с более долгосрочным вредом, нанесенным верхними управленцами ради блага своих компаний. И поэтому, так как я оказался и впрямь в удобном положении, дающем возможность выбирать путь своей карьеры, я традиционно предпочел быть скорее исполнителем, чем отдавателем приказов. Это более чистый способ зарабатывать на жизнь.

Так или иначе, я явился на работу засветло и походил по заводу, узнавая, что и где, прежде чем приступить к исполнению своих служебных обязанностей. Должен сказать, что это предприятие произвело на меня редкостное впечатление. Раньше со мной никогда

такого не бывало. Оно похоже на отлично сделанную волшебную потогонную мастерскую Деда с Северного Полюса.

Учась в начальной школе, я, бывало, запоем читал комиксы. Особенно меня захватывала помещаемая в них реклама рентгеновских очков, чихающих подушек и тому подобного, чего я, к несчастью, не мог себе позволить, так как был обыкновенным учащимся и имел меньше денег, чем ваш средний восьмилетний мальчишка. Однако, проходя по заводу, я вдруг сообразил, что, вопреки моим опасениям, возможность ублажать именно этим слабостям, в общем-то, не миновала меня.

Заводик оказался громадным, под чем я подразумеваю действительно большой и набитый от стенки до стенки, от пола до потолка лентами конвейеров, чанами и стеллажами с материалами и ящиками, маркированными на языках, которых я не имею чести знать, а так же большим количеством работяг, шатавшихся повсюду, проверяя показания приборов, толкая тележки и занимаясь всякой другой деятельностью, какой положено заниматься, когда двери открыты и есть возможность управленцам, проходя по пути к кофеварке, и посмотреть, что они делают. Еще большее впечатление производили выпускаемые товары. Я с одного взгляда понял, что, как поклонник дешевых бросовых фокусов, я умер и очнулся в поросячем раю. По моим предположениям, пусть даже ничем не обоснованным, я здесь обнаружил не что иное, как крупного поставщика, упомянутых мной ранее реклам, а так же товаров большинства мелких торговцев Базара, сплавляющих их туристам.

Тут я сразу догадался, в чем проблема. Так как большинство производимых товаров маленькие и портативные, то кто может устоять перед искушением записать несколько образчиков к себе в карман? Такой товарец введет в искушение даже святого, а я серьезно сомневался, что большинство рабочих состоит из святых.

В то время я думал, что это сделает мою задачу куда более легкой, чем мы предвидели. По моим рассуждениям мне требовалось всего-навсего вычислить, как бы я сам слямзил несколько избранных предметов, а потом последить, кто делает тоже самое. Я допускал, что мне придется самому испытать предложенную мной систему, чтобы убедиться, действительно ли можно увести таким способом товар, и в то же время приобрести себе сувенир-другой, чтобы похвастаться ими перед Нунцио.

Сначала мне требовалось сосредоточиться на утверждении себя в качестве хорошего рабочего, чтоб никто не заподозрил, будто меня интересует что-то иное, кроме законного жалования.

На первых порах мне поручили работу, простую для человека с моим умением и сноровкой. Мне полагалось всего-навсего брызнуть щепотью эльфопыли на каждый сходящий с конвейера Летающий Магический Поднос. Главная трудность состояла в том, чтобы брызгать как можно меньше, так как эльфопыль дорога даже по оптовым расценкам, а клиенту нежелательно отдавать больше, оплаченного им.

Помня об этом, я приступил к работе... только для того, чтобы открыть, что задача эта на самом деле куда сложнее, чем я сначала думал. Видите ли, эльфопыль держат в большом мешке, а тот плавает в воздухе, потому что именно к этому стремится содержащаяся в нем эльфопыль. Первая сложность — это не дать мешку улечься, пока ты работаешь с ним, что на самом деле труднее, чем кажется по описанию, так как подъемной силы у эльфопыли вполне хватает на вознесение мешка и того, кто пытается удерживать его. Якорем мешку служит страховочный трос, но он держит мешок слишком высоко для работы с ним. Из-за всего этого рабочему приходится, нанося на подносы эльфопыль, одновременно бороться с мешком (задача, сравнимая по трудности с попыткой удержать под водой большой пляжный мяч, одновременно занимаясь вязанием) и полагаться только на страховочный трос для спуска мешка обратно на место, если он отчалит, что с ним бывает часто. Могут спросить, почему трос не сделали покороче, чтобы держать мешок на нужной высоте и, таким образом, упростить работу. Полагаю, так обстоит дело по той же причине, по какой матери работяг утопят своих детей при рождении, если почувствуют, что у них есть хоть малейший шанс вырасти инженерами-производственниками.

Другая, возникшая у меня трудность, удивила меня тем, что никто не счел нужным предупредить меня о ней. А состоит она в том, что, работая с эльфопылью, надо помнить — она летает и, следовательно, сыплется вверх, а не вниз.

Когда я в первый раз попытался брызнуть немного эльфопыли на Магический Летающий Поднос, то недоумевал, почему это поднос в результате не взлетает. И добавил еще малость указанной субстанции на тот случай, если я нанес ее маловато... А затем еще чуток, не

понимая, что пыль плывет вверх к потолку, а не вниз, к подносу. К счастью, я в тот момент склонился над подносом, пытаясь не дать мешку улететь, и пыль без моего ведома брызгала скорее на меня, чем на указанный поднос. Первые приемлемые доказательства того, что дела пошли наперекосяк, появились у меня, когда я заметил, что мои ноги больше не соприкасаются с полом и что я стал таким же летучим, как мешок, который пытался удерживать. К счастью, хватка у меня достаточно крепка, поэтому мне удалось удержаться за мешок и, в конце концов, спуститься по страховочному тросу, а не уплыть к потолку в свободном полете. Потом я сумел стряхнуть с одежды эльфопыль и сохранить свою наземную ориентацию, равно как и достоинство.

В этом мимолетном происшествии я не мог понять только одного — полного безразличия к нему других работяг. Они не только не пришли ко мне на помощь в минуту несчастья, но и воздержались от издавания грубых и шумных звуков при виде моего затруднительного положения. Это второе обстоятельство показалось мне особенно необычным, так как работяги — известные шутники, и вряд ли упустят случай повеселиться.

Причина всего этого стала кристально ясной, когда мы сделали, наконец, перерыв на обед.

Я как раз настраивался насладиться полуденной едой и рискнул попросить сидевшего рядом со мной работягу передать мне салфетку из стоящего перед ним стакана, куда я не мог дотянуться. Вместо любезного выполнения этой просьбы, как следовало бы ожидать от любого цивилизованного лица, этот шут вякает в том смысле, что шпиону компании он и руки не подаст, не говоря уж о салфетке. Ну, если я чего и не терплю, так это слушать, как меня обзывают шпииком, особенно когда я работаю именно им. Посему я счел нужным показать этому индивиду, как он ошибся в своих предположениях, а для этого малость согнул его на самый спокойный, дружеский лад. И как раз когда я думал, будто мы начинаем понимать друг друга, я заметил, что кто-то бьет меня стулом по спине. Это несколько не улучшает моего настроения, ибо я и так уже обижен, поэтому я прислоняю Вякалу одной рукой к ближайшей стенке, освободив таким образом другую, и перехватываю ею другого кретина, когда тот замахнулся для нового удара. Только я начинаю как следует расходиться, вдруг слышу тихий предупреждающий свист из толпы, которая, естественно, собралась посмотреть на нашу беседу, и

оглянувшись, вижу одного из бригадиров, топающего посмотреть, что тут за хай.

Бригадиры — самая низшая разновидность управленцев, так как они обычно состоят из переметнувшихся к ним работяг, и этот тип не оказался исключением из правила. Не сказав даже здарсьте, он начинает спрашивать, что тут происходит и кто начал заварушку. Как указано выше, я уже разошелся и серьезно подумывал, не расширить ли нашу группу собеседников, включив в нее и бригадир, но тут вспомнил, как нервничала Банны, и учел, как трудно мне будет объяснить ей ситуацию, если меня в первый же день уволят с работы за избиение управленца. Поэтому я выпускаю из своих рук партнеров по танцу и беру в них себя, а затем объясняю бригадире, что никто ничего не начинал, так как на самом-то деле ничего и не происходит... что мои коллеги случайно упали, а я помогал им подняться на ноги, вот и все.

Мои объяснения бывают очень убедительными, вам это может подтвердить любой суд присяжных, и бригадир решает принять их без дальнейших расспросов, проглядев тот факт, что я с таким энтузиазмом помогал Вякале подняться на ноги, что в последний момент они не соприкасались с полом. Наверно, он отнес это явление на счет эльфопыли, которая любит левитировать на заводе все, что не догадались привязать. По этой причине или какой иной он проглатывает сказанное и убирается восвояси, оставив меня разделить обед со своими двумя коллегами, так как их обед во время нашей игры почему-то затоптали.

Очевидно, моя демонстрация мужественной силы убедила всех, что я не шпион компании, так как столь непрофессионально напавшие на меня парни теперь рвутся поболтать со мной самым дружеским образом. Того, которого я именовал Вякалой, оказывается, кличут Рокси, а его махавшего стулом приятеля — Сион. Мы тут же поладили, так как они, похоже, настоящие парни, даже если не способны нанести правильный удар для спасения собственной шкуры, и у нас, как выяснилось, имеется много общих интересов... вроде телок и порой ставок на лошадок. Конечно, они сразу попали в первую часть моего списка подозреваемых, так как всякий мыслящий, подобно мне, будет, по всей вероятности, мало уважать частнособственнические права других людей.

Прежде чем мы возвратились на свои рабочие места, они сказали мне, что выполняемое мной нанесение эль-

фопыли — это черная работа, зарезервированная для новичков, недостаточно знакомых с обстановкой, чтобы спорить и требовать иного. Мне предложили перекинуться парой слов с бригадиром, так как на него явно произвело впечатление мое поведение, и выяснить, не смогу ли я получить какую-нибудь работу, более соответствующую моим очевидным талантам. Я был благодарен за этот совет и без дальнейших задержек поступил, как предложено.

Бригадир и впрямь прислушался к моим словам и послал меня до конца рабочего дня на новое место. Однако, по прибытии на место работы мне пришло в голову, что, наверно, я поступил бы умнее, держа свой длинный язык за решеткой зубов.

Моя новая работа по-настоящему дурно пахнет... я говорю вам это в самом буквальном смысле. Видите ли, мне нужно было всего-навсего стоять в конце конвейера и проверять сходящий с него конечный продукт. Ну так вот, "конечный продукт" тоже надо понимать в самом буквальном смысле слова. Более сообразительные, несомненно, уже догадались, о каком продукте я толкую, но для более тугодумных читателей и трезвых редакторов я поясню свои намеки.

Я проверяю ничто иное, как синтетические "Собачьи Безобразия", которые выпускаются трех видов: Смущающего, Отвратительного и Невероятного. Маркируются они, конечно, иначе. Это я предпочел называть их именно так после того, как постоял рядом всего несколько секунд. Ну, поскольку эта операция высокого класса, то надо ожидать, что наша продукция должна заметно отличаться от схожей, предлагаемой на рынке. К несчастью, как проверяющий качество, я вынужден был иметь дело с законченным продуктом до того, как он отправится в упаковку, но уже после добавления "Реалистического Натурального Аромата, Действительно Пристающего К Вашим Рукам".

К несчастью, я до конца смены был не в состоянии обнаружить ни бригадира, ни двух насовествовавших мне шутников. Конечно, я не мог позволить себе роскоши длительных поисков, так как конвейер продолжал двигаться, независимо от того, проверяет кто-то качество или нет, и начинает скапливаться куча продукции. Так как я не особенно ловко орудую лопатой, то считаю наиболее мудрым продолжить работу, отложив нашу беседу на более поздний и свободный срок.

Могу вас заверить, сама по себе работа беспокоит меня не так уж и сильно. Дома мы с Нунцио подбираем монету, определяя, кому выполнять одну из наших задач — уборку за драконом Босса, после чего Собачье Безобразие выглядит действительно преуменьшением, если вы понимаете, что я имею в виду. Если что и вызывала у меня работа на конвейере, так это небольшой удовлетворение, так как пока я на задании, эта честь достается исключительно Нунцио, и поэтому по сравнению с ним, мой конец палки выглядит весьма чистым. К тому же Рокси и Сион устроили мне розыгрыш — это признак того, что меня и впрямь они приняли в свою среду, что существенно облегчает мою задачу.

Единственное осложнение с заданием состоит в том, что, учитывая, с каким продуктом приходится мне работать, я считаю неразумным испытывать надежность охранников, уходя вечером с работы. Даже если бы я хотел вынести несколько образчиков, чего я не особенно желаю, поскольку, как уже отмечал, у нас есть подобное дома в вполне достаточном количестве и куда лучшего качества, “Реалистический Натуральный Аромат Действительно Пристающий К Вашим Рукам” не позволит пройти незамеченным даже мимо самых тупых охранников.

Как оказалось, эта анонимность была благословенной. Когда наконец подошло время уходить, я обнаружил, что вынести товар с этого завода будет не так легко, как я сперва полагал. Все выносимое работягами с завода отдавалось каждый раз субъектам с суровыми взглядами, определенно знавшими свое дело, и хотя нам не требовалось раздеваться для обыска, проходить приходилось по одному через серию турникетов, применявших какую-то разновидность лучей для обнаружения предметов и материалов, принадлежащих фирме. Я и так чуть не попал в беду из-за крошек эльфопыли, приставших ко мне еще с утренней работы, но Рокси заступился за меня и объяснил все мигом собравшимся охранникам, и те удовлетвоались изъятием эльфопыли, не усложняя этого вопроса.

Это сняло мои претензии к Рокси за шутку с “Собачьими Безобразиями”. И после того как я покидал несколько раз Сиона к стенке, чтобы показать, как я ценю его роль в этом розыгрыше, мы все вместе отправились на поиски каких-нибудь запретных развлечений.

Так вот, если это последнее, возможно, покажется вам чуточку мелковатым, то прежде, чем выносить свой

вердикт, вам надо рассмотреть положение в целом. Уже упоминалось, что фабрика, где мы вели следствие, располагалась в одном из тех незанесенных ни в какие каталоги измерений, на которых специализируются деволы. Так как единственный путь в это измерение идет с Базара через фасадное предприятие владельца, и так как он не в восторге при мысли о сотнях работяг, топающих через его кабинет после каждой смены, то один из пунктов контракта для работы на названной фабрике обязует заключивших его соглашаться на недельное пребывание в этом незарегистрированном измерении. Для этой цели владелец предоставил работягам комнаты. Но так как он особенный скряга, даже среди деволов, то каждую из комнат делят между собой работающие по сменам. То есть, твоя комната принадлежит тебе только одну смену, а остальное время ты либо работаешь, либо где-то болтаешься. Для того, чтобы мы не заскучали между работой и сном, владелец понастроил для нашего развлечения разные бары, рестораны, кино и видеосалоны. Все это стоит немалых денег, но их можно вычесть из нашего жалования. Если вам это кажется немного похожим на замкнутую экономику, то спешу напомнить, что никто и никогда не обвинял деволов в тупости, когда дело касается извлечения прибыли. Все это должно объяснить, почему мне поневоле пришлось идти кутить с Рокси и Сионом вместо того, чтобы отправиться к себе в комнату перечитывать классику, к чему я склонен.

Ну, если говорить откровенно, то это легкомысленное времяпрепровождение отнюдь не так плохо, как я представляю. Просто из-за моего тщательно сохраняемого образа мне нельзя признаться, какими скучными были на самом деле эти вечера, и поэтому я в некотором роде инстинктивно пытаюсь нарисовать их круче, чем следует. Ведь можно подумать, что нерабочее время в компании парней, работающих на фабрике магических шуток и новинок, будет веселее некуда. Знаете, звонить по телефону для ложного вызова легавых и то забавнее. Ну, они удивили меня, довольствуясь в смысле развлечений выпивкой, азартными играми и, возможно, парочкой драк... В общем, та же самая старая скукотень, какой предается любая компания добродушных ребят. По большей части они сидят и жалуются на фабричную работу и на то, как им недоплачивают... на что я не обращаю особого внимания, так как не родился еще ни один работяга, который не увлекался бы именно таким времяпрепровождением. Я быстро определяю, что во

всей рабочей среде нет никого, достаточно сведущего в изящных тонкостях безкапитального предпринимательства, то есть преступности, чтобы разговаривать со мной на моем уровне. В век специализации такое удивительно, но это означает, что мне не с кем поговорить.

Испытываю я, однако, от этого сплошную подавленность... и это чувство с течением времени все нарастает. Мой дух разъедает не работа и не общество работяг, а все уменьшающаяся возможность быстренько разделаться с этим заданием.

Кажется, чем больше я наблюдаю в своем агентурном расследовании, тем больше мне становится непонятно, как совершаются эти кражи. Чем лучше я узнаю своих собратьев-работяг, тем больше убеждаюсь, что среди них нет несунув, даже мелких. Это не значит, что они страдают избытком честности, так как они столь же скоры стянуть все, что плохо лежит, как и все, с кем я когда-либо работал, хоть в школе, хоть в бизнесе. Просто отдаю дань плотности охраны фабрики, через которую надо пробиться.

Как я говорил ранее, нынче век специализации, и ни один из встреченных мною работяг не достоин даже держать свечу в работе моего профиля. И понятно, что после недели усиленных поисков, когда я все еще не придумал никакого плана слямзить товары, имеющего на мой взгляд достаточно шансов на успех, чтобы стоило испробовать его, я не мог убедить себя, что систему фабричной охраны способен разгадать какой-то любитель, пусть даже талантливый.

Учитывая все это, я подходил к неприятному выводу, что у нас не только мало шансов найти быстрый ответ, но есть вероятность и вовсе не расколоть это дело. Такие мысли вызывают у меня большое беспокойство, приводящее к депрессии, так как я сориентирован на успех не меньше, чем все прочие.

К концу недели мое настроение окончательно падает, особенно когда мне вручают чек с недельным заработком. Я не рассчитывал на те деньги, какие я зарабатываю в качестве работяги, так как Босс мне уже хорошо заплатил. Тем не менее я был удивлен, узнав, какую сумму принес мне мой недельный труд. По правде говоря, я снова поддался искушению преуменьшить. Я не был удивлен, я был потрясен... а это дело худое, спросите любого из Синдиката, потому, что в таком состо-

янии склонен выражать свое нервное расстройство физически.

Тот факт, что я не нуждался в указанных деньгах, означает, что я был лишь немного потрясен, поэтому потребовались всего трое моих товарищей-работяг, чтобы оттащить меня от кассира, сообщившего мне эту плохую новость. Конечно, в то время в меня попали парой дротиков с транквилизаторами, которые, как мне говорили, обычно применяются компаниями на Базаре для разрядки кадровых отношений. Если ваша компания не следует еще этой политике, я от души рекомендую, так как она, безусловно, снижает износ кассиров и, следовательно, сводит к минимуму расходы на обучение новых.

Так или иначе, как только я утих до такой степени, что всего лишь швырял мебель, и кассир успокоился, то есть получил достаточно первой помощи, чтобы заговорить, он объяснил мне реалии жизни. Из моих заработков вычли не только стоимость вышеупомянутых кутежей, но также и плату за комнату, которая, если учесть, что названная цифра представляет треть суммы за это место ночлега, ставит ее на несколько делений выше самого шикарного курорта, где я когда-либо предавался своим декадентским удовольствиям. Представили также и подробный счет на каждую мелочь, отправленную мною за неделю в отходы, вплоть до последней крупинки эльфопыли. Я, конечно, полюбопытствовал было, как произвели такой подсчет, так как он указывает, что правила вычетов из оплаты труда на фабрике действуют эффективней, чем сдерживающие мои воровские порывы охранники. Но в то время я слишком возмущался вычетом по розничной цене, а не за потерю исходного сырья.

Выразить свое мнение о положении вещей мне не дает только объяснение Рокси. По его словам, меня не выделяли для каких-то особых придирок. Это общефабричная политика, от которой страдают все работяги. Он также сообщил, что стоимость первой помощи кассиру вычтут из моего жалования и что оставшихся у меня денег не хватит на заход по второму кругу.

Из-за всего этого я вдвойне впадаю в уныние, когда состыковываюсь с Банни для нашей еженедельной встречи и обмена сведениями, так как я оказываюсь не только неудачником, но и нищим неудачником, а это самая худшая их разновидность.

— Что случилось, Гвидо? — спросила она, когда мы встретились. — Ты выглядишь ужасно!

Как я говорил, у Банни отличная голова, но она все же телка и, значит, обладает безошибочным инстинктом на то, как поднять парню настроение, когда тот в беде.

— Я подавлен, — ответил я. — На этой фабрике ужасные условия труда, особенно если учесть получаемую нами плату...

В ответ на это Банни закатила глаза и простонала, выражая сочувствие.

— Ах, Гвидо! Ты говоришь то же в то же, словно... как ты их там называешь? Ах, да. То же в то же, как работяга.

— Это потому что я и есть работяга!

За этот ответ я зарабатываю сверлящий взгляд.

— Нет, ты не работяга, — говорит она очень даже жестко. — Ты сотрудник корпорации "М. И. Ф.", ведущий здесь следствие. А теперь прекрати свои негативные речи и давай поговорим о деле.

Мне приходит в голову, что у нее воистину необычные представления о том, как избежать негативного мышления.

— Как уютно, — говорю я, выдавая самое лучшее беззаботное пожатие плечами, которое я обычно приберегаю для выступлений при дворе. — С точки зрения дела я действительно зашел в тупик. После недельной работы я ничего не обнаружил и не имею даже самого туманного представления о том, где искать дальше.

— Хорошо! — произносит она, расплываясь в улыбке, способной растопить айсберг, которых на Базаре попадаетея очень мало для испытания моей гиперболы. Я, естественно, удивился.

— Наверное, мои маленькие, но чуткие уши обманывают меня, Банни. Я правильно понял, ты сказала, что это хорошо, что я ни к чему не пришел в своем расследовании?

— Совершенно верно. Видишь ли, я со своей стороны на кое-что наткнулась, и если ты вытянул на фабрике пустышку, то, может, сумеешь помочь мне подтвердить мои наблюдения! А теперь, вот что мне от тебя требуется.

Следуя предложению Банни, я начал следующую неделю, вынудив бригадира поручить мне работать с инвентаризацией на складе. Он сперва поартачился, так как не любил выслушивать от работяг указания, как ему работать, но после того, как я напомнил ему, насколько

малы предоставляемые владельцем пособия по госпитализации, он стал более разумным.

Для оказания помощи Банни мне надо производить двойную проверку поступающих на фабрику материалов и посылать ей внутрифабричной почтой лишнюю копию итогового подсчета за каждый день. Это меня порадовало, так как это работа не только легкая, но и предоставляющая мне свободное время для занятий собственной версией.

Понимаете, я все еще зол из-за того, что мне сократили жалование. И поэтому взял на себя проведение собственного неофициального исследования условий труда на фабрике, и поскольку я обладаю преимуществом обучения в деловой школе, чем большинство работающих себя не утруждало, то для меня становится очевидным, что положение в производстве дурно пахнет, хуже, чем "Собачье Безобразие".

Вот просто для примера: на завод принято нанимать существа всяких видов, многие из которых трудно описать, не впадая в натурализм. Вообще-то, в этом нет ничего удивительного, если учесть, что главный источник их вербовки — Базар, но это создает некоторые до скрежета зубовного сильные несправедливости в шкале расценок.

Прежде чем возникнет неправильное представление, позвольте мне на минутку разъяснить, с какой точки зрения я смотрю. Меня лично мало волнует, кто или что работает рядом со мной, лишь бы они могли выполнить свою долю работы. Заметьте, я даже не упомянул, что Рокси ярко-оранжевый, а Сион — розовато-лиловый, так как на мой взгляд, это не имеет никакого отношения к моему анализу их личностей и способностей. Признаться, мне немного не по себе находиться рядом с тем, у чего больше рук или ног, чем у меня, но это скорее профессиональная реакция, поскольку может случиться, что мы разойдемся во взглядах, а мой стиль боя предназначен для противника, способного нанести такое же число ударов руками и ногами, что и я, но несколько лишних кулаков могут произвести большой перевес в исходных данных. И здесь во мне говорит скорее профессиональная осторожность, чем какое-то суждение об их значимости, как личностей. Упомяну об этом просто на тот случай, если некоторые из моих замечаний о странных существах будут приняты за расистские обвинения, по которым меня никогда не осуждали. Не такой я человек.

Однако, как я говорил, на фабричном конвейере работают много странных существ. Но самое безобразное в том, что, хотя у некоторых из них есть лишние руки и они порой выполняют норму нескольких работяг, платят им так же, как и всем прочим. В то время, как некоторым может показаться несправедливой такая эксплуатация этих существ, я вижу в ней угрозу работягам с обычным числом рук и ног, так как компания явно экономит на расходах, если сможет нанять как можно больше первых, уволив при этом большее число последних.

Еще одна замеченная мною несправедливость относится к охранникам, которых я никак не смог обойти. Так вот, это служило для меня источником любопытства с той минуты, как я впервые прибыл на фабрику. Даже не умея быстро складывать громадные цифры, нетрудно вычислить, что если бы фабрика платила охранникам то, чего они заслуживают, то оплата их труда была бы куда выше, чем кажется экономически выгодным. На ответ я наткнулся, когда случайно подслушал, как двое сменившихся с дежурства охранников жаловались на свою работу. Им, оказывается, недоплачивали в такой же мере, как и работягам, несмотря на то, что они сохраняли добро, стоившее миллионы! Хотя положение это, несомненно, несправедливое, я не включаю его в свои заметки, так как счел не только обычным, но и привычным для заводов и обществ недоплачивать своим охранникам. Как ни бредово это звучит, но на самом деле именно так и должно обстоять дело. Если сторожа будут получать приличное жалование, то преступники вроде меня перейдут на работу охранниками, так как при этой должности лучшие часы работы и лучшие пенсии, чем при моей теперешней, а если не будет никакой преступности, то не будет и никакой надобности в охранниках, и мы все кончим безработными. Если посмотреть с такой точки зрения, то, вероятно, статус кво будет к лучшему.

Так или иначе, я продолжал держать глаза и уши открытыми, пока не почувствовал, что собрал достаточно несправедливостей для обоснования своих доводов, а потом подождал подходящей минуты для предъявления найденного. Для этого мне не понадобилось долго испытывать свое терпение, поскольку, как я отмечал, работяги любят пожаловаться на свою работу. Сегодняшний вечер не оказался исключением из правила.

— Как ты думаешь, Гвидо? — говорит Рокси. — Кому приходится хуже, парням, делающим “Капающие Туа-

леты", или парням, изготавливающим "Гикающие Подушки На Батарейках"?

Прежде чем дать ответ, я усиленно делаю вид, будто упорно соображаю.

— Я думаю, — осторожно начинаю я, — что если бы мозги были динамитом, то на всем заводе не найдется пороха даже на один патрон.

Ему требуется минута на понимание, к чему я клоню, но когда до него доходит, его глаза становятся действительно злыми.

— Что бы это значило?

— Это значит, что я уже почти две недели сижу здесь, выслушивая ваше нытье, и ничего в сущности не слышал о происходящем.

— Ладно, господин Собаچهбезобразер, если ты такой умный, то не скажешь ли нам, работающим здесь не один год, чего же ты такого узнал за две недели.

Я предпочел пропустить мимо ушей шпильку насчет Собаچهбезобразера, так как к нашему разговору теперь стали прислушиваться работяги с нескольких столов. Я рискую потерять их внимание, если потрачу время на удары по голове Рокси.

— Вы, ребята, проводите все время, споря о том, кому приходится хуже, и в то же время упускаете суть дела. А суть в том, что вам всем достается кукиш с маслом.

И с этими словами я принимаюсь перечислять дюжину более убедительных примеров, замеченной мной в ходе следствия по эксплуатации работяг. К концу моего выступления меня слушал уже весь бар, и среди присутствующих пробежал грозный ропот.

— Ладно, Гвидо. Твой довод поняли, — сказал Рокси, пытаясь сделать еще один глоток из кружки, прежде чем до него дошло, что та пуста. — Ну и что же нам делать? Политику компании определяем не мы.

Я показываю ему улыбку, заставляющую свидетелей терять память.

— Мы не определяем политику компании, но именно нам решать, будем работать или нет при таких условиях и за предлагаемую нам плату.

Услышав это, Рокси просветлел, словно только что выиграл в лотерею.

— Совершенно верно, — согласился он. — Они контролируют фабрику, но без нас, рабочих, не отгрузят никакого "Собачьего Безобразия".

Толпа к этому времени порядком распалилась, все начали пить и хлопать друг друга по плечам. И вот тут-то кто-то высказывает обескураживающее замечание.

— А что помешает им просто-напросто нанять новых рабочих, если мы устроим стачку?

Это говорит Сион. Как вы, возможно, заметили, он вякает куда меньше, чем Рокси, но когда он открывает рот, другие работяги склонны прислушиваться. Данный случай — не исключение, и в баре становится тише, когда работяги пытаются сфокусироваться на новой проблеме.

— Брось, Сион, — вступает Рокси, пытаясь отделаться смехом. — Какой идиот станет работать за такую плату и при таких условиях?

— Рокси, мы именно так и поступали не один год! По-моему, найти новых рабочих им будет нисколько не труднее, чем прежних.

Я решил, что настало время приложить руку к происходящему.

— Ты проглядел несколько моментов, Сион, — сказал я. — Во-первых, найм и обучение новых рабочих потребует времени, и в течение этого времени фабрика не будет выпускать на продажу “Собаčky Безобразия”, и значит, владелец будет терять деньги, чего он делать не любит.

На это Сион только пожал плечами.

— Верно, но он, вероятно, предпочтет краткосрочную потерю от закрытия фабрики долгосрочным расходам на выплату нам повышенного жалования.

— Что приводит нас к другому, не учтенному тобой моменту.

— К какому же?

— Новым рабочим придется выносить одно нестерпимое условие труда, которое не касается нас... а именно — наше присутствие! Нам не приходится, идя каждое утро на работу, проходить мимо кого-то, и хотя охранники — мастера сторожить фабрику, по моим сведениям, компания не сможет обеспечить всех новых рабочих телохранителями.

Это, кажется, послужило ответом на возражение. Тогда мы принимаемся разрабатывать детали, что со стороны может показаться легким делом, в действительности же, прежде, чем привести что-то в движение, нужно многое спланировать. Требовалось ввести в курс дела две другие смены, согласовать список требований,

не говоря уж о создании забастовочного фонда на тот случай, если другая сторона захочет попробовать одолеть нас голодом.

Многие парни хотели, чтобы я руководил этим делом, но я счел для себя невозможным принять эту честь и с чистой совестью предложил этот пост Рокси. В качестве аргумента я сослался на то, что работяг должен представлять кто-нибудь с более, чем двухнедельным опытом работы, но на самом деле я просто не знал точно, долго ли я еще проработаю до того, как Босс вернет меня к моим обычным обязанностям, и не хотел, чтобы движение застопорилось из-за внезапного исчезновения лидера. Я вызвался обучить, как обращаться с новичками, которых попытается нанять фабрика, так как большинство нынешних работяг, когда дело доходит до трудовых споров, не способны отличить спиленный кий от монтировки.

При работе на складе и помощи рабочему движению я был так занят, что чуть не пропустил еженедельную встречу с Банни. К счастью, я вспомнил, и это хорошо, так как Банни — куколка, а куколки не любят, когда про них забывают.

— Привет, малютка! — я подмигнул ей с самым лихим видом. — Как идут дела?

— Ну, ты, без сомнения, в бодром настроении, — усмехнулась она в ответ.

— Я думала, у меня есть для тебя хорошие новости, но полагаю, ты уже слышал.

— Слышал? Что слышал?

— Задание закончено. Я расколола дело.

Это известие вызвало у меня чувство вины и стыда, так как я уже много дней не думал о задании, но я постараюсь скрыть это, проявив большой энтузиазм.

— Кроме шуток? Ты выяснила, как тырят товар?

— На самом-то деле, речь, оказывается, шла о хищениях, а не о мелких кражах. Один из деволов в бухгалтерии химичил с накладными на получение сырья и платил за большее, чем приходило на разгрузку.

— Банни, — сказал я, — постарайся вспомнить, что диплом у меня не по бухгалтерской науке. Ты не могла бы попробовать просветить меня на языке младенцев, чтобы я понял характер этой махинации?

— Ладно. Когда мы покупаем сырье, каждый груз подсчитывается, и итог отправляется в бухгалтерию. Вот этот-то итог и определяет, сколько мы платим поставщику и указывает нам, сколько сырья должно быть на

складе. Так вот, наш расхититель договорился с поставщиками присылать нам счет за большее количество сырья, чем мы получаем на самом деле. Он подделывает приемные накладные для оприходования излишков, платит поставщикам за неотгруженное нам сырье, а потом делит с ними лишние деньги. Беда в том, что поскольку те же самые цифры фигурируют на складах, то по документам получается, что там находится больше товаров, чем есть на самом деле. Поэтому, когда фабрика почувствовала недостачу, владелец счел сотрудников несунами. Недостающие товары не крали, их вообще никогда не было на фабрике.

Я оценивающе присвистнул.

— Вот здорово, Банни! Босс будет по-настоящему гордиться тобой, когда услышит.

Это заставило ее немного покраснеть.

— Я сделала все это не одна. Если бы ты не снабжал меня дубликатами документов, я бы ничего не сумела доказать.

— Пустяки, — расщедрился я. — Я лично прослежу, чтобы Босс узнал, какая жемчужина работает у него, и ты приобретешь вполне заслуженное уважение в его глазах.

— Спасибо, Гвидо, — сказала она, кладя ладонь мне на руку. — Я пытаюсь произвести на него впечатление, но иногда мне думается...

Она оборвала фразу и отвела взгляд. Мне показалось, что в глазах у нее вот-вот откроются слезы. Стремясь предотвратить это происшествие, которое, несомненно, смутит нас обоих, я намеренно повернул разговор к первоначальной теме.

— Так что же они теперь собираются делать с этим, когда ты поймала его?

— Ничего.

— Что ты сказала?

— Нет, это не совсем верно. Он получит повышение.

— Иди ты!

Она снова повернулась ко мне, и я увидел у нее на губах бесовскую усмешку, что было желанной переменой.

— В самом деле. Оказывается, он шурин владельца. Хитрость, потребовавшаяся для подобной аферы, произвела такое впечатление на хозяина, что он дал этому гаденышу более высокий пост в организации. Полагаю, он хочет, чтобы тот крал для фирмы, а не у нее.

Мне потребовалось несколько секунд на понимание, и мой обычно подвижный рот застрял в открытом положении.

— Так с чем же тогда остаемся мы? — сумел наконец выдать я.

— С успешным расследованием за поясом наряду с жирной премией за такое быстрое раскрытие дела. Хотя у меня есть догадка, что часть этой премии предназначена для затыкания нам ртов, чтобы мы не болтали повсюду о том, как Гиббеля обжулил собственный шурин.

Теперь я и впрямь порадовался, что мы разобрались с порученными нам кражами, не впутывая никого из работяг, с которыми я подружился. Но в то же время я подумал, что с выполнением задания я не смогу уже быть тут и помочь им, когда рванет Собачье Безобразие.

— Ну, тогда, полагаю, с этим все. Нам лучше явиться к Боссу и посмотреть, не случилось ли чего, пока нас не было.

— Что-то стряслось, Гвидо? Ты, кажется, немного опечален.

— А-а-а! Ерунда, Банни. Просто думаю, что буду скучать по некоторым парням с фабрики, вот и все.

— А может и нет, — очень таинственно произнесла она.

Теперь моя очередь сверлить ее взглядом.

— Ну-ка, Банни, если у тебя есть в рукаве что-то, кроме корпии, то я предложил бы тебе поделиться со мной. Ты же знаешь, я не подарок, когда доходит до сюрпризов.

— Ну, я собиралась подождать, пока мы вернемся домой, но думаю, будет не вредно устроить тебе предварительный допрос.

Она оглянулась по сторонам, словно нас мог кто-то подслушать, а затем наклонилась, чтобы я расслышал ее шепот.

— В фабричной конторе я уловила слух, что на магической фабрике, кажется, образуется профсоюз. Я хочу предложить Скиву немного поразведать... застолбить, понимаешь ли, участок. Представляешь, сколько мы можем содрать за разгон профсоюза?

У меня возникает внезапный интерес к потолку.

— Э, Банни? — выдавил я. — Понимаю, что ты хочешь показать Боссу, как здорово ты находишь для нас работу, но я думаю, в долгосрочном плане в инте-

ресах корпорации "М. И. Ф." было бы лучше упустить именно эту операцию.

— Но почему? Если образуется профсоюз, то владелец может потерять в десять раз больше, чем на хищениях. Мы можем заключить здесь действительно убойную сделку. Он уже знаком с нашей работой.

В ответ я откинулся на спинку стула и медленно улыбнулся ей.

— Когда дело доходит до убойного, Банни, я советовал бы тебе не учить ученого, в данном случае меня, как красть овец. Более того, бывают случаи, когда самое мудрое не давать клиенту слишком много знать о твоей работе... и поверь мне, Банни, это как раз такой случай!

ГЛАВА ВТОРАЯ

*Все зависит от вашего определения
"веселого времяпрепровождения"!
Л. Борджиа*

— ... пришлый агитатор и профсоюзный организатор! И подумать только, я платил ему за перерезание своего же горла!!

Я как-то сумел сохранить невозмутимое выражение лица, а это потруднее, чем кажется.

— На самом деле, господин Гиббель, я платил ему за помощь в раскрытии источника утечек с вашего склада, что он и сделал, а вы платили ему за работу на фабрике, что он тоже выполнил, и я не совсем понимаю, на что вы, собственно, жалуетесь.

С мгновение мне думалось, что девол кинется через стол вцепиться мне в горло.

— Я жалуюсь на то, что ваш так называемый агент организовал на моей фабрике профсоюз, стоящий мне кучу денег!

— Нет никаких доказательств его участия в...

— А почему же тогда его имя всплывает каждый раз...

— ... а даже если и есть, то я не уверен, какое мне до этого дело. Я занимаюсь бизнесом, господин Гиббель, с сотрудниками, а не с рабами. Чем они занимаются в свободное время — это их дело, а не мое.

— Но он действовал как ваш агент!!

— ... расследуя проблему с кражами, которая, как мне говорили, благополучно разрешена.

Пока мы говорили, Корреш сунул голову в кабинет, увидел, что происходит и вошел целиком, надевая на

себя личину большого злого тролля, каковым он, собственно, и был. Если вам это интересно, я работал в то время без секретарши, так как выяснив, что в действительности произошло у Банни и Гвидо на последнем задании, я счел мудрым посоветовать им залечь на грунт. В качестве добавочной предосторожности я настаивал, чтобы они прятались порознь, так как боялся, что Банни убьет Гвидо, если они окажутся одни на расстоянии вытянутой руки друг от друга. По какой-то причине моя секретарша, кажется, восприняла профсоюзную деятельность Гвидо слишком близко к сердцу.

— ... а теперь извините, господин Гиббель, я в данную минуту сильно занят. Если вы желаете и дальше разбираться с этим вопросом, то предлагаю вам обратиться вот к этому Большому Грызю. Он обычно занимается жалобами на нашу фирму.

Девол начал было что-то гневно говорить, но оглянувшись, а затем так и подскочил, проглотив все, что собирался сказать, когда поднял взгляд повыше... и еще выше! Как я могу засвидетельствовать по опыту из первых рук, тролли могут выглядеть очень крупными, если смотреть вблизи.

— Маленький девол хочет драться с Большой Грыз? Грыз* любит драться!

Гиббель слегка порозовел и снова повернулся ко мне.

— Послушайте, Ск..., господин Скив. Ведь все это в прошлом, верно? Что вы скажете насчет разговора о том, чем ваша организация может помочь мне в деле с этим профсоюзом.

Я откинулся на спинку кресла и положил руки на затылок.

— Нас это не интересует, господин Гиббель. Трудовые конфликты — не наш профиль. Однако, если хотите небольшой бесплатный совет, то я порекомендовал бы вам договориться. Длительные забастовки могут оказаться очень дорогостоящими.

Девол оскалил было зубы, но затем снова взглянул на Корреша и искривил губы в улыбке. Он не сказал больше ни слова, пока не добрался до двери, и даже там заговорил со старательной почтительностью.

— Э-э... если такая просьба не слишком обременительна, не могли бы вы прислать этого Гвидо просто

* Псевдоним Корреша и его лексика взяты из романов Пирса Энтони серии "Ксанф".

сказать рабочим привет? Ведь когда он взял да исчез, некоторые болтают, будто я устранил его. Это может немного облегчить мне ведение переговоров.

— Я спрошу его... когда увижу в следующий раз.

Девол благодарно кивнул и ушел.

— Несколько затруднительное положение, а, Скив?
— спросил Корреш, снова становясь самим собой.

— Еще один довольный клиент корпорации "М. И. Ф.", зашедший выразить свою благодарность, — вздохнул я. — Напомни мне не отправлять впредь Гвидо на задания без совершенно точных инструкций. Хмммм?

— А как насчет мордобоя и порки?

Я покачал головой и снова выпрямился в кресле, взглянув на кучу бумаг, которые, кажется, размножаются на моем столе всякий раз, когда отсутствует Бани.

— Хватит об этом. Что я могу для тебя сделать, Корреш?

— Хмм? О, в общем-то ничего. Я просто искал сестричку, узнать, не хочет ли она пообедать вместе со мной. Она где-то тут?

— Тананда? Да вообще-то я отправил ее на задание. Извини.

— Неважно. Что за работу ты поручил старушке?

— Да ничего особенного, — сказал я, роясь в бумагах в поисках письма, которое читал, когда ворвался Гиббель. — Всего лишь небольшое взыскание долга в нескольких измерениях отсюда.

— Ты с ума спятил?!

Корреш вдруг накренился над моим столом, два его лунных глаза разных размеров оказались всего в нескольких дюймах от моих. Мне пришло в голову, что я никогда не видел этого тролля по-настоящему рассерженным. А узрев такое, искренне понадеялся, что никогда больше не увижу вновь. Конечно, при условии, если переживу первый раз.

— Тпру! Корреш! Успокойся! Что стряслось?

— Ты отправил ее взыскивать долг одну?

— Она должна отлично справиться, — поспешно сказал я. — Это задание казалось весьма спокойным. Именно потому-то я и отправил ее, а не одного из наших тяжеловесов... Я думал, это дело требует тонкости, а не мускулов. Кроме того, Тананда вполне может позаботиться о себе.

Троль застонал, и голова его упала вперед, пока не стукнулась о стол. Несколько секунд он оставался в такой позе, глубоко дыша, прежде чем заговорил.

— Скив... Скив... Скив. Я все время забываю, как недавно ты знаком с нашей семейкой.

Это начинало беспокоить меня.

— Брось, Корреш, что стряслось? С Танандой ведь все будет отлично, не так ли?

Троль поднял голову посмотреть на меня.

— Скив, неужели ты не понимаешь... около тебя мы все расслабляемся, но ты не видишь нас, когда тебя нет поблизости.

Восхитительно.

— Слушай, Корреш. Логике твоей, как всегда, можно позавидовать, но ты не мог бы просто сказать, в чем дело? Если по-твоему Тананда в опасности...

— Я беспокоюсь не о ней!

Корреш с заметным усилием взял себя в руки.

— Скив... дай я попробую объяснить. Сестричка чудесная особа, я искренне люблю ее и восхищаюсь ею, но у нее есть склонность... слишком остро реагировать при напряжении. Мамуля всегда говорила, что это ее реакция соперничества на старшего брата, способного разносить все на части, даже не стараясь. Но некоторые, работавшие вместе с ней, склонны называть это стрункой злобности. В общем, в двух словах, у нее тяга к бессмысленному уничтожению еще больше, чем у меня... или у любого иного, с кем я когда-либо встречался. Так вот, если это предложенное ей задание требует тонкости...

Он оборвал фразу и покачал головой.

— Нет, — заключил он с решимостью в голосе. — Другого способа управиться с этим нет. Мне придется просто догнать ее и попытаться не дать ей чересчур разойтись. В какое, бишь, измерение, ты сказал, она отправилась?

Прямой вопрос выдернул меня, наконец, из умственного паралича, в который меня ввергло его объяснение.

— Ну, в самом деле, Корреш. А не преувеличиваешь ли ты малость? Я хочу сказать, ну много ли бед она может учинить?

Троль вздохнул.

— Слышал когда-нибудь об измерении под названием Ринасп?

— Не могу сказать, чтобы мне встречалось такое название.

— Это потому, что его больше нет. Именно туда сестричка в последний раз отправлялась взыскивать долг.

— У меня должно быть где-то здесь название измерения! — и я с новообретенным отчаянием нырнул в груду бумаг.

РАССКАЗ КОРРЕША

Да гори все синим пламенем! Можно бы подумать, что теперь-то уж у Скива хватит ума не прыгать в воду, не зная броду... особенно, когда его прыжок имеет тенденцию увлекать за собой и других, чего не избежать! Если он думает, что Тананда не может... если он не может сообразить, что даже я не... Ну, он понятия не имеет, как нас воспитала Мамуля, вот и все, что я могу сказать.

Конечно же нельзя ждать чудес от пентюха, воспитанного извращенцем, так ведь... хммм? Ну, старина Корреш, опять настало время кое-как довести дело до конца, а, что?

Должен признаться, это последнее задание для Тананды с взысканием долга обеспокоило меня. Сестричке и в лучшие дни не доставало такта, а в последнее время...

Насколько я могу судить, между ней и Банни пробежала черная кошка. Они никогда особо не ладили, но с тех пор, как племянница дона Брюса положила глаз на Скива, положение сделалось щекотливым. Уверяю вас, дело не в том, что у сестрички есть какие-то свои виды на паренька. Если она и испытывает к нему какие-то чувства, то скорее сестринские, чем какие-либо иные... помоги ему господь. Скорее, Тананду приводит в негодование тактика Банни.

Видите ли, из-за попыток Банни для произведения впечатления на Скива быть безупречно эффективной на работе, сестричка вбила себе в голову, что это сказывается отрицательно на ее репутации в профессиональном плане. Тананда всегда особенно гордилась своей внешностью и своей работой, а из-за того, что Банни расхаживает с важным видом по конторе, распинаясь о том, как хорошо прошло последнее задание, она чув-

ствует для себя легкую угрозу по обоим пунктам. Насколько я могу судить, она твердо решила доказать, что усвоенное ею в Школе Выживания Беспризорников ни в чем не уступает образованию, приобретенному Банни в том пансионе для девиц, куда посылал ее учиться Синдикат. В соединении с ее обычной склонностью к перегибам это сулит неприятности тому, с кого она отправилась требовать долг.

Меня ошеломило предчувствие неминуемой катастрофы. Ну, что это, в самом деле, за название для измерения — Аркадия? Оно походит на вывеску одного из этих проклятых видеосалонов. Я бы, вероятно, и нашел-то его с большим трудом, не получи вместе с названием и координаты. По ним я свалился на краю города, и поскольку сестричка пользовалась тем же путем, я мог лишь предполагать, что ненамного отстану от нее.

На первый взгляд Аркадия казалась достаточно приятной. Можно соблазниться и назвать ее странной, но привлекательной, — своего рода тихое, сонное местечко, где можно расслабиться и чувствовать себя, как дома. По какой-то причине я надеялся, что такой она и останется, когда мы уберемся.

Мое небрежное изучение окрестностей резко превратилось окликом с близкого расстояния.

— Добро пожаловать на Аркадию, Незнакомец. Нельзя ли мне предложить вам стакан сока?

Источником этого приветствия был низкорослый старичок, сидевший верхом на трехколесном велосипеде с лотком на тележке. Он, казалось, воспринял мое неожиданное появление и мою физиономию столь спокойно, что я чуть не ответил откровенно, прежде чем вспомнил, что мне надо поддерживать легенду. Это немного хлопотно, но я обнаружил, что никто не наймет тролля с хорошими манерами.

— Хорошо! Хорошо! Грызь хочет пить!

С утробным рыком я схватил два предложенных стакана, и засунул их в рот, закатил глаза, с удовольствием пережевывая их. Это хороший прием... с его помощью редко, когда не удастся ошеломить народ. Гном, однако, и глазом не моргнул.

— По-моему, я не видел вас раньше, Незнакомец. Что привело вас на Аркадию?

Я решил бросить дальнейшие попытки запутать его и перейти прямо к сути.

— Грызь искать подруга. Видел маленькая женщина... вот такая высокая... с зелеными волосами?

— Действительно она была тут совсем недавно. Это ваша подруга?

Я энергично закивал головой и показал клыки.

— Грызть любит маленькая женщина. Вытащила однажды колючка из нога Грызя. Куда пошла маленькая женщина?

— Она спросила у меня, где находится полицейский участок, а затем ушла в том направлении... туда.

Ужасно милый старикан, в самом-то деле. Я решил, что могу позволить себе немного расслабиться.

— Грызть благодарит милчеловека. Если милчеловеку нужен сильный друг, звать Грызя, ладно?

— Разумеется. А если я смогу еще чем-то помочь, только крикните.

Тут я покинул его, пока мы чересчур не подружались. Очень немногие люди будут вежливы, не говоря уж любезны, с троллем, и я боялся заинтересоваться продолжением разговора с ним больше, чем поисками Тананды. Ради блага Аркадии этого нельзя допустить.

Думаю, моя небольшая беседа все-таки заняла больше времени, чем я представлял. Я нашел Тананду, когда она удрученно сидела на ступеньках полицейского участка, уже закончив все свои дела в нем. Должно быть, дела обстояли лучше, чем я предполагал, так как ее не посадили за решетку, а здание все еще стояло.

— Здорово, сестричка, — окликнул я ее как можно веселей. — Ты выглядишь погрузневшей. Проблемы?

— Привет... Корреш? Что ты здесь делаешь?

К счастью, я предвидел этот вопрос и хорошо отрепетировал свой ответ.

— Да просто взял небольшой отпуск. Я пообещал Аазу заскочить в это измерение и проверить несколько потенциальных инвестиций, а когда Скив сказал, что ты тоже здесь, то подумал навестить и посмотреть, как у тебя дела.

— Это можно выразить одним словом, — сказала она, снова опуская подбородок на ладони. — Паршиво.

— Столкнулась с затруднениями? Брось, брось. Рассказывай все старшему братцу.

Она слегка пожала плечами.

— Рассказывать-то особенно нечего. Я здесь с заданием взыскать долг, потому и думала встретиться с местными жандармами, посмотреть, не числится ли у них чего за этим парнем или не знают ли они где он.

— И? — поторопил я.

— Ну, они знают, кто он, бесспорно. Кажется, это богатый филантроп... пожертвовал миллионы на улучшение города, помогает бедным и все такое.

Я почесал в затылке и нахмурился.

— Кажется непохожим на парня, оставляющего счет неоплаченным, не так ли?

— Настоящая проблема в том, как это проверить. Он, похоже, немного затворник. Его, кажется, много лет никто не видел.

Я мог понять, почему она подавлена. Видимо, это задание не из тех, какие можно закончить в рекордный срок, чего она, конечно, хотела добиться, чтобы показать себя с хорошей стороны.

— Положение может стать затруднительным. Кто, вообще, этот парень?

— Зовут Хус. Похоже на что-то из “Доктора Зейсса”, не правда ли?

— Скорее на что-то вроде банка.

— Чего-чего?

Вместо того, чтобы повторяться, я просто показал. По другую сторону улицы направо стояло заметное здание, обозначенное как “Национальный Банк Хуса”.

Тананда молниеносно поднялась на ноги и двинулась вперед.

— Спасибо, Корреш. Возможно, дело в конце концов обстоит не так печально.

— Не забудь. Мы совсем недалеко от полицейского участка, — предостерег я, спеша не отстать от нее.

— Что значит “мы”? — резко остановилась она. — Это мое задание, братец, поэтому не вмешивайся и не путайся под ногами. Сечешь?

Понимая, что нахожусь здесь для того, чтобы убедить ее от неприятностей, я счел нежелательным затевать драку с Танандой посреди людной улицы, не говоря уж о полицейском участке.

— Упаси господь. Просто я думал пойти за компанию... как наблюдатель. Ты же знаешь, я люблю смотреть, как ты работаешь. Кроме того, как всегда говорила Мамуля, “никак нельзя сказать, когда может пригодиться дружественный свидетель”.

Не уверен, успокоили ли ее мои слова или она просто допустила, что подтверждающий доклад не повредит, но она хмыкнула и направилась в банк.

Учреждение было весьма стандартным для банка: клетки кассиров, столы для заполнения бланков на

вклад или изъятие и т. д. Единственное, что вообще заслуживало внимания — это специальное окошечко для Обмена Меж-Измеренческой Валюты, которое на мой взгляд указывало, что здесь занимались демоновским бизнесом в большей степени, чем можно было ожидать от такого захолустного измерения. Я собрался указать на это Тананде, но у нее явно имелись собственные планы. Даже не взглянув на окошки, она строгим шагом направилась в кабинет директора.

— Чем могу помочь, барышня? — осведомился сидевший там тупой на вид субъект с заметным отсутствием искренности.

— Многим. Я хотела бы видеть господина Хуса.

В ответ на это нас долго, медленно и внимательно разглядывали слабыми глазами, их взгляд задержался на мне несколько лишних секунд. Я изо всех сил старался выглядеть невинно... что для тролля не так-то легко.

— Боюсь, что это совершенно невозможно, — сказал он, наконец, возвращая свое внимание к работе на столе.

Я почувствовал, как Тананда борется со своим темпераментом и мысленно скрестил пальцы.

— Это крайне срочно.

Глаза снова пробежались по нам, и он с видимым вздохом отложил карандаш.

— Тогда, наверно, вам лучше обратиться ко мне.

— У меня есть кое-какие заявления для господина Хуса, но я думаю, он захочет услышать их лично.

— Это вы так думаете. Если, выслушав их, я согласусь, то вам, возможно, будет позволено повторить их господину Хусу.

Тананда тоже, кажется, признала это.

— Я не хочу поднимать панику, но у меня есть надежные сведения, что этот банк собираются ограбить.

Это немного удивило меня, хотя я изо всех сил постарался не показать этого. Директор банка, кажется, воспринял это спокойно.

— Боюсь, вы ошиблись, барышня, — сказал он с натянутой улыбкой.

— Мои источники редко ошибаются, — настаивала она.

— Вы недавно на Аркадии, не так ли?

— Ну...

— Как только вы пообвыкнете тут, то поймете, что в этом измерении нет ни одного преступника, способ-

ного украсть у господина Хуса, не говоря уж об ограблении его банка.

Этот Хус начинал казаться еще тем парнем. Сестричка, однако, не дала себя так легко отпугнуть.

— А как насчет преступника из другого измерения? Не столь уважающего господина Хуса?

Управляющий поднял бровь.

— Кого же, например?

— Ну, что если бы я и мой друг решили...

Дальше она сказать не успела.

Должен признаться, при всей напыщенности директор свое дело знал. Я не видел, как он двигался или сигнализировал, но банк внезапно наполнился вооруженными охранниками. Их внимание сосредоточилось на нас.

Я подтолкнул Тананду локтем в бок, но та раздраженно отмахнулась от меня.

— ... конечно, это было простое "что если".

— Конечно, — улыбнулся безо всякого юмора директор. — Я считаю наш вопрос исчерпанным. Всего хорошего.

— Но...

— Я сказал "всего хорошего".

И с этими словами он вернулся к своей работе, не обращая на нас ни малейшего внимания.

Попытка разделаться со всей конторой, полной охранников, граничила бы с безумием. Поэтому я поразился, сообразив, что сестричка начала замышлять именно такую акцию. И принялся, как можно небрежней, насвистывать "Жребий полицейского не из счастливых" Джилберта и Силливана, мягко напоминая, что до полицейского участка рукой подать. Тананда бросила на меня взгляд, способный сбить сливки, но сообщение приняла, и мы ушли без дальнейшего шума.

— Что теперь, сестричка? — как можно тактичней спросил я.

— Разве это не очевидно?

Я несколько секунд подумал над этим.

— Нет, — честно признался я. — Мне кажется, ты зашла в тупик.

— Значит, ты там не слушал, — улыбнулась она одной из своих надменных усмешек. — Директор дал мне отличное указание, где попробовать дальше.

— ... а именно?

— Разве ты не помнишь, как он сказал, что ни один преступник не ограбит этого Хуса?

— Точно. И?

— ... и если здесь есть криминальные связи, то я, вероятно, смогу получить какие-то сведения в преступном мире.

Мне это показалось чуточку зловещим. Но я давным-давно научился не спорить с Танандой, когда та что-то вобьет себе в голову. И решил вместо этого попробовать иной подход.

— Не хочу спорить, — придрался я, — но как ты предполагаешь найти названный преступный мир? Он, знаешь ли, не то, чтобы занесен на желтые листы телефонной книги.

Ее шаг заметно замедлился.

— Тут есть проблема, — признала она. — И все же должен же быть какой-то способ получить нужные сведения...

— Нельзя ли предложить вам стакан холодного сока, барышня?

Это обратился мой утренний друг с велолотком. У меня появилось желание махнуть ему, веля замолчать, так как прерывать сестричку посреди замысла — не самое здоровое времяпрепровождение, но я не мог придумать, как бы это сделать, не выходя из роли. Однако Тананда удивила меня. Вместо смещения его головы на талию за нарушение ее мыслительного процесса, она изобразила ему самую ослепительную улыбку.

— А, приветик! — промурлыкала она. — Слушайте, мне так и не довелось поблагодарить вас за указание дороги к полицейскому участку этим утром.

Ну, улыбки сестрички могут сокрушительно подействовать на нервную систему любого представителя мужского рода, и этот индивид не стал исключением.

— Не стоит и упоминать об этом, — покраснел он. — Если я еще чем-нибудь могу помочь...

— О, вы можете оказать мне одну малюсенькую-премалюсенькую услугу.

Ресницы ее затрепетали, словно бешеные, и лоточник заметно растаял.

— Назовите ее.

— Ну-у-у... вы не могли бы сказать, где мне найти одного-пяť закоренелых преступников? Видите ли, я здесь недавно, и не знаю ни одной живой души, у кого могла бы кое-что спросить.

Я счел это дурным тоном и ожидал услышать, как велолоточник откажется дать такие сведения в неуместной попытке уберечь хорошенькую девушку от дур-

ного влияния. Однако, старикан, кажется, воспринял это как должное.

— Преступников, да? — потер он подбородок. — Давненько не имел особых дел с подобными личностями. Однако, прежде их можно было найти в “Условном Сроке”.

— В чем?

— В “Условном Сроке”. Это соединение таверны с гостиницей. Владелец открыл ее после того, как дешево отделался на весьма жарком судебном процессе. Кажется, судья не ошибся, отпустив его на волю, так как с тех пор он, насколько я понимаю, исправился, но худые элементы околачиваются именно там. По-моему, они надеются, что кое-что от этого везения пристанет и к ним.

Тананда слегка ткнула меня в ребра и подмигнула.

— Ну, похоже, там моя следующая остановка. Так где, вы говорите, старина, находится это заведение?

— Парой кварталов дальше по той улице, а потом свернуть налево в переулок. Пропустить его невозможно.

— Спасибо. Вы действительно очень помогли.

— Не стоит упоминать об этом. Вы уверены, что не хотите соку?

— Может быть, позже. В данный момент я спешу.

Старик покачал головой вслед ее удаляющейся спине.

— Вот в этом-то вся беда с нынешним народом. Все так спешат. Ты согласен, Большой Парень?

Я снова стал разрываться между желанием вступить в разговор с этим симпатичным стариканом и присматривать дальше за сестричкой. Как всегда, победила верность семье.

— А-а-а... Большой Грызть тоже спешит. Поговорит с маленький человечек позже.

— Разумеется. В любое время. Я обычно всегда неподалеку.

Он помахал на прощание, а я помахал в ответ и поспешил вслед за Танандой.

Когда я догнал сестричку, она казалась полностью поглощенной своими мыслями, поэтому я счел самым мудрым хранить молчание, идя рядом с ней. Я полагал, что она продумывает свой следующий шаг... во всяком случае, пока она не заговорила.

— Скажи-ка мне, старший брат, — произнесла она, не глядя на меня. — Что ты думаешь о Банни?

Ну, Мамочка глупых детей не растила. Только меня с Танандой. Не требовалось усиленной умственной гимнастики, чтобы понять, что сейчас не самое лучшее время петь хвалы сестричкиной сопернице. И все же, я чувствовал бы себя менее чем правдивым, не говоря уж малость нелояльным, если бы дал ложные показания, когда задан прямой вопрос.

— Э-э... ну, нельзя отрицать — она привлекательна. Тананда кивнула, соглашаясь.

— ... Полагаю — на дешевый, мелкий вкус, — признала она.

— Конечно, — осторожно сказал я, — у нее есть небольшая слабинка со стремлением к сверхдостижениям.

— Небольшая слабинка! Корреш, у тебя положительно талант к преуменьшению. Банни одна из самых нахальных сук, каких я знаю.

Меня вдруг очень обрадовало, что я не высказал свою мысль, сравнивая проблему Банни со стремлением к сверхдостижениям с сестричкиной. Я сомневался, что Тананда включала себя в свой список нахальных сук. И все же я хотел прозондировать почву еще по одному пункту.

— Впрочем, на ее поведение может влиять увлечение Скивом.

В ответ на это Тананда врезала рукой по миномуму нами указательному столбу, и тот заметно накренился. Хотя она и не так сильна, как ваш покорный слуга, сестричка все же способна вмазать еще как... особенно, когда взбешена.

— Вот это-то дело и мучает меня, — прорычала она. — Если она думает, будто ей удастся просто провалсировать по левому краю и опутать Скива... то ей удастся сделать это только через мой труп. Мне, в общем-то, не хотелось бы, чтобы дегустаторы жевали мою пищу прежде, чем я прикоснусь к ней. Скажу только одно — ей придется подумать иначе!

Я направил на нее свой долгий невинный взгляд.

— Вот это да, сестричка! — воскликнул я. — Ты, кажется, ревнуешь. Я и не представлял, что ты сама имеешь какие-то романтические виды на Скива.

Это чуть замедлило ее шаг.

— Ну, на самом-то деле нет. Просто дело в том... прах побери, Корреш, мы помогли вырастить Скива и

сделать его тем, кем он стал сегодня. Надо думать, он может найти подругу и получше, чем какую-то шикарную авантюристку из Синдиката.

— А чем именно он стал? Хммм?

Тананда бросила на меня взгляд.

— Не уверена, что поспеваю за твоей мыслью, братец.

— Посмотри как следует на то, что мы вырастили. Скив сейчас один из самых популярных магов-бизнесменов на Базаре. Кого именно он должен, по твоим ожиданиям, выбрать себе в спутницы. Машу? Посудомойку? А может, одну из лоточниц или мошенниц?

— Ну, нет.

Я теперь разошелся. Мы с Танандой редко говорили серьезно, и когда это случалось, то обычно она ругала меня за то или иное неблагоприятное поведение. На этот раз я не собирался дать ей ускользнуть.

— Конечно же, Скив начинает привлекать внимание кое-каких весьма способных охотниц за мужьями. Нравится нам это или нет, но мальчик вырастет, и другие обязаны это заметить, даже если этого не замечаешь ты. Скажи откровенно, сестричка, если бы ты сегодня впервые встретила с ним, а не знала его много лет, разве ты не сочла бы его лакомым кусочком?

— Он все равно несколько молод для меня, но я понимаю твой довод... а я не вешаюсь на шею каждому встречному-поперечному.

— С каких это пор? — осведомился я, но очень тихо.

Тананда бросила на меня суровый взгляд, и я подумал, что она меня услышала.

— Послушать тебя, — нахмурилась она, — так можно предположить, что ты за союз Банни-Скив.

— С ней или кем-то вроде нее. Будем смотреть фактам в лицо, сестричка, при его нынешнем образе жизни мальчуган вряд ли свяжется с какой-нибудь милой, вежливой, верной, но заурядной девушкой... а если и сумеет-таки, то многие из нас вмиг ее проглотят.

Шаг Тананды замедлился почти до остановки.

— Ты имеешь в виду, что пребывание возле нас губит его светскую жизнь? Ты это пытаешься сказать?

Мне захотелось взять ее за плечи и потрясти, но даже самые мягкие мои встряхивания могут оказаться слишком сильными, а я не хочу, чтобы меня арестовали за попытку ограбления. Вместо этого я удовольствовался поворотом к ней с самым строгим выражением лица.

— Слушай, давай обойдемся без сантиментов. Я хочу сказать, что Скив привык к обществу тяжеловесов, и поэтому уютно с ним будет только прекрасной даме покрепче средней. И наоборот, он будет несчастлив с кем-нибудь вроде той же Луанны.

— А чем плоха Луанна?

Я пожал плечами и тронулся дальше, вынуждая Тананду следовать за мной.

— О, она достаточно хорошенькая. Но она — мелкая аферистка и настолько близорукая, что продаст его при первом же намеке на беду. Короче, она будет для него камнем на шее, мешающим ему подняться выше и потенциально способным утянуть на дно. Если уж мы хотим свести паренька с аферисткой, то она должна быть, по крайней мере, крупной аферисткой... вроде, скажем, некой знакомой нам особы, имеющей в качестве приданого Синдикат.

Это, по крайней мере, заставило Тананду рассмеяться, и я понял — мы выдержали бурю.

— Корреш, ты бесподобен! А я-то думала, будто это женщины сосватают, кого только захотят. Раньше я этого никогда не сознавала, но ты, братец, немножко сноб.

— Благодару фас, — сказал я с наилучшим своим резким акцентом. — Я принимаю это наблюдение с гордостью... учитывая альтернативы. На мой взгляд, все предпочли бы быть снобами, если бы у них действительно существовал какой-нибудь выбор.

— Почему мы останавливаемся?

— Ну, если мы закончили на данную минуту обсуждать будущее мастера Скива, то мы добрались до места, где приступим к делу.

Она посмотрела, куда я показывал, и обнаружила, что мы и впрямь стоим перед заведением сомнительного вида, украшенным выцветшей вывеской, провозглашавшей его "Условным Сроком". Некрашенные окна были выбиты или вообще выломаны, открывая затемненное внутреннее помещение. Здание могло бы показаться заброшенным, если бы определенно не доносившиеся изнутри звуки разговоров и смеха.

Тананда двинулась было вперед, а затем стала как вкопанная.

— Минуточку, братец. Что ты подразумеваешь под этим "мы"?

— Я подумал, что раз уж я здесь, то просто...

— Неверно, — твердо сказала она. — Это все же мое задание, Корреш, и я вполне способна справиться с ним сама.

— О, я не издам ни звука.

— Да ты просто будешь нависать над всеми со своей кривозубой усмешкой и запутывать их, добиваясь содействия мне. Ты можешь подождать здесь, пока я найду одна. Если ты не возражаешь, то я буду запугивать их сама.

Вот этого-то я и боялся.

— Дело выйдет менее грубым, если найду и я, — слабо возразил я.

— Да что ты, братец, — подмигнула она мне. — Небольшая доза грубости никогда мне не мешала. Я думала, ты это знаешь.

Меня обошли с тыла и с флангов, и мне не осталось другого выбора, кроме как прислониться к стене и смотреть, как она, печатая шаг, входит в таверну.

— О, я знаю, сестричка, — вздохнул я. — Уж поверь мне, знаю.

Хоть мне и запретили принимать активное участие в происходящем, я испытывал вполне понятное любопытство и держал одно ухо на макушке, пытаюсь разобрать происходящее по его звуковым эффектам. Ждать мне пришлось недолго.

Когда Тананда вошла, замеченный нами ранее гул разговоров внезапно прекратился. Последовало напряженное молчание, а затем раздалось невнятное замечание, вызвавшее резкий взрыв смеха.

Я закрыл глаза.

Случившееся вслед за тем было настолько предопределенным, что могло бы показаться отрепетированным. Я узнал повышенный голос сестрички, задавший вопрос, а в ответ на него снова смех. Затем донесся явный звук ломаемой мебели. Нет, это не совсем верно. На самом деле звук указывал, что мебель разносят в щепки... с размаху быстро и сильно ударив ею по попавшемуся неподвижному предмету... вроде, к примеру, головы.

Выкрики стали теперь громче, в диапазоне от возмущенных до гневных, сопровождаемые боем стекла и другой подобной какофонией. Многолетнее пребывание поблизости от Тананды натренировало мой слух, и поэтому я забавлялся, пытаюсь составить по звукам список причиненного ущерба.

Вот перевернулся столик...

... еще один стул...

... зеркало (интересно, как это она не попала по стаканам?)...

... вот определенно сломалась кость...

... чья-то голова ударилась о стойку, по-моему, ухом...

... А вот пошли стаканы...

Тело, брошенное сквозь зеркальное стекло витрины, пролетело рядом со мной и подскочило разок на тротуаре, прежде чем остановиться обмякшим кулем... и тело, к тому же, довольно приличных размеров.

Если я не ошибся, сестричка прибегла в этой потасовке к магии, иначе никак не добилась бы добавочного подскока при горизонтальном броске. Либо применила магию, либо действительно разобиделась! Я спорил с собой, бранить ее или нет за нарушение наших неписаных правил, запрещающих пускать в ход магию при потасовках в барах, но решил не возникать из-за этого. В том случае, если она просто чересчур разволновалась, такое замечание всего лишь навлечет возмездие, а Тананда, даже не раскисившись, может быть настоящим наказанием.

К этому времени грохот в таверне прекратился, и возобладала зловещая тишина. Я счел этот момент вполне подходящим для проверки, как там дела, и поэтому осторожно пробрался вдоль стены и заглянул в дверь.

За исключением одного единственного стула, которому, кажется, удалось-таки остаться без единой царапины, заведение заполняли сплошь обломки и лохмотья. Среди обломков небрежно валялись обмякшие или стонущие тела, придавая помещению общий вид поля боя после тяжелого сражения... чем оно, конечно, и стало.

Удивляла в этой сцене только Тананда. Вместо привычного для нее гордого обзора побоища, она прислонилась к стойке, спокойно болтая с барменом. Эта загадка быстро разрешилась, когда указанный индивид поднял взгляд и увидел в дверях мои довольно индивидуальные черты.

— Эй, Корреш! Подходи и выпей с нами за мою долгожданную перестройку.

Тананда пристально поглядела в мою сторону, а затем одобрительно кивнула.

— Заходи, братец. Тебе никогда не угадать, кто владец этой пивнушки.

— Я, по-моему, вычислил это, — отозвался я, наливая себе из стоявшей на стойке разбитой бутылки. — Здорово, Хорек. Немного в стороне от твоих обычных охотничьих угодий, а?

— Теперь нет, — пожал он плечами. — Нынче это дом, мой милый дом. Не могу придумать никакого иного места, где бы мне позволили вести дела в качестве уважаемого бизнесмена.

Тананда слегка поперхнулась содержимым своего бокала.

— Уважаемого бизнесмена? Брось, Хорек. Ты же говоришь не с кем-нибудь, а с Танандой и Коррешем. Сколько лет мы тебя знаем? По-моему, за все это время в твоей голове не появлялось ни одной честной мысли.

Хорек печально покачал головой.

— Оглянись кругом, милая. Это — мое заведение... или, по крайней мере, было им. Уже довольно давно честно и без дураков занимаюсь только им. Возможно, этот образ жизни и не такой волнующий, как мой прежний, но он наверняка не менее выгоден, так как я не теряю времени на сидение в каталажке.

Сестричка уже открывала рот, готовясь отпустить еще одно ехидное замечание, когда я двинул ей локтем по ребрам. Хотя сам я непрочь прибегнуть иной раз к воровству, я считал, что если Хорек искренне хотел завязать, то мы могли как минимум не осложнять ему этого пути.

— Так скажи мне, старина, — обратился я к нему. — Что привело тебя к этому изумительному исправлению? Хорошая женщина или скверная операция?

— Ни то, ни другое. Видишь ли, произошло это так: на меня слепили чернуху... нет, на этот раз действительно оклеветали. Я ничего не сделал, но все улики сделали меня виновным, как смертный грех. Сначала я думал, мне и впрямь крышка, но тут выскакивает этот парень и усиленно меня поддерживает. Я имею в виду, он достает хорошего мазила, а когда суд присяжных все равно признает меня виновным, он говорит с судьей и добивается для меня условного срока. И словно этого мало, после того, как я снова выхожу на волю, он подкидывает мне наличные, нужные мне для основания этого дела... хороший долг, безо всяких процентов. "Заплатишь, когда сможешь", — говорит он. Скажу вам прямо, никогда я раньше не встречал никого, так вот верившего в меня. Меня заставило задуматься об этом то, что я сам всегда говорил, что якобы вынужден быть жуликом, так как ни один честный человек не пожмет мне руки. Ну, сударь мой, я решил попробовать жить честно... и пока не пожалел об этом.

— Этот упомянутый тобой таинственный благодетель... Его случайно не Хусом зовут, а?

— Совершенно верно, Корреш. Наверно, самый прекрасный человек, какого я когда-либо встречал. Понимаешь, я ведь не единственный, кому он помог. В то или иное время он чем-то посодействовал большинству жителей этого измерения. Я не удивлен тем, что ты слышал о нем.

Тананда изобразила свою наилучшую улыбку.

— Это и приводит нас к причине моего нахождения здесь, Хорек. Я пытаюсь найти этого Хуса, а местные пока не очень-то помогали. Ты не мог бы познакомить меня с ним или, по крайней мере, показать мне направление?

Игравшая на лице Хорька улыбка исчезла, словно ему только что сообщили про то, как богатый дядюшка не упомянул его в завещании. Глаза его потеряли фокусировку, и он нервно провел языком по губам.

— Сожалею, Тананда, — извинился он. — Тут я не могу тебе помочь.

— Минутку, приятель, — улыбка Тананды стала теперь принужденной. — Ты должен знать, где его найти. Куда ты относил плату за это заведение?

— В последний раз заплатил полгода назад. А теперь извините...

Прежде чем он успел сделать шаг, Тананда придержала его за рукав.

— Ты меня задерживаешь, Хорек, — зарычала она, отбросив всякие попытки казаться милой. — Или ты мне сейчас же скажешь, где найти этого Хуса, или я...

— Или ты что? Разгромишь таверну? С этим ты немного запоздала, милая. Хочешь последний стул, пожалуйста. Все равно, он теперь не сочетается с остальным декором.

По выражению сестричкиного лица я нисколько не сомневался, что она думает уничтожить отнюдь не стул, и поэтому счел за лучшее вмешаться в разговор, пока обстановка не стала совершенно неуправляемой.

— Если ты не против моего вопроса, старина, то скажи, у тебя есть какая-нибудь особенная причина так упрямо отказывать в простой просьбе?

Тананда бросила на меня один из своих взглядов типа "не суйся", но Хорек, казалось, не возражал против такого вмешательства.

— Шутишь? — удивился он. — Может, ты не слушал, но я должен этому парню... и намного больше, чем

уже выплаченные деньги. Он дал мне шанс начать заново, когда все прочие списали меня со счетов. И вы предлагаете мне показать, как я ценю это, пустив по его следу пару громил?

— Громил?

Она произнесла это очень тихо, но мне думается, никто из присутствующих в таверне не ошибся в смысле выражения Тананды. Фактически, те немногие из прежних игроков, кто еще не потерял сознания, тут же поползли к двери, стремясь положить как можно большее расстояние между собой и неминуемым взрывом.

Хорек однако не испугался.

— Да, громил. Что здесь произошло несколько минут назад? Суаре с мороженым?

— Тут он тебя уел, сестричка.

В ответ на это она резко повернула голову ко мне.

— Заткнись, Корреш! — прорычала она. — Это мое задание. Помнишь?

— Иначе и быть не может. Однако я думаю, Хорек приводит верный довод. Ты действительно не производишь впечатления любительницы мирно поболтать.

Сперва я думал, она вцепится мне в горло. Затем она сделала глубокой вдох и медленно выдохнула воздух.

— Довод принят, — она отпустила рукав Хорька. — Хорек, я действительно хочу просто поговорить с этим Хусом. Обещаю, никаких грубостей.

Бармен поджал губы.

— Не знаю, Тананда. Хотелось бы тебе верить. Полагаю, если Корреш поручится за порядочность...

Это решило дело. Тананда круто повернулась и пошла к двери.

— Если для этого требуется ручательство Корреша, то забудь об этом. Ладно! Я сделаю это по-своему, без помощи, даже если такой путь кого-то убьет.

— Эй, не уходи взбешенной, — крикнул ей вслед Хорек. — Я скажу тебе, что я сделаю. Когда полиция спросит, что здесь произошло, я не стану упоминать твоего имени, идет? Просто прикинусь дурачком и получу страховку. Это погубит мои расценки, но...

— Не порти из-за меня свою новую анкету. Подсчитай-ка весь ущерб, и я лично возмещу его стоимость.

С этими словами, прервав дальнейший разговор, она вышла на улицу, хлопнув дверью.

— Она шутит? — спросил Хорек. — Восстановление этого трактира будет ведь стоить кучу денег.

— Я не знаю, старик. Она по-настоящему взбешена, но по той же причине... она достаточно взбешена, чтобы я не противоречил ей. На твоём месте я начал бы подсчитывать ущерб. А, что?

— Я слушаю тебя, — кивнул он. — Но тебе лучше бежать за ней, пока она не попала в беду. Сожалею, что так уперся рогом, но...

— Вот еще, — отмахнулся я. — Учитывая все обстоятельства, ты был более чем щедр. Ну, счастливо.

Я ожидал, что мне придется снова догонять сестричку, но вместо этого застал ее сидящей перед баром на краю тротуара. Она не из тех, кто плачет, хоть от ярости, хоть от неудач, но увидев ее там с опущенными плечами и подбородком на ладонях, я понял, что это один из тех редких случаев.

— Слушай, ты ведь действительно очень тяжело воспринимаешь это, не так ли? — как можно мягче спросил я.

Она не оглянулась.

— Просто дело в том... а, ничего! Хорек прав, и ты тоже. Я металась, как слон в посудной лавке, и достигла этим только того, что даже друзья не помогают мне. Если я не сумею повернуть даже простого взыскания долга, Банни никогда не позволит мне забыть такого фанта.

Присев рядом с ней, я успокаивающе положил ей руку на плечи.

— По-моему, тут и состоит твоя проблема, сестричка. Ты так упорно стараешься поставить рекорд скорости для произведения впечатления на Банни, что слишком торопишь события... даже для себя. А теперь я предлагаю нам удалиться куда-нибудь и немножко подумать, хммм? Забудь о быстром выполнении задания и просто сосредоточься.

Мой совет чуть подбодрил ее, и она даже сумела слабо улыбнуться.

— Ладно, — согласилась она. — Хотя я по-прежнему хочу управиться самостоятельно, полагаю, нет ничего плохого в использовании тебя в качестве консультанта, раз уж ты здесь. Чего мне действительно хочется сейчас, так это выпить чего-нибудь покрепче для успокоения. Ты не заметил рядом с "Условным Сроком" какое-нибудь местечко, где мы могли бы...

— Не хотите ли стакан соку?

Мы подняли головы и увидели улыбающегося нам старикана на велолотке. Какой-то миг я боялся, что

Тананда окрысится на него, но она подарила ему усмешку, куда более искреннюю, чем ее прежняя улыбка.

— Спасибо, но я думала про нечто покрепче. И раз уж мы говорим на тему благодарности... я ценю сведения, предоставленные вами раньше... во второй раз, то есть. Думаю, слишком поспешила, прежде чем вспомнила о своих манерах.

— Не стоит говорить об этом. Нынче почти все спешат. Я лично всегда считал, что нужно не торопиться и наслаждаться жизнью. У всех нас мало времени, и самое малое, что следует делать, так смаковать то время, какое у нас есть.

Тананда улыбнулась ему с искренней теплотой, а не обычным симулированным жаром.

— Хороший совет, — согласилась она. — Постараюсь запомнить его. Пошли, Корреш. Нам нужно кое-что обдумать... то есть, обдумать медленно и тщательно.

— Только крикните, если я смогу чем-нибудь помочь.

— Спасибо, нам нужен кто-нибудь, способный вести нас с господином Хусом. Вы, случайно, не знаете, где мы можем его найти?

— О, это легко.

— Да?

По-моему, мы произнесли это одновременно. Это оказалось своего рода сюрпризом.

— Разумеется. Только встаньте, моргните три раза, и он будет тут как тут.

Мне это показалось немножко глупым, и я начал сомневаться в нормальности старикана. Однако, сестричка приняла его всерьез. Она в мгновение ока очутилась на ногах, бешено мигая.

— Ну? — огляделась она кругом.

— Рад с вами познакомиться, барышня. Меня зовут Хус. А вас?

Мы вытаращились на него, разинув рты... в тот момент это казалось вполне логичным поступком.

— Вы?! — сумела, наконец, выдать из себя Тананда. — Почему же вы не сказали об этом раньше?

— До этой минуты не знал, что вы искали именно меня.

Это было не мое дело, но мне требовалось спросить.

— Просто из любопытства, а зачем сестричке нужно было три раза моргнуть?

Сказав, я сообразил, что забыл применять речевые обороты Большого Грызья. Хус, казалось, не заметил этого.

— Вообще-то не нужно. Просто вы так упорно старались меня найти, что я думал, мне следует малость подбросить чего-нибудь, чтобы наша встреча не оказалась слишком заурядной. Итак, что я могу для вас сделать?

В глазах старикана блеснуло озорство, убедившее меня, что он не такой глупый, каким хотел бы казаться людям. Танада, однако, упустила это, так как возилась, извлекая из туники мятый лист бумаги.

— Господин Хус, — живо обратилась она. — Я здесь представляю клиента, утверждающего, что вы должны ему деньги по этому старому счету. И хотела бы знать, когда он может ожидать уплаты, а может, вы желаете установить график регулярных выплат?

Хус взял у нее бумагу и небрежно изучил ее.

— Ну, будь я... я мог бы поклясться, что выписал ему чек по этому счету на следующий же день.

— Он говорил что-то о том, что чек вернули, — допустила Танада.

— Должно быть, продержал его у себя, пока я не закрыл банковский счет. Проклятье! Я думал, у меня все улажено.

— Вы закрыли счет в банке?

Хус подмигнул ей.

— Нет, я закрыл банк. Это было, когда я укреплял свои владения.

— О! Как я говорила, если бы вы хотели установить график выплат...

Он махнул ей, прося замолчать, и открыл верх тележки с лотком. С высоты своего роста я увидел, что дно ее заполнено золотыми монетами.

— Почему бы нам просто не урегулировать это сейчас же? — предложил он. — У меня есть с собой немного наличных... понимаете? Холодных наличных. Давайте посмотрим, вам понадобится какой-то процент с этого...

— Господин Хус!

Обернувшись, мы увидели шагающего к нам директора банка.

— Я думал, мы договорились, что вы будете производить свои сделки через банк! Ношение наличных — это открытое приглашение для преступных элементов, помните?

— Что за шум здесь происходит? — Из двери позади нас появился Хорек. — На мой взгляд, это не похоже на дружескую болтовню!

Вокруг нас начала собираться толпа, так как сюда стекались прохожие и выходящие из своих торговых точек лавочники. Все они выглядели не особенно довольными... или дружелюбными.

— Знаю, сестричка, ты хочешь управиться с этим сама, — шепнул я. — Ты не будешь возражать, если я по крайней мере покажу клыки для оттеснения кое-кого из этого сброда? Мне тоже хочется выбраться отсюда живым.

— А ну, всем стоять!

Хус поднялся на сидение велолотка с поднятыми руками и сдерживал толпу.

— Барышня взыскивает долг по вполне законному счету. Вот и все. А теперь отчаливайте и возвращайтесь к прежним занятиям. Неужели человеку нельзя заняться небольшим делом в частном порядке?

Это, кажется, утихомирило большинство зевак, и они начали мало-помалу расходиться. Хорек и директор банка не шелохнулись.

— Дайте мне посмотреть этот счет, — потребовал директор. — Вы помните, как сделали этот долг, господин Хус?

— Да, помню, как сделал этот долг, господин директор, — передразнил директора Хус. — А теперь, если вы не возражаете, я просто выплачу его и делу конец.

— Ну, это не по правилам. Не понимаю, почему они не обратились по обычным каналам и не предъявили свой счет в банке.

— Мы заходили в банк, — огрызнулась Тананда. — И не получили там ничего, кроме уклончивых ответов.

Директор пригляделся к ней.

— О, да. Я помню, — протянул он. — Вот только не припомню, чтобы вы что-то говорили о подаче требования на выплату долга. Хотя что-то упоминали насчет ограбления банка. Не так ли?

— Ты чуточку поторопилась там, сестричка, — мягко упрекнул я ее.

— Тананда, ты хочешь сказать, что действуешь по закону? — встрял в разговор Хорек. — Так почему же ты не сказала этого сразу?

— Сказала! Что здесь, собственно, происходит, Хорек?

— Господин Хус — человек очень богатый, — сказал вместо него директор банка. — А также очень щедрый... иногда слишком щедрый в ущерб собственному благу.

— Деньги-то мои, не так ли? — отпарировал Хус. — Так на чем мы остановились? Ах, да.

Он принялся сыпать в бумажный пакет пригоршни монет.

— ... Мы говорили о процентах по этому счету. Какая, по вашему, сумма компенсирует хлопоты, вызванные моей несвоевременной уплатой?

— Понятно, что мы имеем в виду? — указал Хорек. — Господин Хус, любой положенный процент следовало установить во время дачи в долг. Выплачивать больше — значит отдавать свои деньги.

Директор банка слабо попробовал понимающе улыбнуться нам.

— Как видите, многие из нас в этом измерении обязаны своим благосостоянием господину Хусу, и мы взяли на себя его защиту от ненужных расходов... не говоря уж, от стремящихся злоупотребить его щедростью.

— После того, как сами пожали плоды этой щедрости, — невинно добавил я.

Это вызвало у Хуса тихий смешок.

— Совершенно верно, Большой Парень, — согласился он. — Но не надо судить об этих ребятах слишком сурово. Никто не сравнится в честности с перековавшимся преступником. Хотите, я расскажу вам, чем занимался директор до того, как я внес за него денежный залог?

— Я бы предпочел, чтобы вы этого не делали, — воспротивился директор, но в голос его закралась нотка мольбы.

Я снова увидел озорной блеск в глазах старикана и обнаружил, что в первый раз гадаю, а кто же в действительности слепил чернуху на Хорька как раз перед тем, как тот решил перековаться. По-моему, сестричка тоже уловила это.

— Думаю, никакие проценты не понадобятся, господин Хус, — сказала она, беря у него бумажный пакет. — Я уверена, что мой клиент и так будет доволен выплатой.

— Вы уверены? Нельзя ли мне предложить вам какую-нибудь малость за ваши хлопоты?

— Сожалею. Политика фирмы не позволяет ее агентам брать чаевые. Хорек, ты пришлешь мне счет за ущерб твоему заведению?

— Считай, что ты его получила, милая, — отмахнулся бармен.

— Ну тогда, — Хус сунул руку в велолоток, — я могу, по крайней мере, покрыть вам эти расходы.

Тананда покачала головой.

— Они включены в бюджет операции. В самом деле, господин Хус, я работаю законно. И не нуждаюсь ни в каких лишних притоках. Пошли, Корреш. Нам пора отправляться.

Помахав на прощание остальным, я занял свое место рядом с ней, когда она принялась вращаться для переброски нас к родной базе на Деве.

— Наверно, мне не следовало бы об этом упоминать, сестричка, — тихо сказал я, — но если мой наметанный на ущерб глаз не полностью отказался мне служить, то разве этот счет не будет превышать долю нашей фирмы со взысканного долга?

— Я обещала уплатить его лично, и уплачу, — пробормотала она в ответ. — Важно, что я выполнила это задание в рекордный срок... и если скажешь что-нибудь об ущербе Банни, я заставлю тебя пожалеть, что ты вообще родился. Мы понимаем друг друга, братец?

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Это все дело вкуса.

Б. Мидлер

— Я вынуждена тебя поздравить, милая. Меня никогда не перестает изумлять, сколь много тебе удастся добиться со столь малым.

Такой вот комментарий Банни последовал за докладом Тананды о ее последнем задании. Я попросил ее записать доклад и был вынужден признать, что она была крайне внимательна, пока докладывала Тананда... а это намного больше, чем удалось мне. Судя по докладу, задание оказалось до скучного рутинным, хотя я лично хотел сначала выслушать Корреша, а уж потом выносить какие-то окончательные суждения. Однако, этого тролля не смогли нигде найти... что наводило меня на легкие подозрения. Но Банни оставалась такой же умелой, как всегда, прикрывая мои разбредшиеся мысли собственными комплиментами.

— Ах, спасибо, Банни, — промурлыкала в ответ Тананда. — Для меня действительно многое значит услышать мнение из твоих уст, учитывая, как хорошо ты разбираешься в работе при минимальных ресурсах.

Я порадовался при мысли, что эти девушки так хорошо ладят между собой. Если бы они принялись враждовать, в нашей фирме мог бы воцариться настоящий кавардак.

Мне еще подумалось, что для вроде бы дружеской встречи тут показывалось много зубов. Настало время перейти к другой теме, решил я, пока обстановка не стала слишком дружеской.

— Пока тебя не было, Тананда, здесь все обстояло очень тихо, — сообщил я. — Нового совсем немного. Как насчет этого, Банни? Есть какие-нибудь перспективы, о которых нам следует знать?

Банни устроила спектакль, сверяясь со своими заметками в блокноте. Это насторожило меня. Видите ли, я знаю, что Банни ведет безупречные заметки в голове и сверяется с блокнотом только, когда тянет время, пытаясь решить, привлечь мое внимание к чему-то или нет. Может, я и тутодум, но я учусь.

— Ну-у-у... — медленно произнесла она. — Единственное, что я вообще могу предъявить — это встречу с неким субъектом по имени Истерий.

— Истерий? Почему это имя кажется мне знакомым? Минуточку. Разве я не видел письма от него примерно неделю назад?

— Совершенно верно. Он спекулирует землей и занимается строительством, и уже давно пытается повидать тебя.

— С этим трудностей быть не должно. На какое время ему назначено?

Банни снова уставилась на заметки.

— Я думала отсрочить эту встречу, если не отменить ее совсем, — сказала она.

— С чего бы это делать?

Мне стало обидно, но любопытно. Я безусловно не испытывал восторга от попытки Банни решать за меня. И все же она хорошо разбиралась в бизнесе, и если этот парень заставил ее заколебаться, то мне хотелось знать почему.

— Я уже пыталась объяснить тебе раньше, Скив. Твое время слишком ценно, и нельзя уделять его всякому психу, захотевшему встретиться с тобой.

— ... А ты считаешь этого парня психом?

— Он должен им быть, — пожала она плечами. — То, о чем он хочет поговорить, просто не наш профиль. Насколько я сумела разобраться, он хочет от нас услуг декораторов интерьера.

Это вовлекло в разговор Тананду.

— Шутишь. Декораторов интерьера?

Банни хихикнула и заговорчески повернулась к Тананде.

— Совершенно верно. Он начал строить комплекс мотелей, рассчитывая, что его гостиница предоставит единственные доступные мебелировки в округе. Однако, с той поры, как он начал строительство, четверо других

конкурентов либо объявили о намерении строить отель, либо уже начали строительство прямо у него на пороге. И поскольку его первоначальный план не предполагал никакой конкуренции, дизайн отеля скорее утилитарный, чем декоративный. Поэтому его гостиница будет выглядеть действительно убогой по сравнению с отелями конкурентов, и он боится остаться без штанов.

— Плохо дело, — поморщилась Тананда. — Так чего же он хочет от нас?

— Наша фирма явно приобретает репутацию чудотворцев... знаете, по принципу — “если ты действительно уперся в стенку, вызывай ИХ!”? Так или иначе, он хочет, чтобы мы придумали альтернативный дизайн или еще что-нибудь, и настолько привлекли внимание народа, чтобы его отель забили до отказа прежде, чем конкуренты сдадут хоть один номер.

— Мы? Он, должно быть, сошел с ума.

— Сошел с ума или дошел до ручки, — кивнула Банни. — Но я знаю, что мы должны сойти с ума, чтобы взяться за такую работу.

Я подождал, пока они не кончат смеяться, прежде чем рискнул высказать свое мнение.

— По-моему, нам следует за нее взяться, — сказал я наконец.

Я вдруг завладел их нераздельным вниманием.

— В самом деле? Зачем нам это делать?

Я свел пальцы и попытался выглядеть мудрым.

— Во-первых, есть гонорар... который, если я правильно помню письмо, существенен, даже по нашим стандартам. Потом, опять же, есть тот самый довод, какой ты выдвигала раньше. Мы никогда прежде не делали ничего подобного. Это дает нам шанс попробовать нечто новое... разнообразие вместо рутинного выполнения вновь одних и тех же работ. И наконец...

Я лениво улыбнулся им обоим.

— ... как ты сказала, задача эта невозможная. Поэтому мы не станем гарантировать результат. И значит, если мы потерпим неудачу, то это не будет для заказчика неожиданным, но если мы преуспеем, то будем героями. Вся красота в том, что в любом случае свой гонорар мы получим.

Женщины обменялись быстрыми взглядами, и мне на мгновение подумалось, что они сейчас предложат мне отправиться на длительный отдых... скажем, в сумасшедший дом.

— Вообще-то, — медленно произнесла Банни, — в колледже я однажды проходила курс по декорации интерьеров. Полагаю, я могла бы попробовать. Украшение здания на чужие деньги может оказаться забавным.

— Но, милая, — возразила Тананда. — Ты же так нужна здесь, в конторе. Поскольку в этом задании нет никакой гарантии успеха, то, возможно, лучше будет, если я возьмусь за него и освобожу тебя для более важных заданий.

Банни начала что-то говорить в ответ, но взглянула на меня и, кажется, передумала.

— Если у тебя лежит к этому душа, то нет никаких причин, мешающих нам обеим вместе поработать над этим. Верно, Скив?

А вот это, должно быть, самая глупая мысль, какую я слышал за весь день. Даже если девушки теперь отлично ладили, я не сомневался, что если они начнут сталкиваться лбами из-за идей по дизайну, то всякая надежда на дружбу вылетит в трубу.

К счастью, я уже нашел решение.

— Сожалею, — осторожно сказал я. — Я вообще не собирался использовать на этом задании ни одну из вас.

Эти слова на несколько секунд зависли в воздухе. Затем Тананда прочистила горло.

— Если ты не возражаешь против такого вопроса, то кому же ты дашь это задание, если не собираешься использовать нас?

Я обошел стол и присел на его край, чтобы можно было поговорить более конкретно.

— Как я понимаю, новый дизайн должен быть привлекающим внимание, настоящим венцом всему. Когда речь идет о бросающихся в глаза выставках, думается, у нас в штате есть именно такая особа.

РАССКАЗ МАШИ

— Вы уверены, что вас прислал Великий Скив?

Скажу вам откровенно, ребята, я привыкла к острой реакции людей при виде меня, но этот парень Истерий, кажется, немного растерялся. Ведь считается, что деволы привыкли, не моргнув глазом, заключать сделки со всякими субъектами. И все же он был клиентом, а бизнес есть бизнес.

— Что у вас перед глазами, то вы и получили, Милый, Богатый и Отчаявшийся,

Никогда невредно немного подмаслить, но на этот раз клиент просто не клевал.

— Тот самый Великий Скив? Управляющий корпорацией “М. И. Ф.”?

Разговор становился излишне многословным, и поэтому я решила, что настало время положить ему конец. Я испустила большой вздох... а это, скажу я вам, действительно кое-что.

— Вот что я вам скажу... Истерий, не так ли? Никогда не умела справляться с именами. Если хотите, я вернусь и скажу презу, что вы решили не прибегать к нашим услугам. Хммм?

Девол внезапно стал более ценящим доставшееся ему.

— Нет! В этом нет необходимости. Вы... не совсем то, чего я ожидал, вот и все. Значит вы — агенты корпорации “М. И. Ф.”, да? Как, вы говорите, вас зовут?

Не знаю, чего уж он там ожидал, но я готова была охотно поверить, что мы не то... по крайней мере, я не то. Даже когда я просто бездельничаю, то все равно могу быть очень даже заметной, а сегодня я прифрантилась специально для обязательного произведения впечатления. Правда, в моем случае больше подходит слово “прифронтилась”.

Меня никто и никогда не называл миниатюрной... даже когда я только-только родилась. Действительно, медсестры прозвали мою мамочку “О-ох-А-ах птишка”, хотя я-то поняла эту шутку, только став постарше. Суть в том, ребята, что я больше, чем большая... где-то между огромной и “О, боже мой”, чуть-чуть склоняясь в сторону последней. А когда ты моих размеров, то этого никак не скрыть, поэтому можно с таким же успехом щеголять этим... и можете мне поверить, я стала мастерицей делать это.

Взять, например, выбранный мною на этот день наряд. Так вот, многие девушки стонут, если у них неидеальная фигура и нельзя носить платье с вырезом на животе. Но я неоднократно доказывала, что это совсем не так, и сегодняшний день не стал исключением. Верхняя половина моего туалета была ярко-лимонно-зеленой с пурпурным галуном и мило контрастировала с нижней половиной в оранжево-красную полосу. Хотя не вижу ничего плохого в хождении босиком, я нашла

премиленькие бирюзовые гаремные туфельки и не могла устоять перед желанием дополнить ансамбль ими. Конечно, при стольких расцветках девушке никак нельзя пренебречь косметикой. Для подчеркивания лиловых глазных теней и кричаще желтого лака для ногтей я воспользовалась фиолетовой помадой и самую малость прибегла к румянам для сокрытия того факта, что я отнюдь не молодею. Я думала покрасить волосы в цвет электрик вместо обычного оранжевого, но решила придерживаться естественной внешности.

Так вот, некоторые спрашивают, где я нахожу подобные наряды. Ну, если вы сохраните тайну, то многие из них сделаны специально для меня. Надо смотреть фактам в лицо, на вешалке в магазине такой одежды не найдешь... или если и найдешь, то она всегда не так сидит. Вы, однако, обязательно сохраните эту тайну. Модельеры, которым я заказываю, настаивают, чтобы никто никогда этого не узнал, вероятно, боятся, что их завалят заказами. По той же причине они никогда не нашивают на мою одежду своих ярлычков. Хотя я и обещала не говорить никому ни слова, они боятся, что кто-нибудь может случайно выяснить... или, надо сказать, уяснить? Как бы там ни было... Ах, да. Я также нацепила больше, чем свой обычный набор драгоценностей, а это для всех, знающих меня, очень многое значит. Для экономии времени я не буду приводить здесь весь список. Просто поймите, что я ношу множество всякой всячины: ожерелья, наручные браслеты, ножные браслеты, серьги, кольца в носу... на кольца я особенно налегаю, считая их необходимыми для работы. Видите ли, кольца не только существенная часть моего магического арсенала, (мамочка всегда говорила, что носить кастеты это неженственно), а кольца дают мне то же преимущество в бою, добавляя заодно шика.

В любом случае, я действительно не винила клиента за легкую ошарашенность, когда мы вошли. Хотя он весьма резко отскочил назад, я думаю, учитывая все обстоятельства, что именно появление нашей пары требовалось для доказательства ему, в какое отчаяние он впал.

— Я — Маша, — представилась я, — а моего напарника зовут Вик.

Истерий чуть не повалился на стол от нетерпения пожать руку Вику. Мой напарник был одет модно, по моим понятиям даже степенно, в домашний костюм с высоким воротником и сапоги по голень высотой. Весь его наряд был выдержан в мягких почвенных тонах, и

девол счел его нормальным членом нашей двойки. Называйте это жилкой озорства, но я просто не могла так этого оставить.

— Вик не постоянный член нашего штата. Он вольнонаемный работник, привлекаемый иногда нами в качестве специалиста.

— Специалиста? — заметил, пожимая ему руку, Истерий. — Вы декоратор интерьеров?

Мой напарник наградил его натянутой улыбкой.

— Нет, я больше специалист по ночной жизни. Вот потому я и ношу днем эти солнцезащитные очки. Я очень чувствителен к свету.

— Ночной жизни? Не уверен, что я понимаю.

Я спрятала легкую улыбку и посмотрела на потолок.

— Вик пытается сказать, — как можно небрежней объяснила я деволу, — что он вампир.

Истерий выпустил горячо пожимаемую им руку так, словно та его укусила.

— Вампир?!

Вик снова улыбнулся ему, на этот раз показывая свои гигантские клыки.

— Совершенно верно. А что? Вы что-то имеете против вампиров?

Клиент принялся потихоньку отступать к другой стене кабинета.

— Нет! Просто я никогда... Меня это вполне устраивает. В самом деле.

— Ну, раз с этим теперь улажено, — сказала я, вновь становясь хозяйкой положения, — давайте перейдем к делу. Если я правильно поняла, у вас здесь на руках белый слон, нечто обременительное, и нам предлагается превратить его в золотое дно к первому числу следующего месяца.

Истерий осторожно снова уселся за стол.

— Я... Да. Полагаю, можно объяснить положение и так. По плану нам надо быть готовыми открыться через три недели.

— ... А из какого бюджета нам придется провернуть подобное чудо? — спросил Вик, бросив свою роль "вырисовывающегося вампира" и прислоняясь к стене.

— Бюджета?

— Ну, знаете, большие бабки. Как в "деньгах"? — поднажала я. — Мы знаем, каков наш гонорар. А сколько вы готовы вложить в декорирование и рекламу для реализации этой недвижимости?

— Ах, это. У меня есть где-то здесь цифры. Конечно, я буду работать над этим вместе с вами.

Он принялся рыться в бумагах на столе.

— Опять неверно, Девятый Вал, — твердо заявила я. — Вы передадите все нам и отправитесь в трехнедельный отпуск.

Девольское рытье в бумагах перешло в нервную возню. Я начинала понимать, как он заработал свое имя.

— Но... Я думал, что буду осуществлять общее руководство. В конце концов, это же мой проект.

— Вы думали неверно, сударь, — уведомил его Вик. — На следующие три недели это наш проект.

— Неужели вам не нужны мои предложения и идеи?

К счастью, мы с Виком по дороге обговорили это, поэтому я знала, как именно ответить.

— Позвольте мне поставить вопрос так, Истерий, — сказала я. — Если бы у вас имелись какие-то работоспособные идеи, вы бы попробовали осуществить их сами, не нанимая нас. Так вот, три недели — не жутко большой срок, и мы не можем зря терять время, споря с вами по каждому мелкому вопросу. Единственный для вас способ гарантировать, что вы не поддадитесь искушению давать непрошенные советы и путаться под ногами, это убраться отсюда. Понятно? А теперь решайте. Либо вы предоставляете нам возможность делать работу без постороннего вмешательства, либо производите ее сами, и мы тотчас же расстанемся.

Девол слегка подвyal. Всегда приятно иметь дело с впавшим в отчаяние.

— Разве я вам не понадоблюсь, по крайней мере, для подписания чеков? — слабо спросил он.

— Это ни к чему, если вы свяжетесь с банком и распорядитесь дать нам допуск к финансам, — улыбнулась я.

— А заодно, — предложил Вик, — дайте знать подрядчику, что мы немного изменим окончательную отделку, выполняемую его бригадой. Скажите, что мы встретимся с ним здесь завтра с утра и обсудим эти изменения. Конечно, нам понадобится немедленно посмотреть чертежи.

При этих словах Истерий немного выпрямился и быстро взглянул поочередно на нас обоих.

— Вы не могли бы посвятить меня в свои планы? Похоже, у вас есть на уме что-то определенное.

— Да вообще-то нет, милый, — подмигнула я. — Мы просто очищаем столы для своей работы. Приказ —

превратить третьеразрядный отель-ночлежку в самую большую приманку для туристов, какую когда-либо видел Дева. А теперь не изволите ли пошевелиться, чтобы мы могли начать?

На просмотр чертежей нам потребовалось много времени. Строительство никогда не вызывало у меня большого интереса, и поэтому мне потребовалось какое-то время для понимания, что означают все эти линии и примечания. К счастью, Вик в прошлом, когда он подумывал завязать с магией, немного изучал архитектуру и поэтому смог мне многое объяснить... или, по крайней мере, настолько, чтобы я улавливала, о чем он толкует.

— Будем смотреть фактам в лицо, Маша, — откинулся он, наконец, на спинку кресла. — Сколько бы мы ни паялились на эти чертежи, они не изменятся. Он построил здесь ни что иное, как коробку, полную номеров. В этом строении примерно столько же индивидуального, сколько у какого-нибудь статистика... то есть немного меньше, чем у бухгалтера.

— Надо признать, — заметила я, — постройка эта занимает большое пространство.

Я могла понять, почему нервничал наш клиент. Здание было заурядным, но в нем пять этажей заурядности покрывали немалый кусок земли. Лишней земли для расширения хватало, бум в тот момент казался маловероятным. Истерий явно вбухал кучу денег в это предприятие и мог никогда их больше не увидеть, если никто не снимет здесь номера.

— Скажи-ка, Вик. Твое родное измерение ориентировано на развлечения и поэтому соперничество за толпы должно быть у вас очень сильным. Что вообще заставляет нынче публику валом валить к вам?

Вампир на несколько мгновений нахмурился, думая над моим вопросом.

— Ну, это зависит от того, за какой клиентурой охотишься. Можно нацелиться на семейные группы или на ушедших на пенсию. Мой любимый слой — молодые профессионалы. Они обычно еще не обзаводятся семьями или вообще обходятся без них, и, значит, у них есть и деньги, и время. Для этого слоя лучше всего клубы. Если бы я действительно хотел привлечь толпы в новое заведение, то, вероятно, открыл бы хорошую дискотеку.

— Вот теперь мы говорим дело. Как по-твоему, мы сможем организовать ее за три недели?

Мой напарник покачал головой и рассмеялся.

— Секундочку, Маша. Я же просто размышлял вслух. Даже если бы я смог придумать план устройства клуба, то для него нет места.

Теперь настала моя очередь рассмеяться.

— Вик, милый, если у нас чего и хватает, так это места. Смотри сюда...

Я щелкнула пальцами по чертежам первого этажа.

— ... Что, если мы сшибем внутренние стены на наземном уровне? Это даст нам пространство, нужное для твоей дискотеки.

— Слишком много пространства, — указал, изучая планы, вампир. — Ключ к успеху любого из таких клубов — сделать его довольно маленьким, чтоб посетителям приходилось ждать, пока их впустят. Кроме того, если мы снесем все внутренние стены, то будет недостаточно опор для всего строения.

В голове у меня начала складываться одна идея.

— Тогда попробуем так. Мы сохраняем весь внешний периметр номеров... превращаем их в лавки или что-нибудь в этом духе. Это даст дополнительную опору и сократит площадь твоего клуба. А если она все равно слишком велика...

— Примерно в четыре раза больше, чем надо.

— Угу. А что ты скажешь насчет казино? Я еще не видела ни одного игорного дома, который не привлекал бы туристов целыми стаями.

Вик выразил свое восхищение, тихо присвистнув.

— Ты мыслишь немелко, так ведь? Мне удивительно, что ты не думаешь выколотить деньги еще и с территории.

— Я не могу решить, что выбрать: площадку для гольфа или парк развлечений, — ответила я. — Это может временно подождать, пока мы не увидим, как работает остальное.

Примерно тут-то я и заметила, что малыш Вик снял свои темняки и изучает меня взглядом. Я привыкла видеть, как на меня пялятся, но в выражении его лица было что-то беспокойное, ненормальное, если вы понимаете, о чем я говорю. Я подождала, пока он выскажет свое мнение, но через некоторое время молчание стало действовать мне на нервы.

— Чего ты так глядишь на меня, Молодой и Кроважидный? У меня вдруг выросла новая голова?

Вместо того, чтобы ответить, он продолжал пялиться на меня, в то время как я подумывала, не отдубасить ли его просто для разрядки напряжения.

— Знаешь, Маша, — сказал он наконец, — для так называемой ученицы ты весьма сообразительная. При твоих нарядах и речи это легко проглядеть, но за всем этим маскарадом таится немалый ум, не так ли?

Если мне с чем-то и трудно справиться, так это с похвалами... возможно потому, что я не так уж часто их слышу. Чтобы скрыть смущение, я поступила как обычно — укрывшись за смехом.

— Не давай одурачить себя оболочке, Клыкастик. Вспомни, я привыкла быть независимой до того, как записалась в шайку Скива. Маг города-государства Та-Хо, а потом Вэйгаса на Джакке, вот кем я была.

— В самом деле? Я об этом не знал.

Это показывает, как я разнервничалась. Не могла даже вспомнить, как мало Вик знал о нашей фирме и ее сотрудниках.

— Именно тогда-то я и столкнулась с Вундеркиндом. Он тогда попал в беду... фактически, у Скива, кажется, в крови заложено попадать в беду. Напомни мне как-нибудь рассказать тебе о том, в какую переделку он угодил, когда я присоединилась к шайке.

— А почему не сейчас? — предложил он, откидываясь в кресле. — Я никуда не бегу, а для узнавания побольше о своих партнерах по бизнесу не может быть лучшего времени, чем настоящее.

Как вы, вероятно, заметили, мне не терпелось уйти подальше от прежней темы, и разговор о Скиве казался именно тем билетом, какой я искала.

— В то время его большой зеленый наставник убрался, понимаешь ли, на Извр... какая-то семейная неурядица. Так или иначе, король подвел Скива, поручив ему постоять за него, якобы для того, чтобы его королевское величество смогло уйти в отпуск... скажем, на день-другой. Вот только парень позабыл при этом упомянуть нашему коллеге, что скоро должна появиться его будущая супруга, некая королева Цикута, ожидающая вступления в брак с тем, кто бы ни сидел на троне.

— Королева Цикута?

— Уверяю тебя, она была настоящая прелесть. Не будь она дочерью короля, то, вероятно, в раннем возрасте кончила бы на виселице. А так она кончила, управляя самым богатым королевством в том измерении и собираясь слить его с самыми лучшими военными силами в округе... которые находились в королевстве, где стерег трон Скив.

Вик нахмурился.

— Если она и так уже могла купить все, что хотела, то для чего ей понадобилась армия?

-- Для приобретения тех побрякушек, которые не продавались. Видишь ли, у каждого из нас есть свои маленькие мечты. Она мечтала править миром. Вот тебе королева Цикута. Особа с нравственностью мартовской кошки и скромными стремлениями Чингисхана.

— И вы вдвоем остановили ее?

— Откровенно говоря, остановил-то Скив. Я всего-навсего изловила короля, и мы смогли посадить его обратно на трон, где ему и полагалось быть. Скив заставил их надеть пару неснимающихся обручальных колец, связывающих их жизни друг с другом. И значит, если королевушке захочется убрать королька для расчистки пути к небольшому покорению мира, то она одновременно перережет горло самой себе.

— Где же он их нашел? Я никогда не слышал о такой штуке.

Я хохотнула и подмигнула ему.

— И все прочие тоже. Они получили какое-то ювелирное барахло, продаваемое уличным лоточником здесь, на Базаре, вместе с байкой, сочиненной неким Скивом Великим. Я хочу сказать, что он повесил им лапшу на уши, но этого хватило для охлаждения пыла Цикуты. Ловкий ход, не правда ли?

Вместо того, чтобы присоединиться к моему смеху, вампир подумал несколько секунд, а затем покачал головой.

— Чего-то я не возьму в толк, — сказал он. — Слушай, не пойми меня превратно... по-моему, Скив отличный парень. Судя по всему, он применяет не так уж много магии, а когда и применяет, то весьма слабую. Так как же он мог создать вокруг себя организацию с талантами высокого полета, вроде тебя и других?

— Магия бывает разная. У Скива... как бы это объяснить? Возможно, он и не силен по части кривле-крабле-бумса и разбирается в женщинах не больше, чем Квазимодо, но сердца у него хватит на трех обычных людей.

Я слегка стукнула его по руке.

— Помнишь, как я говорила, что попадать в беду у него в крови? Но истина в том, что чаще всего он выручает кого-то другого, действительно заслуживающего того, что ему выпало. В той операции с Цикутой, о которой я тебе только что рассказала, он мог, узнав, чем дело пахнет, тут же скрыться за горизонтом... Но

это оставило бы целое королевство без вождя, и поэтому он остался. Когда я встретила с ним, он старался освободить Тананду, после того как та попала при попытке украсть подарок ко дню рождения Ааза. Черт, как я помню, в первый раз наши с тобой пути скрестились, когда мы устраивали его наставнику побег из тюрьмы. Вот таков Сквив, если ты понимаешь, что я имею в виду. Он всегда из кожи вон лезет, пытается сделать то, что считает правильным, и возникает ощущение... не знаю... ну, что если ты поддержишь его, то он сумеет этого добиться. Даже если это не сработает, ты чувствуешь, что сделала в своей жизни что-то хорошее, а не просто болталась ради собственной персоны. Я говорю понятно?

— Больше, чем ты думаешь, — отозвался Вик. — Если я правильно тебя понял, он устанавливает высокий личный стандарт и вследствие этого привлекает к себе людей, впечатленных искренностью его действий... которые в свою очередь стараются не отстать по степени отдачи, воспринятой ими в нем. Интересная теория. Надо будет подумать над ней.

Я не могла не заметить, что как только старина Клыкостик увлечется чем-то, он тут же начинает больше походить на профессора колледжа, чем на ночелюбивого кутилу. Это вызвало у меня легкое любопытство, но так как я не люблю, когда люди пытаются увидеть во мне больше, чем я хочу показать, то решила не говорить об этом.

— Кстати, о теориях, — сказала я. — У нас есть одна, которая не сработает сама по себе без большого нажима с нашей стороны.

Вампир вытянул руки и зевнул.

— Ладно. Я позабочусь о дискотеке и архитекторе, если ты сможешь начать кумекать насчет казино и лавок. Идет?

Должна признаться, его энтузиазм немного ошеломил меня.

— Ты имеешь в виду, прямо сейчас? Уже довольно поздно.

Он показал мне в легкой усмешке свои клыки.

— Для тебя, возможно. А мы, ночной народ, только начинаем пробуждаться и, значит, мне самое время разведать насчет оркестра и obsługi бара. И если у нас разные задачи, у меня не возникнет затруднений, когда ты захочешь немного всхрапнуть, прежде чем отправиться в свой обход. Что ты скажешь, если мы встре-

тимся завтра здесь в это же время для введения друг друга в курс дела?

Ну, ребята, я, может, немного задираю нос, но первая признаюсь, что маленькая Маша всего не знает. Один из многих предметов, по которому я ничего не смыслю, это — как управлять казино. Поэтому мне потребуются услуги эксперта... по части казино, то есть.

На его поиски у меня ушло некоторое время, но, наконец, я наткнулась на свою цель. Он ссутулился за столиком в глубине темного бара и, судя по его виду, дела у него шли не очень-то хорошо. Я была рада это видеть... не то, чтобы я желала ему зла, просто, это немного облегчало задачу.

— Приветик, Живоглот, — поздоровалась я, садясь за столик. — Не возражаешь, если я присоединюсь к тебе?

Он пару раз мигнул, пытаясь сфокусировать глаза, прежде чем понял, что говорящая с ним особа действительно такая крупная.

— Ну и ну. Провалиться мне, если это не какая-то оторва из корпорации “М. И. Ф.”. Что привело тебя в этот перелесок, Маша? Благотворительность?

Я пододвинула стул так, чтобы сесть рядом с ним. Он же не сказал “нет”, а это примерно соответствует самому радушному приглашению, какое я обычно получаю.

— Я знаю, Живоглот, ты занят, и поэтому буду говорить с тобой напрямик. Мы варганим одну небольшую операцию, и я хотела бы, чтобы ты в ней участвовал. Интересуешься?

— Ну, что ты скажешь. После того, как заставил меня продать клуб и выставил на улицу, Великий Скив предлагает мне сделку. Ну разве это не прелестно!

Возможно, я не знаю казино, но узнаю пьяного, когда вижу его. Ввиду того, что сейчас только-только наступил закат, что для Живоглота равняется раннему утру, он находился в весьма скверном состоянии. Беда в том, что мне он требовался трезвый. В другой раз я отвела бы его куда-нибудь проспать, но сейчас я спешила. Это требовало решительных действий.

Оглянувшись крутом и убедившись, что свидетелей нет, я нагнулась вперед, обвила его руками за шею и устроила ему самый долгий и смачный поцелуй, какой я знаю. Поцелуи — еще один предмет, в котором я более менее понимаю, и этот конкретный пример длился довольно долго. Когда я почувствовала, что он начи-

нает бороться за дыхание, то отпустила его и выпрямилась.

— Чо... кто... Маша! — ахнул он, словно выуженная из воды рыба. — Что случилось?

Я похлопала ему ресницами.

— По-моему, я не улавливаю, к чему ты клонишь, Большой и Красный.

Несколько секунд Живоглот просто сидел, моргая глазами и положив одну руку на макушку, словно боясь, как бы не слетела голова.

— Я... я не знаю, — сумел наконец выдать он. — Я пил уже... какой сегодня день? Неважно!.. Главное давно. И вдруг я внезапно пробуждаюсь мертвецки трезвым. Что случилось? Ты давно здесь?

Я улыбнулась про себя и мысленно приняла ободряющее похлопывание по спине. Мой послужной список по-прежнему не знает сбоев. Мне бессчетное число раз говорили: ничто не отрезвляет так полно и так быстро, как небольшое объятие и поцелуй Маши.

— Довольно давно, чтобы застать подъем занавеса, — ответила я. — Однако, теперь, когда мы все присутствуем и имеем место, я хочу, чтобы ты внимательно выслушал одно небольшое предложение.

Живоглот, бывало, считался одним из самых крупных букмекеров на Базаре. Одно время он имел собственный клуб под названием "Равные Шансы". Конечно, это было до того, как Скив поймал его на применении крапленых карт и настойчиво предложил ему продать свой клуб нам. Я не знала точно, как прореагирует През на подключение Живоглота к этому новому проекту, но я не могла припомнить никого другого, обладавшего необходимыми для организации казино знаниями и в настоящее время безработного.

— Не знаю, Маша, — сказал он после того, как я объяснила ему ситуацию. — Звучит-то это хорошо... но казино — операция крупная. А я сейчас совсем не купаюсь в первоначальных капиталах.

— Так начинай помаленьку и раскручивайся. Слушай, Живоглот, заведение предоставляет помещение и декор даром. Тебе понадобится всего-навсего установить систему безопасности и подыскать нескольких крупные для работы за столами.

— Ты сказала "даром"?

Мне пришло в голову, что его не следовало так здорово протрезвлять. А теперь он снова мыслил, как девол-букмекер.

— Ну... практически. Как я понимаю, заведение войдет в долю и, значит, за помещение тебе придется платить, только если будешь терять деньги.

— Это не проблема, — улыбнулся Живоглот. — С теми крупье, о каких я думаю, мы не сможем оказаться в проигрыше.

Это мне почему-то не понравилось.

— Надеюсь, мне незачем говорить, что мы ожидаем от тебя чистой работы, Живоглот, — предупредила я. — Мне думается, Великий Скив не захочет участвовать в организации жульнического казино. Довольствуйся нормальными выигрышами по шансам, подобранным заведением. Идет?

— Маша! Ты меня обижаешь! Разве я когда-нибудь вел что-нибудь, кроме честной игры?

Я бросила на него суровый взгляд, и у него хватило приличия слегка покраснеть.

— Насколько я знаю, только однажды, — сказала я, — и если я правильно помню, именно Скив тебя в тот раз и поймал. На твоём месте я постаралась бы не пачкаться... если ты не хочешь проснуться однажды утром на шершавом листе лилии.

Живоглот чуть больше выпрямился на стуле и утратил свою усмешку.

— Он действительно сможет это сделать?

— Это просто поговорка, но думается, ты уловил смысл моих слов. Только помни, ты со своей бригадой терял деньги лишь в тех случаях, когда тебя подговаривали ставить против нас.

— Это верно, — признал девол с задумчивым кивком. — Кстати, о Скиве, ты уверена, что тут не будет затруднений? Когда я видел его в последний раз, мы были не в самых лучших отношениях.

— Ты, главное, беспокойся о казино, а Скива предоставь мне, — уверенно улыбнулась я, надеясь, что знаю, о чем говорю. — В любом случае Скив не из тех, кто держит зуб на кого-либо. Если мне не изменяет память, Ааз при той последней встрече очень хотел разорвать тебе горло, и именно Скив предложил дать тебе сорваться с крючка с целой шкурой.

— Верно, — кивнул Живоглот. — У Малыша есть класс.

— Правильно. О! Слушай, коль речь зашла о классе, ты мог бы попробовать сыскать Сен-Сена Анта Кида и предложить ему свой постоянный стол.

Девол чуть склонил голову на бок, глядя на меня.

— Это несложно, но ты не против сказать почему?

— Когда он последний раз оказался тут для матча со Скивом, я была связана опекой спущенного тобой на нас злостного клеветника. И значит, я единственная из нашей команды, не имевшая возможности встретиться с ним... а судя по всему, что я слышала, он парень мне подстать. Кроме того, возможно, он оценит шанс устроиться на постоянную работу, а не скакать все время с игры на игру. Мы все, знаешь ли, не молодеем.

— Это ли не правда, — скорчил гримасу Живоглот. — Слушай, это не такая уж плохая мысль. Имея постоянным игроком лучшего на Базаре мастера игры в Дракониий Покер, казино привлечет немало народа.

Мы поговорили еще немного, но все остальное было уже мелкими деталями. Живоглот вступил в игру, и казино начало приобретать отчетливые очертания.

Возможно, казино и не мой профиль, но никто не разбирается в мелочных лавках лучше вашей покорной служанки. Банни может быть непревзойденной по части поисков классных хаз за приличную цену, а Тананда, безусловно, знает толк в оружии, но по части прямого хождения по магазинам за покупками с дозволением всех приемов они обе Маше в подметки не годятся.

Я заметила эту лавочку задолго до задания, но она застряла у меня в памяти, и поэтому я решила навестить ее. По всей витрине красовались крупные объявления о распродаже “Сдаем дела” и “Идем с молотка”, но они торчали там больше года, и поэтому я не обратила на них большого внимания.

Для лавки в хорошем ряду положение в ней выглядело катастрофическим. Ее товар можно описать только как “барахло”... и это еще щедро. В ней продавались футболки, пепельницы и куколки вперемешку с медикаментами и журналами без всякого особого порядка. Полки ломились от мелочного набора дешевой разнообразности всякой всячины. Тут не встречалось столько предметов одежды, сколько в магазине одежды, столько скобяных изделий, сколько в скобяной лавке... я могла бы и продолжить, но суть вы уловили. Если вам нужно что-то отборное и качественное, вам придется пойти в какую-нибудь иную торговую точку. Короче, это была именно такая лавка, какую я искала.

— Чем могу помочь, сударыня?

Хозяин сидел на табурете за прилавком, читая газету. Он не встал, когда заговорил со мной, и поэтому я решила немного встряхнуть его.

— Разным. Я думаю купить многое... Вы можете предложить мне лучшие условия, если я куплю оптом?

Это вывело его из-за прилавка с появившимся ментально блокнотом.

— Ну, разумеется, сударыня. Всегда готов на сделку. О чем именно вы думаете?

Я не спешила с ответом и снова оглядела лавку.

— Не могли бы вы назвать мне цену за все в лавке.

— Все? Вы сказали, все?

— Все... включая вас с вашим обаянием.

— Не понимаю, сударыня. Вы говорите, что хотите купить мой магазин?

— Не магазин, а просто все, что в нем находится. Я думаю, эта лавка сможет торговать лучше на новом месте. А теперь скажите откровенно, как у вас шли дела в последнее время?

Владелец швырнул блокнот и карандаш обратно на прилавок.

— Честно? Не шибко. Мой главный поставщик этого барахла только что поднял цены... что-то, связанное с новым профсоюзом у него на фабрике. Я должен либо поднять свои цены, что не поможет, так как этот товарец и без того трудно сбавить, либо закрывать торговлю, о чем я серьезно подумывал.

Я сочла за лучшее воздержаться от замечаний об упомянутом им профсоюзе.

— Как по-вашему, торговля на новом месте поможет?

— На новом месте... подумаешь! Это же Базар на Деве, сударыня. Для прохожих один ряд лавок ничем не отличается от любого другого. В любом из этих рядов можно найти товар получше моего.

Дело оборачивалось даже лучше, чем я надеялась.

— Предположим, — сказала я, — просто предположим, что новое место находится в отеле, и предположим, что в отеле есть казино и дискотека. Это даст вам невольных покупателей, так как никто не захочет покинуть здание и куда-то брести в поисках того, что он может купить прямо на месте.

— Отель и казино, да? Не знаю, однако. Барахло все равно барахло.

— Отнюдь, если у вас есть исключительное право печатать на всем продаваемом название заведения. Барахло с названием на нем — это уже сувениры, и народ стремится купить их побольше. Верно?

Лавочник начал приходить в волнение.

— Совершенно верно! У вас есть такое заведение, сударыня? Сколько просят за аренду?

— Минимум, с долей, идущей заведению. Как это звучит?

— А какова у вас доступная площадь? Если я смогу расшириться, то смогу получить от поставщика оптовую скидку и все равно повысить цены. Скажите, вы еще не нарисовали эмблему?

— Как-то не подумала об этом.

— Ладно. У меня есть шурин, работающий качественно и недорого... и к тому же быстро. Как насчет ресторана? Всем этим клиентам понадобится где-то есть.

А вот это как-то ускользнуло и от Вика и от меня.

— Ресторана?

— ... потому что если у вас его нет, то я знаю одного парня, искавшего, куда бы перенести свой гастроном, так как в том месте, где он торгует, повысили арендную плату.

У меня сложилось ощущение, что мои проблемы с магазинами разрешены.

— Вот что я вам скажу, Господин с Хорошими Связями. Вы скажете об этом деле всем, кто, по-вашему, впишется в эту сделку, а я вернусь завтра с планами этажа. Вот тогда и распределим кому какая достанется площадь.

В целом, дела с выполнением наших планов по реконструкции отеля шли довольно гладко. Но, как оказалось, при всех наших расчетах мы проглядели одну деталь.

— Нам нужно название! — в сотый раз простонал Вик, расхаживая по кабинету.

Я оторвала взгляд от своих каракулей в настольном блокноте Истерия.

— А как он собирался назвать его?

— “Гостиница Истерия”.

— В самом деле, не такое уж плохое название?

Мы переглянулись.

— Да, — ответили мы в один голос.

— Мы могли бы придумать лучшее название во сне.

— Восхитительно, Вик. Какое же ты нашел?

— Прошу прощения?

— Название. Ты сказал, что можешь придумать лучше во сне.

— Я сказал, мы можем придумать лучшее название во сне. Считается, что мы работаем на пару.

Я беспомощно пожала плечами.

— Я не сплю.

— Нам нужно название! — в сто первый раз простонал мой напарник.

— Посмотри лучше на светлую сторону, Клыкастик. По крайней мере, нам не приходится преодолевать уже запущенную рекламную кампанию.

Вампир плюхнулся в кресло.

— Что верно то верно, — проворчал он. — Просто не могу поверить, какой сквалыга этот девол. Он собирался открыть отель вообще без всякой рекламы!

— Нулевая конкуренция, помнишь? Если ты считаешь быть единственной игрой в городе, тебе не нужна реклама.

— Ну, я думаю, мы можем распрощаться с мыслью о выполнении этой задачи, не превышая бюджета, — мрачно предрек Вик. — Сожалею, Маша, я знаю, как ты старалась срезать углы по части расходов.

— Забудь про это, — отмахнулась я. — Так или иначе, под каким соусом нам, по-твоему, следует проталкивать эту коробку?

— Обычной газетной рекламы будет недостаточно, хотя нам и придется все равно прибегнуть к ней. Когда до открытия так мало времени, нам требуется придумать что-то дополнительное для извещения публики.

— Как насчет афиш?

Вик скорчил гримасу.

— Не знаю, Маша. Думаю, пара афиш погоды не сделает.

— Я думала скорее об уйме афиш... о штуках пятидесяти, развешанных в радиусе десяти миль.

— ... подальше на большем расстоянии друг от друга, а чем ближе подходишь, тем они гуще, — задумчиво добавил он. — Мне это нравится! Конечно, это будет стоить денег.

— Ну так урежу немного кое-где по декоративной части. Мне лучше взяться за нее поскорее. Ничего слишком классного, заметь себе. Нам нельзя никого отпугивать. Нам нужен тот самый, кто изготавливает вывески Рептильным Фермам. Именно такая привлекательность нам и требуется.

— Я знаю такого парня, — Вик зачирикал в блокноте. — Это снова приводит нас к первоначальной проблеме.

— Верно. Нам нужно название.

Вампир резко вскинул голову.

— Эй! Это же моя реплика.

— Извини.

— Это провал, понимаешь?

— Как насчет этого? “Провал”?

— Нет. Как насчет “Дурдома”?

— Угу. “Чертов Провал”?

— Ты выберешься куда-нибудь из провалов?

— Ну, тогда, как насчет...

Остановились мы в конце концов на “Веселом Доме”. На наше суждение немного повлияло то обстоятельство, что я сумела обнаружить обедневший паноптикум. Мы позволили ему обосноваться на нашей территории, а они дали нам на выбор украшения своей выставки.

Самыми лучшими оказались большущие фигуры на коньках... и особенно павильон смеха. Фигуры эти свезли со всех измерений, и они двигали руками и головами, в то время как скрытые динамики выдавали прохожему “Хо Хо Хо”. Я сочла их восхитительными и распорядилась установить все перед отелем... за исключением Толстой Дамы. Ее я установила в мужском туалете при входе в отель.

Как только мы это проделали, остальные украшения тотчас обрели свое место. Мы мало чего могли сделать для придания строению оригинального вида, поэтому я велела выкрасить его в широкую полосу... как цирковое шапито, только с большим числом цветов.

Вик устроил дискотеку, на вид — красота. Все выдержано в черных тонах: полы, стены, потолок, мебель, все. Он также прикрепил к стенам и потолку столы и стулья под разными углами с манекенами натуральных размеров в вечерних нарядах. В целом возникал эффект дезориентации, так что когда играл оркестр и мерцали огни, ты действительно не знал где верх, где низ. Для усиления этого эффекта танцплощадка была устроена с легким наклоном и медленно вращалась. Впечатление такое, словно висишь в пространстве, увлекаемый одновременно космическими ветрами и гравитацией. Он даже назвал клуб “Провалом” в знак уважения ко мне и извинения за столь упорное отрицание этого названия, когда я предложила его для отеля.

Ответственность за казино лежала только на мне, и я решила размахнуться. Я нашла художника с чувством юмора, и мы разрисовали это заведение в защитные цвета... если не считать того, что вместо применения зеленого и коричневого, мы налегали, главным образом, на основные цвета в оттенках дневного свечения атмосферы. И в качестве венчающего штриха расставили по всему заведению зеркала, но пустили мы на это кривые зеркала из циркового Павильона Смеха. Это не только придавало заведению иллюзию большого простора, но и показывало клиентам, когда они смотрели на себя в зеркала, что у них очертания столь же расплывчаты, как и у декора. И непроизвольно вставал в уме вопрос, а в какой же именно реальности ты находишься.

Вик боялся, что воздействие всего комплекса в целом будет немного ярким. Но я возразила, что идея в том и состоит, чтобы выделиться из толпы и дать людям знать о нашем появлении. Я, однако, проявила достаточно гибкости, согласившись, что нам следует на встрече с Истерием за ночь до открытия иметь рядом Скива. Так как ведение переговоров не было моей сильной стороной, и я понятия не имела, как прореагирует клиент на наши весьма новаторские идеи.

— Вы меня разорили! Вот что вы сделали!

Это говорил наш клиент. По его словам вы можете угадать, что он был менее чем доволен нашей работой. Если вы учтете, что он так убивался после того, как мы потратили целый час на его успокоение, то сможете точно представить, как он был несчастлив.

— Я не уверен, что понимаю, какая у вас проблема, господин Истерий, — сказал Вик. — Если у вас есть жалобы...

— Жалобы? — завизжал девол. — Да я не знаю, с чего начать! Что вы там, по-вашему, наделали?

— Мы превратили вашу ночлежку в отель, дающий прибыль. Именно это нам и полагалось сделать.

Я пыталась не вступать в этот разговор из-за своей горячности, но все же мне следует вставить пару слов.

— В отель? Это не отель! Отель вам оставил я! А когда я вернулся, он стал балаганом! И что вы подразумеваете под прибыльным? Все номера на первом этаже исчезли! Это сокращает мои доходы с номеров на двадцать процентов!

— Двадцать процентов пустого отеля все равно ничто! — огрызнулась я.

— Маша права, — встал между нами Вик. — Это пространство потребовалось нам для аттракционов, привлекающих клиентов. Кроме того, все устроенное нами там, принесёт отелю доходы.

— Не принесет, если они ничего не продадут! — возразил Истерий. — Вы были в какой-нибудь из этих лавчонок? Видели продаваемое там барахло? А цены... за чашку кофе в вашем клубе дерут больше, чем я бывало платил за целый обед!

— Не все едоки такие скряги, как вы, — пробурчала я себе под нос.

— Что?

— Я сказала, что вы загребете кучу денег, когда они сорвут банк... то есть, продадут товар покупателям.

— Но ведь не будет у них никаких... О-о-о! Я разорен!

Девол опустилсся в кресло и закрыл лицо руками.

— Конечно, если вы хотели предварительно ознакомиться с планом, вам следовало бы остаться. А так Маше с Виком пришлось полагаться только на свое суждение, — заговорил со своего кресла в углу Скив.

— Остаться! — резко вскинул голову Истерий. — Да они заставили меня уехать! Они сказали, что если я хочу воспользоваться услугами вашей фирмы, то должен доверять им!

— Именно, — кивнул Скив, не моргнув глазом, меняя тактику. — Вам требовались наши услуги, вы доверились нам, и мы вам услужили. Не понимаю, какие тут могут быть жалобы.

— Какие жалобы? Да такие, что вы содрали с меня все, вплоть до шкуры... авансом... для того, чтобы выставить меня из бизнеса! Если бы я потерял деньги на обычном отеле, это было бы плохо, но потерять деньги и сделаться вдобавок посмешищем... — На глазах у спекулянта недвижимостью навернулись слезы. — Я ведь вложил деньги родственников жены. Я смогу выдать прибыль, если только у меня будет капитал, сказал я им. А теперь...

Голос у него прервался, и он снова повесил голову.

— Если проблема только в этом, то возможно, мы сумеем что-нибудь устроить.

— Забудьте об этом! Сокращение вашего гонорара не поможет. Мне нужно заколачивать деньги, а не терять их меньше.

— Я ведь подумал о снятии с ваших плеч этого отеля. О прямой покупке его.

Я метнула быстрый взгляд на Скива. Он откинулся на спинку кресла и изучал глазами потолок.

— Вы серьезно? — с надеждой спросил девол.

— А почему бы и нет? Таким образом, вы получите прибыль размером... скажем, пятнадцать процентов от стоимости?.. За здание и землю, а заставить комплекс работать, не говоря уж о хлопотах с его репутацией, будет нашей проблемой. Именно это мы и согласились сделать с самого начала... в некотором роде.

Истерий очутился на ногах, горячо пожимая руку Скива, чуть ли не раньше, чем През кончил говорить.

— Знаете, что я вам скажу, Скив... господин Скив... вы настоящий джентльмен. Это замечательно! Как раз, когда я уже думал... не могу сказать вам, как я благодарен...

— Не стоит упоминать об этом, — высвободил руку Скив. — Почему бы вам не пройти тотчас же ко мне в кабинет? Моя секретарша все еще там. Просто объясните ей все, и она примется составлять документы. Я хочу сказать несколько слов своим агентам, а потом подойду подписать соглашение.

— Иду, — помахал рукой девол. — Ну дела. Все никак не могу...

— Но вы, конечно, понимаете, что у нас нет на руках такой суммы наличных. Нам придется выплачивать частями и договориться о каком-то графике выплат.

— Прекрасно. Прекрасно. Лишь бы мы заключили контракт, гарантирующий мне прибыль.

Затем он удалился, оставив нас, молча смотревшими друг на друга. Наконец, Скив собрал нас взглядом.

— Аншлаг полный? — спросил он, подтверждая сообщенное ему нами в отчете.

— ... на три недели, с поджидающим списком для вычеркивания, — подтвердил Вик. — Мы принимаем заказы за полтора года вперед.

— ... а Истерий не знает?

— Он так и не спросил, а у нас не было случая ему сообщить, — пожала плечами я. — Ты же видел, в каком он состоянии.

Скив задумчиво кивнул.

— Это значит, если верны мои расчеты, что мы сможем полностью расплатиться с ним меньше, чем через три месяца... не включая доли с казино и лавок.

Он поднялся и потянулся, а затем подмигнул нам.

— Пошли, ребята, — сказал он. — Думается, я разорюсь вам на рюмочку.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

*Если вы слишком заняты,
чтобы помогать своим друзьям,
значит, вы слишком заняты!*

Л. Якокка

На самом деле я не испытывал такого уж восторга от приобретения "Веселого Дома". Безусловно, он проворно заколачивал нам деньги, но я как-то никогда не рассчитывал владеть отелем-казино. И не считал хорошей идеей создавать прецедент, выкупая собственность неудовлетворенного клиента, какой бы выгодной ни оказалась эта сделка. А так-то родственники Истерия (по линии жены) пытались объявить сделку недействительной на том основании, что он, должно быть, пребывал не в здравом уме, раз продал такой прибыльный бизнес за подобную цену. Я особо не тревожился, так как это все же Базар на Деве, и если всякого, заключившего неудачную сделку, объявлять безумцем, рухнет вся экономика.

По настоящему, беспокоила меня другая сторона сделки, означавшая необходимость снова сотрудничать с Живоглотом. При прошлых делах с ним он последовательно оказывался озабоченным в первую очередь наполнением собственных карманов, не особо считаясь со всеми прочими, и я считал опасным ставить его в положение, дающее ему такой искушающе легкий доступ к нашим деньгам или даже к части их.

И все же я не мог спорить с логикой Маши, требовавшей подключить его к операции. И в то же время, когда она подкатилась к нему, то не представляла, что в конечном итоге он будет отчитываться перед нами. Банни заверила меня, что она лично проверяла финан-

совые отчеты казино, присылаемые Живоглотом вместе с нашей долей доходов. Но, несмотря на это, у меня появилась потребность тратить продолжительное время на личное изучение пространных списков, ожидая найти намек, что он каким-то образом снимал пенки для своего личного счета.

Проверкой финансовых отчетов Живоглота я и занимался в тот самый полдень, отложив в сторону бесчисленные письма и работу, требовавшую времени. Однажды Банни сказала мне, что немалый процент бухгалтеров и ревизоров действовали скорее назло, чем руководствуясь каким-то инстинктивным или благоприобретенным пониманием. То есть, чем замечать определенные нарушения в изучаемых ими документах, они выделяли какой-то насоливший им отдел или директора, позволявших себе иной раз отпускать в их адрес ехидные замечания на фирменной вечеринке, а затем просматривали их отчеты очень (!) внимательно. По ее утверждениям, если посмотреть достаточно пристально, то найдешь изъяны или подозрительные места в отчетах любого.

Должно быть, так оно и есть, если ты умеешь щелкать цифры как орехи. Я же всего-навсего открыл, что длительные периоды времени, потраченные на разглядывание колонок мелких цифр, вызывают боль... буквально и фигурально. Конкретней, погорбившись несколько часов над отчетами, я чувствовал судороги и колющую боль в глазах, шее, спине и областях ниже.

Откинувшись на спинку кресла с целью снять напряжение и чуть потянуться, я перевел взгляд на карандаш, брошенный мною в порыве отвращения и усталости на стол. Усмехнувшись, я мысленно потянулся к нему, схватил его и метнул в воздух. Чем занимаются маги, когда скучают или подавлены? Шалют с магией!

Помните, как когда-то давным-давно, в стародавние времена я потел и стонал, левитируя перо. Те дни давно минули. Ничто так не поднимает уверенность, как несколько лет применения азов, вроде левитации, для спасения собственной шкуры... а, как всегда говорил мне Ааз, уверенность — это ключ к магии.

Я поднял карандаш к потолку, остановил, а затем отправил на экскурсию по кабинету, резко останавливая на каждом углу и сворачивая под прямым углом. Прodelывая с ним разные па, я вдруг понял, что насвистываю себе под нос какой-то мотивчик, и поэтому, приводя его к точке над столом, я начал применять его в

качестве дирижерской палочки, делая по мере нарастания мелодии знак вступить барабанам и трубам.

— Приятно видеть, что ты постоянно набиваешь руку.

Я взглянул на дверь и обнаружил там своего старого наставника, наблюдавшего за моей работой, прислонившись к дверному косяку.

— Привет, Ааз, — поздоровался я, продолжая плавно двигать карандаш. — Ну, дел свалилось столько, что у меня мало времени для тренировок, но я все же время от времени применяю какие-нибудь чары.

Как бы небрежно я ни говорил, втайне я очень радовался, что карандаш не дрогнул, когда Ааз внезапно окликнул меня. Ненарушение сосредоточенности на чарах или, скорее, сохранение чар после того, как сосредоточенность нарушена, было одним из наиболее трудных уроков, преподанных мне Аазом, и, по-моему, я, наконец, усвоил его на “отлично”. И надеялся, что он заметил это.

— Есть несколько минут для старого партнера?

— Разумеется, пододвинь кресло.

Я решил, что будет невежливым продолжать играть с карандашом, пока говорю с Аазом, и поэтому привел канцтовар туда, где мог, нагнувшись вперед, плавно выдернуть его из воздуха. Однако, Ааз, казалось, не заметил. Он слегка вытянул шею, разглядывая разбросанные по столу бумаги.

— Что это такое?

— А, просто просматриваю финансовые отчеты “Веселого Дома”. Я все еще не полностью доверяю Живоглуту.

Ааз развалился в кресле и чуть склонил голову на бок, глядя на меня.

— “Веселого Дома”, да? У меня как-то не было случая поговорить с тобой о нем. Ты там провернул фокус еще тот.

Я почувствовал себя согретым и польщенным его замечанием. Хотя технически мы считались равными... уже какое-то время... он по-прежнему был для меня старым учителем, и я никак не мог не прореагировать на его похвалу.

— Это казалось самым лучшим выходом из скверного положения, — небрежно обронил я.

— Совершенно верно, — кивнул он. — Всегда легче решить проблему, выбросив на нее деньги, чем придумывая способ выкрутиться.

Слова его вдруг перестали казаться похвальными. Я почувствовал, как моя гордость со скоростью задутый свечи превращается в оправдание.

— По-моему, финансовые доходы фирмы более чем оправдали мудрость этого вклада.

Это звучало немного напыщенно, даже для меня. Я заметил, что последнее время все больше и больше прибегаю к напыщенности при объяснении в ситуациях, где я прежде скулил о своей неопытности или отсутствии рабочих данных.

— Я никогда не принадлежал к тем, кто жалуется на получение чистой прибыли, — сверкнул зубами Ааз, раздвинув в усмешке рот до ушей. — Даже когда это означает приобретение нежеланного и ненужного нам казино.

Это определенно походило на предстоящую лекцию вместо благодарственного адреса за отлично проделанную мною работу. Хотя я мог уделить время для болтовни и всегда мог найти время для разговоров типа — “вот молодчина”, мне не хотелось выслушивать разъяснение своих недостатков.

— Ну, сделанного не воротишь, а анализ задним числом — это чисто академические рассуждения, — живо сказал я, резко обрывая разговор о казино. — Зачем ты хотел меня видеть?

Я чуть было не начал возиться с бумагами на столе, дабы подчеркнуть, как я занят, но вовремя вспомнил, что это финансовые отчеты казино... определенно не подходящий способ увести разговор подальше от этой темы.

— О, ничего особенного, — пожал плечами Ааз. — Просто я отправляюсь на одно небольшое задание и думал, что ты, возможно, захочешь подключиться.

— Задание? Я не давал тебе задания.

И тут же пожалел о своих словах, как только произнес их. Они казались не только бюрократическими, но подчеркивали тот факт, что несмотря на свалившийся на нас тяжелый груз задач, я не находил никакой работы для Ааза.

Мой старый наставник и глазом не моргнул при этой недипломатичной обмолвке.

— На самом-то деле это не задание. Скорее, отпуск на работе. Я собирался немного поработать в свое свободное время. Оказать услугу одному другу, неспособному позволить себе наш обычный гонорар.

Мне следовало бы тут же насторожиться. Если я хоть сколько-нибудь жаден до денег, то перенял это у Ааза за время нашей совместной деятельности. Всякий

раз, когда Ааз говорит об отдаче задаром того, что мы могли бы продать, вроде своего времени, мне следует знать — тут что-то затевается.

— Думаю, Ааз, я не могу уделить на это времени. Я действительно страшно занят.

— ... левитированием карандашей и проверкой расхищения финансов, которые все равно краденные?

Его попытка невинно улыбнуться отстояла от цели достаточно далеко, чтобы быть намеренно неудавшейся.

— Брось, Ааз, это несправедливо. Я и впрямь много работал. Просто мне нужен иной раз перерыв. Вот и все.

— Вот об этом я и говорю, — захлопнул капкан мой партнер. — Тебе самое время вырваться из этого кабинета и побывать в деле, пока ты не стал постоянной частью этого кресла. Тебе нежелательно терять связь со своими войсками, а эта маленькая работенка как раз подходит для напоминания тебе, что это такое — быть на задании.

Чем больше он говорил, тем больше я чувствовал себя обойденным с флангов. И в отчаянии поднял руку.

— Ладно, ладно. Расскажи мне о нем. Кто он — этот твой друг?

— Он скорее знакомый. Ты тоже его знаешь. Помнишь Квигли?

— Квигли? Охотника на демонов, ставшего магом? Того Квигли?

Ааз энергично кивнул.

— Того самого. Кажется, у него возникла проблема, с которой он не может справиться сам... что неудивительно. Я думал, тебе, возможно, будет интересно помочь, поскольку поставили его в такое положение именно мы.

Шах и мат.

— Хорошо, Ааз, — согласился я, скорбно поглядев на заваленный незаконченной работой стол. — Дай только мне кое-что поручить Банни, и я тебя тут же догоню.

РАССКАЗ ААЗА

Джак не особенно изменился со времени нашего последнего визита, но, впрочем, эти захолустные измерения редко меняются. Мы путешествовали под личиной, что мы, изверги, взяли в привычку делать, когда навещаем измерение, где уже побывали, а Малыш перенял ее у меня. Вопреки общепринятым взглядам из-

верги не любят драться все время, а прибыв второй раз в какое-то измерение, мы обычно вынуждены в конечном итоге драться со всяким, кто узнает нас и считает себя лучше подготовленным к схватке, чем при первой встрече. Это только подтверждает взгляд, которого придерживаемся мы, жители Извра. По нашему мнению, все остальные измерения антиобщественные, и нам лучше всего быть первыми для получения преимущества внезапно, не говоря уж о приложении всех усилий для отваживания гостей из иных измерений. Наше измерение достаточно неприятное и без забредающих сюда подымать бучу посторонних подонков.

Конечно, моя принадлежность к извергам не единственная причина, из-за которой многие граждане Джака хотят повесить посушиться наши скальпы. Когда мы проезжали здесь в последний раз, то здорово взбаламутили воду своим внезапным вступлением в Большую Игру. Как бы ни был я стар и циничен, я невольно улыбаюсь при мысли о поднятом нами тарараме.

— Как по-твоему, Ааз, сколько времени займет у нас проблема Квигли? — спросил Скив, вторгаясь в мои разбредшиеся мысли.

— Я в общем-то не знаю, — пожал плечами я. — На мой взгляд, мы лучше представим себе это, когда он сам растолкует нам, в чем заключается эта проблема.

Малыш встал, как вкопанный, и, нахмурясь, посмотрел на меня.

— Ты хочешь сказать, что согласился помочь, не зная, на что ты подряжаешься? Как же ты тогда узнал, что именно мы поставили его в такое положение?

Хоть Скив и показал себя быстро усваивающим уроки, все же бывают времена, когда он может чуть не изводить тебя своей тупостью.

— Чем занимался Квигли, когда мы впервые встретились с ним?

— Охотился на демонов. А что?

— А чем он занимается теперь?

— Когда мы слышали о нем в последний раз, он работал придворным магом Та-Хо.

— А теперь скажи мне, что по-твоему побудило его зарабатывать на жизнь магией вместо махания мечом?

— О.

Несколько секунд он выглядел удрученным, но быстро оправился.

— Я все же думаю, тебе следовало бы выяснить, в чем проблема. Раз мы тут, невозможно предугадать,

сколько она займет времени, а я не могу отрываться от кабинета на слишком долгий срок. Я нынче действительно занят.

— Ну, тогда, — улыбнулся я, — нам следует связаться с ним как можно скорее, а не стоять здесь, споря на улице.

Малыш мелодраматически закатил глаза и снова замаршировал вперед.

Скив сильно изменился за те годы, что я с ним работал. Когда мы впервые встретились, он был совсем малыш. А теперь он — молодой человек... хоть я и склонен все еще думать о нем, как о "Малыше". От старых привычек трудно избавиться. Он вырос из неуклюжего долговязого мальчугана в юношу, которому требуется бриться... хоть и нужно это только от случая к случаю и поэтому он склонен об этом забывать, пока ему не напомнит Банни. Еще поразительней то, как много он приобрел уверенности и самообладания, до такой степени, что у него появился определенный стиль. Было интересно наблюдать, как развивается мой подопечный в последние несколько лет. Просто надо было быть более внимательным к тем направлениям, в каких он развивался.

Видите ли, наиболее симпатичной отличительной чертой Скива всегда была его забота о людях... неподдельная забота.

Шла ли речь о его чувствах к Гаркину, когда его прежний учитель погиб, хотя мой коллега никогда не отдавал Малышу его законную долю, как ученику, или о хлопотах, на которые он пошел, чтобы не уязвить задетое самолюбие Аякса, когда старый лучник усомнился в своей ценности в бою, Скив всегда обладал безошибочной способностью увидеть в людях хорошее и действовать соответственно. Именно поэтому я и остался работать с ним... столь же учить, сколь и учиться.

Однако, в последнее время положение, кажется, меняется. С тех пор как он взялся быть Президентом нашей корпорации, Скив начал все больше беспокоиться о бизнесе и меньше о людях. Другие, возможно, и не заметили этого. Банни и Тананда так заняты попытками перешеголять друг друга, что не заметят, даже если через помещение промарширует духовой оркестр, а у Корреша хватает забот, когда требуется развести их по разным углам. Маша и громилы сильны по части слепой верности. Они живо шагнут с утеса следом за Скивом, не задумываясь и не задавая вопросов. И опять же они

знают его не так долго, как я, и не так хорошо, как я, и могут просто полагать его теперешнее поведение нормальным. Для меня, однако, оно представляет крупную перемену.

Все это дело с покупкой казино только один пример. Тот Скив, которого я знал, настоял бы на том, чтобы Истерий знал все обстоятельства, прежде чем подписать контракт, или по крайней мере дал бы ему более щедрую цену за его усилия. Вместо этого нас угощают демонстрацией такого умения хватать, что плохо лежит, какому позавидует и матерый девол-торгаш.

Всем известно, что я ничего не имею против извлечения прибыли, особенно значительной, пусть даже и с душком... но то я. Скиву полагалось быть в противовес — гуманистом. В то время, как я учился у него взаимоотношениям с людьми, он, боюсь, усваивал у меня не те уроки... или чересчур хорошо усваивал те.

В любом случае, именно потому-то я и не выбросил письмо Квигли в мусорную корзину, когда оно добралось к нам на Базар. Я счел, что оно даст мне возможность побыть какое-то время наедине со Скивом и выяснить, веду ли я себя просто как Нервная Нелли или тут действительно есть, о чем беспокоиться. Пока я склонялся в сторону последнего.

К счастью, Квигли не перескал. Малышу так нетерпелось, что он, боюсь, плюнул бы на все это дело, если бы нам требовалось потратить какое-то время на его поиски. На наш стук ответил осторожный глаз, появившийся в щелке двери, когда та слегка приоткрылась.

— О! Я надеялся... то есть, я ожидал... Чем могу помочь, господа?

Мы уже видели эту личину “старика” и поэтому несколько не сомневались, что смотрит на нас действительно Квигли.

— Это мы, Квигли, — живо сказал Малыш, прежде чем я успел бросить хотя бы “Привет”. — Тыпустишь нас или нам отправляться домой?

— Скив? О слава небесам. Разумеется... заходите скорее.

Я считал, что Скив немного резок, и раболепие Квигли перед ним совсем не улучшало его манер.

— Извините за такой прием, — сказал маг, проводя нас в дом. — Но я боялся, что это мог быть один из кредиторов.

Закрыв дверь, Квигли дал спасть своему заклинанию личины... полагаю, поддержание ее требовало слишком

больших усилий. При виде его истинной внешности я был слегка шокирован.

Годы не пощадили нашего старого союзника. На лице его глубоко отпечатались следы напряжения, которых не было, когда мы заскакивали сюда прежде. Само жилище, казалось, стало еще хуже. Стены нуждались в покраске... или, по крайней мере, в отмывке, а мебель, похоже, ремонтировали, а не заменяли.

— Не жилище, а дыра! — заметил Скив со своим благоприобретенным отсутствием дипломатичности. — В самом деле, Квигли, если уж не думаешь о себе, подумай о профессии. Откуда, по-твоему, у людей возьмется уважение к магам, если они увидят, в каких условиях они живут?

— Полегче, партнер, — тихо осадил я его. — Не все же могут владеть казино. Некоторым из нас приходится жить в лесных избушках... и даже спать под деревьями на открытой дороге.

За это я заработал острый взгляд, но тут вмешался Квигли.

— Нет, Скив прав. Могу сказать только одно — я пытался. Именно из-за этого-то я и утонул в ту передрягу, где сейчас нахожусь. Я превысил свой кредит, пытаюсь поддерживать приличный вид, и вот теперь мне приходится за это расплачиваться.

— Вот здорово, Квигли, если это единственная твоя проблема, то мы можем позаботиться о ней вообще без всякого труда. Мы можем устроить быстрый твердый займ и отогнать волков от твоей спины... конечно, под небольшие проценты. Верно, Ааз?

Возможность быстрого решения проблемы улучшила настроение Скива. Я чуть не поддался искушению согласиться с этим, но у меня возникло ощущение, что в данной ситуации трудности больше, чем видно на первый взгляд.

— Не знаю, Скив, но я хотел бы, если ты не возражаешь, выслушать еще немного о том, в чем именно заключается проблема.

— Брось, Ааз. Давай просто оплатим его счета и разбежимся. Если мы поспешим, то сможем вернуться в контору к обеду.

Хоть я и пытался быть терпеливым, даже обещал себе быть им, его тон, наконец, достал меня.

— Слушай, Малыш, — сказал я, намеренно используя это выражение. — Если уж ты так горячо жаждешь вернуться, валяй! Я попробую разрешить здесь настоя-

щую проблему, если я когда-нибудь сумею выяснить, в чем она заключается, даже попытаюсь разрешить ее, не выбрасывая на это денег. Лады?

Это был дешевый прием, но Скив сам на него напрашивался. Какую-то минуту я думал, будто он поймает меня на моем предложении и уйдет, но вместо этого он опустился на диван и надулся. Восхитительно. Я повернулся к нему спиной и переключил свое внимание на Квигли.

Казалось смешным после всех этих лет брать на себя инициативу в том, что являлось по существу "человеческой" ситуацией. Обычно я занимался тактикой... ладно, и иной раз деньгами... и предоставлял заниматься людьми Скиву. В том-то и заключалась его часть партнерства, чтобы не дать моей жесткой личности вызвать отчуждение у многих людей, особенно у наших друзей. Однако, раз он впал в хандру, эта задача выпала на меня, а я сильно отвык от этого. Черт, буду честен, мне такие дела никогда не бывали привычными. По иронии судьбы я должен был встать на его место и попытаться угадать, что бы сказал и сделал в такую минуту Скив.

— Итак, Квигли, — обратился я, пытаюсь тепло улыбнуться, — к чему именно сводится проблема?

Он неуютно помялся.

— Ну, это долгая история. Я... я не уверен, откуда начать...

Я вдруг вспомнил, что неизверги склонны нервничать при виде зубов изверга, и сбросил улыбку.

— Почему бы не начать с начала? Как вышло, что у тебя возникли денежные проблемы? Когда мы в последний раз были здесь, ты, кажется, действовал отлично.

— Вот тогда-то все и началось, — вздохнул он, — в последний раз, когда вы были здесь. Помните, как здесь, бывало, решали, кто будет правительством? С помощью Большой Игры?

Я много лет об этом не думал, но когда он заговорил, это начало возвращаться ко мне.

— Угу, Большая Игра между Та-хо и Вейгасом каждый год определяет, кто получит Кубок. И будет столицей в следующем году.

Квигли смутно кивнул.

— Верно. Ну, теперь все это изменилось. Когда вы, ребята, выиграли игру и скрылись с Кубком, это перевернуло вверх тормашками всю пятисотлетнюю систему. Некоторое время существовала одна фракция, утверждавшая, что раз вы увезли Кубок в Поссилтум, то

именно там и должна быть на год столица. К счастью, победили более мудрые головы.

Было приятно узнать, что некоторые заковыки миновали нас. Я заметил, что когда Квигли продолжил, Скив вопреки себе заинтересовался.

— А решили они создать для управления ими Общий Совет. План привели в исполнение при равном представительстве от обоих городов-государств, и впервые за пятьсот лет правительство измерения стабилизировалось.

Судя по его словам, из нашей сумасбродной аферы действительно вышло что-то хорошее. Это заставило меня почувствовать себя удовлетворенным. И все же...

— Не понимаю, Квигли. Какие же возникли осложнения?

Маг криво усмехнулся.

— Подумай, Ааз. С прекращением вражды между двумя городами-государствами не было нужды держать на службе двух магов. Решили, что отлично обойдутся и одним.

— Ого-го-го, — сказал я.

— Правильно, ого-го-го. Сперва они выбрали Машу. Она какое-то время служила магом для обоих городов-государств и, честно говоря, производила на них лучшее впечатление, чем я... особенно после того, как я позволил их демону-заложнику сбежать на Большую Игру. Однако, когда они отправились сообщить ей об этом, она исчезла. И остался только я.

Я стал размышлять, записалась ли Маша в ученицы к Скиву до или после того, как узнала об организационных переменах и полученной Квигли выгоде.

— Она работает у нас на Деве, — заметил Скив, вступая, наконец, в разговор.

— В самом деле? Ну это имеет смысл. После того, как займешь высокое положение на местном уровне, вполне естественно перейти в высшую лигу.

— Я все еще не понимаю, как ты оказался в глубоком аути в финансовом плане, — сказал я, пытаюсь вернуть разговор в прежнее русло.

Квигли скорчил гримасу.

— Дело в моем контракте. Мне пришлось при новом положении дел согласиться на существенное сокращение оплаты. Раньше мое жалование было достаточным, хотя не давало повода к особому веселью. А теперь...

Голос его оборвался.

— Что-то не пойму, — сказал Скив. — Как ты можешь получать меньше денег за службу двум городам-государствам, чем получал, работая на один?

— Как я сказал, все дело в моем контракте. В нем есть пункты, о которых я даже не знал, пока Совет не обрушил их на меня.

— Какие-такие пункты? — нахмурился я.

— Ну, что наниматель имеет право устанавливать пределы моей оплаты — это самый важный, какой я помню... “В соответствии с потребностями общины”, а мне указали, что при отсутствии вражды моя нагрузка снизилась, а, значит, и оплату, следует соответственно снизить. И потом есть пункт “Без уходов”...

— Какой?

— Пункт “Без уходов”. Короче говоря, он гласит, что меня могут уволить, но я не могу уйти раньше срока действия контракта. Если уйду, мне придется оплачивать мою замену, по-моему, та называется “субподрядчиком”, самому... даже если ему будут платить больше, чем платят мне. Вот потому-то я здесь и застрял. Я не могу позволить себе уйти. К тому времени, когда я закончу вычитать чье-то жалование из любой суммы, заработанной мной на новом месте, я буду получать даже меньше, чем сейчас. Я не могу надеяться, что сумею зарабатывать вдвое больше, чем теперь. С моим послужным списком из этого ничего не получится.

Сначала я думал, что Скив собирается предложить ему место в нашей фирме, но он вместо этого застонал и закрыл лицо руками.

— Кви-ли! Как ты мог подписать контракт на таких условиях? Черт, как ты можешь подписывать любой контракт, не зная точно, что в нем содержится?

— Честно говоря, я так радовался найденной работе, что и не подумал задавать много вопросов.

— ... Есть еще одна мелочь, — вставил я. — Когда он приступал к этой игре, он был совсем один. У него не было ни учителя, ни друзей, способных просмотреть его контракты или отговорить от неудачных сделок.

Малыша становилось все трудней удерживать от проявления нетерпимости к ошибкам других. Даже это не очень тонкое предостережение имело лишь частичный успех.

— Он мог бы спросить меня, — пробурчал он. — Я помог бы ему избежать крупных оплошностей.

— Насколько я помню, — снова вмешался я, внимательно изучая потолок, — в то время ты работал при-

дворным магом в Поссилтуме... вообще без всякого письменного соглашения. Ты обратился бы к себе за советом по поводу контракта?

— Ладно, ладно. Я слышу тебя, Ааз. Так что ты от меня хочешь, Квигли?

Я уловил употребление “меня” вместо “нас”, но пока оставил это.

— Сейчас уже немного поздно, но я бы хотел поймать тебя на твоём предложении. И надеялся, что ты просмотришь контракт и найдешь выход из положения. Мой срок почти истек, но я боюсь, что они прибегнут к праву на возобновление контракта, и я застряну здесь еще на три года.

— Не продолжай, дай я угадаю, — поморщился я. — Право возобновлять или не возобновлять контракт принадлежит им. Твое мнение не имеет значения. Верно?

— Верно. Как ты узнал?

— Удачная догадка. На мой взгляд, это довольно мило сочеталось с пунктом “Без уходов”. А я-то думал, рабство запрещено законом...

— В чем, собственно, заключаются теперь твои обязанности, Квигли?

Скив сидел на диване, сохраняя задумчивое молчание, пока не перебил меня своим вопросом.

— Они в общем-то невелики, — признал Квигли. — Скорее развлекательные. Мне скоро надо будет уходить. В полдень я должен присутствовать на Игре.

— Игре? — переспросил я. — В нее все еще играют?

— О, разумеется. Она здесь все еще главный повод для развлечения и ставок. Только теперь не играют на Кубок, вот и все. С тех пор как вы, ребята, обдули местных, Игра стала менее эмоциональной, но из-за нее еще сильно горячатся. Я буду развлекать публику после Игры. Ничего особенного, всего лишь несколько...

Я взглянул на него, когда он не закончил фразу, и лишь обнаружил его тихо похрапывающим в кресле, погруженным в крепкий сон. Озадаченный, я перевел взгляд на Скива.

— Сонные чары, — подмигнул он. — Я счел это вполне уместным. Я научился этим чарам при нашем последнем путешествии сюда после того, как этот вот друг применил их на Тананде.

— Разве тебе не хочется узнать побольше о контракте, который нам предполагается разорвать для него, или хотя бы взглянуть на него?

— Незачем. Я уже достаточно выслушал для составления чернового плана.

— ... и план этот?..

Его улыбка стала шире.

— Я дам тебе намек.

Черты его лица, казалось, растаяли и сместились... и я увидел перед собой предпочитаемую Квигли для работы личину "старика".

— Нам ведь нежелательно, чтобы на Игре присутствовало два Квигли, не так ли? Насколько я понимаю, самый лучший способ избавить его от контракта — это занять сегодня в полдень его место.

Мне не понравилось, как это звучало.

— Ты хочешь добиться его увольнения? А не крутовато ли? Я имею в виду, как это отразится на его репутации?

— Слушай, Ааз, — зарычал он. — Я как раз и хотел прибегнуть к легкому выходу и помочь ему откупиться от неприятностей. Помнишь? Это как раз ты сказал, что должен быть другой выход. Ну, я и нашел другой выход. Сейчас ты поймешь или хочешь, чтобы я рассказал тебе, как пойдет дело после того, как все закончится?

Как ни смотри, стадион выглядел впечатляюще. Конечно, всякий раз, когда соберешь почти 10000 человек, дружно вопящих и требующих крови, это всегда выглядит так. Я лишь радовался, что на этот раз они требовали не нашей крови.

Хотя и был один неприятный момент. Квигли-Скива, как Должностное Лицо Города-Государства, пускали бесплатно, тогда как мне в виде заурядного малого пришлось для входа за ограду доставать билет. Все бы ничего, за исключением того, что мы разделились. В последний момент до меня вдруг дошло, что если Скив немного разойдется или забредет за пределы радиуса, то моя личина исчезнет, открыв мое истинное лицо. А так как я являлся членом команды, победившей местных и слинявшей с их любимым Кубком, то мне пришлось в голову, что есть и более здоровое времяпрепровождение, чем быть внезапно разоблаченным среди тысяч разгоряченных болельщиков Игры. К счастью, мне не пришлось этого изведать. Скив подождал, пока меня пропустят, и дальше мы проталкивались вместе. Однако, это заставило меня призадуматься и осознать, как сильно я стал зависеть после утраты своих способностей от умения Малыша.

Квигли-Скива явно хорошо знали, и когда мы вышли на стадион, многие болельщики окликали его. Однако, приветствия эти казались менее, чем хвалебными.

— Квигли! Как дела, старый пердун?

— Эй, Квигли! Ты снова собираешься показать тот же фокус?

— Да! Может быть, на этот раз он у тебя получится.

Каждый из этих насмешливых выкриков сопровождался, конечно же, ослиным гоготом, какой может удасться только болельщикам, начавшим пить сутки назад, готовясь к своей роли в Игре. Может, Квигли и привык к такому обращению, но с Великим Скивом давно уж никто не говорил в подобном тоне, и я заметил, как в глазах у него появляется опасный блеск, не предвещающий ничего хорошего тому, на ком он решит, наконец, сфокусировать свою демонстрацию силы.

Сама Игра оказалась довольно увлекательной. Куда забавней следить за ней, когда не тебе вышибают мозги на поле. Я обнаружил, что сам иной раз одобрительно ору при виде выдающейся игры и свищу при редких вмешательствах должностных лиц вместе с остальной обезумевшей толпой.

С другой стороны, Квигли-Скив сохранял злое молчание. По истечении времени, после полудня, его вид стал более пугающим. Я знал своего партнера достаточно хорошо и догадывался, что он что-то замышляет. А вот чего я не знал, так это конкретных “что” и “когда”. Наконец, когда стал уже вырисовываться конец игры, я не смог больше сдерживаться.

— Скажи-ка, э, Скив, — я нагнулся поближе к нему, чтобы он слышал меня сквозь гам толпы. — Ты уже разработал свой план?

Он кивнул, не отрывая глаз от поля.

— Ты не против рассказать о нем мне?

— Ну, ты помнишь, как я добился увольнения из POSSIATUMA? — Он огляделся посмотреть, не подслушивает ли кто.

— Да. Ты обругал короля. И?

— ... и я не вижу никаких причин, почему бы тот же прием не сработал и здесь. Не представляю себе Должностных Лиц Города-Государства менее напыщенными и самодовольными, чем монарх обанкротившегося королевства.

Это имело смысл. Приятно видеть, что Малыш не полностью утратил свою способность чувствовать людей.

— Так из-за чего же ты собираешься обложить их? Из-за обращения с Квигли?

Он покачал головой.

— Не соответствует характеру, — отверг он. — Квигли не из тех, кто подымает шум из-за себя. Нет, я придумал, как устроить драку из-за ключевого вопроса.

— Драку? Какую драку?

— Ту, что вот-вот начнется на поле, — усмехнулся Квигли-Скив. — Насколько я понимаю, эти две команды свыше пятисот лет соперничали между собой, и я не могу поверить, будто все их старые счета забылись просто из-за изменения правительства.

— Не знаю, партнер. Пока игра велась весьма корректно. Да кроме того, она сама по себе уже грубый контактный спорт. С чего тут начаться драке?

— Большинство контактов происходят вокруг мяча... куба или как там его называют. Так никогда и не усвоил. После столь долгой игры все игроки на взводе и не слишком ясно мыслят — как-никак полдня стукались головами. А теперь смотри повнимательнее.

Он нагнулся вперед, пряча свои руки, и, вытянув один палец, нацелил его на поле.

Там бегали двое особенно здоровенных игрока, весь день заметно рвавшие друг другу глотки к восторгу толпы. В тот момент они медленно трусили бок о бок вдоль края главной схватки на поле, следя, не выпрыгнет ли из свалки мяч-куб. Внезапно рука одного из них нанесла резкий и злобный удар слева, хряснув соперника по лицу, сбив с него шлем и заставив его растянуться на траве. Этот ход был настолько неожиданным и ненужным, что ошеломленная толпа замолкла и застыла. Даже ударивший игрок выглядел удивленным... что несомненно было правдой. Ничто не заставляет двигаться конечности так непредсказуемо, как небольшая плотно сфокусированная левитация, если они не ожидают этого и не напряжены для противодействия.

Не застыл от этой выходки только поверженный игрок. Как я сказал, действительные участники игры, в отличие от своих потерявших форму болельщиков, сложены как кирпичные стены — с примерно таким же чувством юмора. Сбитый игрок одним прыжком вскочил на ноги и бросился на своего предполагаемого агрессора. А тот хоть и не знал точно, что за магия охватила на миг его руку, но отлично знал, что делать, когда тебя бьют, и в самом скором времени двое соперников целиком отдались мордобою.

Это могло бы сработать, но команды относились всерьез к тому перемирию, которое они заключили раньше. Под гневные крики трибун и свист судьи они навалились на членов своих команд и растащили их в стороны.

— Жалко, Скив, — подсадовал я. — Я думал, ты их достал.

Не услышав ответа, я взглянул на него. Слегка наморщив теперь лоб, он по-прежнему работал.

Товарищи по команде отпустили игрока, подвергнувшегося нападению. Тот, хоть и был еще взбешен, уже взял себя в руки, когда нагнулся поднять шлем. Однако, при его прикосновении шлем понесся, рассекая воздух, словно пушечное ядро, и врезался в члена команды соперников, нанесшего первый удар. Ну, шлемы в этой игре снабжаются рогами или шишаками, и этот не являлся исключением. Пораженный игрок рухнул, как марионетка с обрезанными ниточками, но не раньше, чем образовал заметную лужу крови.

Это решило дело.

При виде нового нападения на своего товарища, да еще в тот момент, когда мяч не в игре, вся команда упавшего игрока взбеленилась и бросилась к оставшемуся без шлема нападавшему... чьи товарищи в свою очередь рванулись защищать его.

Обе скамейки запасных опустели, когда на поле выскочили вступить в драку остальные игроки. Прежде чем они успели набрать скорость, обе группы запасных попали за решетку пылающих голубых клеток магических пологов. О таком их применении я, признаться, никогда не думал. Вместо свежих команд со скамей запасных Квигли-Скив вышел на поле сам.

Я сразу не заметил, что он покинул место рядом со мной, пока не увидел, как он перемахнул через невысокий барьер, отделявший зрителей от игрового поля. Прыжок этот выглядел чересчур бойким для носимой им личины "старика", но никто другой, кажется, этого не заметил.

Смотреть, как работает Малыш, было настоящим удовольствием... особенно, учитывая тот факт, что большей части всего, что он знает, научил его я. Мне пришлось признать — за минувшие годы он стал весьма умелым.

— Прекратить!! Хватит!! — проревел он. — Прекратить, я сказал!!!

Все еще крича, он влился в толпу игроков на поле, сцепившихся в смертельной схватке. Тех, кто стоял, он

свалил на месте одним жестом... жестом, понятным мной, как простые сонные чары. Других он легко вынуждал разделить, здраво применяя свои способности к левитации. Двух вцепившихся друг в друга игроков он не только раздел, но и держал футы в двадцати над землей. Драка прекратилась так же быстро, как и началась, и очень ловко к тому же.

Как и можно было предсказать, не успела еще улечься пыль, как на поле ворвался отряд чиновного вида людей, направившийся напрямик к Квигли-Скиву. Хотя я, может, и утратил свои способности, но со слухом у меня все в порядке, и в отличие от окружающих меня на трибунах болельщиков я без труда расслышал последовавший обмен репликами.

— Квигли, ты... Как ты смеешь так вот вмешиваться в игру?

— Игру? — холодно переспросил Квигли-Скив, складывая руки на груди. — Это не игра, а драка... Хотя я понимаю, как легко вы могли их перепутать.

— Ты не имеешь никакого права... Поставь их на землю!

Эта последняя реплика сопровождалась жестом в сторону подвешенных в воздухе игроков. Скив пальцем не шевельнул, но двое игроков внезапно упали на траву с костедробильным стуком, извлечшим из толпы точно такое же “о-о-о-о-о”, какое получаешь при хорошем ударе в настоящей игре.

— ... Что же касается моих прав, — не оглядываясь, произнес нараспев Квигли-Скив, — то по контракту я обязан применять свои магические способности для поддержания спокойствия в Вейгасе и Та-хо. Как я понимаю, это включает и прекращение драк, когда я случаю наткнуться на них... что я только что и сделал. Для этой цели я объявляю игру оконченной. Текущий счет остается окончательным.

И с этими словами клетки-пологи начали мигрировать к двум противоположным туннелям, загоняя в них игроков. Незачем говорить, толпа этого не одобрила.

— Ты... ты не можешь этого сделать! — завопил представитель официальных лиц, перекрикивая нарастающий свист трибун. — Самые волнующие игры происходят в последние несколько минут!

В качестве последнего росчерка Квигли-Скив левитировал лежавших на поле игроков в туннели следом за товарищами.

— Я это сделал, — ответил он. — И более того, я намерен делать это при каждой календарной встрече этой варварской игры, когда положение станет неуправляемым. Мой контракт скоро подлежит возобновлению, и я понял, что немного подзапустил свои обязанности. И вследствие этого решил напомнить вам, кого именно вы держите на жаловании. Если вам это не нравится, вы можете меня уволить.

Я улыбнулся и оценивающе покачал головой. Надо отдать должное Малышу. Если нападение на любимое времяпрепровождение этого измерения не приведет к увольнению Квигли, то я просто не знаю, что еще на это способно.

— Ты закрыл игру?

Это Квигли выражал свою оценку помощи Скива.

Мы вернулись к нему домой, сбросив личины, и ожидали мага. Наша помощь явно оказалась не совсем тем, чего он ожидал.

— Это был самый верный способ освободить тебя от контракта, — пожал плечами Скив. — Местные, кажется, сильно привязаны к этой игре.

— Привязаны к... я погиб! — со стоном воскликнул маг. — Меня не просто уволят, меня линчуют!

Малыш остался невозмутим.

— Не беспокойся, — посоветовал он. — Ты всегда можешь скрыться с помощью заклинания личины или, если тебе будет от этого легче, мы проводим тебя к...

Раздался стук в дверь.

— А. Если я не ошибаюсь в своих догадках, это, должно быть, прибыл Совет. Открой дверь, Квигли.

Маг поколебался, огляделся вокруг, словно ища способ сбежать. Наконец вздохнул и пошел к двери.

— Кстати, о личинах, Скив... — намекнул я.

— О, верно. Извини, Ааз.

Рассеянным взмахом руки он снова придал нам личины, на этот раз ту внешность, под которой мы первоначально прибыли сюда.

— О! Господин Маг. Можно войти? Мы должны обсудить определенные... О! Я и не знал, что у вас гости.

Это и впрямь явился Совет. Точно по расписанию. Я украдкой подмигнул Скиву, и он поощрительно кивнул.

— Это... мои друзья, — запинаясь произнес Квигли, словно сам не совсем верил этому. — По какому поводу вы хотели бы меня видеть?

Несколько пар беспокойных глаз пробежались по нам взглядом.

— Мы... гм... надеялись поговорить с вами наедине.

— Мы подождем на улице, Квигли, — сказал, поднимаясь, Скив. — Если мы понадобимся — только крикни.

— Ну вот и все, — вздохнул я после того, как дверь за нами закрылась. — Интересно, чем собирается заниматься Квигли после этого?

Скив небрежно прислонился к стене.

— На мой взгляд, это уж его проблема, — отозвался он. — В конце концов, он же просил нас освободить его от контракта. Думаю, он присмотрел нечто иное.

— ... А если нет? Квигли никогда не отличался предусмотрительностью. Имея в послужном списке прекращение контракта, ему будет нелегко найти работу.

— Как я сказал, это его проблема, — пожал плечами Скив. — Он всегда может...

Дверь открылась, и Совет молча и строем вышел на улицу. Квигли дождался, пока они удалились, а затем лихорадочно замахал нам, приглашая в дом.

— Ни за что не угадаете, что произошло, — взволнованно сказал он.

— Тебя уволили, верно? — ответил Скив. — Брось, Квигли, встряхнись. Помнишь нас? Мы те, кто это устроил.

— Нет, меня не уволили. Как только у них прошла злость, на них произвела впечатление устроенная мною на игре демонстрация магии. Они возобновили контракт.

Я обнаружил, что гляжу на Скива, а тот в свою очередь глядит на меня. Так мы и стояли в этой позе несколько минут. Наконец, Скив испустил вздох.

— Ну, — решил он, — нам просто придется придумать еще что-нибудь. Не беспокойся, Квигли. Я еще не видел ни одного контракта, который нельзя разорвать.

— Э-э-э... м-м-м... я бы предпочел, чтобы вы этого не делали.

Это малость потрясло меня.

— Извини меня, Квигли. Мне подумалось, будто ты сказал...

— Совершенно верно. Понимаешь, ты произвел на Совет очень глубокое впечатление, чтобы тот повысил мне жалование... существенно повысил. Думается, я нигде не смогу найти лучшей работы, тем более, если меня попросят продемонстрировать свое умение. Одна-

ко, в контракте сделаны некоторые изменения, и мне бы хотелось, чтобы вы смогли просмотреть его и объяснить, что меня ожидает.

— Сожалею, что так вышло, Скив, — сказал я, когда мы поплелись прочь. — Вся эта работа прошла зря.

Мы закончили, наконец, разбираться с контрактом Квигли и искали тихое местечко, где можно незаметно отправиться обратно на Деву.

— В общем-то нет. Мы разрешили для Квигли его проблему, а этот новый контракт определенно лучше по сравнению с прежним.

Я подумал, что он проделал уйму работы без оплаты, но решил не искушать удачу, разъясняя мое заявление.

— Ты в своем роде удивил меня, — признался я. — Я в какой-то мере ожидал, что ты рассчитывал завербовать Квигли в нашу команду, когда он освободится от контракта.

Малыш ответил резким лающим смехом.

— Снова выбрасывать на это деньги? Не беспокойся, Ааз. Я не настолько сумасшедший. Может, я и готов был одолжить ему какую-то сумму, но нанимать его? Такого бесталанного ничегонеделателя? Я управляю корпорацией “М. И. Ф.” как военным кораблем, порядок у нас флотский, и нет места для пустого балласта... даже для старых друзей. Кстати, о фирме, интересно, есть ли какие-нибудь известия о...

Он болтал дальше, говоря о возвращении к своей работе. Но я слушал не слишком внимательно. Вместо этого я мысленно повторял кое-что, сказанное им.

“Бесталанного ничегонеделателя... нет места для пустого балласта, даже для старых друзей...”

Немного резковато, наверно, но определенно пища для размышлений.

ГЛАВА ПЯТАЯ

*Какие же дураки эти смертные.
Смог*

Я никогда по-настоящему не представлял себе, как легко что-либо купить, пока не попробовал свои силы в продаже. Я говорю не о мелких повседневных покупках, а говорю о чем-то крупном... вроде, скажем, казино-отеля. Конечно, покупку его упростило то, что строитель... как там его звали? Неважно... впал в отчаяние. Однако, пытаться сбавить его было совершенно иным делом.

Откинувшись на спинку кресла, я уставился на раскинувшееся у меня на столе море бумаг, пытаюсь мысленно рассортировать различные предложения и лишь понимая, что они начинают сталкиваться у меня в голове. Я заметил, что после полуночи это происходит все чаще и чаще. Пробормотав проклятье, я порылся в поисках своих заметок.

— Работаем сверхурочно, Скив?

— Что? — Я поднял взгляд. — Привет, Банни. Что ты здесь делаешь в такой час?

— Я могла бы сказать, что беспокоюсь о тебе, что действительно так, но, по правде говоря, я даже не знала, что ты все еще здесь, пока не увидела горящий свет и не сунула голову проверить. Нет, я просто зашла за кое-какими вещами, хранящимися у меня в столе. А теперь, можно мне повторить вопрос: что ты здесь делаешь?

Отвечая, я чуть потянулся, благодарный за перерыв.

— Просто пытаюсь упорядочить свои мысли по продаже Веселого Дома. Мне придется порекомендовать

Правлению, какое из их предложений принять, когда мы обсудим это на нашем ежемесячном заседании.

Она обошла стол и встала у меня за спиной, массируя мне узлы мускулов на плечах. Ощущение казалось чудесным.

— Не понимаю, зачем тебе вообще выносить вопрос на Правление, — сказала она. — Почему бы тебе просто не взять да и решить в одностороннем порядке? Ты ведь решил продавать, не спрашивая одобрения у других.

Что-то в сказанном ею звучало довольно зловеще, но я слишком сильно наслаждался массажем, чтобы в эту минуту обратить на это внимание.

— Я решил односторонне открыть дверь для предложений... а не для продажи. Окончательное решение продавать или не продавать и какое из предложений принять, если вообще принимать какое-то, будет вынесено Правлением.

— Тогда если решать ему, зачем ты убиваешь себя, готовясь к подаче?

Я знал, что она станет говорить дальше. Заведет старую песню "Ты слишком много работаешь". Я слышал ее нынче ото всех довольно часто, чтобы спеть ее по памяти.

— Потому что я действительно хочу протолкнуть это предложение, — я отстранился от нее. — Если будут какие-то возражения, то я хочу быть уверенным, что мои причины и доводы дошли полностью.

Банни обошла стол, поколебалась, а затем плюхнулась в кресло.

— Отлично, тогда прорепетируй. Скажи мне, почему ты хочешь продать, если ты не против предварительного обсуждения.

Я встал и принялся расхаживать по кабинету, тербя нижнюю губу и приводя в порядок свои мысли.

— Официально я считаю это необходимым по двум причинам. Во-первых, новизна заведения очень скоро должна стать, и когда это произойдет, спадут и толпы... а следовательно, и доходы. Из-за этого продать его будет труднее, чем в данное время, когда это бойкое место. Во-вторых, успех заведения таков, что обязательно породит подражателей. Судя по всему, что я слышал на своих "деловых обедах", уже есть несколько планов построить или переделать близлежащие отели в казино. Это опять-таки сузит рынок и снизит нам цену, если мы станем слишком долго ждать.

Банни внимательно слушала. Когда я закончил, она кивнула.

— ... а неофициально?

— Прошу прощения?

— Ты сказал, “официально, и т. д. и т. п.”. Это подразумевает, что есть причины, и не упомянутые тобой.

Вот тут-то я и понял, насколько же я устал. Подобная оговорка может дорого обойтись в неподходящем обществе. И все же Банни была моей доверенной секретаршей. Если я не могу довериться ей, то мое дело плохо.

— Неофициально я делаю это ради Ааза.

— Ааза?

— Совершенно верно. Помнишь его? Моего старого партнера? Ну, когда мы оказывали ту маленькую услугу Квигли, он все подкалывал меня из-за “Веселого Дома”. Я слышал постоянный поток подковырок по поводу “выбрасывания денег на проблему” и того, как “мы никогда не рассчитывали заправлять казино”... и другое в том же роде. Не знаю почему, но мне ясно, что казино — шлея у него под хвостом, и если его это обрадует, я избавлюсь от этого заведения без всяких сожалений. Оно не так уж много для меня значит.

Банни выгнула бровь.

— Значит, ты продаешь казино из-за того, что это обрадует твоего старого партнера?

— Это самая веская причина, какая приходит мне на ум, — пожал плечами я. — С тех пор как убили Гаркина, Банни, он был для меня в одном лице отцом, учителем, тренером и наставником. Я потерял счет тому, сколько раз он спасал мне шкуру, подставив свою между мной и тем, что на меня надвигалось. При всем, чем я обязан ему, устранение чего-то, беспокоящего его, кажется очень мелкой оплатой, и я заплачу, не моргнув глазом.

— Ты мог бы дать ему задание-другое, — поджала губы Банни. — Возможно, будь он чуть больше занят, у него бы не нашлось времени на мрачные раздумья и поиск изъянов в том, что ты делаешь без него.

Я подождал лишнюю секунду, прежде чем засмеяться.

— Ааз выше мелкой ревности, — сказал я, желая быть больше уверенным в этом самому. — Кроме того, я пытаюсь найти ему задание. Просто все дело в том,

что извращенцы... извиняюсь, изверги... не славятся своей дипломатичностью в обращении с клиентами.

Не желая дальше углубляться в эту тему, я собрал стопку предложений.

— А теперь мне придется еще пару раз рассмотреть эти предложения, пока не разберусь с ними.

— А в чем проблема? Просто выбери самое лучшее и остановись на нем.

Я с горечью поморщился.

— Это не так легко. Они настолько разные, и если сопоставлять их, то получится сравнивать яблоки с апельсинами. Один предлагает постоянный процент с прибыли... другой дает высокую покупную цену, но хочет платить в рассрочку... есть целая куча предлагающих вдобавок к наличным акции других предприятий... и не так-то легко решить, какое из предложений действительно самое лучшее.

— Возможно, я сумею помочь, — предложила Банни, протягивая руку к бумагам. — У меня довольно большой опыт по части анализа предложений.

Я опередил ее, положив руку на пачку документов.

— Спасибо за предложение, Банни, но я предпочел бы сделать это сам. Если я намерен быть Президентом, мне надо научиться перестать полагаться на других. Единственный способ научиться справляться самому — это не попадать в зависимость от своего штата сотрудников.

Она медленно убрала руку, ее глаза всматривались в мои, словно она была не уверена, что узнает меня. Я сообразил, что она расстроилась, но, перебрав еще раз сказанное мною, не смог найти в своей позиции ничего неверного. Слишком устав, чтобы разбираться с этим именно теперь, я решил сменить тему.

— Раз уж ты здесь, то не могла бы дать мне быструю справку, что у нас на повестке дня завтра? Я хотел бы, если можно, очистить столы для работы над этими предложениями.

Что бы ни беспокоило ее, оно мигом исчезло, когда она вновь стала образцовой секретаршей.

— Единственное срочное дело — выделение группы на сторожевую работу. У клиента ценный груз, и нам нужно стеречь его завтра ночью.

— Служить сторожами? — нахмурился я. — А разве это не низковатый класс для нашей конторы?

— Я думала именно так, — сладко улыбнулась она. — Но ты, очевидно, думал иначе, когда подрядил нас

на это дело две недели назад. Услуга одному из твоих сотрапезников за “деловыми обедами”. Помнишь?

— Верно. Ну, я думаю, мы можем бросить на это дело Глипа. Отправь его туда... и вели Нунцио не спускать с него глаз.

— Ладно.

Она направилась было к выходу, но задержалась в дверях.

— А что насчет Ааза?

Я уже снова начал погружаться в предложения, и мне пришлось с усилием вернуть свое внимание к разговору.

— Что насчет него?

— Ничего. Забудь про мой вопрос.

Больше не осталось никаких сомнений. Сотрудники определенно начинали вести себя немножко странно. Покачивав головой, я снова обратился к предложениям.

РАССКАЗ ГЛИПА

Когда при разговоре с коллегами из драконьего высшего света возникает тема любимых зверюшек, неизбежно завязывается спор об относительных достоинствах и недостатках людей в качестве таких зверюшек. Во время таких собраний я традиционно сохранял почтительное молчание, так как был самым юным из присутствующих и, следовательно, обязанным учиться у старших. Не следует, однако, принимать это за указание, будто у меня нет своего мнения по этому вопросу. У меня есть множество хорошо разработанных теорий, и именно по этой причине я ухватился за шанс испытать их, приобретя такого молодого и все же бывалого подопытного, каким был Скив, когда я впервые столкнулся с ним. Когда мой рассказ развернется, заметьте, пожалуйста... но я забегаю вперед. Сначала — первоочередное, таков порядок ведения дел для организованных и воспитанных организмов. Я существо, которое стало вам известно в этих томах, как...

— Глип! Подь сюда, паря.

А это Нунцио. Он неорганизованный и невоспитанный. И следовательно, как столь часто бывает, когда имеешь дело со Скивом и довольно сомнительной коллекцией его сотоварищей, я предпочел не обращать на него внимания. И все же поднят интересный вопрос, и

мне, вероятно, лучше всего будет обратиться к нему теперь, прежде чем продолжать рассказ.

Как сейчас столь грубо подчеркнули, я известен этому конкретному выводку людей, так же как читателям этих томов, просто как Глип. Ради удобства я буду продолжать называться для вас этим именем, устранив, таким образом, гнетущую задачу объяснять вам, как произносится мое настоящее имя. Я не уверен, что вы физически способны воспроизвести необходимые звуки, и к тому же обладаю небольшим терпением, когда речь идет о взаимоотношениях с людьми. К тому же, у драконов в обычае пазываться кличками для таких межвидовых эскапад. Это спасает от смущения, когда человеческие хроникеры искажают факты при записях происшествий... что они делают неизменно.

Если покажется, будто я выражаюсь более связно, чем можно ожидать от моего прославленного словаря из одного слова, то причина как проста, так и логична. Во-первых, для дракона я все еще очень молод, а голосовые связки у нас полностью развиваются в последнюю очередь. Хотя я вполне могу разговаривать и общаться с другими представителями моего вида, мне предстоит ждать еще лет двести, прежде чем мой голос будет готов произнести особую комбинацию звуков и тонов, необходимых для пространного разговора с людьми на их паречии.

Что же касается моего умственного развития, то надо учесть огромную разницу в продолжительности жизни. Человек, проживший сто лет, считается исключительным, в то время, как драконы могут прожить тысячи лет, не считаясь старыми среди друзей и родственников. Перечислять все вытекающее из этого особенности слишком долго, но нас здесь касается только одно — хотя я, возможно, и молод для дракона, но вполне могу считаться самым старшим среди тех, кто присоединился к Скиву. Конечно, у людей, как правило, отсутствует моя породистость и воспитанность, и поэтому они менее склонны внимать более старым и мудрым головам в своей среде, не говоря уж о том, чтобы учиться у них.

— Эй, Глип! Ты слышишь меня? Сюда, парень.

Я устроил большой спектакль из покусывания своей ноги, словно та зачесалась. Люди, в основном, не способны воспринимать тонкости общения, позволяющие им различать, когда их преднамеренно игнорируют, не говоря уж о вытекающих из этого выводах. Вследствие этого я изобрел технику наглядной демонстрации своей

занятости, когда сталкиваюсь с особенно грубым или невежественным заявлением или требованием. Это не только прекращает их вопли, но и замедляет эрозию моих нервов. На данное время эта техника дает примерно двадцатипроцентный успех, что значительно лучше большей части испробованной мной тактики. К несчастью, этот случай не входил в двадцать процентов.

— Я с тобой говорю, Глип. Теперь ты намерен идти, куда я тебе предлагаю, или нет?

В то время, как по моим ожиданиям физическое развитие даст мне возможность говорить на языке иных видов, у меня останутся серьезные сомнения в том, что Нунцио или Гвидо овладеют своей родной речью, сколько бы им ни ответили на это времени. Это почему-то напоминает мне давний рассказ одной из моих теток о том, как она встретила в далекой стране человека и спросила его, не уроженец ли он данной местности. "Я не уроженец! — был ответ. — Я здешний!" Я совершенно согласен с ней, что единственной надлежащей реакцией при столкновении с такой логикой было съесть его.

Нунцио все еще разорялся своим писклявым, мальчишеским голосом, который так удивляет, когда впервые его слышишь. Только теперь он обошел меня кругом и пытался толкнуть в указанном им направлении. Хотя для человека он впечатляюще силен, я значительно превосхожу его в весе, чтобы быть уверенным в том, что он не сможет сдвинуть меня, пока я не решу подействовать. И все же его ужимки раздражали, и я засомневался, не стоит ли попробовать улучшить его манеры, хлестнув по нему хвостом. Я решил, конечно, этого не делать. Даже самые сильные люди опасно хрупки и уязвимы, а я не желал расстроить Скива, повредив одного из его товарищей по играм. Подобная травма может отбросить программу обучения моего домашнего зверька на много лет назад.

Примерно тогда же я заметил, что дыхание Нунцио становится затрудненным. Поскольку он уже продемонстрировал свою психическую негибкость, у меня возникла озабоченность, что он может перенести сердечный приступ, прежде чем откажется от своей невозможной задачи. Так как я лишь недавно напомнил себе о несвоевременности его кончины, то решил, что мне следует подыграть ему.

Задержавшись настолько, сколько требовалось для ленивого зевка, я поднялся и легко проследовал в ука-

занном направлении... сперва чуть скользнув в бок, так, чтобы он упал ничком, когда наляжет на меня в следующий раз всем своим весом. Я рассудил, что если он недостаточно крепок, чтобы пережить простое падение, то мой зверек лучше обойдется без его общества.

К счастью или несчастью он быстро поднялся на ноги и зашагал в ногу со мной, когда я пошел.

— Я хочу, чтоб ты ознакомился с грузом, который мы должны защищать, — сказал он, все еще тяжело дыша, — а потом немного побродил вокруг и изучил обстановку.

Это показалось мне особенно глупым предложением. Груз и обстановку я оценил в первые же минуты нашего прибытия и полагал, что Нунцио сделал то же самое. Изучать-то было, в общем, нечего.

Склад не представлял из себя ничего, кроме большой комнаты... четыре стены и потолок с балками, откуда рассеянная коллекция фонарей изливала неадекватный свет, оставляя по всему помещению большие очаги тени. С одной стороны находилась маленькая дверь, а в другой стене — большая, ведущая, надо полагать, к грузовому причалу. За исключением сваленного в центре помещения груза, склад пустовал.

Сам груз состоял из пары дюжин ящиков, поставленных на деревянный поддон. Судя по тому, что смог разобрать мой нос, что бы там ни содержалось в ящиках, состояло оно из бумаги и чернил. Почему бумага и чернила считаются настолько ценными, чтобы требовать охраны, я не знал и знать не хотел. Драконам бумага ни к чему... особенно бумажные деньги. Воспламеняемая валюта — не наше представление о здоровом вкладе для общества. И все же, кто-то видел в грузе определенную ценность, если и не человек, заказавший наши услуги, то определенно субъект, одетый с головы до ног в черное и ползающий по балкам.

Все это стало для меня очевидным, как только мы вошли в склад. Поэтому незачем было заниматься надуманной работой по дополнительной проверке. Однако, Нунцио непреклонно и твердо решил заставить меня снова выяснять и так уже известное мне. Даже делая скидку на то, что человеческие чувства зрения, слуха, вкуса, осязания и обоняния намного ниже, чем у драконов, я тем не менее поразился тому, как мало он сам мог заметить. Наверно, если б он поменьше фокусировал свое внимание на мне и побольше на происходящем вокруг, у него получилось бы лучше. А так он был

безнадежен. Если Скив надеялся, будто Нунцио чему-то научится у меня, что представлялось мне единственной причиной для подключения его к этому заданию, то мой зверек будет сильно разочарован. Не представляю, почему я проявлял такую терпимость к нему, если не считать того, что он упорнее большинства людей старался положительно взаимодействовать с драконами, как бы ни были грубы и невежественны его попытки.

Кто бы там ни полз по балкам, он теперь приближался. Для человека он, может, и крался, но мое ухо прослеживало его передвижения с такой же легкостью, как если бы он бухал на ходу котелками. Хотя я ощущал его присутствие еще за два шага до двери, я был не уверен, какие у него намерения, и потому приготовился быть терпеливым, пока не разберусь в том, кто он — просто невинный зевака или в самом деле подумывает о краже. Его попытки подкрасться к нам подтверждали для меня его принадлежность к последней разновидности, как бы ни был он некомпетентен в этом.

Пытаясь дать Нунцио воспользоваться моими способностями, я повернул голову и показал носом на подкрадывающегося.

— Повнимательней, Глип! — потребовал мой идиот-подопечный, поворачивая мою морду обратно к ящикам. — Нам положено охранять именно это. Понятно?

Я понял, что либо люди усваивают еще медленней, чем считали даже наиболее критически настроенные в их отношении драконы, либо у этого конкретного представителя повреждение мозга, что тоже возможно. Повращав глазами, я снова проверил подкрадывающегося.

Он находился теперь почти над нами, широко расставив ноги на двух балках для поддержки своего веса. С тщательной неторопливостью он вынул из рукава какой-то предмет, поднес его ко рту и нацелил на нас.

Часть ранней тренировки всякого дракона заключается в серии уроков по изучению человеческого оружия. Это может показаться странным для миролюбивого, в основном, народа, но мы считаем это делом выживания... таким же как человеческие наставления детенышей вроде: пчелы жалят или огонь жжет. Безотнositельно к нашим мотивам, достаточно будет сказать, что я столь же сведущ в человеческом оружии, как любой человек, и куда более, чем любой, не занятый военным делом или иным героическим промыслом. Поэтому без всякого труда узнал в направленном на нас инструменте духовое ружье.

Вдобавок к лучшему чутью драконы обладают броней, дающей куда большую защиту, чем получают люди от своей кожи. Вследствие этого я был относительно уверен, что, чего бы там ни вылетело из дула духового ружья, не представляет никакой угрозы моему благополучию. Однако, мне пришло в голову, что того же нельзя сказать о Нунцио, а как я уже говорил ранее, у меня были некоторые сомнения, стоит ли идти на такие хлопоты, защищая душевный покой моего зверька и его товарищей.

Вырвав голову из рук Нунцио, я быстро прицелился и выпустил вспышку пламени 6-й степени. О, да. В распоряжении у драконов есть разные степени пламени от "поджарь алтей" до "сделай дырку в камне". Можете держать это в уме, когда в следующий раз вздумаете спорить с драконом.

Через несколько секунд после угасания моей пиротехники на нас посыпался короткий дождь из черного порошка.

— Черт побери, Глип! — выругался Нунцио, стряхивая с одежды порошок. — Не делай больше этого, слышишь? В следующий раз ты можешь не просто смахнуть немного пыли... и посмотри на мою одежду! Не-хороший дракон!

Я достаточно долго пробыл рядом с людьми, чтобы не ожидать никакой благодарности, но находил обидным слышать, как меня бранят за спасение его же жизни. Со всем достоинством, какое я мог собрать, а значит, немалым, я отвернулся и сел спиной к нему.

— Глип! Встань, парень! Хороший дракон! Хороший дракон!

Вот это уже лучше. Я снова повернулся лицом к нему и увидел его скачущим на одной ноге, держась за другую. Не испытывая недостатка в умственных силах, я сумел сообразить, что демонстрируя оскорбительный жест, я преуспел, сев на его нижние конечности. Заверяю вас, сделал я это ненамеренно, человеческие ступни довольно малы, а мое превосходное чувство осязания не простирается на мою заднюю часть, но задним числом (каламбур ненамеренный) мне пришло в голову, что это пошло ему на пользу.

— Слушай, ты просто сиди там, а я буду сидеть здесь, и мы отлично поладим. Идет?

Он прохромал к одному из ящиков и сел, попеременно потирая ступню и стряхивая с одежды порошок.

Порошок этот был, конечно же, останками покойного ползуна-убийцы. У пламени 6-й степени есть тенденция производить на людей именно такой эффект, вот потому-то я и применил его. Хотя погребальные правила людей всегда служили для меня источником любопытства и озадаченности, я был уверен, что они не включают в себя стряхивание останков кремированного на пол или удаление их в прачечной. И все же, учитывая, как трудно мне передать Нунцио простое “смотри”, я решил, что будет слишком хлопотно объяснять ему, что в данный момент он делает.

Если мое отношение к убийству человека кажется немного шокирующим своей небрежностью, то вспомните, что для драконов люди — неполноценный вид. Вы не вздрагиваете от убийства блох для создания комфорта вашей собаке или кошке, безотносительно к тому, что могут подумать о ваших жестоких действиях уцелевшие блохи, а я, не колеблясь, устраняю досаждающего человека, способного расстроить своими действиями моего зверька. По крайней мере, мы, драконы, ограничиваемся, в основном, отдельными индивидами в противовес оптовому истреблению видов, которое воспринимается людьми, как часть повседневной жизни.

— Знаешь, Глип, — сказал Нунцио, осторожно глядя на меня, — после того, как побудешь немного в твоём обществе, даже хвастовство Гвидо кажется приятным звуком... но не говори ему, что я это сказал.

— Глип?

Это последнее вырвалось невольно. Как вы, возможно, заметили, я несколько стесняюсь своего словаря в одно человеческое слово, чтобы стараться как можно меньше полагаться на него. Однако, мысль, будто я что-то скажу Гвидо, поразила меня до предела.

— Ну, не надо так переживать, — нахмурился Нунцио, как всегда неправильно истолковав мое слово. — Я не имел этого в виду. Просто мне немного больно, вот и все.

Я счел, что он подразумевает свою ногу. Однако, этот человек желал поболтать и вскоре я узнал иное.

— Я просто не знаю, что в последнее время такое творится, Глип. Знаешь, что я имею в виду? По бумагам дела идут как нельзя лучше, да только в последнее время все ведут себя так, словно спятили. Сперва Босс покупает казино, построенное нами для кого-то другого, потом вдруг с бухты-барахты хочет его продать. Банни и Тананда какое-то время косятся друг на друга, а

потом Банни внезапно делается тихой и подавленной, а Танада... Ты знаешь, что она однажды хотела занять у меня денег? Сразу после того, как закончила взыскивать тот должок? Не знаю, что она сделала со своими комиссионными, почему она не попросила у Босса аванс, для чего ей понадобились деньги. Просто: "Ты не мог бы мне подкинуть немного наличных, Нунцио? Не задавая никаких вопросов?" А когда я попытался предложить свои услуги поверенного, она сказала: "В таком случае, забудь об этом. Я попрошу у кого-нибудь другого!" и ушла раздраженная. Точно тебе говорю, Глип, чего-то там варганится, и я не уверен, что мне это нравится.

Он освещал кое-какие интересные моменты, честно признаюсь, ускользнувшие от моего внимания. Хотя я и посвятил определенную долю своего интеллекта дешифровке сложностей человеческого поведения, в их внутривидовых отношениях оставалось много непонятных мне тонкостей... особенно когда речь шла об иных индивидах, чем Скив. Размышляя над словами Нунцио, я понял, что мой зверек в последнее время не часто виделся со мной, что само по себе было нарушением заведенного порядка. Обычно он выкраивал время навестить меня, поговорить со мной о вставших перед ним проблемах и испытываемых сомнениях. Я гадал, не истекают ли его участвовавшие отсутствия из описанного Нунцио явления. Это давало пищу для размышлений, и я обещал себе позже тщательно обдумать все это. В данную минуту моего внимания требовали более срочные дела... вроде людей, роющих под полом.

Кажется, в конечном итоге, Нунцио был столь же неспособен к сторожевой службе, как и большинство людей. Заступая на пост, они устраивают большой спектакль, показывая свою бдительность и осторожность, но через какие-то несколько часов они больше трудятся, борясь со скукой, чем следя за тем, что им положено охранять. Честно говоря, долгожительство драконов может частично объяснить, почему мы лучше отгоняем скуку. После нескольких столетий дни, и даже недели, настолько мельчают, что вообще перестают обладать какой-то настоящей временной ценностью. Даже у самых молодых из нас внимание длится месяцами... а иногда и годами.

Какой бы ни была причина, Нунцио продолжал трепаться о своей озабоченности нынешним положением дел, явно не замечая звуков скрежета и копания, подбиравшихся к нам все ближе и ближе. На этот раз дело

было не просто в моем лучшем слухе, так как тот шум вполне мог дойти и до человека, хотя, признаться, слабо. Пользуясь своим слухом, я мог расслышать разговор копателей.

— Сколько еще?

— Ш-ш-ш! Примерно десять футов.

— Не шикай мне! Нас никто не может услышать.

— Я тебя слышу! Этот туннель, знаешь, не так уж велик.

— Что ты сделаешь со своей долей денег после того, как мы уведем товар?

— Сперва надо увести его. Вот тогда я и буду беспокоиться о том, что делать со своей долей.

Вот эту-то часть я и ожидал услышать. Можно было допустить, что они просто прокладывают канализацию, бегут из заключения или занимаются еще чем-нибудь, не угрожающим нашему положению. А так они явно являлись законной дичью.

Поднявшись с того места, где сидел, я тихо двинулся туда, где они копали.

— ... если дон Брюс не хочет... Эй! Ты куда? Вернись на место!

Я проигнорировал крики Нунцио и снова прислушался. Над целью. По моим прикидкам они четырем футами ниже. Мысленно усмехнувшись, я начал подпрыгивать на месте, приземляясь как можно тяжелее.

— Что ты делаешь? Прекрати это! Эй, Глип!

Производимый Нунцио шум не шел ни в какое сравнение с тем, что говорилось четырем футами ниже. Когда я упомянул ранее, что я слишком тяжел для того, чтоб Нунцио сдвинул меня без посторонней помощи, я не хотел этим сказать, будто он слаб. Просто с драконьим весом приходится считаться, даже когда он мертвый груз, а если он живой и мыслящий, то у вас настоящие проблемы. Я почувствовал, как пол поддается подо мной, и отпрыгнул в сторону, упиваясь доносившимися снизу звуками приглушенных воплей.

— Вот это да. Ну посмотри, что ты наделал! Ты сломал пол!

Я снова не ожидал никакой благодарности и не получил ее. Это меня не волновало, так как в данную минуту меня больше интересовал результат повреждений, причиненных мною этой последней стае потенциальных воров.

Пол, или часть его, теперь опустился футом ниже, приведя меня к заключению, что либо туннель вниз

был не очень высок, либо обвалился лишь частично. В любом случае, с этого направления больше не доносилось никаких звуков и, значит, воры либо погибли, либо отступили с пустыми руками. Достигнув своей цели устранить еще одну угрозу, я снова сосредоточил свои мысли на более важных вещах. Не слушая бессвязный бред Нунцио, я хлопнулся на пол и притворился спящим, занимаясь тем временем небольшим и неспешным анализом.

Наверное, Нунцио прав. Возможно, мой зверек неблагоприятно реагирует на перемену своего положения с вольнонаемного деятеля на главу корпорации, во многом так же, как тропические рыбы начинают страдать, если внезапно изменить температуру воды в их аквариуме. Я отлично сознавал, что окружающая среда организма состоит отнюдь не в одном лишь физическом окружении... На человеческое благополучие часто влияет, например, общественная атмосфера. Если это так, то мне надлежало что-то предпринять.

Проблема состоит в том, как именно мне произвести необходимую переналадку. Я всегда старался по возможности позволять своему зверьку свободу воли. То есть, мне нравилось создавать ему иллюзию, будто он сам выбирает свой путь и путь своих товарищей, без всякого моего вмешательства. Иной раз я отходил от этой позиции, как в том случае, когда они привели в наш дом ту ужасную тварь Метчи, но по большей части такая политика оставалась непоколебимой. Это означало, что если я и в самом деле решу, будто настало время отсеять или устранить каких-либо или всех нынешних товарищей Скива для его же блага, то это придется сделать так, чтобы ничто не указывало на меня. Это не только сохранит иллюзию моего невмешательства в его жизнь, но также убережет его от чувства страха, которое обязательно появится, если он поймет, что я ответственен за ликвидацию одного или нескольких его друзей. Да, это потребует немалых размышлений и раздумий.

— Вот, парень. Хочешь угощеньица?

Это последнее издал подлый на вид девол, протягивая мне руку с лежавшим на ладони куском какой-то непонятной субстанции.

Виновато вздрогнув, я сообразил, что слишком увлекся, чересчур глубоко погрузился в размышления, чтобы и дальше осознавать свое окружение. Это было с моей стороны непростительной ошибкой. Игнорируя предло-

женный подарок, я поднял голову и отчаянно огляделся, заново оценивая ситуацию.

Их было трое: тот, что теперь обращался ко мне, и двое других, говоривших с Нунцио.

— Не знаю, — отвечал последний. — Я не получал никаких инструкций о ком-то, забирающем груз в такую рань.

Что-то определенно неладно. Судя по словам и манере Нунцио, даже у него возникли подозрения... и значит, замысел должен быть весьма прозрачным.

— Брось, парень, возьми угощеньице.

Стоящий передо мной девол начинал казаться малость отчаявшимся, но я продолжал игнорировать и его, и его подношение. Отравленное, конечно. Просто потому, что они не чувствуют запаха широкого диапазона химических веществ, люди полагают, будто все остальные тоже его не чувствуют. Этот девол не представлял для меня проблемы. Меня больше заботило, потребуется ли Нунцио помощь или нет.

— Я не виноват, если у вас возникла путаница с документами, — зарычал на Нунцио девол поменьше, неплохо имитируя нетерпение. — Мне надо выдерживать график. Смотрите. Вот копия моего разрешения.

Когда Нунцио нагнулся посмотреть протянутую деволом бумагу, девол, стоящий сзади от него, извлек дубинку и с размаху ударил ею его по голове. Раздалось громкое "трах"... Но произошло оно от сломавшейся дубинки, а не от головы Нунцио. Эта последняя, как я отмечал, исключительно дубовая.

— Сожалею, но я не могу позволить вам забрать груз. — Нунцио отдал бумагу невысокому деволу, который принял ее, не утратив прежнего выражения лица. — Это разрешение всего лишь чистый лист бумаги.

Он оглянулся через плечо на более рослого девола, стоявшего, уставясь на свою сломанную дубинку.

— Сейчас тобой займусь, парень. Как только мы разберемся с этим разрешением.

Я решил, что он сумеет справиться на свой собственный оригинальный лад, и вернул свое внимание к деволу с отравленным угощением.

Тот глядел на говорящих, разинув рот от изумления. Я, однако, заметил, что он пренебрег убрать руку.

Есть некоторые, думающие, будто у драконов нет чувства юмора. В доказательство обратного я предлагаю вот этот контрпример.

Слегка раздвинув челюсти, я вытянул шею и взял угощение в рот. На самом-то деле я взял в рот его руку... до самого плеча. Это не так опасно, как кажется. Просто я позаботился не заглатывать и, собственно, избежал любого опасного воздействия, какое могло вызвать отравленное угощение.

Услышав, как щелкнули мои челюсти, девол оглянулся, и мы взглянули друг другу в глаза с куда более близкого расстояния, чем он предвидел. Для пущего эффекта я помахал ему бровями. Брови произвели нужное впечатление, и глаза его закатились, когда он плюхнулся на пол в глубоком обмороке.

Забавно, а? Вот вам и отсутствие чувства юмора.

Расслабив челюсти, я убрал голову, оставив угощение и руку целыми, и снова проверил, как дела у Нунцио.

Более рослый девол вытянулся на полу без сознания, в то время как Нунцио держал другого одной рукой за лацканы и внушал ему, лениво отведывая оплеухи то тыльной, то нетыльной частью ладони:

— Мне следовало бы сдать вас властям! Подобный неуклюжий налет мог создать нашей профессии дурную славу. Понятно, что я имею в виду? Ты меня слушаешь? А теперь забирай своих дружков и катись отсюда, пока я не передумал! И не возвращайся, пока не найдешь какой-нибудь приличной подмоги!

Мне пришлось признать, что у Нунцио есть определенная манера... для человека. Если бы ему повезло родиться с мозгами, он мог бы быть драконом.

Пока он занимался выбрасыванием за дверь последних нападающих, я решил произвести небольшое исследование. После трех попыток освободить нас от груза, хотя Нунцио знал только об одной из них, у меня начинали появляться легкие подозрения. Даже для столь приверженной к уголовщине компании, к какой склонны люди, три попытки в такой быстрой последовательности казались необычным делом, и я хотел побольше узнать о том, что же мы охраняем.

Ящики по-прежнему пахли бумагой и чернилами, но это казалось неадекватной причиной для привлекаемого к ним внимания. Я как можно небрежней хлопнул хвостом по одному из ящиков, продолбив его. Очевидно, я ударил не так облегченно, так как на звук ко мне мигом прибежал Нунцио.

— А теперь что ты делаешь? Смотри! Ты поломал... Эй! Минуточку!

Он нагнулся поднять один из вывалившихся из ящика предметов и внимательно изучил его. Я выгнул шею, чтобы глянуть через его плечо.

— Ты знаешь, что это такое, Глип?

Вообще-то я этого не знал. Судя по всему, что я видел, это была всего-навсего какая-то книжка с картинками... да притом скверно сделанная. Как бы она не выглядела, это было чем-то ценным. Но, безусловно, не оправдывала то внимание, какое ей уделяли.

Нунцио бросил книжку обратно на пол и нервно огляделся кругом.

— Это не для моего ума, — пробормотал он. — Я не могу... Глип, ты не спускай глаз с этого товара. Я тотчас же вернусь. Мне надо привлечь Босса... и Гвидо! Да. Он в этом добре разбирается.

Сбитый с толку, я смотрел, как он уходит, а затем снова изучил взглядом книжку.

Очень странно. В этой ситуации имелось что-то, ускользавшее от моего пристального взгляда.

Я несколько раз потер нос в тщетном усилии очистить его от запаха чернил, а затем сел ждать прибытия моего зверька.

* * *

— Комиксы?

Скив был также сбит с толку, как и я.

— Охраняемый нами "ценный груз" — комиксы?

— Именно так я и подумал, Босс, — сказал Нунцио.

— Бред, а? Как ты думаешь, Гвидо?

Гвидо был занят вскрытием другого ящика. Он проглядел книги наверху, затем выкопал несколько штук со дна, убеждаясь, что они одинаковые. Внимательно изучив две из них, он тихо присвистнул.

— Вы знаете, чего они стоят, Босс?

Скив пожал плечами.

— Я не знаю, сколько их здесь, но я видел их в продаже на Базаре по три-четыре за серебряную монету, так что дорого стоять они не могут.

— Извини, если перебую, — сказал Гвидо, — но я говорю не о каком-то повседневном, заурядном комиксе. Я смотрю на эти, а они — темная лошадка совсем из другой конюшни.

— Да? — нахмурился мой зверек. — Я думаю... неужели? На мой взгляд, они все выглядят одинаково. Что делает их особенными?

— Это нелегко объяснить, но если вы обратите ко мне свой слух, я попытаюсь пополнить ваше образование, Босс. И твое тоже, Нунцио.

Гвидо сгреб пригоршню книжек и сел на один из ящиков.

— Если вы изучите представленные вам улики, то заметите, что хотя все эти комиксы одинаковые, то есть они копии одного выпуска, у всех в рамочке на обложке стоит номер "один". Это указывает, что перед нами первый выпуск этой конкретной серии.

Я воздержался от взгляда на одну из книжек. Если Гвидо говорил, что на ней стоял такой указатель, то он, вероятно, там стоял, и осмотр ничего не изменит.

— Это "один" сразу же делает комикс более ценным, и для того, кто пытается приобрести полную серию, и особенно для коллекционера. Так вот, определенные серии популярней, чем другие, что делает их особенно стоящими, но важнее те серии, которые на самом деле приобрели популярность уже после своего первого выпуска. В текущее время, увеличилось число читателей серии, по сравнению с тем, когда она началась. А законы спроса и предложения поднимают цену экземпляра первого выпуска до небес.

Он сделал драматический жест одной из книжек.

— Эта серия впервые появилась несколько лет назад, и в настоящее время ее ищут усерднее, чем парня, свистнувшего коронные бриллианты. И что еще важнее, тираж первого выпуска был очень мал, что делает экземпляр первого выпуска исключительно ценным... вот именно — исключительно. Я собственными глазами видел потрепанный экземпляр комикса, что сейчас в ваших руках, на столе торговца с ценой в сто пятьдесят золотых. Заметьте, я не говорю, будто он получил их, но он столько запрашивал.

Теперь настала очередь Скива присвистнуть. Я мог бы и сам поддаться такому искушению, но с раздвоенным языком свистеть трудно.

— Если это правда, то такой груз стоит целое состояние. Здесь книг достаточно.

— Вот это-то и в самом деле озадачивает, Босс, — сказал, глядя на ящики, Гвидо. — Если меня не подводит память, то тираж насчитывал всего две тысячи экземпляров... и если все эти ящики заполнены одним и

тем же товаром, то количество экземпляров куда больше. Я не понимаю, как такое может быть, но приходящее мне в голову объяснение не благоприятно для владельца.

— Подделки! — пискнул Нунцио. — Этот парень — фальшивомонетчик!

— Фаль... Неважно! — отмахнулся Скив. — Какой прок от поддельных комиксов?

— Такой же, как от любой другой подделки, — пожал плечами Гвидо. — Ты сплавляешь их, как оригиналы, и сваливаешь с деньгами, пока никто не догадался. В некоторых отношениях повернуть такое дельце с ними лучше, чем с фальшивыми деньгами, поскольку изготовить дубликаты комиксов не так трудно, и, как видите, они весят побольше. И бумага тоже подешевле.

Мой зверек осмотрел груз.

— Значит, мы сделали невольными соучастниками операции по подделке комиксов, да?

— ... и даже не получая своей доли, — прорычал Нунцио.

— Я-то думал не об этом, — покачал головой Скив. — Я думал о тех коллекционерах, которые наскребут деньги для приобретения коллекционного товара, только для того, чтобы увидеть, как цена стремительно катится вниз, потому что рынок наводнен подделками.

Он задумчиво потер нижнюю губу.

— Интересно, на какую сумму мой сотрапезник застраховал этот груз?

— Вероятно, не на большую, если вообще застраховал, — высказал свое мнение Гвидо. — Для страхования надо заполнять всякие документы, декларирующие содержимое ценного груза, а страховой агент, достаточно сведущий, чтобы дать ему полную цену, тоже увидит несоответствие между числом экземпляров в грузе и первоначальным тиражом. Видите ли, Босс, трудности со сбытом подделок в том, что для прикрытия требуются добавочные подделки, и, в конце концов, кто-то обязательно уловит, в чем дело.

К тому времени, когда Гвидо закончил свою речь, Скив даже не слушал его. Он занимался массированием места у меня между ушами, со странной улыбкой на лице.

— Ну, полагаю, никто не выигрывает все время.

— Что-что, Босс?

Мой зверек повернулся лицом к ним.

— Я сказал, что на этот раз корпорация “М. И. Ф.” упустила мяч. Извини, Нунцио, но это дело войдет в анналы, как плохо выполненное задание. Я могу только заверить тебя, что это никак не отразится на оценке твоего следующего выступления.

— Чего-то не пойму, — нахмурился Нунцио. — Что вышло не так?

— Как что, ну, конечно же, пожар. Ну, знаешь, пожар, уничтоживший весь груз из-за нашей невнимательности и небрежности? Ужасная беззаботность с нашей стороны, не правда ли?

— Пожар? Какой пожар?

Скив шагнул в сторону и поклонился мне, махнув одной рукой в сторону ящиков.

— Глип? По-моему, это по твоей части?

Я немного поколебался между применением 4-й или 6-й степени, а потом сказал себе “черт с ними” и полыхнул 9-й степенью пламени. Признаюсь, вышло немного бросковато, но когда смотрят Гвидо и Нунцио, не говоря уж о моем зверьке, нет смысла беречь огневую мощь.

Она произвела на них впечатление, что не удивительно, так как 9-я степень крайне эффективная. Не требовалось даже гасить что-то догорающее, поскольку к тому времени, когда я отключил древний огнемет, гореть уже было нечему.

Несколько мгновений мы все стояли, уставясь на обугленное пятно на полу склада.

— Здорово! — выдохнул, наконец, Гвидо.

— Можешь сказать еще раз за меня, — кивнул Нунцио, обнимая меня рукой за шею. — Хороший дракон, Глип. Хороший дракон.

— Ну-с, господа, — потер руки Скив, — теперь, когда с этим покончено, полагаю, мы можем направиться... Что это?

Он показал на просевший участок пола, в первый раз заметив его.

— Это? — пискнул Нунцио. — Понятия не имею, Босс. Тут так и было, когда мы сюда пришли.

Я не потрудился подмигнуть ему в ответ, так как уже начинал глубоко задумываться и надеялся, что в конце концов не сочту Гвидо или Нунцио оказывающими устраивающее влияние на моего зверька. Время покажет.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Не все в жизни смешно.

Р. Л. Асприн

Команда, кажется, пребывала в отличном настроении, когда все собрались в моем кабинете на ежемесячное заседание правления. Как полагается, обменялись в равной мере поздравлениями и колкостями и начали готовиться к тому, что обещало быть марафонской сессией.

Меня радовало, что они в хорошем настроении. Это могло немного облегчить мне оглашение того, что я должен был сказать. Я все еще качался от только что полученных нескольких ударов, и теперь моей задачей стало отпасовать их в их направлении.

Сам я смотрел на предстоящую сессию со смесью страха и нетерпения. Нетерпение, наконец, возобладало, и я открыл заседание.

— Я знаю, вы все приготовились обсуждать продажу “Веселого Дома”, — начал я, оглядывая развалившихся тут и там членов команды, — но произошло нечто, отодвигающее, на мой взгляд, этот вопрос на второй план. Если никто не возражает, я временно отложу обсуждение продажи казино в пользу этого нового дела.

Это вызвало легкое шевеление, обмен недоуменными взглядами и пожатия плечами. Не желая отвлекаться на град вопросов и комментариев, я поспешил продолжить.

— Есть одно задание... нет, я не могу так его назвать. Там нет никакой оплаты и никакого клиента. Просто это нечто такое, чем, по-моему, следует заняться корпорации “М. И. Ф.”. Я не чувствую себя вправе приказывать кому-либо участвовать... и даже не вижу воз-

возможности поставить это на голосование. Все должно произойти на индивидуально-добровольной основе.

Тананда подняла руку. Я кивнул ей.

— Мы услышим, в чем, собственно, дело? Или нам нужно записываться добровольцами вслепую?

С миг я поискал нужные слова, а потом сдался. Вместо слов я толкнул к ней по столу маленькую продолговатую коробочку. Она, нахмурясь, посмотрела на нее, потом на меня, и подняла крышку.

Ей хватило только одного взгляда внутрь, чтобы понять предложение. Опустившись в кресло, она сцепилась взглядом со мной, а затем покачала головой и тихо присвистнула.

— Слушай, это предназначено одному или может участвовать любое число участников? — проворчал с противоположной стороны кабинета Корреш.

В ответ Тананда подняла коробочку, наклонив ее так, что все могли видеть содержимое. Внутри находился отрезанный палец, точнее, женский палец. На нем красовалось безвкусно-крикливое кольцо.

Последовало долгое молчание, пока собравшиеся смотрели на это официальное послание. Затем Маша прочистила горло.

— За сколько всего лишь кольцо? — насмешливо спросила она, но судя по ее тону, она не ожидала от кого-нибудь смеха.

Никто и не засмеялся.

— Чего-то я не пойму, Босс? — нахмурился Гвидо. — Это шутка или что?

— Вы с Нунцио не присутствовали на Большом Финале, Гвидо, — сказал я. — Помнишь королеву Цикуту? Там, в моем родном измерении Пент?

— Разумеется, — кивнул он. — Она была неплохая телка... хотя немного гадина.

— Ну, это зависит от того, в фаворе ты у нее или нет, — скривила рот Тананда, бросая коробочку обратно на стол.

Я проигнорировал ее.

— Банни, ты при этом не присутствовала, так что...

— Я кое-что узнала об этом из разговора с Коррешем, — отмахнулась она.

— Королева Цикута хотела после свадьбы с Родриком привести в действие один интересный план: соединить военную силу Поссилтума с богатством своего собственного королевства Тупик и осуществить свою

давнюю мечту о завоевании мира. Правда, она собиралась убить Родрика, если он будет против этой идеи.

Я взял коробочку и повернул в руках.

— Я думал, что остановил ее, дав ей с Родриком обручальные кольца, связывавшие жизни их обоих, кольца, которые не снимаются. Лежащее здесь в коробочке ее... для избавления от него ей пришлось отрубить палец. Этого я не предвидел.

— Я подозреваю, что она любила свою мечту больше, чем палец, — поморщился Корреш.

— Кажется, так, — кивнул я. — Теперь она на свободе с армией, предварительно предоставленной ей нами, когда я был придворным магом в Поссилтуме. Я не самый выдающийся военный аналитик из всех здесь присутствующих, но, по-моему, ничто на Пенте не сможет остановить ее... если в игре не примет участия корпорация "М. И. Ф."

— Я не могу понять, — сказал Корреш, — зачем она уведомила нас об этой ситуации официальным посланием. Разве для нее не лучше обойтись без противодействия?

— Неужели ты не понимаешь, что это вызов, братец? — вздохнула Тананда. — Перчатки вышли из моды, потому она швыряет нам палец.

— Вы все, кажется, придерживаетесь более высокого мнения о королеве, чем я, — вступила в разговор Маша. — Для меня это больше похоже на приглашение в западню. Насколько я помню, когда мы разбежались, старушка Цикута была не слишком милостива к нам. Не исключено, что ее план, возможно, уже выполнен... в таком случае мы станем гвоздем развлекательной программы на праздновании победы.

Мне это не пришло в голову. В последнее время я, кажется, многое упускал из виду.

— Возможно, ты права, Маша, — согласился я. — Даже при самых благоприятных обстоятельствах я не уверен в успехе. Поэтому я и ставлю этот вопрос на обсуждение. Это мое родное измерение, и я внес свой вклад в эту проблему, так что мое суждение будет пристрастным. Во многих отношениях это личная проблема. Я не имею права надеяться, что другие...

— Ты заговоришь всех до смерти, Оторва, — перебила Маша. — Ты наш несравненный вождь, к добру или лиху. Просто иди на дело. Мы от тебя не отстанем.

Я покачал головой и успокаивающе поднял руку.

— Дело обстоит не так просто. Прежде всего, я не хочу делать эту операцию групповым обязательством, где несогласный подлежит исключению или склоняется перед всем, на что согласится группа. Вот потому-то я и призываю только добровольцев... не осуждая того, кто не запишется. Во-вторых...

Тут подошла трудная часть. Набрав побольше воздуха, я нырнул в нее, как в омут.

— Во-вторых, я в этом участвовать не буду. Случилось еще нечто, отодвигающее на второй план и королеву Цикуту. Так вот, не будь это так важно для меня...

— Тпру. Остановите музыку! — воскликнула Тананда. — Я хочу услышать, каким еще горячим делом ты займешься на стороне. Что для тебя важнее защиты родного измерения.

Я избегал встречаться с ней взглядом.

— Это не работа и не задание. Это... это личное дело. Нечто такое, чего я не могу никому передоверить. Я должен справиться с ним сам.

— Ну так скажи нам, — потребовала она, скрестив руки на груди. — Мы же свои. Даже не будь причины, разве тебе не кажется, что мы имеем право знать, что собирается делать Главный, пока мы ведем за него войну?

У меня было ощущение, что мне не удастся протаскать это незаметно. И я со вздохом уронил второй ботинок.

— Оглянитесь по кабинету, — предложил я. — Замечаете чего-нибудь недостающее?

Возникла пауза, пока все выполняли предложенное. Для выяснения, в чем дело, им потребовалось долгое время.

— Ааз! — догадался, наконец, Корреш. — Здесь нет Ааза.

— Слушай, а ведь верно, — моргнула Маша. — То-то мне это заседание показалось немного тихим. Где старина Зеленый и Чешуйчатый?

— Пропал.

Потребовалась секунда, чтоб сказанное дошло. Затем все в потрясенном молчании уставились друг на друга.

— Этим утром я обнаружил на своем столе записку, — продолжал я. — Это было его письмо с уведомлением об уходе из корпорации "М. И. Ф.". Он чувствует себя без своих способностей пустым балластом... занимающим место, не отрабатывая оплаты. Он упаковал вещички и пропал, отправился обратно на Извр.

Я бросил бумагу на стол.

— Вот потому-то я и не отправляюсь сам в поход на королеву Цикуту. Я отправляюсь на Извр... за Аазом.

— На Извр?

— Ты, должно быть, шутишь, Оторва.

— Но, Босс...

— Скив, ты не можешь...

— Слушай, Скив. А что если он не вернется?

Я уцепился за это последнее замечание. Корреш, как обычно, попал в точку и уловил суть дела.

— Если он не вернется... Я должен, по крайней мере, поговорить с ним. Мы слишком долго пробыли вместе, чтоб дать ему исчезнуть. Я отправляюсь на Извр поговорить с ним с глазу на глаз... и отправляюсь один.

В кабинете поднялась новая волна протестов, но я оборвал ее.

— Когда вы отправитесь в поход на королеву Цикуту... извините... если вы отправитесь в поход на королеву Цикуту, вам понадобится вся живая сила, какую можно собрать. Очень плохо, что я не смогу там быть. Не разделяйте свои силы больше, чем они уже раздроблены. Кроме того...

Здесь мой голос немного дрогнул.

— Это моя проблема... действительно моя проблема. Я многое обдумал с тех пор как прочел эту записку, и вопрос упирается не только в Ааза.

Я медленно обвел глазами собравшихся.

— В последнее время был увлечен исключительно президентскими обязанностями. Было трудно... я пытался оправдать вашу веру в меня, заставляя наш бизнес процветать. И со временем получилось так, что я стал весьма скуп на "спасибо" и "молодчина" и почти ничто потерял с вами контакт за пределами деловых отношений. Ааз много лет был моим лучшим другом и если он... Можно сказать так — я буду искать себя, наряду с поисками Ааза.

Когда моя речь подошла к концу, наступила мертвая тишина. Если я надеялся услышать какие-то протесты по поводу своего заявления, то я выступал не для тех слушателей. Вдруг мне захотелось поскорее закрыть заседание.

Я прочистил горло.

— Я ухожу в увольнение для поисков Ааза. Никакого обсуждения не требуется и не допускается. А теперь насущный вопрос, стоит ли попытаться корпорации "М.И.Ф." помешать предполагаемой попытке королевы Цикуты захватить власть над Пентом или нет. Есть добровольцы?

Мифо-наименования и из-вержения

ГЛАВА ПЕРВАЯ

*Никто не видел всего!
Марко Поло*

Те из вас, кто следил за моими злоключениями знают, что меня зовут Скив (иногда Великий Скив) и что я вырос в измерении Пент, которое, как бы снисходительно на него ни смотреть, не является центром культуры и прогресса. Вы, конечно, также знаете, что с тех пор, как я начал вести хронику своих приключений, то я немного пошатался по белу свету и повидал уйму измерений, и поэтому теперь на меня не столь легко произвести впечатление, как на того деревенщину, каким я был, когда впервые занялся магическим бизнесом. Но позвольте мне вас уверить, каким бы искушенным и маститым, я на мой взгляд, ни стал, ничто испытанное мной до той минуты не приготовило меня к зрелищу, представшему передо мной, когда я свалился в измерение Извр.

Местечко это было огромное, больше любого другого, где я бывал. Допустим, горизонт есть горизонт. Верно? А вот дальше любых, посещенных мной мест, оно уходило ввысь!

Здесь не имелось никаких ларьков и палаток, какие я привык видеть на Базаре-на-Деве. Вместо этого тянулись вверх, почти уходя из зоны видимости, массивные здания. В действительности, сами-то здания были видны четко. А вот небо почти пропадало! Если не смотреть прямо вверх, его вообще было не увидеть. И даже посмотрев, было трудно поверить, что маленькая яркая полоска так высоко над головой и в самом деле небо. Наверно, все могло бы выглядеть более впечатляюще будь сами здания поприятней на вид. К несчастью, они

по большей части отличались шиком и изяществом сильно увеличенного в размерах сортира... и примерно, с такой же степенью чистоты. Никогда бы не поверил, что такие высокие здания могут произвести впечатление призмистых, но эти производили. Поразмыслив несколько мгновений, я решил, что все дело в грязи.

Все выглядело так, словно сажа и копоть нарастали слоями на всех доступных поверхностях много поколений втечение века. У меня сложилось впечатление, что если смыть мощными струями грязь со зданий, то они рухнут из-за потери опоры. Этот образ показался мне увлекательным, и я несколько мгновений забавлялся им прежде, чем переключить внимание на другую достойную пристального взгляда черту этого измерения — Людей.

Так вот, есть такие, кто будет спорить попадают ли жители Извра под понятие “люди” или нет, но я, как постоянно проживающий на Базаре, взял в привычку называть “людьми” всех разумных существ, как бы они ни выглядели и как бы ни использовали свой разум. В любом случае признавать их за людей или нет, называть их извергами или извращенцами, но уж отрицать, что их было много, никак нельзя!

Повсюду, куда ни глянь, попадались толпы граждан, толкающихся и рычащих друг на друга, носясь туда-сюда. Я видел толпы на Большой Игре, показавшиеся мне буйными и грубыми, но эта многолюдная толча с легкостью выигрывала бы приз, если речь шла о величине грубости.

Совместное воздействие зданий и толп создавало смешанное впечатление об этом измерении. Не могу сказать, привлекало меня к нему или отталкивало, но в целом я ощущал почти гипнотическую, ужасающую завороченность. Я не мог припомнить ничего похожего из всего увиденного или испытанного мной прежде.

— Похоже на Манхэттен... Только еще больше!

Эти фразы исходили от Маши. Она считается моей ученицей... хотя с виду об этом никак не догадаешься. Она не только старше меня, но измерений посетила побольше моего. Хоть я никогда не притязал на вссведение, меня раздражает, когда моя ученица знает больше, чем я.

— Понимаю, что ты имеешь в виду, — чуть поблефовал я. — По крайней мере, насколько нам видно отсюда.

Подобное утверждение казалось безопасным. Мы стояли в переулке, который резко ограничивал нам обзор. В основном, тут налицо попытка что-то сказать, не сказав на самом деле ничего.

— Разве ты не забываешь кое-чего, Оторва? — нахмурилась Маша, вытягивая шею и выглядывая на улицу.

Вот и весь блеф. Теперь, когда я признался, что заметил сходство между Извром и Махай-темом... где бы ни находилось то местечко, от меня ожидали замечаний о различиях. Ну, если я и усвоил чего за время своей недолгой карьеры игрока в драконий покер так это, что нельзя отказываться от блефа наполовину погрузившись в него.

— Минутку, — попросил я, с большим усердием глядя в ту же сторону, что и Маша. — Сейчас найду.

Я рассчитывал попросту на нетерпение моей ученицы. Мне думалось, что она проболтается раньше, чем мне придется признаться в незнании. Я оказался прав.

— Длинное слово... похожее на чары личины?

Она прервала изучение улицы, бросив задумчивый взгляд на меня.

— О! Да, верно.

Житье на Базаре избаловало меня. Проживание в торгово-коммерческом центре измерений приучило меня к виду существ из многочисленных измерений, не моргнув глазом, шастающих рядом в поисках товара. Вызывая способность забывать, что в других измерениях существа из других миров не только странные создания, а иной раз и просто нежелательные элементы.

Извр, конечно же, относился к таким измерениям. Пока я глазел, разинув рот на ландшафт, Маша не преминула заметить, что мы привлекли несколько враждебных взглядов, когда прохожие заметили нас у входа в переулок. Я приписал это двум обстоятельствам: хорошо известному нраву извергов (который отъявленно скверный) и Маше.

Хотя моя ученица чудесный человек, внешность у нее менее чем тянет на обнаженную красотку из календаря... если календарь у вас не из местного зоопарка. Было бы несправедливо сказать, что Маша выглядела не естественно... она никогда не пробовала выглядеть естественной. Дело тут не только в ее закрученных оранжевых волосах и более чем крупной фигуре. Я имею в виду, любая особа с зеленой помадой и бирюзовым лаком для ногтей, не говоря уж о паре татуиро-

вок сомнительного вкуса, не пытается претендовать на Мисс Естественная Внешность.

Было время, когда я расстраивался из-за того, что люди пьются на Машу. Она действительно чудесный человек, даже если ее вкус по части одежды и косметики вызовет рвоту и у козла. В конце концов я примирился с этим, когда она указала, что ожидает взглядов окружающих и одевается соответственно.

Все это объясняет, почему мне не показалось необычным, что на нас пьются. Так же граждане Извра известны своей неприязнью ко всем вообще и иномирным в особенности, поэтому отсутствие теплоты в направленных на нас взглядах не стоило внимания.

Но Маша напомнила мне об ином, хотя напоминания и не требовалось. Она напомнила, что мы сейчас на Извре, в их родном измерении, и будем не встречаться с ними лишь при случае, а почти постоянно иметь дело именно с ними. Мне следовало бы это понимать, но после долгих лет знакомства с Извром лишь по слухам, требовалось некоторое время, чтобы до меня дошло, что я действительно там.

Нас, конечно же ни, не могли перепутать с туземцами. У местных зеленая чешуя, желтые глаза и заостренные зубы, в то время как мы с Машей выглядели... ну, нормальными. Насколько поражает вид извергов в некотором смысле проясняется, когда я говорю, что по сравнению с ними Маша выглядит нормальной.

Однако Маша правильно указала, что если я надеюсь добиться от местных хоть какого-то содействия, то мне придется прибегнуть для слияния с ними к чарам личины. Закрыв глаза, я принялся за работу.

Чары личины — одни из самых первых усвоенных мной чар, и я всегда полностью полагался на них... то есть, после того, как применил их первые несколько раз. Для тех, кого интересует технические детали поясню: это своего рода смесь иллюзии и контроля над мыслями. Попросту говоря, если сумеешь убедить самого себя, что ты выглядишь иным, то другие тоже это увидят. Это может показаться сложным, но на самом деле тут все просто и научиться этому легко. Актеры используют этот прием не один век. Так или иначе чары эти до смешного легкие. Без малейшей задержки моя личина оказалась на месте, и я стал готов встретиться с Извром в качестве туземца.

— Неплохая работа, Чаробой, — протянула с обманчивой небрежностью Маша. — Но ты проглядел одну мелкую деталь.

На этот раз я точно знал, о чем она говорит, но решил прикинуться дурачком. На случай, если вас интересует, да, это мой обычный модус операнди... притворяться дурачком, когда я знаю, что происходит, и знаящим, когда я в полном неведении.

— Какую именно, Маша? — невинно спросил я.

— А где моя?

В эти три слова был вложен большой заряд, все от угроз до мольбы. На сей раз, однако, я не собирался поддаваться ни на то, ни на другое. Я много думал об этом деле и твердо решил придерживаться своего вывода.

— Тебе, Маша, личина не понадобится. Ты здесь не останешься.

— Но, Скив...

— Нет!

— Но...

— Послушай, Маша, — сказал я глядя ей прямо в лицо. — Я ценю твое желание помочь, но проблема эта моя. Ааз мой партнер, не говоря уж о том, что он мне наставник и лучший друг. И что еще важнее, именно моя невнимательность настолько расстроила его, что он вышел из фирмы и сбежал. Как ни крути, найти его и привести обратно это моя задача.

Моя ученица глядела на меня, сложив руки и плотно сжав губы.

— Согласна, — сказала она

— ... Поэтому тебе нет смысла пытаться... что ты сказала?

— Я сказала согласна, — повторила она. — ... В смысле согласна, что привести Ааза обратно это твоя задача!

Это захватило меня врасплох. Я почему-то ожидал дальнейшего спора. Даже теперь, на мой взгляд, было не похоже, что она действительно прекратила бой.

— Ну, тогда...

— ... А моя задача, в качестве твоей ученицы, следовать за тобой и поддерживать твои действия. По твоей же собственной логике, Шеф, у меня перед тобой такие же обязательства, как и у тебя перед Аазом.

Довод был неплох, и у меня на миг возникло искушение разрешить ей остаться.

— Извини, Маша, — сказал я наконец, с настоящим сожалением. — Я не могу позволить тебе это сделать.

— Но...

— ... Потому что ты будешь моей заменой, когда остальная команда нападет на королеву Цикуту.

Это, как я и рассчитывал, заставило ее умолкнуть, и она, закусив губу уставилась в пространство, когда я продолжал:

— И так плохо, что остальным предстоит вести за меня мою войну, но дать отсиживаться нам обоим просто невымыслимо. Им понадобится вся помощь, какую они смогут заполучить. Кроме того, ученица нужна для того, чтобы я мог быть одновременно в двух местах... не так ли?

Я полагал, что на этом дискуссия и закончится, но недооценил Машиную решимости.

— Ладно, тогда ты возглавь битву против Цикуты, а я доставлю Чешуйчатое чудо.

Я покачал головой.

— Брось, Маша. Ты же знаешь, что такого лучше и не пробовать. Именно мое невнимание и заставило его покинуть нас. Если кто и может заставить его вернуться, то только я.

Она пробурчала что-то под нос, чего я (вероятно, и к лучшему) что не расслышал, но был уверен, что искреннего согласия в ее словах нет. Имея и так уже одну проблему, вызванную моей невнимательностью к настроениям моих сотрудников, я счел нежелательным игнорировать расстроенное настроение своей ученицы.

— Слушай, мы можем урвать несколько минут и обсудить, что на самом деле тебя беспокоит? — обратился я к ней. — Я предпочел бы не расставаться с тобой на фальшивой ноте.

Маша на миг поджала губы, а затем тяжело вздохнула.

— Мне просто не нравится мысль о том, что ты в одиночку берешься за такой труд, Сквив. Знаю, ты больше меня разбираешься в магии, но это одно из самых норовистых из все известных измерений. Я бы чувствовала себя лучше, будь у тебя поддержка, вот и все... Даже если эта поддержка всего лишь механика, вроде меня. В прошлом эти мои игрушки не раз помогали выкрутиться.

Она говорила, конечно же, о своих драгоценностях. Почти вся применяемая Машей магия относилась к фокуснической разновидности... магические кольца, магические кулоны, магические булавки в носу... отсюда и

бытующее среди профессионалов прозвище “механик”. У нее, однако, хватило вежливости не подчеркивать чересчур сильно то обстоятельство, что ее игрушки зачастую бывали надежней и эффективней, чем моя личная “естественная” форма магии.

— Ты права, Маша, и мне очень хотелось бы видеть тебя рядом... но ты будешь еще нужнее против Цикуты. Но прежде, чем ты слишком расстроишься, вспомни лишь, что в прошлом я справлялся с кое-какими весьма тяжелыми ситуациями.

— Они бывали не на Извре, и с самым тяжелым справлялся партнер, — заявила напрямик она. — У тебя даже нет с собой И-прыгателя.

— Я получу его у Ааза, когда найду его. Если преуспею мы вернемся вместе. А если нет, то, думаю, он даст мне И-прыгатель и установит его для отбытия на Пент, просто чтоб избавиться от меня.

— ... А если ты вообще не сможешь его найти? — Маша многозначительно показала на уличные толпы. — На случай, если ты не заметил, тут не самое легкое место для розыска кого-либо.

Для разнообразия, я кивнул.

— Об этом не беспокойся. Я его найду. Для такого дела у меня в рукаве есть несколько фокусов. Главный фокус будет, как заставить его передумать.

— Ну, ты не мог бы по крайней мере сделать одну вещь? В порядке услуги для своей усталой старой ученицы?

Она сняла с левого мизинца кольцо и вручила его мне.

— Надень его, — предложила она. — Если ты не появишься к концу недели, я прибуду искать тебя. Оно поможет мне обнаружить тебя, если ты все еще будешь в этом измерении... или ты хочешь рискнуть застрять здесь?

Кольцо свободно налезло мне на правый большой палец. Будь оно чуть побольше, мне пришлось бы носить его, как браслет. Когда я уставился на него, в голове у меня внезапно промелькнуло подозрение.

— А что еще оно делает?

— Прошу прощения? — ответила Маша, с такой невинностью, что я уверился в своей правоте.

— Ты меня слышала, ученица. Что еще оно делает помимо службы маяком?

— Нуууу... оно следит за твоим сердцебиением и предупредит меня если твое физическое состояние вне-

запно изменится, скажем если, например, тебя ранят. Если такое случится, я, может, заскочу чуть пораньше посмотреть, что стряслось.

Я был не уверен, что мне это нравится.

— Но, что, если мое сердцебиение изменится по нормальным причинам... например, потому что я встречу наедине с прекрасной девушкой?

За это я заработал сильное подмигивание.

— В таком случае, Девятый Вал, мне бы хотелось быть здесь и познакомиться с ней. Не можем же мы допустить, чтобы ты гулял, с кем попало, не так ли?

И прежде, чем я сумел придумать подходящий ответ, она сгребла меня в сокрушительные объятия.

— Побереги себя, Скив, — прошептала с неожиданным неистовством она. — Без тебя все будет не то.

В воздухе раздался тихий хлопок, и она пропала. Я остался один на Извре, самом скверном из всех известных измерений.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Их больше не делают такими, как бывало!

Г. Форд

На самом деле я беспокоился далеко не так сильно, как вы могли бы подумать, судя по моему положению. Как я сказал Маше, у меня был один туз в рукаве... вот в этом-то и заключалась вся красота!

Некоторое время назад я принимал участие... точнее, я спровоцировал вытеснение Синдиката с Базара-на-Деве. Считал это справедливым, поскольку именно я и дал ему доступ на Базар, и кроме того Ассоциация Купцов Девы хорошо заплатила мне за избавление их от Синдиката. Конечно, это произошло до того, как Синдикат нанял меня присматривать за его интересами на Базаре, а Базар согласился предоставить мне дом и платить мне процент с прибылей за неподпускание Синдиката к Базару. Кажется путанным? Так оно и было... немного. К счастью, Ааз показал мне, каким образом эти задания не становятся взаимоисключающими, и что этика позволяет брать деньги у обеих сторон... ну, во всяком случае, не мешает. Разве удивительно, что я столь высоко ценю его советы? Однако, я отвлекаюсь.

В ходе начальных стычек в той компании, я приобрел небольшой сувенир, о котором почти забыл чуть ли не до той минуты, когда стал готовиться к этому поиску. С виду он не представлял собой ничего особенного, всего лишь пузырек с пробкой, удерживаемой на месте восковой печатью, но по моим предположениям, он, означал разницу между успехом и неудачей.

Я мог бы упомянуть о нем Маше, но откровенно говоря, я горел желанием приписать честь удачного проведения этого трудного дела себе лично. Уверенно ус-

мехаясь, я огляделся крутом удостовериться, что за мной не наблюдают, а затем сломал печать и вытащил пробку.

Для того, чтобы полностью оценить всю силу произошедшего потом, вы должны понять, чего ожидал я. Живя на Базаре, я привык к некоторым броским вещам... молниям, огненным шарам... ну, знаете, к подобным спецэффектам. Конкуренция на этом рынке жесточайшая, и эффекты окупаются. Так или иначе я подобрался, приготовившись к чему угодно. Ожидал-то я вздымающегося облака дыма и, возможно, удара грома или гонга, для особой значительности.

А получил я вместо этого тихий хлопок, какой получаешь, вытащив пробку из бутылки с содовой водой, и небольшое облачко испарения, в котором не хватило бы массы, даже на приличное колечко дыма. Конец спектакля. Все. Das ist alles*.

Сказать, что я был немного разочарован, будет все равно, что сказать будто деволы немного разбираются в торговле. Предельное преуменьшение. Я всерьез думал, то ли мне выбросить эту бутылочку, то ли, действительно, попробовать получить назад деньги с продавшей ее девола, когда заметил, что в воздухе передо мной что-то плавало.

На самом-то деле, мне следует сказать, что в воздухе кто-то плавал, поскольку там явно парила фигура... или, точнее, пол фигуры. Он был голым до талии, а возможно и ниже. Определить я не мог, потому что ниже пупка изображение таяло, делалось невидимым. Парил он низко, нагнувшись на лоб феску, так что та скрывала его глаза, и сложив руки на груди. Руки и торс у него выглядели весьма мускулистыми, и он мог бы показаться впечатляющим... если б не был таким маленьким! Я ожидал чего-нибудь, ростом где-то между с меня самого и с трехэтажное здание. А получил шести — восьми дюймов ростом, будь он виден весь. А так голова и торс тянули только дюйма на три. Незачем говорить, я был антипотрясен. И все же, кроме него у меня ничего не имелось, а если я чему и научился, в ходе различных испытаний и приключений, так это пускать в дело все, что имелось в наличии.

— Кальвин? — обратился я к нему, не уверенный, как полагается это делать.

* Это все (нем.).

— Точно, приятель, такое у меня имя, не затаскай его, — ответила фигура не вылезая из под фески.

Ну, я был не уверен, какими именно должны быть отношения между нами, но был весьма уверен в том что не такие, и поэтому попробовал опять.

— Мгмм... мне надо указать, что я твой господин и, следовательно, вершитель твоей судьбы?

— Да ну?

Фигура вытянула один длинный палец и приподняла им феску до черты где он мог посмотреть прямо на меня. Глаза у него светились кроваво-красным.

— Ты знаешь, каков я?

Вопрос меня удивил, но я охотно подхватил шутку.

— О, по — моему, ты джин. А точнее, джин по имени Кальвин. Девол, у которого я тебя купил, сказал, что ты последняя новинка среди джинов.

Человечек покачал головой.

— Неверно.

— Но...

— Я пьян, как сапожник!

Последнее сопровождалось заговорщицким подмигиванием.

— Пьян? — словно эхо повторил я.

Кальвин пожал плечами.

— А чего еще ждать? В бутылку-то меня загнали много лет назад. Полагаю, можно сказать что я Джин Бестоника.

Не уверен, почему я разинул рот — поразившись или собираясь что-то сказать, но я уловил, наконец, огонек у него в глазах.

— Джин Бестоника. Мило. Это шутка, верно?

— Абсолютно верно! — признал, сияя обезоруживающей улыбкой джин. — Запутал тебя на минуту, а?

Я начал было кивать, но он еще тараторил во всю.

— Я думал, мы вполне можем начать с правильного подхода.

Всякий, кто мной владеет, должен обладать чувством юмора. Это можно выяснить сразу же, понимаешь? Слушай, как тебя зовут?

Он говорил так быстро, что я чуть не упустил возможность вступить в разговор. И упустил бы, если б он не умолк, выжидаяще глядя на меня.

— Что? О! Я Скив. Я...

— Скив, да? Странное имя для извращенца.

На это я ответил назидательно.

— Надо говорить из-верг. И я не он. То есть, я не изверг.

Джин чуть склонил голову набок и прищурясь посмотрел на меня.

— В самом деле? Выглядишь ты безусловно похожим на него. Кроме того, я никогда не встречал ни одного не извращ... извиняюсь, не изверга который стал бы указывать на различие.

Это было своего рода комплиментом. Во всяком случае, я это воспринял именно так. Всегда приятно знать, как твои чары действуют.

— Это личина, — пояснил я. — Я счел это единственным способом работать на Извре, не подвергаясь наскокам со стороны местных.

— На Извре!

Кальвин, казалось, искренне расстроился.

— Клянусь богами, Эфенди, что же мы здесь делаем?

— Эфенди?

— Разумеется. Ты эфенди, а я — эфир. Такова уж традиция у джинов. Но это неважно. Ты не ответил на мой вопрос. Каким ветром такого умного паренька, как ты, занесло в это захолустное измерение?

— Ты знаешь Извр? Ты бывал здесь раньше? — в первый раз, как я открыл бутылочку, мои надежды воспарили.

— Нет, но я слышал о нем. Большинство знакомых джинов сторонятся его, как чумы.

Вот и все воспарение надежд. Все же я хотя бы заставил Кальвина говорить серьезно.

— Чтобы ответить на твой вопрос, я здесь ищу одного моего друга. Он... ну, можно сказать, что он сбежал из дому, и я хочу найти его и привести обратно. Беда в том, что он в данную минуту... немного расстроен.

— Немного расстроен? — скривился джин. — Похоже, он определенно сомоубийца. Никто в здравом уме не сунется по доброй воле на Извр... о присутствующих, конечно, не говорят. У тебя есть какое-то представление о том почему он направился в эти края?

Я беззаботно пожал плечами.

— Понять это не так уж трудно. Он — изверг и поэтому, естественно, что когда дела пошли наперекос, он направился в...

— Изверг?

Кальвин смотрел на меня так, словно у меня выросла вторая голова.

— Один из этих громил ваш друг? И вы это признаете? И когда он уходит, пытаетесь его вернуть?

Я не мог утверждать про других граждан Извра, но про Ааза я знал, что он не громила. Это факт, а не праздное предположение. Я понимаю разницу, потому что у меня работают двое громил, Гвидо и Нунцио. Я уж собирался указать на это, когда мне пришлось в голову, что мне вовсе не требуется давать Кальвину какие-то объяснения. Я его хозяин, а он — мой слуга.

— Это касается лишь меня и моего друга, — натянуто произнес я. — Как я понимаю, твоя забота — помогать мне всем чем можешь.

— Верно, — кивнул Джин, ничуть не обижаясь на мою резкость. — Таков порядок. Так какая же работенка побуждает тебя вызвать на помощь одного из мне подобных?

— Достаточно простая. Я хотел бы чтоб ты отвел меня к моему другу.

— Неплохой вкус. Я лично люблю пони и красный фургон.

Джин сказал это так запросто, что лишь секунду спустя до меня дошел смысл сказанного.

— Прошу прощения?

Кальвин пожал плечами.

— Я сказал, “Я лично люблю пони и...”.

— Знаю. Я слышал, что ты сказал, — перебил я. — Просто мне не понятно. Ты говоришь, что не будешь мне помогать?

— Не не буду... не могу. Прежде всего, ты так и не удосужился сообщить мне, кто твой друг.

— О, это просто. Его зовут Ааз, и он...

— ... А во — вторых, это не в моих силах. Сожалею.

Это остановило меня. Я никогда не задумывался о величине сил джина.

— Разве? Но когда я тебя вызвал, то думал, что ты обязан помочь мне.

— ... Всем, чем могу, — закончил за меня Кальвин. — К несчастью для тебя, это охватывает не такую уж большую область. Сколько ты заплатил за меня?

— Гривну... но это было довольно давно.

— Гривну? Неплохо. Должно быть, ты здорово торгуешься раз заставил девола расстаться с зарегистрированным джином за такую цену.

Я склонил голову, благодаря за комплимент, но почувствовал себя обязанным объяснить.

— Он в то время был в состоянии шока. Остальной его товар весь побили.

— Не испытывай слишком большой гордости, — продолжал джин. — Ты все равно платил. Я б не заплатил гривну за свои услуги.

Дело выглядело все менее обнадеживающим. Мое легкое разрешение проблемы исчезало быстрее, чем снежок на Деве.

— Чего-то я не пойму, — сказал я. Я всегда думал, что джины считаются большими мастаками по части магии.

Кальвин печально покачал головой.

— Это в основном торговая реклама, — с сожалением признался он. — О, некоторые из больших парней могут горы своротить... буквально. Но такие джины высокого полета и стоят обычно дороже, чем обошлось бы сделать тоже самое без всякой магии. Мелкая сошка вроде меня достается подешевле, но мы многого не можем делать.

— Извини, Кальвин. Все это не имеет ни малейшего смысла. Если джины и в самом деле менее способны, чем, скажем, средний маг, работающий по найму, то зачем их вообще кто-то покупает?

Джин сделал величественный жест.

— Из-за ореола таинственности статуса... Ты знаешь что-нибудь про Джинджер?

— Про имбир? В смысле, имбирный лимонад?

— Нет, Джин-джер... через Дж... В смысле, измерение откуда происходят джины и джинси.

— Думаю, нет.

— В стародавние времена, как гласит предание, Джинджер пережил внезапное катастрофическое падение денежных знаков.

Это показалось немного знакомым.

— Экономический коллапс? Как на Деве?

Джин покачал головой.

— Хищение, — уточнил он. — Исчезло все казначейство измерения, а когда мы нашли наконец кого-то умеющего проверять отчетность, то оказалось что пропала также и большая часть казны.

Поднялся громкий крик “держи!”, “лови!”, сделали несколько попыток выследить преступников, но главная проблема заключалась в том, где достать деньги. Выпуск новых не годился, так как он просто обесценил бы

имеющиеся у нас средства. Нам требовалось быстрое финансовое вливание извне, из других измерений.

Вот тогда какой-то гений маркетинга и наткнулся на идсю “Джин в Бутылке”. На службу завербовали почти всех жителей измерения, обладавших малейшим умением или потенциальными способностями в области магии. Не обошлось без сопротивления, но вербовщики уверяли, что предусматривались только временные контракты, и поэтому план вступил в действие. Указание на ограниченность контракта стало гвоздем рекламной компании... упомянутый мной ореол таинственности лишь для немногих. Вот почему к большинству джинов предлагаются условия... только три желания или что-то в этом роде, хотя некоторые более творчески подходят к исполнению желаний.

Мне вдруг пришла в голову мысль.

— Мгм, Кальвин? А сколько желаний выполнишь мне ты? Я же сказал, девол был немного ошарашен и ничего не сказал мне об ограничениях.

— По части желаний или возможностей, да? — подмигнул джин. — Не удивительно. Ошарашены или нет, деволы все равно знают, как продавать. На свой лад они поистине изумительны.

— Сколько?

— Чего? А. Боюсь, что мой контракт, Скив, предусматривает только одно желание. Но не беспокойся, я буду играть честно. Без всяких хитростей и словесных ловушек. Если ты получаешь за свои деньги только одно, то будет лишь справедливым, чтобы с ним все обстояло честно по чести.

— Понимаю, — сказал я. — Так что же ты можешь сделать?

— В общем-то, немного. Лучше всего мне даются скверные шутки.

— Скверные шутки?

— Ну, знаешь вроде “Как сделать из джина шипучку?”

— По — моему я...

— Бросить его в кислоту. Как тебе...

— Картина ясна. И все? Ты рассказываешь скверные анекдоты?

— Ну, я еще даю очень неплохие советы.

— Вот и хорошо. Думаю, мне такие понадобятся.

— Первый мой совет будет забыть обо всем и отправиться, пока не поздно, домой.

Такая мысль на мгновение показалась искушающей, но я отбросил ее.

— Ни за что, — твердо сказал я. — Давай вернемся к моей первоначальной просьбе. Ты можешь мне посоветовать, как найти Ааза?

— У меня может найтись несколько идей на этот счет, — признался джин.

— Хорошо.

— Ты пробовал заглянуть в телефонный справочник?

К этому времени подозрение переросло в полную уверенность. Мой скрытый туз оказался двойкой... нет, джокером. Если я рассчитывал на Кальвина, как на какой-то результат между успехом и провалом, то я попал в большой просак.

До этой минуты я считал отыскание Ааза само собой разумеющимся и беспокоился лишь о том, что сказать, когда мы окажемся лицом к лицу. И теперь, глядя на улицы и небоскребы Извра, я болезненно осознал, что только найти Ааза будет трудней, чем я думал... намного трудней.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

*Тут даже неприятно побывать!
Федоровский путеводитель по Извру*

Даже привыкнув к безумной сутолоке Базара-на-Деве, улицы Извра требовалось узреть, так как те представляли собой нечто невиданное. Базар устроен в первую очередь для пешеходного движения. У Купеческой Гильдии хватило сил протолкнуть постановления, благоприятствующие тем видам и скорости передвижения, которые бы вынудили людей обращать внимание на каждую, минуемую ими лавку или выставку товаров. Мое родное измерение Пент — местечко весьма отсталое, там, вообще, редко увидишь повозку более новейшей модели, чем запряженная волами телега.

С другой стороны, на Извре уличные артерии четко делились на движение пешеходов и повозок, и неискушенного парня, вроде меня, особенно потрясало движение повозок. Сотни хреновин многих разновидностей толкались и рычали друг на друга на всех перекрестках в попытке занять лучшее положение в кажущейся бессмысленной на вид путанице улиц, по которым несся этот поток. Почти столь же невероятным, как разнообразие повозок, был и набор зверей, обеспечивавших их движущей силой, толкавших или тянувших свое бремя, объединяя свои голоса в общую какофонию, заглушающую все другие звуки. Конечно, они тоже вносили свой вклад в грязь на улицах и вонь. Может Извр и родная метрополия миллионов существ, но он обладал всем очарованием и ароматом болота.

Однако, в данный момент наибольшую озабоченность вызывало у меня уличное движение. Пешая ходьба по улице на Извре походило на попытку плыть вверх по

реке сквозь затор сплавляемого леса. Мне постоянно приходилось уклоняться и огибать граждан, которые дружно вознамерились пройти через уже занятое мной место. Разумеется, они не нарочно пытались врезаться в меня. Дело в том, что никто, кроме меня, казалось, не смотрел, куда идет. Им даже редко доводилось встречаться взглядами.

— Этот твой друг должен быть кое-чем для тебя, раз ты готов терпеть такое, — сухо заметил Кальвин.

Он парил поблизости от моего плеча, так что я без труда слышал его сквозь уличный гомон. Меня тревожило, как я выгляжу с джином на буксире, но, видимо, пока джины служат, их может видеть и слышать только владелец. Мне пришло в голову, что свойство это магическое и, следовательно, противоречит представляемой мне Кальвином даже о том, какой он бессильный. Он заверил меня, что все это пустяк, просто часть рабочего оснащения джина, которое мне не поможет. До конца я ему не поверил. У меня возникло подозрение, что он не все мне говорит о своих возможностях, но не было способа выжать из него дополнительные сведения. И я великодушно решил оставить это без внимания.

— Он мне больше, чем друг, — ответил я, не признавая, что пускаюсь в объяснения, которых ранее решил не давать. — Он был моим учителем, а потом деловым партнером. Я перед ним в большем долгу, чем перед любым другим в моей жизни.

— ... Но не настолько, чтобы уважать его пожелания, — беззаботно добавил джин.

Это заставило меня резко остановиться, игнорируя тычки и толчки других пешеходов.

— Что бы это значило?

— Это ведь правда, не так ли? Этот Ааз хочет, чтобы его оставили в покое, иначе он не ушел бы от тебя, но ты твердо решил приволочь его обратно. На мой взгляд, тут не похоже, будто тебя действительно сильно волнует то, что важно для него.

Попадание пришлось близко к точке. Насколько я мог судить, Ааз отбыл потому, что я был невнимателен в обращении с ним. И я теперь не собирался поворачивать назад. Мне хотелось, как минимум, поговорить с ним откровенно прежде, чем я позволю ему исчезнуть из моей жизни.

— В то время он был немного расстроен, раздражение, — пробормотал я, полностью уклоняясь от вопроса

о моих мотивах. — Я хочу дать знать — если он захочет вернуться, его примут с радостью.

С этими словами я возобновил продвижение по улице. Однако, вскоре я сообразил, что джин печально смеется.

— А теперь что?

— Скив, ты действительно нечто, тебе известно это? — покачал головой Кальвин. — Извращенцев... извиняюсь, извергов по всем измерениям боятся из-за их ужасного, буйного нрава. Но ты говоришь о нем, как об обиженном и готов появиться на самом Извре, лишь бы доказать свое. Ты либо очень хороший человек, либо вид, которому угрожает исчезновение.

Мне пришло в голову, что я использую джина не так усиленно, как мог бы. Он ведь сказал, что умеет давать хорошие советы, не так ли?

— Не знаю, Кальвин. У меня никогда с ним не было больших неприятностей. Аз даже рассказывал мне про то, что изверги сами фабрикуют и распространяют о себе множество дурных слухов, с целью отпугнуть нежеланных гостей.

— Да ну?

Джина это, похоже, не убедило.

— Ну, давай посмотрим. Ты не мог бы поделиться со мной кое чем из слышанного об этом измерении?

Кальвин пожал плечами.

— Если хочешь. Помнится, я слышал, как один из сограждан твоего приятеля оторвал голову какому-то парню и заткнул ему в глотку... Я увернулся от несущейся на меня грузной пары.

— Угу. Такой слух дошел до меня, но затыкал глотку тролль, а не изверг. Да и этого никто на не видел. Кроме того, меня сейчас интересуют сведения об измерении, чем рассказы о подвигах отдельных лиц.

На мгновение мне показалось, что я потерял Кальвина, когда сам я распластался у стены, избегая столкновения с мускулистым индивидом, а джин не двинулся следом за мной. Но когда я отошел от стены, он вернулся на свое, теперь уже привычное, место.

— Так чего ты не договорил, если хочешь услышать именно об этом? — сказал он так, словно наш разговор не прерывался. — О самом Извре. Дай-ка подумать. Сведений имеется не так много, но кое-чего есть... А! Придумал!

Он выудил из разряженного воздуха толстую книгу и принялся ее листать. Мне не терпелось услышать, о

чем он сообщит, что я пока оставил этот маленький фокус без комментариев, но поклялся, когда представится удобный случай, расспросить Кальвина о его "скромных способностях".

— Давай посмотрим... Известь... Извоаре. Извр! Хочешь послушать статистические данные или мне сразу пересказывать к интересному?

— Пока дай мне только суть.

— Ладно. Здесь сказано так, цитирую: "Извр: одно из немногих измерений, где магия и технология веками развивались в равной мере. Такая смесь создала уникальную для всех известных измерений культуру и образ жизни. Извращенцы славятся своей надменностью поскольку твердо убеждены, что их измерение обладает всем самым лучшим во всех областях, и громко отстаивают это убеждение везде, где бывают. Несмотря на убедительные доказательства, что другие измерения, специализирующиеся исключительно на магии или технологии явно превзошли Извр в этих областях. К несчастью, изверги сильны и обладают дурным нравом и жестокостью, поэтому немногие желают спорить с ними на эту тему."

Будучи уроженцем Пента, измерения не блещущего ни магией ни технологией, я считал эту запись весьма впечатляющей.

Кальвин же нашел ее очень забавной.

— ... "Несмотря на убедительные доказательства..." Мне это нравится! — усмехнулся он. — погоди, вот увижу этого хвастуна.

Почему-то я считал его замечания слегка обидным.

— Скажи-ка, Кальвин, — обратился я к нему, — а что говорит твоя книга о Джинджере?

— Какая книга?

Я оторвал глаза от пешеходного движения и взглянул на него. Он невинно отряхивал руки. Книжки нигде не было видно.

Я только открыл рот, готовый пригласить его высказаться об этом маленьком фокусе с исчезновением, когда что-то врезалось в меня и отшвырнуло к стене с такой силой, что искры посыпались из глаз.

— Куда ты прешь, Коротышка?

Последняя фраза исходила от маленького, кругленького индивида, с которым я столкнулся. Он остановился передо мной и стоял, стиснув кулаки, слегка нагнувшись вперед, словно удерживаемый невидимыми спутниками.

Толстый или нет, но выглядел он достаточно крепким, чтобы проходить сквозь стены.

— Извините... я сожалею, — промямлил я, слегка тряся головой, стараясь избавиться от плавающих у меня перед глазами пятен.

— Ну... в следующий раз гляди, — пробурчал он. Толстяк сначала не хотел прерывать нашу стычку, но затем круто повернулся и замаршировал по тротуару.

— Не следовало позволять этому толстому зазнайке брать тебя на понт, — посоветовал Кальвин. — Будь на высоте.

— А почему ты думаешь, что он брал на понт? — поинтересовался я, продолжив путь, стараясь обогнуть теснившихся на дороге извергов. — Кроме того, он достаточно здоровенный, чтобы раздавить меня, как клопа.

— Однако, он поднял неплохой вопрос, — продолжал джин так, словно я ничего не говорил. — Куда именно ты идешь?

— Вперед по улице.

— Я имею в виду “к какой цели?” По моему, ты сказал, что телефонный справочник ничем не помог.

Несмотря на миллионы жителей, в найденном нами изврском телефонном справочнике оказалось менее дюжины страниц. Очевидно, число невнесенных номеров было в этом измерении очень велико — еще одно доказательство общительного характера здешних граждан. Пока я листал справочник, мне пришло в голову, что Ааз так долго пребывал со мной в иных измерениях, что едва ли был занесен в справочник, даже если б тот содержал полный список.

— Повторяю, мы идем вперед по улице, — повторил я. — Кроме того, я не знаю, куда мы идем. Ты это хотел услышать?

— Тогда зачем мы двигаемся? — не отставал джин. — Разве не лучше будет подождать, пока определим план действий, прежде чем начнем передвигаться?

Я обогнул медленно идущую пару.

— Когда я иду, мне лучше думается. Более того, я не хочу привлекать к нам ненужное внимание, подозрительно таясь в переулках, пока составляю план.

— Эй, вы! Задержитесь на минутку!

Эти последние слова грянули так громко, что на мгновение победили уличный шум. Оглянувшись, я увидел идущего ко мне целеустремленным шагом изверга в мундире, похожего на гигантского бульдога с чешуей.

— Что это? — спросил я сам себя.

— По моему это то, что ты назвал “ненужным вниманием”... известным также в некоторых измерениях под названием “легавый”.

— Вижу. Просто не могу понять, что ему от меня надо.

— Что вы сказали? — потребовал ответа легавый, останавливаясь передо мной.

— Я? Ничего, — ответил я, едва успев вспомнить, что он не был в состоянии видеть и слышать Кальвина. — Что случилось, сержант?

— Возможно, вы. Посмотрим. Как вас зовут?

— Не говори ему! — прошептал мне на ухо Кальвин.

— Почему? — вырвалось у меня, прежде чем я сумел подумать.

— Потому что в мои задачи входит следить за подозрительными личностями, — пробурчал легавый, сочтя мой вопрос адресованным ему.

— За мной? Чего я сделал такого подозрительного?

— Я слеую за вами уже пару кварталов и видел, как вы все время обходили пешеходов. Я даже видел, как вы перед кем-то извинились и... слушайте, вопросы здесь буду задавать я. Итак, как вас зовут?

— Пошли его подальше! — посоветовал Кальвин. — У него нет ордера или чего-нибудь в этом роде.

— Скив, сэр, — ответил я, отчаянно пытаюсь игнорировать джина. Только мне и не хватало сейчас нажать неприятностей с местными властями. — Сожалею, если веду себя странно, но я не здешний и немного дезориентирован.

В последнюю минуту я решил сохранить в тайне свое иноизмерное происхождение. Мои чары личины, кажется, одурачили полицейского, и я не видел никакого смысла просвещать его, если меня прямо не спросят об этом.

— Ты слишком вежлив! — настойчиво прошептал джин. — Именно это и вызвало у него подозрение, помнишь?

— Не здешний, да? — прорычал легавый. — Так скажите мне, мистер Не-Умею-Ходить-Как-Нормальные-Люди-Скив, откуда вы... конкретно?

Вот и сохранение в тайне моего происхождения.

— Родился я на Пенте, но в последнее время жил на Базаре-на-Деве где у меня...

— Из другого измерения! Можно было догадаться. Полагаю, раз вы прибыли с Девы, то попытаетесь убедить меня будто находитесь здесь по делу.

— В некотором роде. Я ищу здесь своего делового партнера.

— Еще одного из другого измерения! Еще немного и нам придется окуривать весь наш мир.

Речь легавого начала действовать мне на нервы, но я счел благоразумным обуздать свой гнев, несмотря на предупреждение Кальвина.

— Он здешний. То — есть, изверг.

— Изверг? Теперь я услышал все. Парень из другого измерения утверждает, будто его деловой партнер — изверг!

Это послужило последней каплей.

— Совершенно верно! — рявкнул я. — И что еще важнее, он между прочим мой лучший друг. Мы поругались, и я попытаюсь найти его и убедить вернуться на фирму. А вам то, собственно, что до этого?

Легавый немного отступил, а потом нахмуясь посмотрел на меня.

— Думаю, вы говорите правду. Даже иноизмеренец мог бы придумать ложь получше. Просто будь осмительней, парень. Мы здесь на Извре не очень любим посторонних.

Он бросил на меня последний тяжелый взгляд, а затем ушел своей дорогой, время от времени оглядываясь на меня. Еще разгоряченный перепалкой я ответил ему таким же горящим взглядом.

— Вот так-то лучше, — тихо рассмеялся Кальвин, напоминая мне о своем присутствии. — Пентех, да. Это кое-что объясняет.

— Чего, к примеру?

Как я сказал, меня все еще не покидало легкое раздражение.

— Почему мы бродим без всякого плана. Ты не привык к метрополисам таких размеров, не так ли?

При всей моей разозленности, с этим я спорить не мог.

— Ну...

— Если ты не возражаешь, можно мне предложить небольшой совет без всяких просьб с твоей стороны?

Я неопределенно пожал плечами.

— Для меня очевидно, что твой поиск может занять определенное время. Неплохо подыскать отель и ис-

пользовать его как военную базу. Если б этот легавый спросил где ты остановился на Извре, то положение стало бы подозрительным могло осложниться.

Это имело смысл. А также заставило меня осознать до какой степени я был чужеземцем в чужой стране. В прошлом, во время моих приключений я спал либо под звездами, либо в жилищах, обеспеченных стараниями друзей и деловых помощников. Поэтому у меня было мало опыта по части отелей... точнее никакого.

— Спасибо, Кальвин, — поблагодарил я, восстанавливая самообладание. Как же ты порекомендуешь найти отель?

— Можно кликнуть такси и спросить у водителя.

Восхитительно. Джин снова стал самим собой, очень полезным. Я начинал чувствовать, что некоторым вещам не суждено измениться.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Такси — это водный раствор в воде.

Дж. Келли

— Местечко тут, скажу я вам, было приятным, если б не эти извращенцы.

Таксист сказал это на тот же лад, на какой отпускал все замечания с тех пор как подобрал нас: через плечо, беззаботно ведя свою повозку на полной скорости сквозь сутолоку уличного движения.

Большую часть его болтовни я игнорировал, что его, похоже, не волновало. Он и не ждал ответа, но последнее его замечание вызвало у меня интерес.

— Извините, но разве вы не извращенец... я имею в виду, изверг?

Водитель резко обернулся лицом ко мне.

— Вот. Видите, что я имею в виду?

Честно говоря, я не увидел. Если в его заявлении и присутствовал какой-то смысл, то он ускользнул от моего понимания. Однако, я увидел другое — что мы по-прежнему несемся вперед, не замедляя скорости. Впереди маячила толчея из остановившихся повозок, о которой водитель позабыл, донося до меня свой довод.

— Смотри! — закричал я, лихорадочно показывая на препятствие.

Не отводя взгляда от моих глаз, водитель резко стукнул по приклеенной перед ним клейкой лентой игрушке в виде гуся. Игрушка издала резкое, страшное "Га-Га!!", способное доставить ей титул короля гусей, если б у тех когда-нибудь бывали выборы.

— Именно об этом я и говорю, — закончил водитель, снова переключая внимание на лежащую впереди улицу.

Пробка каким-то чудом рассосалась прежде, чем он закончил говорить, и мы проплыли через перекресток нетронутыми.

— Успокойся, Скив, — рассмеялся Кальвин. — Этот парень профессионал.

— В чем профессионал? — пробурчал я.

— Как в чем? — не понял водитель, начиная снова обращаться.

— Ни в чем! Я... ничего.

Такси не произвело на меня впечатления с тех пор, как подобрало нас. На самом деле, “подобрало нас” — чересчур мягкое выражение, несколько не передающее того, что случилось в действительности.

Следуя инструкциям Кальвина, я подошел к бордюру тротуара и поднял руку.

— Вот так? — спросил я его и сделал ошибку, повернув голову для обращения прямо к нему.

Отвернувшись от улицы, я не увидел того, что случилось потом, и, вероятно, и к лучшему. Обычный гул уличного движения внезапно взорвался от криков и треска. Пораженный, я отдернул руку обратно и боком отпрыгнул на более безопасное расстояние от улицы. К тому времени, когда я сосредоточился на открывшейся сцене, почти весь шум и суматоха уже прекратились.

Уличное движение, позади приткнувшейся к тротуару рядом с нами повозки, застопорилось, и заблокированные водители высовывались, крича и угрожающе размахивая кулаками. Возможно, некоторые и столкнулись, но большинство ехавших по улице повозок находились в таком состоянии, что я не мог сказать точно, какие из повреждений новые, а какие — шрамы от прежних стычек.

— Совершенно верно, — подтвердил Кальвин, ничуть не взволнованный случившейся свалкой.

— Шутишь!

Остановившаяся забрать нас повозка была не из тех, что вселяют уверенность. Она представляла собой своего рода ящик, висевший между двумя взнузданных бесхвостых ящеров. Головы рептилий обматывали повязки, скрывавшие их глаза, но они не переставали рыскать из стороны в сторону, выбрасывая и убирая языки в поисках данных об окружающей среде. Попро-

сту говоря, они выглядели достаточно мощными и голодными, чтобы я желал держаться от них подальше.

— Может, нам следует подождать другого, — с надеждой предложил я.

— Садись, — приказал джин. — Если мы будем долго препятствовать движению, вернется легавый.

Это оказалось для меня достаточно убедительным мотивом, я храбро забрался в ящик и занял сиденье позади водителя, а Кальвин не покидал района моего плеча. Внутри ящик показался безопасным. Сзади, где я сидел, стояли два сиденья, и еще одно находилось рядом с водителем, хотя оно было завалено бумагами и коробками, сыпавшимися иной раз на пол, когда мы слишком быстро сворачивали за угол. В ореоле вокруг водителя к стенам и потолку были прикреплены клейкой лентой или булавками заметки и картинки, контрастировавшие с набором циферблатов и кнопок на приборной доске перед ним. Возникало впечатление, что водитель жил в своей повозке и это в какой-то мере успокаивало. Ведь не станет же человек делать что-то, подвергаящее опасности его собственный дом, не так ли?

— Куда? — осведомился водитель, небрежно втискивая повозку обратно в поток уличного движения.

— Мгм, отвезите меня в отель.

— Дорогой... дешевый.. какой?

— Что-нибудь умеренное, скорее недорогой.

— Хорошо.

С финансами у меня дела обстояли весьма неплохо. Стягивавший мне талию пояс с деньгами содержал две тысячи золотом, захваченных для покрытия расходов на поиски.

Но не было смысла без нужды разбрасывать их. Раз я не собирался проводить много времени в номере, мне не понадобится ничего особо грандиозного.

Проехав первые несколько кварталов, я снова подумал, мудро ли я выбрал повозку. Насколько я мог судить, ящерам завязали глаза для того, чтобы звериный инстинкт выживания не мешал им выполнять приказы водителя. Мне не удалось разобраться, как водитель управлял ими, но он твердо решил сохранять головокружительную скорость, не обращая внимания на такие мелочи, как безопасность и здравый смысл.

— Так вы двое долго пробыли на Извре?

Голос водителя вернул меня в настоящее, которое мой мозг отчаянно пытался игнорировать.

— Попали сюда сегодня.

Я вдруг уцепился за сказанное им.

— Извините, вы сказали “вы двое”?

Водитель подтверждающе закивал.

— Совершенно верно. Не часто получаешь в пассажиры пентюха или джина, не говоря уж про обоих вместе.

Он не только знал сколько нас, он заметил и кем мы были!

Такая новость отнюдь не радовала.

— Что за... — начал было Кальвин, но я жестом велел ему помолчать.

— Прежде чем ответить, вы не возражаете, если я спрошу, как вы об этом узнали? — поинтересовался я, незаметно оглядываясь крутом и высматривая, нет ли какого способа выбраться отсюда, если понадобится.

— Просканировал вас, когда вы сели, — водитель показал на экранчик среди скопления других приборов. — Таксист должен быть излишне осторожен... при теперешнем разгуле преступности. Мы — движущиеся цели для налетчика-любителя или угонщика, которому нужно побыстрее загрести пачку банкнот. Я установил эту малютку и поэтому заранее знаю, кто сидит позади меня.

Он подмигнул мне через плечо.

— Но не беспокойтесь. За джина я дополнительной платы не возьму. Он занимает не так уж много места. Насколько я могу судить, вы двое безвредны.

Это успокоило меня и, я больше не думал выпрыгивать на ходу из повозки.

— Как я понимаю, вы не разделяете общего низкого мнения о жителях иных измерений?

— Мне все едино, лишь бы оплачивали проезд, — махнул рукой водитель. — Насколько я могу судить, у вас при себе достаточно денег, чтобы я не думал, будто вы попытаетесь скрыться, не отдав такую мелочь, как плата за проезд. Однако не убирайте личину. Некоторые из здешних коммерсантов мигом повысят цены при виде кого-то из иного измерения, чтоб заставить почувствовать вас незванным гостем... а цены и так взвинчены до небес.

— Спасибо за предупреждение.

— ... И не мешает быть поосторожней, нося столько наличных. Все, что вы слышали об уличной преступности в этом местечке — правда. Вам лучше всего нанять

себе телохранителя, пока вы здесь. Если хотите, я могу порекомендовать пару хороших.

— Это неплохая мысль, — поддержал его Кальвин. — Я не упомянул об этом, Джинджер — измерение весьма мирное, и в драке тебе не будет от меня большой пользы.

Я проигнорировал его, так как таксист продолжал, явно не слыша джина, несмотря на свои приборы.

Вспоминая некоторые из опасностей встреченных мной во время моих приключений, мысль нанять кого-то для охраны просто из-за прогулок по улицам показалась немного нелепой.

— Ценю вашу заботу, но я неплохо умею сам заботиться о себе.

— Как угодно, это просто предложение. Слушайте, вы не хотите чего-нибудь поесть? Я продаю пайки с закуской.

Он взял одной рукой коробку с сиденья рядом с ним и сунул мне. Ее наполняли мешочки с просачивающимся сквозь стенки содержимым.

— Э... спасибо, только не сейчас, — поблагодарил я, пытаюсь побороть внезапно возникшую тошноту.

Водитель ничуть не смутился. Бросив коробку обратно на сиденье, он вытащил буклет.

— Тогда как насчет путеводителя? Я сам пишу и печатаю их. Он получше всего что вы найдете в киосках... и дешевле к тому же.

Путеводитель мог бы пригодиться, но взглянув на него я увидел, что печать представляет собой серию загогулин и иероглифов не имеющих для меня ни малейшего смысла. Для преодоления языкового барьера, я всегда путешествую с кулоном-переводчиком, но к несчастью, на письменное слово его сила не распространяется.

— Полагаю, у вас нет в переводе на пентехский, не так ли?

— Сожалею, — извинился он, бросая буклет туда, куда и коробку. — Я занимаюсь на нескольких курсах, пытаюсь изучить некоторые иные языки, но пентехского среди них нет. Спрос недостаточный, понимаете?

Несмотря на мою постоянную озабоченность из-за его вождения, этот таксист начинал меня интересовать.

— Должен сказать, что вы очень предприимчивы. Таксист, издатель, повар, переводчик... вы еще чем-нибудь занимаетесь?

— О, делаю я многое. Фотографирую, работаю экскурсоводом... даже немного рисую. Некоторые из этих рисунков — мои. Я готов расстаться с ними за сходную цену.

Он жестом показал на украшающие внутренность повозки листы, и такси опасно отклонилось вправо.

— Э... меня интересует нечто иное из перечисленного вами.

— Да? Что именно?

— Экскурсовод.

— Ах, это. Разумеется. Я люблю поработать гидом, когда выпадает случай. Приносит приличные деньги. Куда интересней, чем воевать день-деньской с другими экипажами из-за платы за проезд.

Я взглянул на Кальвина и вопросительно поднял брови.

— Действуй, — одобрил он. — Гид нам не помешает, и ты неплохо ладишь с этим парнем. Ты ведь знаешь, как говорится — “Лучше уж знакомый девол”.

Знания джина не простирались на деволов, но тут было не время и не место втолковывать ему. Я снова переключил внимание на водителя.

— Я думаю нанять вас скорее гидом, чем экскурсоводом. Сколько вы зарабатываете за день на этом такси?

— В хороший день я могу зашибить больше сотни.

— Угу, — произнес я. — А в средний?

За это я получил еще один взгляд через плечо.

— Должен сказать, приятель, ты говоришь не как пентюх.

— Я живу на Базаре-на-Деве, — улыбнулся я. — Это чудесно совершенствует умение заключать сделки. Сколько?

Мы поторговались несколько минут, но в итоге сошлись на одной цифре. Она оказалась справедливой, а мое положение не позволяло мне быть разборчивым. Если применяемый таксистом прибор широко распространен среди его коллег, то моя личина будет разоблачена в ту же секунду, как я сяду в такси, и нет никакой гарантии, что следующий таксист будет тоже благосклонен к иноизмеренцам как наш текущий юный предприниматель.

— Ладно, вы обеспечили себе гида, — сказал, наконец, водитель. — Итак, на кого я работаю?

— Я, Скив, а джин со мной — Кальвин.

— Не знаю насчет джина, — пожал плечами таксист. — Либо он мало говорит, либо я не слышу его. Однако рад познакомиться, мистер Скив. Я — Эдвик.

Он протянул руку на заднее сиденье, и я осторожно пожал ее. Я уже сталкивался с извскими рукопожатиями и до сих пор чувствую боль в суставах при сырой погоде.

— Итак, куда вы хотите поехать в первую очередь?

Мне это показалось странным вопросом, но, тем не менее, я ответил.

— В отель.

— Угу.

— Извините? — озадаченно переспросил я.

— Вы ж наняли гида, вот и получаете его. Вы хотите снять номер в отеле, верно?

— Совершенно верно.

— Если вы попробуете снять номер в извском отеле в своем теперешнем виде, без багажа, то с вами обойдутся довольно круто, независимо от того догадаются про ваше иноизмерное происхождение или нет. Будут опасаться, что вы хотите получить номер с целью укрывать мебель или может попробовать проникнуть в другие номера на том же этаже.

Такая мысль была для меня новой. Хотя дома у меня есть довольно обширный гардероб, путешествую обычно налегке... в одежде, что на мне и с деньгами. Мне не приходило в голову, что отсутствие багажа может вызвать подозрения насчет моих намерений.

— Что ты думаешь, Кальвин?

— Не понимаю, — пожал плечами джин. — Я с такой проблемой никогда не сталкивался. Я путешествую в бутылке, и люди все равно меня не видят.

— Что же вы порекомендуете, Эдвик?

— Давайте я отвезу вас в универмаг. Там вы сможете выбрать себе чемоданчик и какую-нибудь поклажу в него. Поверьте, это облегчит вам положение с проживанием в отеле.

Я поразмыслил над этим доводом, а затем решил, что нет смысла нанимать гида, а потом не слушать его советов.

— Ладно, — согласился я. — Далеко ли до универмага, о котором вы говорили?

— О, совсем недалеко. Держись!

Последнее предупреждение немного запоздало, так как он сделал крутой поворот, вызвавший свалку в

уличном движении и бросивший меня на сиденье. Прежде, чем я смог восстановить равновесие мы уже устремились в том направлении, откуда приехали.

Как ни привык я к сумасбродным экскурсиям, мне подумалось что эта вылазка становится более сложной, чем происходившее со мной раньше. Я надеялся, что пополнение образования окажется более приятным и выгодным, чем было до сих пор.

ГЛАВА ПЯТАЯ

*Мне нужно выбрать всего лишь несколько вещей.
И. Маркос*

Я многократно ссылался на Базар-на-Деве, где устроился на жительство. Для тех, кто не путешествует и не читал этих книг, поясню: это самый крупный торговый центр во всех известных измерениях. Там продается все чего вы только можете вообразить, имеется множество товаров, которых вы даже не имеете представления. Конкуренция там жесточайшая, и купцы-деволы скорее вернут наизнанку и себя, и клиентов, чем упустят возможность продать.

Я упоминаю об этом для того, чтобы все читающие об этом приключении поняли, каким потрясением стало для меня хождение за покупками на Извре. Тут существовало так много различий, что было трудно допустить, будто во всех случаях шла одна и та же деятельность.

Главные различия в основном плане. Базар представляет собой бесконечную линию палаток и лавок, уходящую по всем направлениям за горизонт. Разумеется, есть сосредоточения лавок по специализации, но никакой настоящей системы нет, и что любопытно — нет никакого способа найти что-нибудь, не посмотрев. В прямом контрасте с этим в изврской торговле преобладали торговые точки, названные Эдвином “универмагами”. Один универмаг мог занимать целый городской микрорайон с шестью этажами, наполненными товарами. Товары распределялись по секциям или “отделам” и тщательно контролировались так, что между ними не возникало никакой конкуренции. Многочисленные указатели сообщали покупателям где что находится, хотя

в этом лабиринте проходов и прилавков все равно легко заблудиться. Конечно, этот четкий порядок и указатели помогают, если умеешь читать на изврском.

Но самым большим отличием является отношение к клиентам. Это стало очевидным, когда я завернул сперва в отдел багажа.

Там имелся хороший подбор сумок и чемоданов, и товар был разложен для демонстрации наглядно, так что я мог отличить магические чемоданы от немагических, даже без умения читать указатели. Выбрать нужный было совсем нетрудно. Мое внимание привлек зачехленный чемоданчик размером с толстый дипломат, понравившийся мне как простотой дизайна, так и приданными ему магическими возможностями. То есть на нем лежали постоянные чары, делавшие его в три раза вместимей, чем представлялось с виду. Я подумал, что такой товар может пригодится, и если мне предстояло что-то купить для въезда в отель, то это вполне подходящая покупка, которой я действительно смогу позже воспользоваться. Трудности начались, когда я приготовился совершить покупку.

Я был приятно удивлен тем, что продавцы меня не беспокоили. На Деве, едва я подошел бы к прилавку, ко мне устремился бы владелец магазина или товара. И сейчас было приятно попасться, не спеша, без давления и навязывания лежалого товара со стороны.

Однако, когда я сделал свой выбор, то обнаружил, что привлечь внимание продавцов очень трудно.

Стоя у витрин, где демонстрировался нужный мне чемодан, я посмотрел в сторону кассы, где разговаривали двое, продавцов. На Деве большего не понадобилось бы — владелец тут же бросился бы ко мне, если допустить, что он с самого начала дал бы мне какую-то свободу выбора. А здесь, они, казалось, и не заметили. Слегка озадаченный, я подождал несколько секунд, а потом шумно откашлялся. И не получил, даже беглого взгляда.

— Ты что-то подхватил, Скив? — встревожился Кальвин. — Я имею в виду, что-то заразное?

— Нет, я пытаюсь посигналить одному из продавцов.

— О.

Джин воспарил на несколько футов выше посмотреть в сторону кассы.

— Кажется, это не действует.

— Сам вижу, Кальвин. Вопрос в том, что подействует?

Мы подождали еще несколько мгновений, наблюдая за беседой продавцов.

— Может быть, тебе следует пройти туда, — предложил, наконец, джин.

Мне казалось странным гоняться за продавцом с просьбой взять у меня деньги, но за неимением другого выхода я побрел к стойке.

... И остановился там.

Продавцы закончили обсуждать спортивные события и принялись травить пошлые анекдоты.

... Я стоял там.

Затем перешли к теме относительно достоинств знакомых им женщин. Это могло бы быть интересным, не говоря уж о поучительности, если бы я не становился таким раздраженным.

— У тебя не возникает ощущения, что я тут неединственный невидимка? — саркастически съязвил Кальвин.

Когда начинает проявлять нетерпение джин, привыкший годами сидеть в бутылке, то я счел оправданным предпринять некоторые действия.

— Извините, — твердо сказал я, встречая в разговор. — Я хотел бы посмотреть вон тот чемодан. Маленький магический в зеленом чехле.

— Смотрите, — равнодушно пожал плечами один из продавцов и вернулся к разговору.

Я постоял еще несколько мгновений в недоумении, а затем повернулся и прошел к чемодану.

— Вот теперь ты начинаешь двигаться, как изверг, — заметил джин.

— Мне наплевать, — прорычал я. — И надо говорить извращенец! Я пытался быть любезным... не хотел устраивать беспорядок у них в торговом зале... но, если они настаивают...

Следующие несколько минут я вымещал свой гнев на чемоданчике, который, вероятно, был самым безобидным объектом для выплескивания на него раздражения. Я поднял его, взмахнул над головой, грохнул им пару раз об пол и сделал все прочие, что смог придумать, помимо залезания в него собственной персоной. Мне пришлось признать, что товар изготовлен прочный. Впрочем, я начинал понимать, почему товары на Извре должны быть крепкими. За все это время продавцы не уделили мне даже мимолетного взгляда.

— Проверь меня, Кальвин, — пропыхтел я, эти упреждения начали, наконец, убавлять мою выносливость.

— Ценник на этом чемодане гласит 125 золотых, не так ли?

Я может и не умею читать на многих языках, но цифры и цены никогда не доставляли мне никаких затруднений. Думаю, это произошло от долгого общения с Аазом... не говоря уж о Тананде и Банни.

— Я читаю его именно так.

— Я хочу сказать, это ведь не очень дешево. Видел, как приказчики обращаются с 10-медяковыми товарами с большим уважением и заботой, чем эти парни. Неужели им все равно?

— Будь иначе, ты б заметил, — согласился джин.

— Как ты думаешь они заметят, если я засуну его под мышку и уйду, не заплатив? Было б приятно узнать, что хоть что-то может подействовать на этих парней.

Джин нервно огляделся кругом.

— Я не знаю, но, думаю, пробовать не стоит.

Это чуточку охладило меня. Я все же находился с заданием на чужой территории, и не было времени начинать испытывать системы безопасности.

— Ладно, — проворчал я. — Давай попробуем опять.

На этот раз, подойдя к стойке, я считал, что усвоил урок. Никакого мистера Милого Парня больше не будет. И никакого ожидания, когда они закончат свою беседу.

— Я хотел бы купить тот зеленый магический чемодан, маленький в чехле, — ворвался я в их разговор, не дав закончить фразы.

— Ладно.

Продавец, с которым я говорил в первый раз, преодолел половину пути до витрины прежде, чем я сообщил, что он делает. Теперь, когда я добился его внимания, включились мои покупательские инстинкты.

— Извините. Я хотел бы новый чемодан, чем образец с витрины... и вы не могли бы достать черный?

Продавец бросил на меня долгий взгляд мученика.

— Минутку. Мне придется проверить.

Он, ссутулясь, ушел, в то время, как его напарник принялся бродить по секции, поправляя товары на прилавке.

— Извини за назойливость, Скив, но, по-моему, ты злоупотребляешь своим везением, — заметил Кальвин.

— Об этом стоило спросить, — пожал плечами я. — Кроме того, как бы невнимательно тут обслуживали, это все же магазин. И значит, должна быть какая-то заин-

тересованность в продаже покупателю того, чего он хочет.

Прошло пятнадцать минут, но продавец все еще не явился.

И я почувствовал, что во мне снова закипает раздражение.

— Мгм... уже время сказать "я ж тебе говорил"? — ухмыльнулся джин.

Игнорируя его, я перехватил второго продавца.

— Извините, а далеко ли до склада?

— А почему вы спрашиваете? — моргнул тот.

— Ваш напарник узнавал кое-что для меня, и прошло уже немало времени.

Продавец поморщился.

— Кто? Он? У него перерыв, и он ушел на обед. Вернется через час-другой, если вам охота ждать.

— Что??

— Думаю, я мог бы сходить поискать, если вы хотите. А что вам требовалось?

Я может и тутодум, но все-таки способен соображать. Это был последний продавец в секции, и я не собирался дать ему скрыться из виду.

— Забудьте об этом. Я возьму вон тот зеленый чемоданчик. Тот, в парусиновом чехле.

— Ладно. Это будет сто двадцать пять золотых. Хотите унести его так или мне завернуть его?

Базарные рефлексy вмешались прежде, чем я успел подумать.

— Секундочку. Сто двадцать пять это за новый чемодан. А насколько вы уменьшите цену за тот, что использовался для демонстрации?

Кальвин застонал и прикрылся ладонью.

— Я не устанавливаю цены, — бросил, отворачиваясь, продавец. — Если он вам не нравится, купите где-нибудь в другом месте.

Мысль начать все заново окончательно добила меня.

— Минуточку, — позвал я, роясь в поясе с деньгами. — Я его беру. Но можно мне, по крайней мере, получить квитанцию?

Покупка одежды оказалась испытанием иного рода. В универмаге действовали магические лифты, вознесшие меня двумя этажами выше в секцию одежды, что, к счастью, дало мне время хорошенько обдумать свое положение.

Беда заключалась в том, что я изображал изверга. Ввиду их телосложения я выглядел более коренастым, чем был на самом деле. Если б я купил одежду, подходящую для моей личинной фигуры, то она висела бы на мне мешком. Если взять свой размер, то это тут же выдаст меня, когда я попрошу примерить.

В конце концов я решил купить одежду в детской секции, где вернее всего мог найти свой настоящий размер, и сказать, что покупаю для сына. Я не плохо определял размер одежды на глазок, так что сидеть на мне она будет, вероятно, не слишком скверно.

Мне не нужно беспокоиться.

Одежду покупают намного больше людей, чем чемоданы. Намного больше.

Будучи не в состоянии прочесть указатели, я не мог определить шла ли распродажа или это было обычное число клиентов для этой секции. Как бы там ни было, секция эта представляла собой сумасшедший дом. Толпы покупателей мужского и женского пола толкались и цапались друг с другом через столы заваленные разными предметами одежды. Сказать, что гневные голоса звучали на повышенных тонах, значит никак не передать криков и проклятий, которые вторглись мне в уши, когда я приблизился к этому участку, но мне удавалось иногда различить треск рвущейся ткани. А вот исходил ли он от товаров, разрываемых пополам соперничающими покупателями или от разрываемых пополам самих покупателей, я не смогу сказать наверняка. Это было все равно, что смотреть на свалку в Большой Игре, но без команд и без перерывов между геймами.

— Не говори мне, что ты намерен сюда сунуться! — ахнул Кальвин. — Без брони и артиллерии?

Такой вопрос казался странным для уроженца предположительно мирного измерения, но я был занят сосредоточился на предстоящей задаче.

— Это хождение за покупками и так уже занимает слишком много времени, — мрачно проворчал я. — Я не намерен больше терять его, прося Эдвика подыскать нам другой универмаг... раз нет никаких гарантий, что он будет лучше этого. Я намерен нырнуть туда, схватить пару костюмчиков и покончить с этим раз и навсегда.

Хороший вкус и бунтующий желудок не позволяют мне вдаваться в подробности того, как прошли следующие пол часа. Достаточно сказать, что Кальвин бросил меня и парил под потолком, следя и ожидая, пока я закончу. Я немного потолкался, и меня потолкали, чаще,

чем мне хочется вспоминать, но если и есть на моей памяти что-то, способное сравниться с удержанием своего товара в борьбе с толпой изврских покупателей, то мой мозг успешно подавил эти воспоминания. Я пускал в ход локти и пихался, применял малость магии, когда никто не смотрел, и воспользовался большинством нечестных приемов, каким научился на Большой Игре. В конечном итоге получил два костюма, не вызвавших у меня особого восторга, всего лишь готовность удовольствоваться ими, чем заново лезть в эту сечу, ища чего-нибудь получше. Я также приобрел стойкую привязанность к толстой изврской даме, за которой время от времени прятался, чтобы перевести дух.

Пересидевший битву Кальвин находился в хорошей форме для сопровождения меня обратно к выходу. Оно и к счастью, поскольку спад адреналина после выхода из этой драки был таков, что я едва чего-то видел перед собой, не говоря уж о том, чтоб идти, не шатаясь.

Не знаю, где ждал Эдвик, но его такси материализовалось из потока уличного движения, как только мы вышли из универмага. И без задержки вернулись к безопасности заднего сиденья. Позже я подумал, что же говорить об универмагах, если такси мне показалось теперь безопасным.

— Можем мы теперь ехать в отель? — осведомился я, погружаясь в сиденье и закрывая глаза.

— В таком виде? Разве вы не хотите переодеться?

— Переодеться? Мне почему-то не понравилось, как это звучало.

— Ну, знаете, в классический костюм. Деловые люди всегда получают в отелях наилучшее обслуживание.

Кальвин застонал, но ему не требовалось беспокоиться. Если я чего и знал наверняка, так это то, что не отправлюсь обратно в тот универмаг.

— Вот что я тебе скажу, Эдвик. Опиши-ка мне этот костюм.

Таксист потер подбородок, рассчитывая свой путь сквозь поток машин.

— Ну, посмотри. Они обычно бывают темно-серые или черные... из трех частей с жилетом... тонкие белые полосочки с небольшими промежутками... и, сами знаете, обычные аксессуары вроде белой рубашки и галстука в полоску.

Именно так я и думал. Тоже самое носили на Деве... и, вероятно, во всех других измерениях, где я встречал

бизнесменов. Я снова закрыл глаза и сделал несколько добавлений к чарам личины.

— Примерно так?

Таксист глянул через плечо, а затем полностью повернулся, откровенно разинув рот.

— Слушай! Вот здорово! — воскликнул он.

— Спасибо, — самодовольно поблагодарил я. — Тут нет ничего особенного. Просто применяемые мной чары личины.

— Так почему же вы не применили их для создания липовых новых нарядов и багажа, вместо того, чтобы продираться по универсам?

— Я собирался спросить о том же — , пробормотал Кальвин.

А я, хоть убей, не мог найти подходящего ответа.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Никакое место не сравнится с родным домом!
Ф. Джонсон

Коль скоро мы прибыли к порекомендованному Эдвиком отелю, его вид оттолкнул меня. Вывеска на нем провозглашала его "Новой Гостиницей", но выглядел он, как и большинство виденных нами других зданий, то есть старым, ветхим и покрытым сажей. Даже будь его внешний вид получше, район в котором он находился, заставил бы меня призадуматься. Вид мусора на улицах и металлических штор на витринах магазинов, никак не вызывал у меня желания выйти склонность вылезти из такси, не говоря уж о том, чтоб снять номер. Я уж хотел сообщить об этом своему водителю-гиду, но заметил швейцара в мундире и решил задать вопрос помягче.

— Э... это и есть недорогой отель, на который ты рассчитывал?

— Цены в нем ниже, чем где-либо в настоящей дыре, — пожал плечами таксист. — Этот отель немножко приятней, чем большинство того же класса. Его владельцу пришлось снизить цены из-за случившихся тут неприятностей.

— Неприятностей?

— Да. Здесь разгуливает убийца с топором, которого так и не сумела поймать полиция. Он убивал, примерно, по одному в неделю... на прошлой неделе он зарубил одного прямо в фойе.

— Убийца с топором??!

— Совершенно верно. Вам, однако, незачем из-за него тревожиться.

— Почему ты так считаешь?

— Эти убийства продолжаются уже целый месяц, и, поскольку вы только-только въезжаете и никогда раньше не бывали здесь, то вы будите вне подозрений.

Но меня тревожило не это. Меня больше заботила возможность оказаться следующей жертвой. Прежде, чем я смог разъяснить это Эдвигу, швейцар рывком распахнул дверцу такси и выдернул мой чемодан.

— Вам лучше последовать за своим чемоданом и не спускать с него глаз, — посоветовал водитель. — Утром я приеду за вами. Ах да, не забудьте дать носильщику на чай. Иначе можете не узнать собственного багажа. Ящеры уже начинали двигаться, когда он расстался с этим последним образцом мудрости. Нырнув к двери, пока повозка еще не набрала большой скорости, я решил, что отделюсь навсегда от своего багажа. Нужен он мне или нет — это еще вопрос. Я слишком многое пережил, добывая этот чемодан, чтобы потерять его сейчас. Прежде чем я подумал, что теряю контакт с моим гидом и советчиком по этому измерению, такси свернуло за угол и исчезло.

— По-моему, этот парень хочет получить на чай, — высказал мнение Кальвин, показывая на швейцара. По крайней мере, со мной все еще оставался джин.

Мне пришлось признать его правоту. Изверг в мундире стоял с надутым видом, протянутой рукой и неопределенной гримасой на лице, сходящей, вероятно, здесь за улыбку. Я на секунду поколебался, прежде чем сунуть ему немного мелочи. Ожидая, что работник сервиса повременит намекать на чаевые до того, как завершит обслуживание. Но, очевидно, в разных измерениях отношения строились по-разному. Вероятно, именно об этом-то и предупреждал меня Эдвик... что швейцар захочет получить деньги перед тем, как отнести чемодан, и что, если чаевые будут недостаточно велики, то "Прощай багаж!" В каком-то отношении, это имело смысл.

Мои размышления резко оборвались, когда я заметил, как другой субъект, на этот раз коридорный, поднял мой чемодан и направился с ним в отель, оставив швейцара снаружи взвешивать только, что отсыпанные ему в руку чаевые. Я начал чувствовать неладное.

— Куда он идет? — спросил я, как можно небрежней, у довольного швейцара.

— К регистрационному столу, сэр.

— Но у него же мой чемодан.

— Да. Я советую вам неотступно следовать за ним. Ему, знаете ли, нельзя доверять.

— Но... О-о-о-о...!

Я понимаю, когда меня обходят. Швейцар занимался только открыванием дверей такси и выгрузкой багажа... а не ношением чемоданов в отель. Конечно, в том, что я дал ему на чай, полагая, будто он окажет такую услугу, нужно винить меня, а не его. Разбитый в пух и прах, я потащился следом за коридорным, поджидавшим меня за дверью, вытянув руку, уж чересчур знакомым жестом означающим, "Плати, а то я от тебя не отстану".

На сей раз я был рад расплатиться с ним. Чтоб ни сказал на это Эдвик, я решил, что дальше лучше тащить свой багаж самому.

Кальвин что-то бормотал мне на ухо о ненужности платить за помощь, пока они не закончат свою работу, но коридорный понял, что на этом все, поскольку исчез, как только я ему заплатил. Игнорируя ворчание Кальвина, я переключил внимание на интерьер отеля.

Приемная отеля была не намного больше пространства, используемого нами для похожих целей у себя в корпорации "М. И. Ф", за исключением того, что в мебелировке господствовала огромная стойка, которую, как я предположил, швейцар и назвал регистрационным столом. Конечно, это делало фойе довольно маленьким, хотя заведению в качестве отеля полагалось бы пропускать через себя больше народу, чем через наши бюро консультаций. Я почувствовал, что это не сулит ничего хорошего, в смысле размеров номеров. Впрочем, я же велел Эдвику отвести нас, в какое-нибудь недорогое место. Так, что не могу ожидать низких расценок и шикарных апартаментов, а дай мне выбор...

— Не могу ли я чем-нибудь помочь вам?

Это последнее предложение исходило от изверга за регистрационным столом. Его можно было счесть вежливым, но интонация в голосе изверга ничем не отличалась от той, с какой обращаются к прошедшему через переднюю дверь с ящиком мусора.

— Да. — Я решил сделать последнюю попытку быть любезным. — Я хотел бы снять номер, если вы не против. Одноместный.

Портье смотрел на меня так, словно я только что плюнул на пол.

— Вы забронировали?

Вопрос этот меня немного удивил, но я решил не отступать от честности.

— Вообще-то не мешало бы, в таком-то районе... и потом ходит слух об убийце с топором...

— Скив... Скив!! — отчаянно прошипел Кальвин. — Он спрашивает:

“Заказывал ли ты номер заранее?”

Вот и вся честность. Я метнул взгляд на портье, смотревшего на меня так, словно я попросил его продать в рабство своего первенца.

— ... Но, мгом, если вы спрашиваете заказывал ли я номер заранее, то ответ будет-нет, — неловко закончил я.

Портье попялился на меня еще несколько мгновений, а затем провел тренированным пальцем по списку на столе перед собой.

— Боюсь, что в данное время у нас есть только один из наших Экономичных Номеров. Для лучшего выбора вам следовало забронировать заранее.

— Экономичный Номер вполне подойдет, — заверил я его. — Он понадобится мне примерно на неделю.

— Отлично, — кивнул портье, толкая ко мне через стол бланк. — Когда заполните его, расценка будет сто золотых.

Я порадовался, что меня предупредили насчет цен на Извре. Сотня золотых показалась мне немного крупноватой, но благодаря заблаговременному предупреждению я сумел скрыть свое удивление, когда протянул руку за бланком.

— ... В день. Уплаченных, конечно, авансом.

Моя рука остановилась чуть-чуть не дойдя до бланка.

— Сто золотых в день? — переспросил я, как можно осторожней.

— Скив! — завизжал мне в ухо Кальвин. — Вспомни, тебя предупреждали, что здесь все дорого! Это отель с низкими ценами, помнишь?

— Уплаченных авансом, — подтвердил портье.

Я убрал руки от стола.

— Сколько времени ты хочешь провести, подыскивая номер, Скив? — отчаянно продолжал джин. — Такси до утра не вернется, а уже темнеет. Ты действительно хочешь гулять ночью по этим улицам?

Я достал из пояса с деньгами сотню золотых и бросил на стол, а затем принялся заполнять бланк.

— Полагаю, каждый день оплачивается авансом, учитывая процентные ставки, — спокойно произнес я. — Ах, да, я хотел бы получить квитанцию.

Портье выхватил бланк у меня из-под пера и взглянул на него чуть ли не раньше, чем я закончил расписываться.

— Совершенно верно, мистер... Скв. Я сию минуту дам вам квитанцию.

Приятно узнать, что некоторые изверги приносят пользу, если ты платишь их цену. Сотня золотых уже исчезла.

Портье кинул квитанцию через стол, изящно держа в другой руке ключ. Я забрал квитанцию и начал было тянуться за ключом, когда он небрежно убрал его за пределы моей досягаемости и хлопнул ладонью по стоявшему на столе колокольчику.

— Сюда!

И прежде, чем я успел спросить, что означало сие краткое объявление, около меня материализовался коридорный... не тот, что раньше.

— Номер 242, — объявил портье, вручая коридорному мой ключ.

— Да, сэр. Это ваш багаж?

— Ну, да. Это...

Не дожидаясь, когда я закончу, коридорный схватил мой чемодан и направился к лестнице, сделав мне знак следовать за ним. Я потащился за ним. И уже был по горло сыт извергами, отелями и чаевыми. Если этот шут думал, что я...

— Собираешься дать ему на чай? — спросил Кальвин, подплывая и зависая в воздухе передо мной. К счастью, он был полупрозрачным, чтобы я видел сквозь него.

Я подарил ему самую зубастую свою улыбку.

— Если это означает "нет", то тебе лучше передумать.

Я не хотел слушать его советов и намеренно дал своему взгляду забрести на потолок и тут же споткнулся о ступеньку.

— Вспомни, что сказал Эдвик, — настойчиво продолжал джин. — Тебе нужны все союзники, каких ты сможешь заполучить. Ты не можешь позволить себе быть нелюбезным с этим парнем.

Постепенно раздражение во мне начало уступать здравому смыслу. Кальвин был прав. Хотя бы потому, что коридорные являлись главными источниками местной информации. Если любезность с этим типом ускорит розыск Ааза и, следовательно, сократит мое пребывание на Извре, то это стоило приличных чаевых. Сде-

лав глубокий вздох, я поймал взгляд джина, коротко кивнул, и тот успокоился. Мне пришло в голову, что приятно иметь дело с тем кто не спорит, коль скоро выигрывает.

Коридорный открыл дверь и с шиком препроводил меня в номер. Первый же взгляд на мой временный штаб чуть было не заставил меня снова все перерешить.

Дырой этот номер можно было назвать только из вежливости... а я пребывал не в вежливом настроении. Для начала, он был маленьким... меньше чуланов в моем доме на Базаре. Места там едва хватало, чтобы обойти постель. То небольшое, оставшееся пространство было еще больше стеснено бюро, без ручки на одном из двух ящиков, и стулом, выглядевшим таким же удобным, как ложе из гвоздей. Абажур у торшера сбился набекрень, а обои были порваны, и один большой кусок их болтался свободно, за исключением тех мест, где его держала паутина. Я не мог определить из чего состоит ковер из пыли или из плесени, хотя судя по запаху подозревал последнее. На потолке красовались большие пятна от протечки, но увидеть их можно было только хорошо приглядевшись, потому что свет в номере был тусклым, чтобы вызвать чувство клаустрофобии, даже у вампира. И все это за какие-то сто золотых в сутки.

— Великолепный вид, не правда ли? — сказал коридорный, отдергивая шторы и открывая окно, которое не мыли с тех пор, как научились разводить огонь. Сперва я подумал, что карниз у занавески прогнулся, но более пристальное изучение показало, что он криво прибит.

— И вы это называете великолепным видом?

Это замечание вырвалось у меня, несмотря на всю мою сдержанность. Разобрался, что не видел я ничего из окна отнюдь не потому, что оно было грязным. Весь фокус в том, что вид состоял из глухой каменной стены, на расстоянии вытянутой руки от окна.

Мой риторический вопрос ничуть не смутил коридорного.

— Видели б вы, куда выходят окна первого этажа, — пожал плечами он. — Там все номера с видом на двор, на свалку мусора. По крайней мере, тут не видно личинок.

Мой желудок накренился влево и провалился. С трудом сглотив, я твердо решил не задавать больше никаких вопросов о номере.

— Перестать говорить про вид? — в отчаянии простонал Кальвин.

— Опередил тебя, — ответил я.

— Как-как? — обернулся ко мне коридорный.

— Я сказал: “Удовлетворюсь этим видом”, — поспешно поправился я.

— Так я и думал. Нет, сэр, за такую цену не очень много таких хороших номеров.

Я сообразил, что он смотрит на меня, ожидая подтверждения.

— Я... я никогда не видел ничего подобного.

Он продолжал глядеть на меня. Я порывлся в памяти, подыскивая чего б сказать о номере хвalebного.

— Чаевые, Скив! Он ждет чаевых!

— О! Да, конечно.

Я выудил из пояса еще несколько монет.

— Благодарю вас, сэр, — кивнул коридорный, принимая подношение. — Если есть еще вопросы, то меня зовут Бургт.

Он уже шел к двери, когда я решил, что мог бы получше использовать его знания.

— Скажите-ка... э, Бургт.

— Да, сэр.

— Есть здесь местечко, где я смогу перекусить?

Заведение, специализирующееся на иноизмеренческих блюдах?

— Разумеется. Примерно в полуквартале налево, если выйти через главный вход, есть небольшое заведение. Оно называется “Банди”. Пропустить его невозможно.

Это стоило мне еще нескольких монет. Но подало мне идею.

— Скажи-ка, Бургт, я слышал у вас коридорных есть своя информационная сеть. Это правда?

Коридорный глядел на монеты, которые я пересыпал с ладони на ладонь.

— В некотором роде, — признался он. — Все зависит от того, какую информацию вы ищите.

— Я ищу одного парня по имени Ааз. В городе он находится последние два дня. Если вы или кто-нибудь из ваших друзей выясните, где он и дадите мне знать, я б по-настоящему оценил это. Улавливаете?

Я дал монетам высыпаться в карман его формы.

— Да, сэр. Ааз, не так ли? Я распространю известие и посмотрю, чего мы сможем сделать.

Он поспешно отбыл, тихо закрыв за собой дверь.

— Это ты проделал очень хорошо, Скив, — одобрил Кальвин.

— Что? Спасибо, Кальвин.

— Действительно. Ты выглядел, как гангстер, платящий осведомителю.

Полагаю, работа с Синдикатом повлияла на меня больше, чем я осознавал. Однако, мне не хотелось, чтобы разговор слишком далеко заходил в этом направлении.

— Да, просто набрался кое-чего, — небрежно отмахнулся я, кладя в карман ключ от номера. — Пошли. Давай найдем в этом измерении что-нибудь съедобное.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

...на улице, где живете...

Цитата из записки анонимного вымогателя

Я думал, что по улицам Извра страшновато ходить или ездить днем. Ночью они делались совершенно иным миром. Я не знал, следует ли мне чувствовать испуг или подавленность, но точно знал, что не чувствую себя уютно.

Дело не в том, что я был один. На улице находилось множество извергов, и, конечно, со мной по-прежнему был Кальвин. Просто дело в том, что иному обществу предпочитаешь полное одиночество. Общество Кальвина было желанным... и это, даже для самого невнимательного читателя, должно определить, в чем именно заключался источник моего неудобства.

Изверги! (Превосходно! Выходим в отличники.) Так вот, может показаться излишним говорить, что рядом с извергами чувствуешь себя неуютно. Как уже отмечалось, это измерение не славится своей общительностью, не говоря уж о гостеприимстве. Однако, той ночью на улицах я узнал нечто новое: изверги бывают разные.

Большинство туземцев, с которыми я сталкивался до этого, были просто обыкновенными людьми... только скверными. Они имели работу и интересовались в основном тем, как заработать на жизнь и уберечь себя. Однако после заката ту же территорию населяли личности совершенно иного сорта.

Чаще всего бросались в глаза спавшие в подъездах и в водостоках. Сперва я видел в этом способ избежать уплаты по сотне за ночлег в номере, я так и сказал Кальвину. Тот предложил мне взглянуть на растянувшихся извергов чуть поближе. Я взглянул и понял, что

и пятьсот золотых за ночлег будет не слишком большой тратой, лишь бы избежать вступления в их ряды.

Они были грязными... что неудивительно, если спишь в водостоке. Хотя я никогда не отличался способностью различать цветовые оттенки, мне даже при плохом освещении ночных улиц удалось разглядеть, что зелень их чешуи какого-то нездорового оттенка. Честно говоря они выглядели какими-то мертвыми... Но мертвыми они не были. Позже, когда я упомянул о них Эдвику, то выяснил, что это были изверги, чьи доходы упали ниже уровня жизни в этом измерении. Они оказались позади всех и не могли теперь позволить себе ни жилья, ни гардероба для восстановления своего положения. С какими бы финансовыми затруднениями ни сталкивались спящие, они не имели ничего общего с затруднениями извергов, разделявших с ними ночные улицы. Поскольку занимались они в основном торговлей, я буду называть вторую группу толкачами... хотя благодаря такому значению это слово приобретает в данном случае отрицательные ассоциации.

Разодеты они были столь же ярко, как любой бес, хотя имели склонность держаться в тени и высовывались оттуда, предлагая шепотом прохожим товар. Я так и не узнал, что именно они продавали, поскольку ни один из них не обратился ко мне. Нельзя сказать, что они не замечали, как я прохожу, так как следили за мной неподвижными глазами рептилий, но что-то увиденное ими побуждало их оставить меня в покое. Не могу сказать, что меня сильно расстраивало такое пренебрежение.

Я так внимательно смотрел на наблюдателей, что чуть не прозевал нужный нам ресторан. Но Кальвин его заметил и привлек мое внимание. После чего мы в него вошли.

Еще во времена, когда я впервые встретился с Аазом, мне довелось соприкоснуться с изврским рестораном. Конечно, произошло это на Базаре, где были созданы определенные условия для деятельности подобных точек, но это все-таки в какой-то степени подготовило меня к тому, что можно ожидать.

Кальвин же до этого не обладал опытом знакомства с изврскими столовыми. Через два шага в заведении я чуть не потерял сознание из-за одного лишь запаха. Честно говоря, я и себя чуть не потерял, хоть я и соприкоснулся с изврским рестораном, но никогда раньше по-настоящему не заходил. Если есть такие, кто

находился в таком же положении и считал себя умудренным опытом, то позвольте вас предупредить: этот запах многое теряет, к тому времени, как доберется до улицы.

— Что сдохло!?

Зажав нос, джин пренебрежительно оглядел обстановку ресторана.

— Да брось ты, Кальвин, — упрекнул я, пытаюсь представить дело пустячным. — Неужели ты никогда раньше не нюхал запаха доброй домашней стряпни? Ну, знаешь, когда у матери чтонибудь подгорало?

Если читатель заключит из вышеизложенного, что извская кухня не то, что благоухает... а от нее идет вонь до небес, то могу сказать, что мое писательское умение достигло, наконец, уровня моих читателей. Я в самом деле сказал то, что пытался сказать. Однако, к счастью, для прочих измерений, одни лишь слова не могут донести почти осязаемую текстуру воню.

— Если б моя мать так стряпала, мы б от нее избавились... даже раньше, чем нам довелось это сделать, — заявил напрямик Кальвин.

Любопытное, между прочим, замечание.

— Ты не можешь убедить меня, будто тебе нравится это, — настаивал он. — Хотя ты и немного странный, но все-таки разумное существо.

— Так же, как и изверги.

— На этот счет я готов поспорить... тем более, когда я почувствовал, что они едят. Но ты уходишь от вопроса. Ты и в самом деле собираешься съесть кое-что из этого добра?

Я решил, что шутка зашла слишком далеко.

— Ни под каким видом! — шепотом признался я. — Если ты последуешь повнимательней, то увидишь, что иная еда тут выползает из тарелки.

— Предпочитаю не следить! — отвел глаза Кальвин. — Серьезно, Сквив, если ты не собираешься ничего есть, то зачем же мы сюда пришли?

— О, я собираюсь попробовать достать чего-нибудь съедобное. Только не то, что тут готовят для туземцев. Вот потому-то я и искал заведение, где подают пищу из иных миров и для иномирян-и будем надеяться, удобоваримую. Мои слова не произвели на джина впечатления.

— Мне все равно откуда рецепт приготовления. Ты говоришь, что собираешься взять что-то приготовленное на этой кухне и побывавшее вблизи блюд, воняющих

так, как эти, а потом положить в рот? Может быть, нам следует обсудить достоин ли ты звания разумного существа.

Если смотреть с такой точки зрения, то резон в его словах был. Я вдруг почувствовал себя далеко не таким умным, каким считал несколько мгновений назад.

— Чем могу служить, сэр?

Материализовавшийся рядом со мной изверг держался столь чопорно-официально, как виденные мною фигуры, восседающие на свадебном торте. Он каким-то образом овладел техникой раболепства, но сохранил умение глядеть на тебя сверху вниз. А еще говорят, будто официанты не поддаются обучению!

— Ну, мы... то есть, я...

— А! Стой-лик на однофо!

Я вообще-то готовился сыграть отступление, но этот парень не собирался предоставлять мне такой возможности.

Стол и стулья, казалось, раздвигались на пути перед ним, когда он следовал по залу, как парусный корабль сквозь водоросли, таща в кильватере меня. Когда мы проходили, головы поворачивались в нашу сторону, и начинались шепотки. Если клиенты пытались вычислить, где они видели меня раньше, то разговор, возможно, будет долгий.

— Жаль, что я не подумал приодется, — шепнул я Кальвину. — Заведение это весьма классное. Удивляюсь, как меня впустили без галстука.

Джин бросил на меня взгляд.

— Не знаю, как сказать, Сквив, но ты одет и носишь галстук.

— О! Верно.

Я и забыл, что изменил в такси свои чары личины. Одна из трудностей с чарами личины в том, что сам я не вижу результаты своей работы. Хотя я достиг такого уровня, что могу поддерживать иллюзию, не уделяя ей много сознательных мыслей, это означает, что я иногда забываю, какую, собственно, внешность я поддерживаю.

Я плюхнулся на отодвинутый для меня стул, но отмахнулся от предложенного меню.

— Как я понимаю, вы подаете иноизмерные блюда?

Изверг отвесил легкий полупоклон.

— Да. У нас есть широкий фыбор на самый распорчифый фкус.

Я понимающе кивнул.

— Тогда скажите официанту принести мне что-нибудь пентейское... и подходящее вино.

— Отлично, сэр.

Он осторожно удалился с глаз, предоставив мне изучать наших сотрапезников. Было слишком оптимистичным надеяться, что случайное совпадение приведет Ааза в тот же обеденный зал, но посмотреть невредно.

— Ты управился с этим довольно гладко.

— С чем именно, Кальвин? С заказом. Спасибо.

— Ты действительно настолько уверен?

Прежде, чем ответить, я взглянул на ближайшие столики, не подслушивает ли там кто.

— Я уверен, что не смог бы, даже прочесть меню, — тихо сказал я. — А попытка прикинуться читающим заставила бы меня выглядеть еще большим дураком. Я просто следовал общему правилу — "Когда сомневаешься, полагайся на суждение официанта." Обычно оно действует.

— Достаточно верно, — допустил Кальвин. — Но официант-то этот не изверг. Все равно это смелее, чем я счел бы разумным.

Джин определенно обладал талантом заставлять меня тревожиться из-за уже принятых мной решений.

К счастью, тогда принесли вино. Я нервно проделал ритуал с опробыванием, а затем принялся пить во всю. Соединение нервозности и жажды заставила меня выпить первые три бокала, не останавливаясь перевести дух между ними.

— Ты полегче налегай на эту микстуру, пока не вложишь в себя немного еды, — с нажимом посоветовал Кальвин.

— Не беспокойся, — отмахнулся я. — Ааз мне всегда повторял одну премудрость: "Если не уверен насчет пищи в измерении, то можешь питаться выпивкой".

— Он тебе это говорил, да? Ничего себе дружок. Скажи пожалуйста, это когда-нибудь срабатывало?

— Чаво?

— Питание выпивкой. Оно приносило тебе какую-то пользу или доставляло кучу неприятностей?

— О, куча неприятностей случалась с нами не раз. Как-нибудь напомни мне рассказать тебе о том, как мы однажды решили похитить приз Большой Игры.

— Вы с Аазом?

— Нет. Я и... э... это была...

По какой-то причине мне стало трудно вспомнить кто именно участвовал со мной в той операции. Я решил, что самым мудрым будет перевести разговор с меня на иную тему, пока не прибудет остальной заказ.

— Кто б там ни был. Однако, коль речь зашла о бутылках, долго ли ты ждал, пока я вынул пробку из твоей?

— О, недолго для джина. Я б сказал, что ожидание длилось не больше...

— Тананда!

— Извиняюсь?

— Со мной была Тананда, когда мы пытались стащить приз... во всяком случае, в первый раз.

— О.

— Рад, что скинул эту ношу. Итак, что ты говорил, Кальвин?

— Ничего важного, — пожал плечами джин.

Он казался немного расстроенным, но мне думалось, что я знал почему.

— Кальвин, я хотел бы извиниться.

Он немного расслабился.

— О, ничего, Скив. Просто дело в том...

— Нет, я настаиваю. С моей стороны было хамством заказывать, не спросив, не хочешь ли и ты чего-нибудь поесть. Просто было бы неудобно заказать блюда для того, кого никто не видит. Понимаешь, что я пытаюсь сказать?

— Конечно.

Кажется, я снова сбил его с толку.

— Дело не в том, что я забыл о тебе, — надавил я. — Просто я подумал, что раз ты такой маленький, то много не съешь и мы, вероятно, сможем разделить мой заказ. Теперь я вижу, что это обидно для тебя, и поэтому, если ты хотел бы личный заказ...

— Разделить заказ с тобой будет вполне достаточно. Хорошо? А теперь нельзя ли оставить эту тему?

Что-то волновало джина и мои усилия изменить его настроение оказались, к сожалению, напрасными. Я погадал, махнуть ли на это рукой, но решил, что нельзя. Именно из-за такого равнодушия и откладывания на потом и возникла ситуация с Аазом.

— Скажи-ка... мгм... Кальвин?

— А теперь что?

— Я явно расстроил тебя, а мои попытки исправить положение только ухудшают дело. Мне не хотелось

проявлять к тебе неуважение, но это, кажется, произошло. Если я не могу улучшить ситуацию, то не мог бы ты сказать мне, что я наделал, чтобы не повторить промашку?

— Вино не помогает.

Услышав короткий ответ Кальвина, я кивнул. Он был прав. Вино действовало на меня сильнее, чем я ожидал. Мне стало трудно понимать, о чем он говорил.

— Оно не помогает... но беда не только в этом, — сказал я. — Спиртное всего лишь усиливает положительные и отрицательные качества. Оно может сделать мои неприятные привычки более неприятными, но не само вино им причина.

— Верно, — неохотно признал он.

— Поэтому выкладывай напрямик, — призвал его я. — Что во мне такое неприятное, раздражающее? Я стараюсь быть милым парнем, но в последнее время это получается с трудом. Сперва с Аазом, а теперь и с тобой.

Джин поколебался прежде, чем ответить.

— Я знаю тебя не так давно, Скив. И могу высказать первое впечатление.

— Так давай мне первое впечатление. Я действительно хочу...

— Ваш обед, сэр!

Проводивший меня к столу изверг снова парил надо мной, на этот раз с официантом на буксире. Этот молодец шатался под тяжестью огромного накрытого блюда, от которого подымался соблазнительный пар.

Мне отчаянно хотелось услышать, что хотел сказать Кальвин, но вид блюда напомнил мне, что я отчаянно проголодался. Очевидно джин почувствовал мое затруднительное положение.

— Давай, Скив, ешь, — поощрил он. — Я могу подождать, пока ты закончишь.

Благодарно кивнув, я переключил внимание на изверга.

— Запах вкусный, — сумел произнести я с искренним удивлением. — Что это?

— Одно из фирменных блюд! — просиял он, протягивая руку к крышке. — С Пента!

Крышка театрально исчезла, и я оказался лицом к лицу с кем-то другим из моего родного измерения. К несчастью, не он подавал фирменное блюдо... он был фирменным блюдом! Поджаренный, с мертвой крысой в зубах для украшения.

Я совершил единственный нормальный поступок, какой пришел мне на ум — бухнулся в обморок.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

*Никогда нет близости фараона,
когда он тебе нужен!*
А. Капоне

— Скив!

Голос донесся, казалось, издалека.

— Брось, Скив! Кончай с этим! Мы в беде!

Это привлекло мое внимание. Я сперва не мог сориентироваться, но если мне чего и не нужно, так это новых бед. Новых бед? Что за... позже! Надо разобраться с тем, что происходит сейчас!

Я заставил глаза открыться.

Представшая передо мной сцена воскресила у меня в памяти основные моменты происшедшего. Я был в ресторане... а если точнее, на полу... надо мной парил изврский официант... а также полицейский!

Сперва я подумал, что он тот, с которым мы сталкивались ранее, но дело обстояло иначе. Сходства хватило, чтобы принять их за членов одного помета... или выводка. Оба обладали одинаковыми квадратными челюстями, широкими плечами и большим пузом, не говоря об жестком блеске в скучающих глазах.

Я с трудом сел, но покачнулся, когда на меня нахлынула волна головокружения.

— Держись, Скив! Для разговора с этим тебе понадобится ум!

Кальвин парил с озабоченным лицом.

— Ч... что случилось? — осведомился я.

Слишком поздно вспомнил, что вижу и слышу джина только я. Подготовился я к разговору с другими или нет, для меня было неясно.

— Похоже ты упал в обморок, приятель, — уведомил меня полицейский.

— Я думаю, он просто не хочет платить са сакасанное им блудо.

Сказал это проводивший меня изверг, и его слова заставили меня вспомнить все. Фирменное блюдо с Пента!

— Он подал мне на тарелке зажаренного пентеха! — навел я дрожащий, но обвиняющий перст на изверга.

— Это так?

Полицейский покосился одним глазом на этого изверга, и тот сильно разволновался.

— Чуш! Подават расумный сусщества бес лицензии протифосаконно. Сами фидите, сершант, это фсефо лиш подопие.

Верно, он был прав! Лежавшая на блюде фигура была, на самом деле, сложена из кусков, мясной вырезки, а промежутки между ними заполняло нечто, похожее на выпечные изделия. Крыса казалась настоящей, но я, признаться, не очень приглядывался. Общий эффект получался, могу засвидетельствовать, ужасающе реальный.

Полицейский пристально изучил блюдо, прежде чем снова переключить внимание на официанта.

— А вам не кажется чуточку рискованным подавать пареньку то, что кажется одним из его собратьев?

— Но он не походил на них, когда фошел! Я фсефо лиш подал ему чефо он просил... чефо-нипудь с Пента!

Вот тут-то я и осознал, что моих чар личины больше нет. Должно быть, упав в обморок я утратил контроль над ними. Однако, когда именно они исчезли было не столь важно, как то, что они пропали. Теперь все без исключения увидели меня таким, каким я был на самом деле... пентехом!

Полицейский обратил взгляд ко мне и изучал меня с нездоровым интересом.

— Ах, вот как, — протянул он. — Вы могли бы объяснить, как получилось, что вы пришли в личине в такое приличное заведение? Ведь вы не собирались скрыться, не заплатив по счету, не так ли?

— Просто дело в том... — я замолк, пока не прошла волна головокружения. — Я слышал, что на Извре можно иметь лучшее обслуживание и более дешевые цены, если ты местный житель.

— Плохой ответ, Скив, — прошипел Кальвин, но я уже и сам понял это.

Полицейский сделался на несколько оттенков темнее, и голова у него почти исчезла в шее. Хотя говорил он по-прежнему приветливым тоном, но слова он, кажется, подбираал с трудом.

— Вы хотите сказать, что в нашем измерении полно обираловок и воров? Вы именно это говорите?

Я слишком поздно понял свою ошибку. Ааз всегда гордился тем, что изверги отличались особым умением извлекать прибыль. Мне не приходило в голову, что некоторые могут счесть это оскорблением.

— Вовсе нет, — поспешно заверил я. — Я полагал, что тут все, как и в любом другом месте... что наилучшие услуги и дешевые цены приберегаются для местных, а гости получают, что остается. Просто я пытался воспользоваться преимуществом, вот и все.

Такое оправдание показалось мне весьма удачным. Однако, на полицейского оно не произвело впечатления. Он, не улыбаясь, извлек блокнот и карандаш.

— Имя?

Голос у него был ровным и безличным, но в нем слышались нотки раздражения.

— Послушайте. Я оплачу заказ, если все дело в этом.

— Я не спрашиваю, оплатите ли вы заказ. Я спрашивал, как вас зовут. Так вот, вы намерены сказать мне здесь или нам следует поговорить в участке?

Кальвин вдруг снова воспарил передо мной.

— Лучше скажи ему, Скив, — тон у него соответствовал обеспокоенному выражению лица. Этому фарану похоже Возза под Хвот попала.

Это привело меня в полное замешательство.

— Чего ему, куда?

Полицейский оторвал взгляд от блокнота.

— А как это имя пишется?

— Мгмм... забудьте об этом. Запишите просто "Скив". Меня зовут именно так.

Его карандаш быстро забегал, и мне подумалось, что ошибка сошла мне с рук. Увы, не повезло.

— ... А то, что вы называли раньше?

— Да, ничего. Просто кличка.

Даже мне такое объяснение показалось слабым. Кальвин застонал, когда полицейский подарил мне суровый взгляд, прежде чем нацарапать еще несколько замечаний в свой блокнот.

— Прозвище, да? — пробормотал он себе под нос.

С каждой минутой дело казалось шло все хуже и хуже.

— Но...

— Место проживания?

— Новая Гостиница.

Мои протесты только ухудшали положение, и я решил отвечать на любые вопросы, какие он вздумает задать, честней и проще.

— В отеле, да? — карандаш забегал еще быстрее.

— А где у вас постоянное место жительства?

— На Базаре-на-Деве.

Полицейский перестал писать. Подняв голову, он внимательно посмотрел на меня.

— А я думал, что вопрос с личинами решен, — проговорил

чересчур небрежно он. — Поэтому скажите, пожалуйста, мистер Скив, вы пентех... или маскирующийся под пентеха девол?

— Я пентех... на самом деле!

— ... Живущий на Деве, — мрачно закончил полицейский. — Это весьма дорогое место жительства, приятель. Чем вы, собственно, зарабатываете на жизнь, что можете позволить себе такой экстравагантный адрес... или оплачивать дорогие блюда, которые не собираетесь есть, если уж на то пошло?

— Я, э, работаю на корпорацию... "М. И. Ф. инкорпорейтед"... Это кооператив консультантов по магии.

— В самом деле? — полицейский, не скрывал своего скептицизма. — И что же вы делаете для них такого, приятель, что им пришлось нанять пентеха вместо одного из местных ребят?

Возможно, я оправился от обморока, а возможно, его сарказм уже достал меня, но эти вопросы стали меня раздражать.

— Я президент и основатель фирмы, — отрезал я, — и поскольку я лично сам подбираю сотрудников, им нечего сказать о моих качествах.

В действительности, у них нашлось бы много, чего сказать. Именно они и вознесли меня на мой нынешний высокий пост. Однако, время было не подходящим для объяснений.

— Неужели? Полицейский все еще давил, но сделался намного почтительней. — В вас есть нечто большее, чем видно с первого взгляда, мистер Скив.

— Спокойно, Скив, — тихо предостерег Кальвин. — Давай не будем слишком агрессивны с представителями местного правопорядка.

Совет был хороший, и я попытался обуздать свой норов.

— Если хотите, можете все это проверить, — бросил я официальным тоном.

— Я намерен так и сделать. Вы не против объяснить мне, что именно делает в нашем прекрасном измерении президент корпорации с Девы? Вы здесь по делу?

— Можно сказать и так.

— Хорошо. Тогда вы не против назвать мне наших граждан, с которыми имеете дела.

Я слишком поздно увидел ловушку. Если я бизнесмен, то у меня должны быть тут связи. Вам это может показаться глупым промахом, но надо помнить мое недавнее прошлое. Большинство моих вылазок в различные измерения были в своем роде набеги или спасательные операции. Поэтому мне не приходило в голову, что есть и иной способ заниматься бизнесом. Конечно, такое признание не улучшило бы впечатление обо мне у этого блюстителя порядка.

Я обдумал альтернативы. Может попытаться выйти из этого затруднительного положения с помощью лжи? И решил, наконец, в последний раз говорить правду.

— Я не имею дел с кем-то конкретно, — осторожно ответил я. — Суть в том, что я кое-кого разыскиваю.

— О? Значит вы нанимаете служащих в свою корпорацию? Ищите наши местные таланты?

Это тоже звучало не слишком хорошо.

— Заверяю вас, это не вербовочная поездка. Я пытаюсь найти своего... одного из моих сотрудников.

Полицейский чуть выпрямился и снова оторвал взгляд от блокнота.

— Вот это совсем другое дело, — протянул он. — Вы зашли в участок заполнить запрос о пропавшем без вести?

Я попытался вообразить себе реакцию Ааза, если его заберет с моей подачи полиция. К счастью, мой мозг милосердно заблокировал такой образ.

— Шутите? Нет, не заходил.

— ... Вы надеетесь разыскать быстрее, чем полиция?

Я приходил в отчаяние. Кажется, чтоб я ни сказал поворачивалось в худшее из всех положений.

— Вообще-то, он на самом не пропадал без вести. Послушайте, сержант, у меня вышла размолвка с моим

старым партнером, являющимся, между прочим, сооснователем корпорации и извергом. Он в гневе отбыл, и надо думать, вернулся сюда на Извр. Я хочу разыскать его и убедить возвратиться обратно в фирму, или, по крайней мере, извиниться перед ним, чтобы мы могли расстаться друзьями. Хотя поиск и связан с бизнесом, он дело личное.

Полицейский внимательно слушал, пока я не закончил.

— Так чего ж ты сразу не сказал, парень? — нахмурился он, захлопнув блокнот. — Да будет тебе известно, мое время слишком ценно, чтобы терять его на болтовню со всяким, кто хочет рассказать мне историю своей жизни.

— Неплохо сработанно, Скив! — подмигнул Кальвин, сделав быстрый жест одобрения. — Думаю, мы сняты с крючка.

Я не обратил на него внимания. Замечание полицейского о напрасной потере времени снова всколыхнуло во мне раздражение. В конце концов, ведь именно он и затянул этот допрос.

— Минуточку, — остановил я его, когда он начал отворачиваться. — Значит вы не будете проверять мои слова?

— Скив! — предостерег джин, но было уже слишком поздно.

— Есть какая-то причина это не делать? — снова обернулся ко мне полицейский.

— Просто вы потратили столько своего драгоценного времени, задавая вопросы по поводу простого обморока, что мне было бы очень неприятно, если б вы потеряли его еще больше.

— Не пытайтесь меня учить, как мне выполнять свою работу, мистер Скив, — прорычал он, приблизив свое лицо вплотную к моему. — К вашему сведению, я не уверен, что все обстоит так просто, как вы расписывали.

— Да ну?

Этот едкий вопрос сорвался у меня с языка и я вдруг осознал, что выбрался из трясины полностью.

— Да-да. Перед нами вроде бы мелкое происшествие в общественном ресторане, вот только центральная фигура этого происшествия оказывается путешественником в личине. И что еще важнее, он из другого измерения и привык пользоваться кличками, хотя утверждает, будто он честный бизнесмен. Никто из местных не может поручиться за него или указать какой-то способ

подтвердить его рассказ. Разве это не кажется вам немного подозрительным?

— Ну, если так ставить вопрос...

— Да так! Я уже говорил, что мы в участке очень заняты. И несмотря на весь этот бред, вы кажетесь достаточно безвредным, поэтому я не вижу смысла копать глубже. Только запомните, приятель, я занес вас к себе в книжку. Если случится беда, то в следующий раз вы не встретите у меня такого понимания!

С этими словами он круто повернулся и строевым шагом вышел из ресторана.

— Еле пронесло, — присвистнул Кальвин. — В последний раз тебе не следовало вякать.

Я пришел к тому же выводу, и кивнул в знак согласия.

Официант все еще парил поблизости, и поэтому я просигналил ему подать счет. Последнее, чего мне не доставало, позабыть и попытаться уйти, не заплатив.

— Куда же мы тронемся дальше? — спросил джин.

— Думаю, уладим дело здесь и направимся обратно в отель немного соснуть. Два столкновения с полицией в день это уже слишком.

— Но ты же ничего не поел.

— Поем завтра. Как я сказал, меня не прельщает мысль рискнуть еще раз столкнуться с законом... даже случайно.

Несмотря на совет быть помятче с полицией, джин не испытывал озабоченности.

— Не беспокойся. Пока были только разговоры. Что они могут тебе сделать? Никакой закон не запрещает быть вежливым на улице или терять сознание в ресторане.

— Они могут провести проверку. Я не в восторге от полиции, сующей свой нос в мои дела..

Джин уделил мне недоуменный взгляд.

— Ну и что если отведут? Это досадно, но не повод для беспокойства. У тебя же нет приводов в полицию, связей с организованной преступностью или чего-нибудь подобного.

Я подумал о доне Брюсе и Синдикате. Моя работа с ними показалась далеко не столь безвредной, какой представлялось, когда я согласился занять пост представителя Синдиката на Деве. К счастью, на Деве никто об этом не знал, кроме моей команды, а те вряд ли станут болтать. И все же, учитывая, как мне в последнее время везло, не стоило рисковать полицейской проверкой. Я также не видел смысла беспокоить Кальвина, давая знать, на какой бочке с порохом я сижу.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Надо с чего-то начать.

С. Макдак

На следующее утро я собирался проспать допоздна. Конечно,

мне не терпелось отыскать Ааза и все такое, но мне редко выпадал случай поваляться в постели лишнюю пару часов. Дела шли довольно бурно, и я обычно отправлялся в контору пораньше, чтобы выполнить какую-то работу прежде, чем начнется ежедневный парад вопросов и проблем. Даже когда я решал поспать подольше, вставали другие и поэтому я тоже поневоле поднимался, чтобы присоединиться к их важному и интересному разговору. Теперь, когда у меня появилась возможность побездельничать я намеревался в полной мере воспользоваться ею. Кроме того, из-за ресторана и полиции ночь выдалась тяжелая.

К несчастью, остальной мир кажется придерживался иного мнения о моих привычках спать.

Мне и задремать-то удалось с трудом из-за непривычного шума уличного движения. А когда я сумел, наконец, уснуть, то едва успел закрыть глаза, как в двери моего номера энергично застучали.

— Что такое? — крикнул я спросонок, с трудом раздирая глаза.

В ответ дверь открылась, и в номер влетел коридорный, принесший днем раньше мой багаж.

— Извините, что так рано беспокою вас, мистер Скив, но там...

Он внезапно умолк и оглядел весь номер. Я пытался сообразить, что он ищет, когда коридорный опять переключил внимание на меня.

— Мистер Скив? — снова обратился он, голосом столь же неуверенным, как и его поведение.

— Да? — отозвался я, пытаясь обуздать свое раздражение. — Вы хотели мне что-то сказать? Надо полагать что-то, не могущее ждать подобающего часа?

Если я надеялся осадить его, то потерпел горькое положение. При звуке моего голоса лицо у него посветлело, и он заметно успокоился.

— Так значит это все-таки вы. На какое воемя вы провели меня. Вы изменились с тех пор, как въехали.

Мне потребовалась секунда прежде, чем я сообразил, о чем он говорит. А затем вспомнил, что не обновлял своих чар личины после столкновения с законом предыдущей ночью. Допускаю, что может возникнуть легкое потрясение, когда ожидаешь обнаружить изверга, а вместо этого болтаешь с пентехом. Я подумывал не навести ли чары вновь, а потом принял мгновенное решение оставить все, как есть. Личина изверга кажется больше причиняла мне неприятности, чем отвращала их. Попробую побыть денек пентехом и посмотрю, как пойдут дела.

— Личина, — снизошел до объяснения я. — В чем дело?

— Ну, там... Это личина или же ею был другой облик?

— Это настоящий я, если это имеет значение. А теперь, в чем дело?

— О, для меня это не имеет значения. У нас здесь в отеле бывает народ из всяких странных измерений. Я всегда говорю, неважно откуда они, лишь бы золото у них...

— в чем дело??

Я обнаружил, что моя терпимость к пустой болтовне прямо пропорциональна тому, давно ли я проснулся, и сегодняшний день не стал исключением.

— О, извините. Там внизу в зоне погрузки таксист и он говорит, что ждет вас. Я думал, вы захотите узнать.

Я почувствовал, что главное слово тут "ждет", но вот от понимания коридорного это, кажется, совершенно ускользало. И все же, я теперь проснулся, и мои поиски нисколько не ускоряться, если я буду рассиживать в номере.

— Ладно. Скажите ему, что я спущусь через несколько минут.

— Разумеется. О... я вот еще, о чем хотел спросить вас... Ничего если этот парень, Ааз, узнает, что вы его ищите?

Над этим мне пришлось немного подумать. Отбыл Ааз, не поговорив со мной, но я не думал, будто он до такой степени избегает меня, что станет прятаться узнав, что я на Извре.

— С этим сложности возникнуть не должно. А что?

— Я думал поместить объявление в газете, но потом мне пришло в голову, что, возможно, он задолжал вам деньги или что-нибудь в таком духе, и поэтому решил сперва спросить у вас.

— Объявление в газете?

— Это ежедневный бюллетень, отпечатанный на бумаге, — снабдил меня информацией Кальвин, присоединяясь к нам, не закончив звска. — Записки от одних к другим... поздравления с днем рождения, послания жен к заблудшим мужьям и тому подобное. Многие люди постоянно читают их.

Это не походило на одно из увлечений Ааза, но всегда существовала возможность, что кто-то знавший Ааза прочтет объявление и сообщит ему. В любом случае повредить это не могло.

— Да, верно. Объявление. Извиняюсь, я все еще толком не проснулся. Мысль кажется хорошая, — одобрил я, шаря в поисках мелочи. — Сколько оно будет стоить?

К моему удивлению коридорный сдерживающе поднял руку.

— Если вы не возражаете, мистер Скив, стоимость его я оплачу сам.

— О?

— Разумеется. Таким образом, если дело выгорит, то не будет никаких сомнений, кто получит упомянутое вами вознаграждение.

И с этими словами он сверкнул мне быстрой усмешкой и отбыл. Мне подумалось, что не мешало бы начать следить за своими расходами для уверенности, что у меня хватит денег для выплаты вознаграждения, если коридорный или один из его друзей сумеет отыскать Ааза.

— Каков же план на сегодня, Скив?

Кальвин последовал за мной в ванную и задал свой вопрос, когда я разглядывал в зеркале свое лицо. Мне

теперь приходилось бриться, но не часто и я решил, что сегодня — тот случай. Забавно, что когда я был моложе, то бывало с нетерпением ожидал, когда же придет время бриться, но теперь, когда оно окончательно пришло, я стал понимать как это надоедает. И до меня начало доходить, почему некоторые мужчины отпускали бороду.

— Нам не следует сидеть здесь и ждать — не ответит ли Ааз на объявление коридорного, — сказал я. — Кроме того, сегодня оно все равно не даст никаких результатов. На мой взгляд, нам следует немного поискать самим.

Как только я сказал это, то сразу понял, насколько отдавало сказанное упрощенчеством. Конечно, нам предстояло отправиться искать Ааза. Именно этим мы б и занялись, если б не подвалил коридорный со своей идеей насчет “объявления”. Однако, если Кальвин и заметил это, то не стал мне на него указывать.

— По-моему, неплохо. С чего начнем?

Об этом я успел поразмыслить. В итоге размышлений я со смущением осознал, как мало мне известно о прошлом Ааза... или о прошлом любого из моих коллег, если уж на то пошло.

— Специализировался Ааз главным образом на магии и финансах. Давай немного пошуруем в этих кругах и посмотрим не появится ли какая нибудь нить.

Но начало нашего поиска задержал один небольшой эпизод.

Мы только вышли из дверей отеля, и я огляделся по сторонам в поисках Эдвика, когда заметил уличных торговцев. Они были на улице и днем раньше, когда мы въехали, но я их по — настоящему не заметил. Сегодня, однако, они привлекли мое внимание, хотя бы своим контрастом с населявшими тот район ночью толкачами.

Ночные толкачи были компанией напряженной, хищной, готовой торговаться ради части ваших денег, если уже нет возможности просто тюкнуть вас по башке и забрать все. С другой стороны, дневные лотошники больше походили на низкообеспеченных мелочных торговцев, тихо стоявших за самодельными прилавками из чемоданчиков или ковриков и улыбавшихся или расхваливавших свой товар любому прохожему, какому случалось задержаться и взглянуть на развал. Держались они, если уж определять их манеру, скорее скрытно, чем зловеще, и постоянно зыркали глазами по сторонам, словно боялись быть замеченными в подобном занятии.

— Интересно, чего они остерегаются? — спросил я, обращаясь чуть ли не к самому себе. Я будто на мгновение забыл, что Кальвин парил в пределах легкой слышимости.

— Кто? Эти? Они, вероятно, остерегаются полиции.

— Полиции? Почему?

— По обычной причине. То, чем они занимаются — незаконно.

— Да?

У меня не было ни малейшего желания снова сталкиваться с полицией, но его слова искренне озадачили. Возможно, я чего-то упускал из виду, но не видел в деятельности уличных торговцев ничего непозволительного.

— Я все забываю, что ты с Базара-на-Деве, — рассмехался джин. — Видишь ли, Скив, в отличие от Базара, в большинстве мест для уличной торговли требуется патент. Судя по их виду, эти бедняги не могут позволить себе такого. Если б могли, то, скорее всего открыли бы лавку, вместо того, чтоб работать на улице.

— Ты хочешь сказать, что они могут поступить только так? Разве они не работают на какой-то большой концерт?

На Деве большинство уличных торговцев работали на более крупных бизнесменов забирая утром товар и возвращая нераспроданный в конце смены. Особенность их стратегии в стремлении выглядеть мелкой сошкой так, чтобы туристы боявшиеся торговаться по мелочам в магазине или в палатке, покупали у них, полагая, что они смогут добиться более низкой цены у приниженных уличных лотошников. Мне не приходило в голову, что увиденные мной уличные торговцы могут быть мелкими частными предпринимателями.

— Совершенно верно, — говорил Кальвин. — Перед тобой именно то, что ты видишь, большинство этих людей вложили все свои сбережения в... эй! Куда ты?

Я проигнорировал его, смело подходя к одному из торговцев, которого все-таки заметил днем раньше. Он находился на том же месте, сидя за ковриком, заваленным солнцезащитными очками и дешевыми браслетами. Мое внимание он привлек тем, что был молод, даже моложе меня. Учитывая долгожительство извергов это делало его и впрямь очень юным.

— Смотрите, что вам по нраву? — сверкнул он заостренными зубами, — отчего мне б сделалось не по себе, если бы я не привык к усмешкам Ааза.

— Я надеялся, что вы сможете ответить мне на несколько вопросов.

Улыбка исчезла.

— Вы кто? Репортер или что-то в этом роде?

— Нет. Просто любопытно.

Он нахмурился и быстро огляделся.

— Можно, пока это не мешает денежным клиентам. Время — деньги, знаете-ли.

В ответ я бросил ему на коврик золотую монету.

— В таком случае назовите меня клиентом, покупающим у вас немного времени. Дайте мне знать, когда оно иссякнет.

Он сделал быстрый пасс рукой, и монета исчезла, тогда как улыбка опять вышла из укрытия.

— Мистер, вы только что приобрели мое внимание. Задавайте свои вопросы.

— Почему вы этим занимаетесь?

Улыбка растаяла, перейдя в гримасу.

— Потому, что я богат и независим. И ради любви к острым ощущениям сижу под дождем и бегаю от легавых... а по вашему почему? Я занимаюсь этим ради денег, также как и все прочие.

— Нет. Я имел в виду, почему вы занимаетесь ради денег незаконной торговлей, вместо того, чтоб найти работу?

Какой-то миг он изучал меня взглядом своих изверских желтых глаз, а потом чуть пожал плечами.

— Ладно, — сказал он. — Дам вам прямой ответ. Работая на чужого дядю, не разбогатеешь... особенно на той работе, для которой пригоден я. Видите ли, я не из богатой семьи. Мои родные не дали мне ничего, кроме имени. Когда я подрост, меня предоставили самому себе. Я не могу похвастаться особым образованием, и, как я говорил, у моей семьи нет связей. Я не могу получить хорошую работу у старого приятеля моего папочки. И значит начинать мне приходится с низов... и закончу я путь, вероятно, там же. Так или иначе, я не спеша подумал над этим и решил, что хочу от жизни большего.

Я попытался придумать, как бы потактичней сказать, что, на мой взгляд, избранное им место все равно очень похоже на самое низкое.

— ... Значит вы считаете, что это лучше, чем работа начального уровня на какое-то другое лицо?

Он гордо вскинул голову.

— Этого я не говорил. Я не собираюсь вечно заниматься этим. Это просто способ накопить первоначальный капитал для бизнеса покрупнее. Я рискую всем, рассчитывая на свои собственные способности. Если дело выгорит, то я буду получать прибыли вместо жалования и смогу перейти к делам покрупнее. И что особенно важно, если я достигну успеха, то смогу передать своим детям больше, чем оставили мне родители. А если не получится... ну, я буду не в худшем положении, чем когда начал.

— У вас есть дети?

— У кого, у меня? Нет... по крайней мере, пока нет. Может когда-нибудь будут. Сейчас, при теперешнем положении дел, я не могу себе позволить даже постоянную подружку, если вы понимаете, что я имею в виду.

Но я не понимал. У меня лично было много денег и никакой подружки. Поэтому я не имел ни малейшего представления о том, во что обошлось бы ее содержание.

— Я б сказал, что вы поставили перед собой благородную задачу... желая накопить что-то для передачи своим детям.

На это он рассмеялся, снова сверкая зубами.

— Не пытайтесь выставить меня слишком хорошим, — поскромничал он. — Не буду вас обманывать. Я и сам не прочь жить получше... например, останавливаться в отелях или разъезжать на такси. Я воспользуюсь кое-чем из прибылей прежде, чем оставлю их детям.

Я вдруг осознал разницу в нашем материальном положении... то, о чем он мечтал, я имел склонность принимать, как должное. От такого осознания я почувствовал себя неловко.

— Да... Ну, мне теперь надо идти. А какое оно?

— Какое что?

— Имя, которое вам дали ваши родители.

— Оно не такое уж замечательное, — состроил гримасу он. — Друзья зовут меня просто Дж. Р.

И с этим я поспешил к поджидавшему меня такси.

— Из-за чего была эта возня? — спросил Эдвик, когда я опустился на сиденье.

— Мне просто стало любопытно, что же движет этими уличными торговцами.

— Ими? Зачем утруждать себя? Это просто группка захудалых толкачей, грызущихся из-за мелочи. Им никогда никуда не пробиться.

Неожиданная горячность в его голосе удивила меня. Между ними явно не существовало теплых отношений.

По правде говоря, высказанная Эдвигом оценка уличных торговцев вполне соответствовала моей первоначальной реакции на его собственные предпринимательские усилия с такси и самоиздатской фирмой.

И когда я поразмыслил над разговором с Дж. Р., то понял, что мне повезло даже больше, чем раньше представлялось, когда я взялся изучать магию... сперва при помощи Гаркина, а потом Ааза. Вовсе не требовалось сильно напрягать воображение, чтобы представить себя на месте уличного торговца... при условии, что у меня хватило бы первоначальной энергии, даже для этого.

Мысль эта была, в общем и целом, не особенно утешающей.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Не все финансисты созданы равными!
Р. Корман

— Так куда же мы направимся сегодня, мистер Скив?

Слова Эдвика прервали мои размышления, и я с трудом сфокусировал внимание на ближайшей задаче.

— Либо поговорить с магами, либо с финансовыми воротилами, — прикинул я. — Я надеялся, что ты, как наш верный местный гид, посоветуешь, куда сунуться в первую очередь... и я просто “Скив”, а не “м-р Скив”.

Это “м-р Скив” начинало мне надоедать и в общении с коридорными, но там бесполезно пытаться поправить. Если же мне предстояло следующие несколько дней разъезжать вместе с Эдвиком, то я счел нужным втолковать ему такое обращение, пока он не станет действовать мне на нервы.

— Ладно. Значит Скив, — легко согласился таксист. — Так вот с ходу, я считаю легче будет начинать с финансовых кругов.

Я надеялся услышать от него другое, но как отмечал ранее, нет смысла платить гиду, если не следуешь его советам.

— Идет. Я согласен. Но нет ли для этого какой-то особой причины?

— Разумеется, есть. Прежде всего магией здесь занимаются многие. У нас есть школы, консультанты, кооперативы, артисты, организации по управлению погодой и защите жилищ... всевозможные разновидности. И что еще важнее, они рассеяны по всюду. Мы можем провести весь следующий год, прощупывая их, и все

равно едва поскребем поверхность. С другой стороны, финансистов не так много, и поэтому, если они вас интересуют, мы можем начать с них. Возможно, нам повезет, и не придется иметь дело с магами.

Его небрежная лекция немного потрясла меня. До меня только-только начала доходить громадность задуманного мной дела. Я отвел лишь неделю, чтоб найти Ааза и убедить его вернуться. В данный момент казалось почти невозможным достичь этого за такой короткий срок, и все же я не мог позволить себе его увеличить, раз остальная команда борется без меня с королевой Цикутой. Я с усилием выкинул из головы всякие сомнения. По крайней мере, нужно попробовать. О том, что делать дальше, я подумаю в конце недели... не раньше.

— А какая другая причина?

— Извиняюсь?

— Ты сказал “прежде всего...”, обычно, это подразумевает, что существует не одна причина.

Таксист метнул на меня через плечо быстрый взгляд.

— Совершенно верно. Ну, если уж вам надо знать, я чувствую себя не совсем уверенно в обществе магов... о присутствующих, конечно, не говорят. Прежде не было необходимости с ними взаимодействовать и хотелось бы и впредь оставаться в таком положении. Но у меня есть приятель-финансист. Он, возможно, сумеет вам помочь. Как известно, большинство этих финансовых воротил знают друг друга. Я смогу устроить вам встречу с ними без предварительной договоренности.

Кальвин махал мне рукой, пытаясь привлечь внимание.

— Мне незачем напоминать тебе, — сказал он. Но твое время все-таки ограничено. Я ничего не сказал о твоей болтовне с тем задрипанным уличным торговцем, но неужели ты и впрямь собираешься ухлопать часть дня на разговоры с каким-то финансистом, который якшается с таксистами?

— Как ты познакомился с этим парнем? — поинтересовался я, не обращая внимание на слова Джина... хотя в какой-то степени был с ним согласен. — Мы познакомились на аукционе произведений искусства.

Я старалась не дать недоверию проявиться в моем голосе, но оно каким-то образом проскользнуло. В ответ Эдвик развернулся на сиденье, посмотрев мне прямо в лицо.

— Да. На аукционе. А в чем дело? Думаете, я не способен ценить искусство?

Ящеры, запряженные в повозку, оказавшись представленными самим себе, ящеры приводившие в движение самим себе принялись сворачивать к тротуару.

— Нет. Я хочу сказать, что мне раньше не приходилось встречать коллекционера произведений искусства. И сам мало что понимаю в искусстве, и поэтому удивился, вот и все. Не обижайтесь, поспешно произнес я, пытаюсь не напрягаться, когда такси побрело обратно на нашу полосу.

— Вы спросили. Именно там мы и повстречались.

Таксист снова обратил внимание на дорогу, небрежно вывозя нас на курс.

— Вы оба торговали одну картину?

— Он предложил поддержать половину называемой мной цены, так чтоб я мог продолжать борьбу... только шла она не из-за картины. А скорее о том, что вы назвали бы литературой.

Теперь я пришел в замешательство.

— Литературой? Но я думал ты говорил, что шел аукцион живописи.

— Да, но автор предлагал изобразить кого-нибудь из своей следующей книге. Я знал того автора... напечатал интервью с ним в одном из издаваемых мной журналов... и поэтому думал, что будет неплохо посмотреть, а как он отобразит меня. Так или иначе, в конечном итоге остались в торговле только мы двое, и цены росли весьма круто. Я думал мне придется отвалить.

— Вот тут-то финансист и предложил поддержать вашу цену?

— В действительности, он сперва сделал предложение другому парню. К счастью для меня, другой торговавший хотел вывести свою жену, и поэтому не согласился на сделку. Вот тогда-то Мотылек и обратился ко мне.

— Минуточку. Мотылек?

— Он назвал себя так. Даже на деловых карточках. Так или иначе, если б он не включился в торги, пришлось бы провести пару часов, болтая с привлекательной, сексапильной женой какого-то парня, вместо того, чтобы...

С этого момента я слушал дальнейшую трепотню Эдвика в пол уха. Финансист по имени Мотылек, поддерживающий на аукционах цены, предлагаемые таксистами. Мне не нужно было смотреть на Кальвина, чтобы

определить, что Джин закатывает глаза в страдающем "Я же тебе говорил". И все-таки, чем больше я думал об этом, тем больше росли мои надежды. Этот Мотылек мог оказаться достаточно эксцентричным, чтобы что-то знать об Аазе. Я счел, что тут стоит попробовать.

Как ни странно это может показаться, я столь же нервничал из-за встречи с Мотыльком, как и Эдвик, по его словам, из-за дел с магами. С магами я имел дело не один год и знал, чего ожидать... или, если мой опыт мог служить точным примером, чего не ожидать. С другой стороны, финансисты были совсем иным коленкором. Я понятия не имел ни во что лезу, ни как себя вести. Я попытался успокоиться, напомнив себе, что этот финансист в прошлом имел дело с Эдвигом и поэтому не мог быть слишком щепетильным. И все же обнаружил, что нервно поправляю свои чары личины, пока таксист звонил из прихожей Мотыльку. Я все еще разъезжал в виде пентеха, но применил чары личины, чтобы улучшить свой гардероб так, чтоб выглядеть своим человеком в денежных кругах.

Мне не требовалось беспокоиться.

Мотылек не воплотил никаких моих заранее составленных представлений или страхов о том, каков должен быть финансист. Прежде всего, вместо внушительного кабинета со стенами сплошь в полках, заставленных книгами в кожаных переплетах, и увешанных непонятными таблицами и графиками, в котором надлежало обитать солидному человеку, он занимался бы работой у себя на квартире, которая была поменьше моего кабинета, хотя и меблированной с большим вкусом. Во-вторых, одет он был небрежно: в брюках спортивного кроя и свитер пастельного цвета, что заставило меня почувствовать себя неловко разодетым в костюме, вызванный чарами личины. К счастью, его обращение к нам оказалось теплым и дружественным, что позволило всем чувствовать себя непринужденно.

— Рад с вами познакомиться... Скив, не так ли? — протянул руку он.

— Да. Я... я извиняюсь, что нарушаю ваш распорядок...

— Чепуха. Рад помочь. Потому-то я и работаю на самого себя... чтобы самому быть хозяином своего времени. Пожалуйста. Присаживайтесь и чувствуйте себя как дома.

Однако, когда мы уселись, я понял, что не знаю, с чего начать разговор. Но, так как Мотылек смотрел на

меня с внимательным ожиданием, я чувствовал, что обязан что-нибудь сказать.

— Мгм... Эдвик говорит, что вы повстречались на аукционе произведений искусства?

— Совершенно верно... хотя признаться для меня это было скорее прихотью, нежели чем-то еще. Эдвик куда более крупный коллекционер и знаток, чем я.

Таксист при этой похвале заметно приосанился.

— Я заскочил просто из любопытства. Прослышал, что тот аукцион пользуется репутацией весьма забавного, вынул из банка пару тысяч и забрел посмотреть. Аукционисты меня повеселили, и торг шел оживленно, но большая часть предлагавшихся произведений искусства не шла к моему декору. Поэтому когда выставили тот предмет...

Я попытался сохранять заинтересованное выражение лица, но мысли крутились не вокруг его рассказа. Вместо этого я все размышлял о той непринужденности, с какой он произнес "... поэтому я вынул пару тысяч..." Этот изверг был совсем не таким, как Ааз. Мой старый партнер охотней расстался бы, не моргнув глазом, с парой пинт собственной крови, чем с золотом.

— ... Но в дальнейшем все обернулось к лучшему.

Мотылек заканчивал свой рассказ, и я, как подобает, рассмеялся вместе с ним.

— Расскажи ему о своем друге, Скив.

— Совершенно верно. Я все мелю и мелю, а мы даже не начинаем заниматься вашей проблемой, — кивнул финансист, перемещаясь в кресле вперед. — Эдвик говорил, что вы пытаетесь разыскать кого-то, возможно, известного своей деятельностью в наших финансовых кругах.

— Я не уверен, что вы сможете помочь, — начал я довольный, что обратились к моей теме. самому. — Он уже не один год живет в другом измерении. Его зовут Ааз.

Мотылек задумчиво поджал губы.

— Имя это ничего не говорит. Конечно, в нынешние времена конгломератных корпораций и акционерных компаний, имена мало чего значат. Вы не могли бы мне что-нибудь сказать о его стиле?

— О его стиле?

— Как бы вы описали его подход к деньгам? Он кто, азартный игрок? Любитель?

При этих словах я невольно рассмеялся.

— Ну, в первую очередь приходит на ум такие слова, как “скаредный” и “прижимистый”.

— Бывает “скаредный”, а бывает и “осторожный”, — улыбнулся Мотылек. — Наверно, вам лучше рассказать мне о нем, предоставить данные, которые я мог бы проанализировать.

И я рассказал ему. Когда я начал, слова так и хлынули из меня.

Я рассказал ему о встрече с Аазом, когда он застрял в моем родном измерении Пент после неудачной шутки, лишившей его магических способностей, и о том, как он взял меня к себе в ученики после того, как мы сорвали план Иштвана захватить власть над измерениями. Я рассказал ему о том, как Ааз убедил меня добыть себе пост придворного мага королевства Поссилтум. И о том, как это привело к нашему столкновению с армией Большого Джули, также как познакомило меня с прелестями бюрократической междуусобицы. Он сочувственно посмеялся, когда я рассказал ему, как мы с Танандой попытались похитить приз Большой Игры в подарок Аазу на день рождения, и о том, как нам пришлось собрать команду и вызвать на матч две существующие команды после того, как Тананда попала на той краже. Его позабавило мое изображение, как я влип замаскированным под Родрика, короля, как заполучил в ученицы Машу, хотя больше всего его заинтересовало то, как мы пустили насмарку усилия Синдиката проникнуть на Базар-наДеде и стали в конечном итоге работать на обе стороны. Я даже рассказал ему о нашей короткой вылазке в Лимб, когда на Ааза слепили чернуху с убийством вампира, и своей еще более короткой карьере на арене профессиональной игры в драконий покер, поставившей меня и моих друзей сражаться против Малыша Сен-Сенового Захода и Топора. И наконец, я попытался объяснить, как мы расширили наше предприятие в корпорацию, закончив описанием того, как Ааз ушел оставив записку, заявлявшую что, без своих способностей, он чувствовал себя в нашей группе ненужным багажом.

Мотылек выслушал все это, и, когда я, наконец, остановился, он много долгих минут оставался неподвижен, явно переваривая услышанное.

— Могу сказать вам одно, — проговорил он, наконец. — Ваш друг не финансист... здесь на Извре или в любом другом месте, если уж на то пошло.

— Разве? Но он же всегда говорит о деньгах.

— О, быть финансистом это нечто большее, чем разговоры о деньгах, рассмеялся Мотылек. — Вся идея в том и состоит, чтобы заставить деньги работать через вклады. Если на что и указывает техника накопления Ааза так на то, что он весьма большой дилетант, когда речь заходит о деньгах. С другой стороны, вы инкорпорируясь и диверсифицируясь через акции в другие виды бизнеса, показали заметные предпринимательские наклонности. Наверное, как-нибудь в будущем мы немного потолкуем о возможностях совместных вкладов.

Полагаю все это было крайне лестным, и при других обстоятельствах я с удовольствием подробно потолковал с Мотыльком про обращение с деньгами. К несчастью, я не мог уйти от разочарования из-за сути сказанного... что он не сможет дать мне никаких сведений, помочь обнаружить Ааза.

— Спасибо, но в этот раз мне лучше сосредоточиться на одном деле, и сейчас самое главное для меня найти старого партнера.

— Сожалею, что не смог помочь, — сказал, подымаясь на ноги, финансист. — Хотя могу сказать кое-что, Скив, если вы не возражаете против небольшого совета.

— Какого именно?

— Вы можете играть более активную роль в собственной жизни. Понимаете?... Активную вместо реактивной.

Это резко остановило меня, когда я открывал дверь.

— Извините?

— Ничего. Это была просто мысль.

— Ну, а вы не могли бы немного поподробней? Подождите, Мотылек! Не бросайте мне подобную реплику без объяснения.

— Вообще-то, это не мое дело, — пожал плечами он, — но во время вашего рассказа я не мог не заметить, что вы, кажется, проживаете свою жизнь скорее, реагируя на кризис, чем обладая, каким-то настоящим контролем над происходящим. Ваш старый партнер и наставник свалился вам на шею, и вы двое объединили силы с целью остановить кого-то, способного убить вслед за Гаркином любого из вас. Попытаться устроиться работать придворным магом вас заставил именно Ааз, и с тех пор вы всегда уступали давлению, реальному и мнимому со стороны почти всех в вашей жизни: Тананды, Маши, Синдиката, Торговой Палаты Девы... даже этот, как там бишь его, Гримбл, и тот вояка Плохсекир

нажимали на вас. Мне просто-напросто кажется, что для столь преуспевающего деятеля, каковым вы являетесь, вы, действительно, не проявили большой находчивости или инициативы.

Его слова подействовали на меня, подобно ушату холодной воды. На меня кричали мастера своего дела, но спокойная критика Мотылька почему-то ранила меня глубже, чем все словесные бичевания, когда-либо полученные мной от Ааза.

— Дела обстояли немного запутанно... — начал было я, но финансист оборвал меня.

— Я это понимаю, и не намерен указывать вам, как устраивать свою жизнь. Однако, у вас было в ней несколько доминирующих личностей с сильной волей, занимавшихся именно этим, и должен сказать, что главным виновником являлся этот малый Ааз. Так вот, я знаю, что вы озабочены из-за вашей дружбы, но будь я на вашем месте, то крепко подумал бы прежде, чем приглашать его вернуться в мою жизнь, пока я не создам себе самостоятельную роль.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

*Как же получилось, что мне задают
все эти тяжелые вопросы?*

О. Норт

— Скив! Эй, Скив! Ты не мог бы немного потише?

Слова, наконец, пробились сквозь вызванный мной самым туман и замедлили мой шаг, давая Кальвину догнать меня.

— Уф! Спасибо, — поблагодарил меня джин, паря на своем уже привычном месте. — Я же тебе уже говорил, что не очень силен. Даже парение, знаешь ли, требует энергии. Ты там, действительно, рвал рекорды.

— Извини, — коротко отозвался я, больше по привычке, чем по какой-то иной причине.

По правде говоря, в тот момент удобства джина занимали меня далеко не в первую очередь. После того, как мы вышли от Мотылька, я попросил Эдвика отвезти нас к отелю. Однако, вместо того, чтоб подняться к себе в номер я направился вперед по тротуару. Уличный торговец, с которым я ранее разговаривал дружески помахал рукой в знак приветствия, но я ответил на это лишь кивком головы. Замечание Мотылька о моей жизни вызвали у меня в голове целый взрыв мыслей и я счел, что быстрая прогулка поможет мне упорядочить их.

Уж не знаю, долго ли я шел прежде, чем мольба Кальвина резко сорвала меня с мысленной карусели. У меня остались лишь смутные воспоминания о том, как я проталкивался сквозь потока пешеходов и рычал на тех, у кого не хватало проворства убраться с моего пути самим. Полиция порадовалась бы при виде этого... всего

два дня на Извре и уже умею ходить по улице словно местный.

— Слушай, ты не хочешь поговорить об этом? В каком-то месте, где сидят?

Я посмотрел на Джина пристальней. Он, действительно, выглядел усталым, лицо у него сделалось полосатым от струек пота, а маленькая грудь так и вздымалась когда он пытался перевести дух. Странно, сам я совсем не чувствовал переутомления.

— О чем поговорить? — буркнул я, сознавая, что слова выходят из меня с натугой и напряжением.

— Брось, Скв. Сказанное Мотыльком расстроило тебя. Не знаю почему, мне его слова показались весьма неплохим советом, но если ты выговоришься, будет легче.

— С чего мне расстраиваться? — огрызнулся я. — Он всего навсего бросил вызов тем принципам, по которым я жил, и предположил, что мой лучший друг — самое худшее обстоятельство в моей жизни. С какой стати это должно меня волновать?

— Ни с какой, — невинно отозвался Кальвин, — если, конечно, он не прав. Тогда б я понял, почему это все-таки взволновало тебя.

Я открыл рот, готовый сердито огрызнуться, но промолчал. Мне, действительно, ничего не приходило в голову. Джин огласил мои наихудшие страхи, которые объяснить я не мог.

— ... И бегством тут не поможешь! Тебе придется столкнуться с этим лицом к лицу прежде, чем ты станешь хоть на что-то годным для самого себя... или для кого-то другого, если уж на то пошло.

Голос Кальвина долетал до меня сзади, и я сообразил, что снова ускорил шаг. И в тот же миг я понял, что он прав, я пытался убежать от вопросов, и фигурально и буквально. С осознанием этого на меня одновременно обрушились психологическая и физическая усталость, и я сбавил скорость, остановившись посреди тротуара.

— Вот так-то лучше. Можем мы теперь поговорить?

— Разумеется. Почему бы и нет? В любом случае у меня сильное желание чем-нибудь наполнить желудок.

Джин театрально вздрогнул.

— Уй! Ты хочешь сказать, что нам предстоит опять найти ресторан? Помнишь, что случилось в прошлый раз?

Себе вопреки, я невольно улыбнулся его ужимкам.

— Вообще-то, я думал больше о выпивке.

Говоря это, я бросал взгляды по сторонам в поисках бара. На Извре одно хорошо, — заметил я, — на нем никогда не окажешься там, где в поле зрения нет хотя-бы одного заведения, подающего спиртные напитки. Это место не стало исключением. Теперь, когда я лучше приспособился к окружающей среде, то открыл именно такое заведение совсем неподалеку оттуда, где мы стояли.

— Это местечко не хуже любого другого, — взялся за ручку двери я. — Пошли, Кальвин, первый круг за мой счет.

Мое предложение было, конечно, шуткой, так как я не видел, чтобы джин чего-нибудь ел или пил с тех пор, как я выпустил его из бутылки. Однако, эта идея взволновала его, и он поотстал вместо того, чтоб двигаться рядом со мной.

— Подожди, Скив, по-моему нам не следует...

Я не стал задерживаться, чтобы дослушать его. Какого черта, мысль-то эту подал он... в какой-то степени. Борясь с волной раздражения, я протолкался в помещение бара.

На первый взгляд, заведение это выглядело немного убогим. Также как на второй и на третий взгляд, хотя моим глазам потребовалось время для привыкания к тусклому свету. Зал был, небольшим, места в нем едва хватало для поддюжины жавшихся друг к другу крошечных столиков. Стены украшали отклеивающиеся фотографии и вырезки, хотя что на них изображалось я сказать не мог, ввиду затемнившей их поверхность глубоко въевшейся грязи. Вдоль одной стены шла небольшая стойка с табуретами, где сгорбились, беседуя с барменом, трое подозрительных на вид завсегдатаев. Когда я обозревал заведение, они прекратили разговор и бросали на меня холодные, недружелюбные взгляды, хотя не было ясно, чем вызывалась их враждебность — тем что я чужак или тем, что я из иного измерения. Мне пришло в голову, что я по-прежнему ношу вызванный чарами личины деловой костюм, который определенно выделял меня из темных, потрепанных нарядов, носимых прочими завсегдатаями чуть ли не в качестве мундиров. Мне еще пришло в голову, что это не самое подходящее место для тихой выпивки.

— По-моему, нам следует убраться отсюда, Скив.

Не знаю, когда Кальвин опять присоединился ко мне, но он снова парил рядом. Слова его отражали мои

мысли, но упрямство заставило меня занять противоположную позицию.

— Не будь снобом, Кальвин, — прошептал я. — Кроме того, идея где-нибудь посидеть принадлежала тебе, не так ли?

Прежде, чем он успел ответить, я подошел к одному из столиков и плюхнулся на стул, подняв руку, сигналив бармену. Тот проигнорировал мой жест и вернулся к разговору с другими выпивохами.

— Брось, Скив. Давай поймаем такси и вернемся в отель, там и поговорим, — принялся уговаривать Кальвин. — Ты не в таком душевном состоянии, чтобы начинать пить. Это лишь ухудшит дело.

В его словах содержалось много здравого смысла. К несчастью, при том настроении, в каком пребывал я, он не играл никакой роли.

— Ты же слышал Мотылька, Кальвин. Я позволяла слишком многим другим лицам вертеть моей жизнью, слушая их доброжелательные советы. Мне полагалось начать почаще делать то, чего хочется мне... а в данную минуту мне хочется именно выпить... и здесь.

Мне подумалось, что он станет спорить, но он вздохнул и, снизившись, уселся на столик.

— Как угодно, — покорился он. — Полагаю, каждый имеет право время от времени свалить дурака.

— Что будем пить?

Над моим столиком обрисовался бармен, избавив меня от необходимости придумывать сокрушительный ответ на шпильку Кальвина. Очевидно теперь, утвердив свое право не подходить когда его зовут, он решил взять у меня заказ.

— Я...

Внезапно стакан вина показался вдруг неподходящим. К несчастью, мое знакомство с выпивкой было таким же ограниченным, как и знакомство с противоположным полом.

— ... О, дайте мне то, что пьют там у стойки.

Бармен крикнул то ли одобрительно, то ли неодобрительно и отбыл, вернувшись спустя несколько мгновений со стаканчиком жидкости, который он бухнул на столик с такой силой, что часть содержимого выплеснулась через край. Видел я его не очень отчетливо, но он казался наполненным янтарной жидкостью с пузырьками, собиравшимися наверху в пену.

— Вам надо заплатить за порцию, — фыркнул он, словно это было оскорблением.

Я выудил из кармана пригоршню мелочи и, бросив ее на стол, потянулся рукой за стаканом.

Некоторые из вас, возможно, недоумевают, откуда у меня такая готовность экспериментировать с незнакомой выпивкой после всего, сказанного мной о пище на Извре. Ну, по правде говоря, я в какой-то степени чувствовал, что моя затея кончится катастрофой. К тому времени я уже достаточно остыл, чтобы признать — Кальвин был прав насчет возвращения в отель, но я так шумел о независимости в решениях, что передумать сейчас было бы неудобно. В какое-то мгновение мне пришло в голову, что если меня стошнит от этой новой выпивки, то будет великолепная причина для изменения прежнего решения. Вот с этим на уме я и поднес стакан ко рту и пригубил.

Ударившая мне по горлу ледяная вспышка вызвала такое удивление, что я невольно сделал еще один глоток... и еще один. Я и не сознавал, как мучает меня жажда после стремительной прогулки, пока не осушил стакан до дна, не отрываясь и не переводя дух. Чем бы там ни было это варево оно показалось мне чудесным, а оставленный им слегка горьковатый привкус лишь напомнил мне, чего я хочу еще.

— Принесите мне еще того же, — заказал я, все еще разбиравшему мои монеты бармену. — И нельзя ли принести его в сосуде побольше?

— Могу принести вам кувшин, — пробурчал он.

— Отлично... и возьмите тут немного лишнего за свои хлопоты.

— Ну... спасибо.

Настроение бармена и его мнение обо мне, кажется, улучшились, когда он проделал путь к стойке. Я поздравил себя с тем что не забыл сказанное Эдвином о чаевых.

— Думаю, будет назойливым указывать, что ты пьешь на пустой желудок, — сухо произнес джин.

— Вовсе нет.

На сей раз я его опередил и, повысив голос, крикнул бармену. — Послушайте! Вы не могли бы заодно принести мне немного воздушной кукурузы?

Большинство выложенных за стойкой закусок находились в накрытых сеткой контейнерах для того, чтобы помешать им выползти или выпрыгнуть. Однако, войдя в бар, я заметил среди этих ужасов корзинку с воздушной кукурузой, и специально взял ее на заметку, думая,

что некоторые виды дрянной еды не менялись от измерения к измерению.

— Теперь доволен?

— Я был бы еще более доволен, если б ты выбрал чего-нибудь менее соленое, — поморщился Кальвин. — Но полагаю, это лучше, чем ничего.

Бармен принес мне кувшин вместе с корзинкой воздушной кукурузы, затем отошел поздороваться с только что вошедшим новым посетителем. Я бросил в рот пригоршню воздушной кукурузы и принялся жевать ее, пока снова наливал себе из кувшина. На самом деле она была скорее приятной, чем соленой, что заставило меня пересмотреть свои предыдущие мысли насчет универсальности дрянной пищи. Но я решил не упоминать Кальвину про это открытие. Он и так уже достаточно суетился вокруг меня.

— Итак, о чем ты хочешь поговорить? — обратился я к нему, заставляя себя не сразу заливать воздушную кукурузу длинным глотком из стакана.

Джин откинулся назад и поглядел на меня, вскинув бровь.

— Ну, твое настроение, кажется, улучшилось, но у меня возникло впечатление, что тебе хочется поговорить о совете, данном сегодня Мотыльком.

Как только он заговорил, мой пузырь легкомыслия лопнул и прежняя депрессия обрушилась на меня, словно кулак. Я, не думая, выдул половину стакана.

— Не знаю, Кальвин. Мотылек вызвал у меня большое уважение, и уверен, у него были хорошие намерения, но сказанное им породило у меня в уме множество вопросов... вопросов, которых я себе раньше никогда по настоящему не задавал.

Быстро опрокинул стаканчик, надеясь, что джин не заметит, как быстро я выпивал это варево.

— Вопросов вроде..?

— Ну, например, вроде такого... Что такое друзья?... На самом деле? В тех редких случаях, когда затрагивают такую тему все, кажется, говорят о том, как хорошо быть нужным. А я не уверен, будто знаю, что это значит.

Каким-то образом мой стакан снова опустел. Я опять наполнил его.

— Чем больше я рассматриваю этот вопрос, тем больше думаю, что если тебе действительно нужны друзья, то это либо признак слабости, либо лени. Тебе нужно, чтобы люди думали за тебя или дрались за тебя,

или еще чего-то. Делали бы то, что по всем правилам тебе следует уметь делать самому. Тогда по всем правилам получается, что ты — паразит, существующий, как пиявка, высасывая силу и щедрость других.

Я начал было пить и обнаружил, что в стакане пусто. Я заподозрил, что в нем течь, отставил его в сторону, решив дать ему постоять там некоторое время перед тем, как попробую наполнить его вновь.

— С другой стороны, если друзья тебе не нужны, то какой от них прок? Друзья отнимают большую часть твоего времени и вызывают сильнейшую головную боль, так что если ты по-настоящему не нуждаешься в них, то зачем утруждать себя, обзаводясь ими? В смысле, если они нуждаются в тебе, то ты поощряешь их быть паразитами вместо того, чтобы дать им развивать собственные силы. Не знаю. А ты, как думаешь, Кальвин?

Я махнул ему стаканом, и осознал, что он снова полон. Вот и вся моя твердая решимость. Я понял, что кувшин почти пуст.

— Трудно сказать, Скив, — говорил между тем джин, и я постарался сосредоточиться на его словах. — Я думаю каждый должен сам найти ответ, хотя редко, кто даже ставит перед собой вопросы. По-моему, будет свехупрощенчеством пытаться приравнять заботу о ком-либо к слабости, точно также, как, на мой взгляд, будет неверно считать, что если мы можем научиться чему-то у своих друзей, то они будут контролировать наше мышление.

Он остановился и уставился на мою руку. Я проследил за направлением его взгляда и сообразил, что пытаюсь наполнить пустой стакан из пустого кувшина.

— Я думаю, — вздохнул он, — что нам теперь следует вернуться в отель. Ты заплатил по счету? У нас здесь все улажено?

— Был ишо один вопрос, — произнес я, выталкивая слова заплетающимся языком, который внезапно, казалось, обрел самостоятельность в решениях. — Сказанное им о деньгах. Я неправильно использовал свои деньги.

— Ради всего святого, Скив! Говори потише!

— Нет, в самом деле! У миня есть все эти деньги...

Я повозился с поясом с деньгами и высыпал золото на столик.

— ... А принесли они мне счастье? Принесли они счастье хоть кому-нибудь?

Когда не раздалось никакого ответа, я поморгал глазами, пытаясь вернуть в фокус Кальвина. Когда тот заговорил, голос его был напряжен, хотя и очень тих.

— По-моему, ты только что принес кому-то счастье, но, думаю, не себе.

Вот тут я и заметил, что во всем баре наступила тишина. Оглядевшись кругом, я с удивлением увидел, как много собралось народу, пока мы болтали. Выглядела эта толпа малопривлекательно, никто не разговаривал друг с другом и ничего не делал. Они лишь стояли, глядя на меня... или, точнее, глядя на столик, покрытый моими деньгами.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

БЭТАНЫЙ В РОТ, ЕБМЭН! Я хочу сказать...

Робин

— Мне... думается я допустил такти... тактическую... ошибку, — прошептал я с тем достоинством, какое сумел собрать.

— Что верно, то верно, — безжалостно съязвил в ответ Кальвин. — Ты забыл про первое правило выживания: не не дразните зверей. Слушай, Скив, ты хочешь убраться отсюда или хочешь убраться с деньгами?

— Хочу... мои деньги. — Я был не настолько пьян... или возможно настолько.

Джин с досадой закатил глаза.

— Этого-то я и боялся. Это будет немного тяжелее. Ладно, в первую очередь тебе надо убрать золото с глаз долой. Думаю, здесь они ничего пробовать не станут. Тут слишком много свидетелей, и значит на слишком много частей придется делить добычу.

Я послушно принялся собирать монеты. Мои руки потеряли сноровку, нужную для возвращения их в пояс с деньгами, и поэтому я удовлетворился рассовыванием их, как сумел, по карманам.

В баре больше не царила тишина. Крутом тихо перешептывались, и гул голосов казался зловещим, даже в моем состоянии, когда разные кучки завсегдатаев склоняли головы друг к другу. Даже без постоянно бросаемых в мою сторону сумрачных взглядов, было нетрудно догадаться, на какую тему шел у них разговор.

— Как я понимаю, если случится беда, то она произойдет, когда мы выйдем. Значит весь фокус в том, как выйти без их ведома. Закажи еще один кувшин.

Вот тут я и понял, как много я уже выпил. Мне на мгновение подумалось будто джин предложил...

— Ты хочешь, чтобы я...

— ... Закажи еще один кувшин, но ни в коем случае не пей из него.

Это имело еще меньше смысла, но я выполнил его инструкции и сделал знак бармену, который доставил еще один кувшин с впечатляющей скоростью.

Я заплатил ему монетами из кармана.

— Чего-то я не пойму, — не мог взять в толк я. — Зачем мне заказывать кувшин, когда ты говоришь, что мне не следует...

— Заткнись и слушай, — прошипел Кальвин. — Это для того, чтобы все следящие за тобой подумали, что ты намерен еще долго торчать тут. А мы тем временем уберемся.

Это имело еще меньше смысла, чем выпить по новой.

— Но, Кальвин... большинство из них находится между нами и дверью! Они увидят, как я...

— Не через переднюю дверь, глупец! Видишь тот маленький коридорчик в глубине бара? Он ведет к туалету. Там есть черный ход, вероятно, выходящий в переулок. Вот этим-то маршрутом мы и воспользуемся.

— С чего ты взял, что там есть черный ход? — с подозрением спросил я.

— С того, что когда я захожу в незнакомый бар то в первую очередь считаю выходы, — огрызнулся джин. — Предлагаю и тебе обзавестись такой привычкой, если ты намерен продолжать пить.

— Больше не хочу пить, — сумел выговорить я, мой желудок внезапно забунтовал при такой мысли.

— Молодец. А теперь спокойно. Мило и небрежно, направься в туалет.

Я сделал глубокий вздох в тщетной попытке прояснить голову, а затем встал... или по попробовал встать. В ходе попытки моя нога зацепилась за стул, и я чуть не потерял равновесие. Мне удалось не упасть, но стул шумно свалился набок, вызвав несколько смешков у буйнов за стойкой.

— Отлично, — утешил меня Кальвин, голос его казался доносившимся с большого расстояния. — А теперь направляйся к коридорчику.

Совершенно неожиданно я сделался очень высоким. Двигаясь очень осторожно, я нацелился на вход в коридорчик и направился туда. Я сумел дойти, не прикоснувшись к стенам по обеим сторонам, и почувствовал

небольшой прилив уверенности. Может быть, этот план Кальвина в конце концов получится! Как он сказал, выходная дверь в стене находилась почти сразу за туалетами. Без всяких указаний, я изменил курс и вытолкнулся в переулок, прикрыв за собой дверь. Выбрался!

— Хоп!

— Что значит “Хоп!”? Разве ты не сказал, что мне надо...

— Вы очень любезны, сунувшись сюда, мистер!

Эти последние слова произнес коренастый изверг, деле один из шести преградивших нам путь из переулка. Очевидно, наш маленький спектакль одурачил не всех.

— Скив, я...

— Неважно, Кальвин. Я только что сам разобрался, что значит “Хоп”.

— Конечно, вам известно, что здесь то, что называют мытным переулком. За пользование им надо платить.

Это говорил тот же субъект. Если он и заметил, что я разговариваю с Кальвином, что для него выглядело разговором с разряженным воздухом, то его это, похоже, не волновало.

— Совершенно верно, — вставил один из его дружков. — Нам думается того, что у вас в карманах, должно хватить на оплату дорожного сбора.

— Быстро! Обратно в бар! — прошипел Кальвин.

— Сам догадался, — пробормотал я, нащупывая у себя за спиной дверь.

Я ее нашел... в некотором смысле. Дверь была на месте, но вот ручки с этой стороны не было. Очевидно владельцы бара хотели, чтобы ею пользовались только для выхода. Восхитительно.

— ... Вопрос лишь в том отдадите вы нам их тихо или нам придется забрать их у вас?

Я прежде сталкивался с толпами линчевателей, с солдатами и спортивными болельщиками, но пол дюжины извских хулиганов оказались самой путающей силой, с какой мне когда-либо доводилось бороться. Я решил совершенно самостоятельно, что теперь пришло самое подходящее время переложить эту проблему на другие плечи.

— Давай, Кальвин! Сделай что-нибудь!

— Что к примеру? Я же тебе говорил, что не мастер драться.

— Ну, сделай хоть что-нибудь! Ты же все-таки джин!

Полагаю в глубине души я знал, что критикой Кальвина делу не поможешь. Однако, к моему удивлению, он откликнулся.

— О, ладно! — поморщился он. — Возможно, вот это поможет.

И с этими словами сделал руками несколько пассов и...

... И я протрезвел! Мертвецки протрезвел!

Я посмотрел на него.

— Это все, что я могу сделать, — пожал плечами он. — Дальше, справляйся, как можешь сам. Теперь тебе не придется драться пьяным.

Бандюги начали поднимать с мостовой доски и куски кирпичей.

— Время истекло! — объявил их предводитель, направляясь ко мне.

Я улыбнулся Кальвину.

— Думаю, твое понимание дружбы лишь немного уступает блестящему, — сказал я. — Хотя, я хотел бы обсудить с тобой пару моментов.

— Сейчас? — завопил джин. — Время едва ли подходящее... Берегись!

Предводитель шайки вскинул ручищи, намереваясь огреть меня с размаху приобретенной где-то по дороге деревяшкой. Когда деревяшка со свистом устремилась к своей цели, то есть к моей голове, я описал рукой в воздухе между нами круг... и доска отскочила, словно наткнувшись на невидимую стену!

— Магический полог, — уведомил я, разинувшего рот джина. — Вроде силового поля, только иной. Я ведь упоминал, что я маг, не так ли!

При виде произошедшего банда встала, как вкопанная, некоторые даже отступили на несколько шагов.

— Да, пока не забыл, спасибо за вытрезвление, Кальвин. Ты прав. Так намного легче фокусировать мысль. В каждом случае, как я говорил, пологи приносили мне немалую пользу. Их можно применять так, как я только что продемонстрировал, в качестве щита или же...

Я внес в чары несколько быстрых поправок.

— ... Их можно расширить, превратив в стену или пузырь. Идем?

Я раздвинул полог и начал теперь выталкивать, стоящую перед нами банду из переулка. Это было мелкой вариацией фокуса, которым я как-то в прошлом прервал драку на Большой Игре, и поэтому у меня имелись все

основания для уверенности в нем. Я считал, что мы просто выйдем из переулка, удерживая бандюг на почтительном расстоянии, а потом кликнем такси и уберемся отсюда к чертовой матери.

Главарь банды повернулся и рысью убежал на несколько шагов вперед других.

— Ловко. Действительно ловко, — крикнул он, снова поворачиваясь лицом ко мне. — Не раскусил в тебе мага. Ну, посмотрим, справишься ли ты вот с этим, умник!

И с этими словами вытащил из кармана куртки нечто похожее на пару губок для стирания с доски мела. Сперва я подумал, что он хочет попробовать бросить ими в меня, но вместо этого он хлопнул ими друг о друга у себя над головой, осыпав себя тем, что походило на белую меловую пыль. Это было бы смешно... если б он не выглядел таким сумрачным, когда снова двинулся на меня.

Просто для страховки, я удвоил полог перед ним... и он прошел прямо сквозь него!

— Так я и думал! — крикнул он своим друзьям и остановился, миновав мою защиту. — Действительно низкий уровень. Переходите, ребята, ко второму классу или потяжелее... собственно, чем тяжелее, тем лучше!

Мне следовало это предвидеть... может я и предвидел бы, будь у меня побольше времени для размышлений. В измерении, применяющим и магию, и технологию, обязательно должны быть доступны магические контр-чары и оружие. К несчастью, мне предстояло узнать о них из первых рук!

Другие члены банды дружно сунули руки в карманы и извлекли амулеты или балончики-краскораспылители. У меня возникло ощущение, что мой магический полог теперь уже не долго будет защищать меня. Кальвин держался того же мнения.

— Быстро, Скив! У тебя есть в рукаве еще какие-нибудь фокусы?

Я всегда считал, что в критическом положении лучше всего разыгрывать свою самую сильную масть. Все еще надеясь избежать настоящего насилия, я лишил полог энергии и перебросил ее на новую личину: сверхмускулистого изверга, более, чем вдвое превышающего меня ростом.

— Вы, мальчики, действительно хотите, чтоб я повел себя круто? — крикнул я, стараясь изо всех сил сделать свой голос угрожающим басом. Я думал придать себе

вид полицейского, но отбросил эту идею. При моем-то везении, он вероятно сдадутся, и что мне тогда потом делать с ними? Я хотел заставить их бежать... как можно дальше из моей жизни!

Это не сработало.

Я едва успел выкрикнуть эти слова, как большой кусок кирпича разодрал воздух у меня над головой... пройдя сквозь то, что было грудью моей личины.

— Чары личины! — крикнул бросавший. — Бейте его такого, каким мы его видели раньше!

Я счел, что настало время для лучшей части доблести. Пытаясь сохранить четкость соображения, а это не так легко, как кажется, когда тебя атакует полдюжины хулиганов, я врубил чары левитации и рванул в небеса.

... По крайней мере, попытался рвануть.

Едва я успел подняться в воздух как на голени у меня словно сомкнулись клещи.

— Я держу его!

Захват причинял боль, из-за чего мне было трудно сосредоточиться на чарах. К тому же этот день отнял у меня больше сил, чем мне представлялось. Обычно я могу пролевитировать, и левитировал двоих людей, помимо самого себя... даже троих, поскольку одним из них была Маша. Однако, при теперешней свалке мне еле-еле удавалось поднять самого себя и державшего меня за голень парня. Я старался поднять его в воздух, нечто-то отскочило от моей головы и...

Земля врезалась в меня под невероятным углом, и я на какой-то миг увидел россыпь звезд, давление с моей голени исчезло, но когда я открыл глаза надо мной стоял главарь со своей верной доской в руке.

— Неплохая попытка, умник! — презрительно фыркнул он. — Но не достаточно хорошая. А теперь давай-ка мне...

Внезапно он растянулся, когда кто-то врезался в него сзади.

— Быстрее, мистер Скив! Подымайтесь!

Я мгновенно сообразил, что это устроил уличный торговец, с которым я говорил этим утром. Он нагнулся надо мной, повернувшись лицом к окружающей банде.

— Скорее! Я не смогу один сдерживать этих парней!

Я не был уверен, что смогу встать, если захочу, но в настоящий момент, я готов был бросить всякую надежду решить наши проблемы без насилия. Приподнявшись на локте, я мысленно потянулся, схватил мусорный бачок и послал его лететь сквозь строй бандюг.

— Что за...

— Берегись!

Если они хотели физических методов, я им устрою их. Я мысленно схватил еще два мусорных бочка и кинул их в бой, заставляя все три летать взад-вперед в узкой тесноте переулка.

— Черт возьми! Я ж на вашей стороне! Помните? — крикнул уличный торговец, увертываясь от одного из моих снарядов.

Я вызвал немного добавочной энергии и набросил на нас обоих полог. Мне представлялось, что никто не подумает применять свою антимагию против мусорных бочков.

Еще несколько взмахов старыми мусорными бочками и все было кончено.

С трудом переведа дух, я убрал полог и остановил свое самодельное оружие. Четверо, из нападавших на меня, лежали, растянувшись на мостовой, а двое других взяли ноги в руки.

— Неплохая работа, Скив, — гаркнул Кальвин, появляясь откуда-то, где он укрылся, когда началась драка.

— С вами все в порядке, м-р Скив? — спросил уличный торговец, протягивая мне руку и помогая подняться на ноги.

— Я... цел... благодаря тебе... Дж. Р., не так ли?

— Совершенно верно. Я шел домой, когда увидел, что преступники надели на вас. Силы были неравными, поэтому я решил помочь. Ну, дела! Я и не знал, что вы маг!

— В данную минуту очень благодарный маг, — сказал я, роясь в карманах. — Вот, возьми это. Считай это моим способом сказать спасибо.

— Извини меня, — протянул джин. — Но разве мы затеяли эту драку не с целью сохранить твои деньги?

Ему не следовало беспокоиться. Дж. Р. отшатнулся от золота так, словно я предложил ему яд.

— Я помогу вам не ради денег! — бросил он сквозь зубы. — Я знаю, вы не хотели... Черт возьми! Вы богачи все одинаковы. Думаете, что ваши деньги... Слушайте, я работаю ради денег, понятно? Я не какой-то прощелыга, ищущий подаяния!

И с этими словами он круто повернулся и зашагал прочь, оставив меня с вытянутой рукой, полной золота.

Это был бы прекрасный уход, если бы переулок не закупорила въехавшая повозка... повозка с красно-голубой мигалкой наверху.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

— Да что, вы...

— Кто, сержант? Кто я?

Дж. Диллинджер

— Я не понимаю, с какой стати нас задержали.

Мы, пробывши в полицейском участке много часов. Мы, в смысле Я, Дж. Р. и, конечно, Кальвин, хотя о существовании последнего полиция, кажется, не ведала, а я, в свою очередь, не испытывал желания ей сообщать. Несмотря на наши протесты, нас привезли сюда вскоре после того, как прибыла полиция. Бандюг привели в чувство и посадили в другую повозку, хотя я заметил, что с ними обращались менее вежливо, чем с нами. Но это мало утешало, раз нас держали вопреки нашей воли.

— Вот как? Тогда нам придется разобрать все внимательнее

и посмотреть, поймёте ли вы причину.

Сказал это субъект, допрашивавший нас, когда мы прибыли. Судя по почтительности, с какой обращались к нему другие полицейские, я счел его офицером. Он обладал дурным запахом изо рта, скверным настроением и бесконечным пристрастием к повторениям. Когда он опять затянул свое, я поборол порыв повторять уже знакомые сведения.

— Мы могли бы вас обвинить в появлении в общественном месте в нетрезвом виде.

— Я был мертвецки трезв, — перебил я, благодаря счастливые звезды за помощь Кальвина.

— Есть много свидетелей, утверждающих, что в баре вы валились с ног от выпитого.

— Я споткнулся о стул.

— Потом есть такая мелочь, как нападение...

— Да говорю же вам, что это они напали на меня! Это было самообороной!

— ... И уничтожение частной собственности...

— Черт побери, это был мусорный бачок! Я заплачу за новый, если так...

— ... Есть сопротивление при аресте.

— Я спросил, куда нас везут. Вот и все.

— Арестовывавшие вас говорят иное.

Понимая, что мне в этом споре ничего не удастся добиться, я совершил логически выдержанный поступок: выплеснул свою досаду на невинного зеваку. В данном случае ближайшей доступной мишенью оказался Дж. Р., дремавший на стуле.

— А ты разве не намерен чего-то сказать? — осведомился я у него. — Ты тоже причастен.

— Нет надобности, — пожал плечами уличный торговец. — Мы же не попали в беду или еще куда-то.

— Вот странно. А я то думал, что мы попали в полицейский участок.

— Ну и что? Они ведь не всерьез за нас взялись. Не так ли, капитан?

Споривший со мной изверг, бросил на него сумрачный взгляд, но, как я заметил, не стал опровергать сказанного.

— Ладно, Дж. Р., сдаюсь, — капитулировал я, по-прежнему наблюдая за капитаном, — Чего ты видишь в этой ситуации такого, чего не вижу я?

— А происходит ничего похожего на регистрацию нашего задержания. Пробыли мы здесь долго, а нас не обвинили ни в каких преступлениях, — подмигнул он.

— Но капитан же сказал...

— Он сказал, что они могли бы и т. д. и т. п. Заметьте, что в действительности он этого не сделал. Поверьте, м-р Скив, если бы нас собирались посадить в тюрьму, мы б уже час назад были за решеткой. Они просто играют в игры и тянут время.

Сказанное им казалось невероятным, учитывая объем свалившихся на нас неприятностей, и все же я не нашел в его логике никаких прорех. Я повернулся к капитану и поднял бровь.

— Это правда? — обратился я к нему.

Полицейский оставил меня без внимания и, откинувшись на спинку стула, пристально посмотрел сквозь полузакрытые глаза на Дж. Р..

— Ты много знаешь о полицейских порядках, сынок. Можно подумать, что тебя уже гоняли.

По лицу уличного торговца расплылась презрительная усмешка, он встретил вызов во всеоружии.

— Всякого работающего на улице постоянно преследуют, — отпарировал он, — Именно так полиция охраняет высокопоставленных граждан от коммерсантов, вроде меня, слишком бедных, чтобы позволить себе обзавестись магазином. Это и впрямь немного безопасней, чем хватать настоящих преступников, те ведь могут и ответить выстрелом на выстрел. Нам следует быть благодарными защитникам правопорядка. Если б не они, измерение переполнили бы уличные торговцы и нарушители правил парковки.

Мне надо бы радоваться, что меня оставили без внимания после того, как я так долго крутился, как на сковородке. К несчастью, я долго пробыл Великим Скивом, и как таковой больше привык к тому, чтоб добились моего внимания, чем игнорировали.

— По-моему, вопрос стоял так: предъявляют нам обвинение в каких-то преступлениях или нет? — настойчиво вмешался в разговор я. — Я все еще жду ответа.

Несколько мгновений капитан зло смотрел на меня, но когда я в ответ не отвел взгляд, он вздохнул.

— Нет, на этот раз мы не выдвигаем против вас никаких обвинений.

— Значит мы вольны уйти?

— Но сперва вам придется ответить еще на несколько вопросов. После этого вы вольны...

— Эти "еще несколько" новые вопросы, а не те же самые еще раз. Верно?

Полицейский прожег меня взглядом, но теперь, когда я знал, что опасность нам не грозит, то начинал забавляться происходящим.

— Совершенно верно, — процедил он сквозь стиснутые зубы.

— Ладно. Палите.

Я вдруг сообразил, что такое словоупотребление не очень удачно в помещении, где полно вооруженных полицейских, но оно проскочило незамеченным.

Прежде чем продолжить, капитан шумно прочистил горло.

— Мистер Скив, — официально начал он, — Хотите ли вы выдвинуть обвинения против, напавших, находящихся у нас под арестом?

— Что за глупый вопрос? Конечно, желаю.

Кальвин неистово махал мне, показывая на Дж. Р.. Уличный торговец качал головой, показывая неспешное, но твердое отрицание.

— ... Гм... прежде, чем я приму решение по этому вопросу, капитан, — увильнул я от ответа, пытаюсь понять ход мыслей Дж. Р., — вы не могли бы объяснить мне, что произойдет, если я не выдвину обвинений?

— Вероятно, мы сможем продержать их до завтрашнего утра для допроса, но потом разрешим им уйти.

Такое обращение с пытавшейся ограбить меня бандой казалось не совсем удовлетворительным. И все же Дж. Р. знал, что делал, и я не собирался действовать вопреки просигналенному им совету.

— ... А если я выдвину обвинения? — не отставал я, пытаюсь разобраться.

— Я не судья, — пожал плечами капитан, — и поэтому не могу утверждать наверняка... но могу высказать вам верное предположение.

— Будьте любезны.

— Мы обвиним их в попытке нападения с целью ограбления и нанесения тяжких телесных повреждений... думаю, обвинение в покушении на убийство мы пришить не сможем.

Мне и это казалось подходящим, но полицейский еще не закончил.

— ... Потом суд назначит адвоката, а может быть он уже есть и договорится об их освобождении под залог. Деньги они, вероятно, достанут у поручителя и еще до завтрашнего полудня будут освобождены.

— Что? Но они же...

— На назначение дня суда уйдет пара месяцев. К тому времени из всех улик останутся лишь ваши показания... а они мало того, что местные, но и превосходят вас в численности.

До меня начало доходить.

— ... То есть, если дело дойдет до суда. Вероятно, произойдет какой-то торг за признание, и они признают себя виновными в менее тяжком преступлении, что означает меньший срок с более ранним досрочным освобождением под честное слово — если срок вообще не сделают условным сразу по вынесении приговора...

— Тпру! Погодите! Думается, я просто забуду о предъявлении обвинений.

— Я так и думал, — кивнул капитан. — Такой путь самый легкий для всех. В конце концов, вы ведь невредимы, да и деньги по-прежнему при вас.

— Конечно, следующий на кого они нападут может оказаться далеко не таким везучим, — сухо обронил я.

— Я не сказал, что такой способ обращения с делом самый лучший, он всего лишь самый легкий.

Прежде чем я успел придумать на это остроумный ответ, в дверной косяк постучал полицейский в мундире, и, войдя в помещение, вручил капитану лист бумаги. Когда последний пробежал глазами листок, то что-то в его сжатых губах заставило меня заволноваться.

— Ну и ну, мистер Скив, — произнес, наконец, он, бросая бумагу на стол перед собой. — Похоже вы не впервые имеете дело с полицией с тех пор, как прибыли в это измерение.

— Ого, — воскликнул Кальвин, закатывая глаза, — Вот оно, началось!

— Что вызвало это утверждение, капитан?

Предчувствие подсказывало мне, что прикидываться невинным совсем не пойдет на пользу. К несчастью, никаких других мыслей насчет того, как вести себя, у меня не имелось.

— Утверждать это меня заставляет только что полученный рапорт. Я подумал, что не мешает свериться с другими участками и посмотреть не слышали ли там о вас, и, по всей видимости, там слышали.

— Так вот почему они тянули время, — вставил Дж. Р. — Дожидались, когда придут рапорты. Это называется полицейской эффективностью.

Капитан проигнорировал его.

— Согласно данному рапорту, у вас уже произошло два столкновения с полицией. В первый раз из-за подозрительного поведения на общественных улицах...

— Я проявлял вежливость вместо того, чтобы расталкивать других, — раздраженно прервал его я. — Сожалею, я здесь недавно, и не знал еще, что в этом измерении самое главное слово "грубить". Вам следует вывешивать знаки или что-то вроде них, предупреждающие людей, что на Извре быть вежливым — основание для преследования!

Капитан продолжал так, словно я не сказал ни слова.

— ... А позже, в тот же день, вы попытались уйти, не заплатив за весьма дорогой ужин.

— Я упал в обморок, черт возьми! Как только я пришел в себя, я тотчас же заплатил за ужин, хотя не съел ни кусочка.

— А вот это само по себе выглядит немного подозрительно, — поджал губы капитан. — Зачем вы заказывали ужин, если не могли или не желали есть?

— Потому, что я не знал, что не смогу его есть, когда заказывал его. Сколько раз вам повторять... Я здесь недавно.

— Угу, — полицейский откинулся на спинку стула и изучал меня сквозь щелки глаз. — У вас на все найдется бойкий ответ, не так ли мистер Скив.

— Потому, что это правда! Я б выглядел менее подозрительным, если бы у меня не было ответов на ваши вопросы? Скажите мне, капитан, мне действительно хочется знать! Я знаю, что я не преступник, а что требуется для убеждения в этом вас?

Капитан медленно покачал головой.

— Честно говоря, не знаю. Я давно на службе и научился доверять своей интуиции. Ваш рассказ выглядит достоверным, но интуиция подсказывает мне, что вы — ходячая беда, которая только и ищет, где б ей случиться.

Я понял, что играю при подтасованной колоде и поэтому бросил мысль убедить его в своей невинности.

— Тогда конечный итог будет такой же, как и до прибытия того листка. Вы намерены предъявить мне обвинения... или я волен уйти?

Он поизучал меня еще несколько мгновений, а затем махнул рукой.

— Идите. Катитесь отсюда... и захватите с собой своего уличного дружка. Просто послушайтесь моего совета и не носите при себе в будущем столько наличных. Нет резона дразнить зверей.

Если б я подумал, то с тем бы и ушел. К несчастью, день вышел длинный, и у меня накопилось и усталости, и раздражения... опасное сочетание.

— Буду помнить, капитан, — пообещал я, поднимаясь на ноги. — Мне казалось, что полиция существует, чтобы защищать невинных граждан вроде меня... а не заставлять всех зря терять время, цепляясь к ним. Можете мне поверить, я усвоил урок.

Все присутствующие полицейские внезапно напряглись, и я слишком поздно сообразил, что критиковать полицию тоже нет резона.

— ... А если мы не будем проверять подозрительных личностей до того, как они причинят неприятности, то мы годимся лишь для заполнения рапортов после совершения преступления, — зло сплюнул капитан. — Как не поверни, невинные граждане, вроде вас, найдут на что пожаловаться!

— Извините, капитан. Мне не следовало...

Уж не знаю понял ли он мою попытку оправдаться. Если да, то она не вызвала никакой реакции.

— Видите ли, я тоже усвоил урок. Когда я впервые поступил на службу в полицию, то думал, что не смогу найти в жизни более достойного дела, чем защищать невинных граждан... и я, по прежнему, верю в это. Даже тогда я знал, что занятие это будет неблагодарное. А вот чего я не понимал, так того, что невинные граждане, вроде вас, окажутся не только неблагодарными, но склонными относиться к полицейским, словно к врагам!

Я решил не перебивать его. Он понес, закусив удила, читая лекцию на любимую тему. Открыть сейчас рот будет также опасно, как сунуться между моим домашним драконом Блипом и поданным ему кормом.

— Все хотят, чтобы преступники сидели в тюрьме, но никто не хочет видеть тюрьмы в своем районе... или голосовать за налоги на строительство новых тюрем. Поэтому имеющиеся у нас тюрьмы переполнены и “невинные граждане” вопят “караул!” всякий раз, когда судья дает условный срок или освобождает правонарушителя под честное слово.

Он встал и расхаживал теперь взад-вперед, постепенно распаляясь от любимой темы.

— Никто не видит несовершенных преступлений. Мы можем на 98% снизить уровень преступности, и “невинные граждане” будут винить в этих последних 2% нас... как будто мы совершаем преступления! Никто не хочет сотрудничать с полицией или поддержать порядок распределения налогов, нужных для борьбы с инфляцией, и поэтому эффективность нашей деятельности не может даже удержаться на том уровне, на каком находится, не говоря уж об увеличении штатов в соответствии с ростом населения.

Он умолк и навел обвиняющий перст на Дж. Р.

— И потом, есть “невинные граждане”, вроде вот этого вашего приятеля, признавшегося, что он занимается незаконным бизнесом, без лицензии. А это озна-

чает, между прочим, что ему не приходится платить никаких существующих налогов,

хотя он ожидает от нас той же защиты, что и лавочники, которые платят их, хотя большинство из них тоже частично жульничают.

Нам приходится поддерживать порядок и задерживать преступников в то время, когда у нас не хватает сотрудников, а применяемые нами технические средства давно устарели и разваливаются. Чуть ли не единственное, что у нас есть для работы — это наша интуиция... и тут нас донимают из-за использования ее!

Он остановился передо мной и приблизил лицо вплотную к моему, овевая меня еще раз своим дыханием. Я ничего не сказал ему.

— Давайте посмотрим насколько же хороши наши интуиции. Сейчас я вас отпущу, но мне приходит в голову, что не повредит проверить, кто вы такой по другим измерениям. Если вы всего лишь, как вы утверждаете, невинный бизнесмен, то мы ничего не найдем... но если я прав, — он подарил мне зубастую усмешку, — то вы, вероятно, уже конфликтовали с законом, и мы это выясним. Бьюсь об заклад, вы оставили за собой след из неприятностей, след, ведущий прямо сюда. Если это так, то мы поговорим еще раз... и очень скоро. Я хочу, чтобы вы не меняли отелей и не пытались покинуть измерение, не уведомив меня, понятно? Мне хочется знать постоянное место вашего прибывания, мистер Скив!

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Расставание — это такая сладкая печаль
Фигаро

Перспектива широкой проверки моей деятельности в иных измерениях меня встревожила, но не настолько, чтобы я забыл о хороших манерах. Во время драки в переулке Дж. Р спас мою шкуру, и, в течение всей этой полицейской катавасии, какая-то часть моего мозга искала способ отплатить ему. Когда мы покинули полицейский участок, мне подумалось, что я нашел ответ.

— Слушайте, Дж. Р., — повернулся я к нему, спускаясь по лестнице. — Насчет того бизнеса, которым вы хотите заняться... Насколько большой капитал вам понадобится для начала?

Я увидел, как при моих словах у него напряглась шея.

— Я же уже сказал вам, мистер Скив, что не приму вознаграждения за спасения вам жизни.

— А кто говорил о каком-то вознаграждении? Я веду речь о вкладе в ваши деловые операции и получении доли прибыли.

От этого он встал, как вкопанный.

— Вы это сделаете?

— Почему бы и нет? Я же бизнесмен и всегда стараюсь не упускать возможность финансировать новые предприятия. Тут самое важное найти достойного доверия главу предприятия для распоряжения вкладами. В данном случае, вы уже доказали мне, что достойны доверия. Так сколько же вам надо для осуществления своего плана?

Уличный торговец подумал несколько мгновений.

— Даже при финансовой поддержке я бы хотел начать помаленьку и постепенно наращивать обороты. С учетом этого... да. Думаю, примерно, пять тысяч золотом послужит отличным началом.

— О, — умно произнес я. Ставить под сомнения его расчеты я не собирался, но начальная стоимость оказалась выше, чем я ожидал. У меня имелась при себе пара тысяч и большая часть этой суммы должна уйти на оплату услуг Эдвика и счетов в отеле. Вот и весь величественный жест!

— Мне... э... надо будет подумать об этом.

У Дж. Р. вытянулось лицо.

— Да, разумеется. Ну, вы знаете, где меня найти, когда примите решение.

Он повернулся и, не оглядываясь, зашагал прочь по улице. Глупо было расстраиваться из-за невыполнения предложения, которого мне не следовало делать, но я испытал неприятное чувство.

— Теперь нам самое время вернуться в отель... верно, Скив? — вступил в разговор Кальвин.

С Дж. Р. я напортачил, но твердо решил уж тут — то сделать все, как надо.

— Нет, — сказал я.

— Нет, — повторил словно эхо джин, — Так куда же мы пойдем?

— Вот в том — то вся и суть, Кальвин. Мы никуда не пойдем. Я пойду обратно в отель, а ты отправишься опять в Джинджер.

Он подплыл ко мне на уровень глаз и, нахмурясь, чуть склонил голову набок.

— Что — то я тут не пойму. Зачем это мне возвращаться на Джинджер?

— За тем, что ты выполнил свой контракт. Значит ты волен удалиться, потому, я полагаю, ты так и поступишь.

— Я его выполнил?

— Разумеется. Тогда в переулке ты применил чары и протрезвил меня перед тем, как мне пришлось драться с теми громилами. На мой взгляд, это завершает твой контракт.

Джин задумчиво погладил свою бороду.

— Не знаю, — усомнился он. — Чары — то были не ахти, какие сильные.

— Ты никогда и не обещал сильных, — настаивал я. — Ты не жалел усилий, внушая мне, как мало ты можешь сделать.

— Ах, это, — протестуяще махнул рукой Кальвин.
— Это всего лишь стандартная шутка, которую мы приносим клиентам. Она удерживает их от чрезмерных упований на джина. Ты б изумился, узнав, чего только не ожидают от нас некоторые. Если нам удастся сдержать их желания, то потом бывает легче произвести впечатление, когда мы иной раз щегольнем своим умением.

— Это сработало. Ты произвел на меня впечатление. Если б ты не сделал своего дела там в переулке, со мной бы разделились прежде, чем появился Дж. Р.

— Рад помочь. Это было менее опасно, чем участие в драке.

— Может быть, но по моим понятиям мы в расчете. Ты оказал мне помощь в ключевой момент. Это все, что требовал твой контракт... и даже больше.

Джин сложил руки на груди и несколько мгновений, сосредоточенно глядел куда-то в даль.

— Проверь меня тут, Скив, — сказал он наконец. — Я ведь был тебе полезен, верно?

— Верно, — кивнул я, гадая к чему он клонит.

— И был весьма неплохим обществом, не так ли? Правда у меня есть склонность немного распускать язык, но ты, кажется, не возражал против моего присутствия.

— Опять верно.

— Так почему же ты хочешь избавиться от меня?

Внезапно, переживания минувшего день одолели меня. Добрый совет Мотылька, выпивка, драка, стычка с полицией — все это внезапно взорвалось во мне, и я потерял самообладание.

— Я не пытаюсь от тебя избавиться, — пронзительно закричал я на джина, не замечая, как изменился мой голос. — Неужели ты думаешь, будто мне не хочется по —прежнему видеть тебя рядом с собой? Думаешь я не знаю, что мои шансы самостоятельно найти Ааза в этом чокнутом измерении почти нулевые? Черт побери, Кальвин, я пытаюсь быть с тобой любезным!!!

— Гм... Может быть ты сумеешь быть менее любезным и перестанешь кричать?

Я сообразил, что оттеснил его через весь тротуар и прижал к стене силой своей "любезности". Сделав долгий, глубокий вздох, я попытался овладеть собой.

— Слушай, — осторожно проговорил я, — Я не собирался на тебя орать. Просто...

По моему лицу что-то заструилось и до меня дошло, что я готов зарыдать. Кой черт, вот-вот! Я уже начинал плакать. Я шумно прочистил горло, прикрывая рот рукой, и украдкой смахнул слезу, надеясь, что Кальвин не заметит. Если он и заметил, то был слишком вежлив, чтобы что-то сказать.

Я неровно втянул в себя воздух.

— Ты мне очень помог, Кальвин, больше, чем я мог надеяться, когда открыл твой пузырек. Советы ты давал здоровые и, если я попал в беду, так это потому, что недостаточно прислушивался к ним.

Я умолк, пытаюсь привести в порядок мысли.

— Я не пытаюсь от тебя избавиться... в самом деле. Больше всего мне б хотелось, чтобы ты оставался со мной до тех пор, пока я не найду Ааза. Просто я не хочу злоупотреблять твоей дружбой. Я заручился твоими услугами путем самой обычной сделки... по поводу которой ты не мог выразить свое мнение, если ты точно сообщил о том, как действует Джинджер. Если мои слова о том, что наш контракт завершен, показались немного холодными, то только потому, что боролся с желанием просить тебя остаться. Боялся, что если сделаю это, то поставлю тебя в неудобное положение... а на самом деле, поставил бы в неудобное положение меня. Если б я попросил тебя, а ты ответил отказом, то мы оба расстались с неприятным чувством в конце того, что было в остальном взаимовыгодным партнерством. Хуже этого, на мой взгляд, могло быть только, если б ты согласился остаться из жалости. Тогда я чувствовал бы себя виноватым все время, пока ты был бы рядом, постоянно зная, что ты мог бы заниматься своими делами, и отправился бы, если б я не был настолько слаб и сам не способен справиться с такой простой задачей.

Слезы теперь лились неудержимо, но я не утруждал себя попытками скрыть их. Меня это больше не беспокоило.

— Делал ты в основном одно, — продолжал я, — составлял мне компанию. С тех пор как я попал в это измерение, я постоянно ощущал страх и одиночество... или ощущал бы их, не будь тебя со мной рядом. Я так боюсь ошибиться, что, вероятно, оцепенею и ничего не сделаю, если у меня не будет на буксире кого-то одобряющего, когда я действую правильно, и порицающего меня, когда я делаю не то... Я себя чувствую неуверенно. Я даже не доверяю собственному мнению, не знаю прав я или нет в своих действиях! Беда в том, что в

последнее время я вёл себя неважно и по части дружбы. От меня ушел Ааз, команда М. И. Ф. думает, что я его бросил... черт, я даже Дж. Р. сумел обидеть, желая выразить благодарность с помощью бумажника, вместо языка.

Мне пришло в голову, что начинаю говорить бессвязно. Кое-как проведя рукавом по мокрому от слез лицу, я заставил себя улыбнуться.

— Так или иначе, я не могу навязывать себя в качестве друга или делового партнера, только для того, чтобы ты сдерживал меня в трудную минуту. Это не значит, будто я не благодарен за то, что ты сделал или что я пытаюсь избавиться от тебя. Я б оценил, если бы ты остался, но у меня нет никакого права просить тебя об этом.

Исчерпав все слова, я закончил вялым пожатием плеч. Как ни странно, облегчив душу и очистив мозг от беспокоивших меня мыслей, я почувствовал себя значительно лучше.

— Ты все сказал?

Кальвин все еще терпеливо парил, сложив руки на груди. Может, мне почудилось, но в его голосе прозвучала резкость.

— Да. Извини, что я так разошелся

— Не беда. Лишь бы настал черед и моей подачи.

— Подачи?

— Просто выражение — отмахнулся он, — В данном случае оно означает, что теперь моя очередь говорить, а твоя — слушать. Я уже пробовал раньше, но каждый раз, как я начинал, нас прерывали... или же ты становился пьяным.

Я скривился, вспоминая.

— Я не собирался напиваться. Просто дело в том, что я никогда...

— Эй! Помнишь? Очередь теперь моя, — прервал меня джин, — Я хочу сказать... секундочку.

Он сделал рукой размашистый жест и... вырос! Внезапно он стал таких же размеров, как и я.

— Вот так-то лучше! — промолвил он, потирая руки. — Теперь меня будет трудней оставлять без внимания.

Я собирался попросить отчета о его "скромных" способностях, но последнее его замечание уязвило меня.

— Извини, Кальвин. Я не хотел...

— Оставь это! — приказал он, махнув рукой. — В данное время моя очередь. Позже у тебя будет уйма

времени погрязнуть в чувстве вины. А если нет, уверен, ты все равно найдешь время.

Звучало это неприятно, но я стих и знаком предложил продолжать.

— Ладно, — сказал он, — во-первых, в последних и промежуточных, ты был неправ. Мне даже трудно поверить, что такой правильный парень может быть настолько неправ.

Мне подумалось, что я уже признал, все погрешности в своих действиях. Кальвин сказал, что хочет получить возможность высказаться, и я собирался по мере сил не перебивать его. Уж это то я обязан для него сделать.

— С тех пор как мы встретились, ты всегда говорил о правильном и неправильном слишком категорично. Согласно твоим взглядам, дела обстоят либо правильно, либо неправильно... и точка. Не был ли Ааз прав, уйдя из фирмы?... Прав ли ты, пытаешься найти его?... Да, мой юный друг, жизнь не столь проста. Ты достаточно взрослый, чтобы знать это, и тебе следует это лучше усвоить, пока ты окончательно не свел с ума себя и всех, кто тебя окружает!

Он начал плавать передо мной взад-вперед, сцепив руки за спиной. Я предположил, что это соответствовало расхаживанию туда-сюда.

— Ты или любой другой, может быть прав и все-таки неправ. К примеру, прав — с деловой точки зрения, но неправ с точки зрения гуманности. Миры сложны, а люди — безнадежно запутанный клубок противоречий. Условия меняются не только в зависимости от ситуации и от личности, но и от момента. Пытаться обмануть себя, думая, будто есть какая-то универсальная мера правильного и неправильного, просто нелепо... Хуже того, это опасно, потому что, когда она будет ускользать от тебя, ты всегда будешь в итоге чувствовать себя некомпетентным и неадекватным.

Хоть у меня и возникали трудности с пониманием сказанного им, эта последняя фраза пробудила знакомые воспоминания. Она с неуютной точностью описывала то, как я себя чувствовал чаще всего! Я постарался слушать еще внимательней.

— Ты должен принять как данность, что жизнь запутана и угнетающа. Что правильно для тебя, может быть неправильно для Ааза. Бывают даже времена, когда вообще никакого правильного ответа нет... есть лишь наименее нежелательный из нескольких неподходящих

выборов. Признавай это, а потом, не теряй зря времени и энергии, гадая почему это так или бранясь, что это несправедливо... принимай это как данность.

— Я... я постараюсь, — запнулся я, — но это нелегко.

— Конечно нелегко! — огрызнулся джин. — А кто сказал, будто это бывало легко? Ничто нелегко. Иногда это менее трудно, чем в иные времена, но всегда нелегко. Часть твоей проблемы в том, что ты вечно думаешь, будто все должно быть легко, и поэтому полагаешь, что легкий путь это правильный путь. Вот свежий пример: ты знал, что будет трудно попросить меня остаться после того, как я выполню свой контракт, и поэтому решил, что правильней всего будет не просить... не взирая на то, как трудно будет тебе продолжать искать Ааза без меня.

— Но если б мне было легче, если ты остался...

— Совершенно верно. Это противоречие, — усмехнулся Кальвин. — Сбивает с толку, неправда ли? Забудь на время о правильном и неправильном. Чего хочешь ты?

Вот этот вопрос был легким.

— Мне б хотелось, чтобы ты остался и помог мне разыскать Ааза, — твердо сказал я.

Джин улыбнулся и кивнул.

— Ни под каким видом, — ответил он.

— Что?

— Я заикался? Я сказал...

— Я знаю, что ты сказал! — оборвал я его. — Просто то, что ты сказал... я имею ввиду до того, как ты сказал...

— В твоей просьбе ко мне никаких сложностей нет... равно, как и в твоих условиях. Просто, я не намерен оставаться.

Теперь у меня голова совсем пошла кругом от недоумения, но я попытался сохранить ту малость спокойствия, какая у меня осталась.

— ... Но я думал... А, ладно. Полагаю, я ошибся.

— Нет, ты не ошибся. Если б ты попросил меня сразу, я бы остался.

— Тогда почему же... — начал было я, но джин взмахом руки велел мне помолчать.

— Извини, Скив. Мне не следовало дразнить тебя в такое время головолomными играми. Решение мое изменило нечто сказанное тобой, пока ты объяснял, почему

ты не попросил. Ты сказал, что ощущал страх и неуверенность, что вполне нормально, учитывая все обстоятельства. Но потом ты кое-что добавил о том, как ты боялся доверять собственному суждению и поэтому нуждался в ком-то другом, говорящим тебе прав ты или нет.

Он умолк и покачал головой.

— Я не могу на это пойти. Вот тогда-то я и понял, что если я останусь, то попаду в ту же ловушку, в какую угодил все остальные твои коллеги... ловушку неумышленного обдумывания решений за тебя, выражая собственное мнение. Самое печальное в том, что на самом деле мы за тебя не думаем. Ты сам решаешь, к каким советам прислушаться, а к каким нет. Беда в том, что ты думаешь о действиях вопреки советам только, когда это приводит к неприятностям... например, когда ты напился сегодня вечером. Любое правильное суждение побуждает тебя считать, будто решение принято твоими "советчиками". Ты убедил меня, что ты правильный парень, Скив. Теперь тебе надо прежде всего убедиться в этом самому. Вот почему я намерен отправиться обратно на Джинджер и предоставить тебе разобраться с этой проблемой самостоятельно. Правильно это или нет, а приписать себе заслугу или разделить вину будет некому. Все целиком твое. Бьюсь об заклад, твое решение будет правильным.

Он протянул мне руку. Я взял ее и осторожно обменялся рукопожатием с этим субъектом, оказавшим мне такую большую помощь.

— Я... ну, спасибо, Кальвин. Ты дал мне много пищи для размышлений.

— Всегда рад услужить, Скив... действительно. Желаю удачи в розысках нашего друга. Да, слушай...

Он выудил что-то у себя из-за кушака и вложил мне в ладонь. Когда он отпустил этот предмет, тот вырос в полномасштабную деловую карточку.

— Вот мой адрес в Джинджере. Не теряй со мной связи... хотя бы просто для уведомления меня, чем кончилось это дело.

— Обязательно, — пообещал я. — Береги себя, Кальвин... и еще раз спасибо!

— Да, и еще одно... насчет возникающих у тебя проблем с друзьями. Забудь про стремление быть сильным. Твоя настоящая сила в умении быть теплым, заботливым другом. Когда ты стараешься быть сильным,

то кажешься холодным и бесчувственным. Подумай об этом.

Он в последний раз помахал мне, сложил руки на груди и растаял из вида. Несколько мгновений я таращился на пустое пространство, а потом в одиночестве пошел обратно к отелю. Я знал, где он находится... а вот, где находится Джинджер, я не знал.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Доступен кредит на легких условиях...

Сатана

— Слышал, прошлым вечером на вас напали.

Я остановился, усаживаясь на заднее сиденье такси и окинул таксиста долгим пристальным взглядом.

— ... И тебя тоже с добрым утром, Эдвик, — сухо отозвался я, — Да, спасибо, спалось мне отлично.

Мой сарказм в адрес водителя пропал в шуме... чему я был в тайне рад. Иногда у меня возникают причины сомневаться в своих способностях общаться с людьми.

— Просто об этом болтают, понимаете?

— Нет, не понимаю... но стараюсь.

Каким бы большим и многонаселенным не казался Извр, в нем сразу за пределами видимости таилась процветающая паутина сплетен.

Вышел я рано, надеясь найти возможность поговорить с Дж. Р., но по дороге от моего номера до входной двери меня остановили двое коридорных и портье, уже знавшие о моей драке предыдущим вечером. Они, конечно, дружно выразили свое сочувствие... в разной степени. Насколько я помню сочувствие портье прозвучало примерно так: "Мы охотно предоставим возможность хранить ценности в сейфе отеля, сэр... но не можем принять никакой ответственности за их сохранность".

Восхитительно!!

Я понял, что меня отнюдь не радует обсуждение моей персоны всем населением. Особенно в виду того, что закончилась она беседой с полицией.

Хоть Эдвик и заметил мою неприязнь к обсуждению происшествия, он твердо решил не дать этой теме заглохнуть, когда мы тронулись в путь.

— Говорил же я, что надо взять телохранителя, — наставительно сказал он. — Носить с собой такие наличные значит напрашиваться на неприятности.

— Забавно, полиция говорила тоже самое... о наличных, я имею в виду.

— Ну, она права... между прочим. Атмосфера здесь довольно опасная и без привлечения к себе лишнего внимания.

Я откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза. Спалось мне неважно, но то короткое время, какое я провел в горизонтальном положении, позволило моим мускулам сжаться, и у меня все болело.

— Что я и обнаружил, — согласился я. — Ладно, теперь с этим все кончено. Кроме того, я и сам не так уж плохо постоял за себя.

— Насколько я слышал, кое-кто явился вам на выручку, — указал напрямик Эдвик, — и даже тогда вам еле удалось отбиться. Но не заблуждайтесь будто бы все кончено. Вам надо надеяться, что удача не покинет вас и в следующий раз.

Ноющие мускулы перестали служить предметом моего внимания.

— В следующий раз? — переспросил я, выпрямляясь на сиденьи, — Какой еще следующий раз?

— Не хочу казаться пессимистом, — пожал плечами таксист, — но, по моему, это определено. Те парни, которых вы потрепали, сегодня вернутся на улицу и, вероятно, уделят некоторую долю своего времени и энергии, чтобы найти вас для повторного матча.

— Ты так думаешь?

— Кроме того, разлетелся слух, что вы носите с собой приличную пачку бабок. Это делает вас привлекательной дичью для всех дешевых громил, высматривающих, где по-быстрому сорвать немного наличных.

Я об этом не думал, но сказанное Эдвиком имело смысл. Только мне не хватало еще заботы постоянно следить, что делается у меня за спиной!

— Извини, что ты сказал? — переспросил я, пытаюсь сосредоточиться на словах водителя.

— Я только сказал, что вам следует нанять телохранителя... о чем я все время твердил.

Он говорил об этом раньше, и Кальвин его поддерживал. Сначала я относился к этой идее с пренебреже-

нием, но теперь мне по неволе пришлось вновь обдумать всю ситуацию.

— Нет, — решил я, наконец, про себя: “Я не могу этого сделать”.

— Почему бы и нет? — настаивал Эдвик.

— Ну, самая большая причина в том, что я не могу это себе позволить.

Таксист фыркнул.

— Вы, должно быть, шутите. С такими-то деньжищами, как у вас?

— Может показаться, будто их много, но в действительности все они уже предназначены тебе и отелю.

Такси опасно вильнуло, когда Эдвик повернулся на сиденье, уставившись на меня.

— Вы хотите сказать, что это все имеющиеся у вас деньги? Вы носите при себе все свое состояние?

Как ни был я расстроен, такая мысль заставила меня рассмеяться.

— Едва ли, — усмехнулся я. — Беда в том, что большая часть моих денег там, на Деве. Я захватил лишь малость на карманные расходы. К несчастью, я опрометчиво недооценил, каковы здешние цены, и поэтому мне приходится внимательно следить за своими расходами.

— О, это не проблема, — отмахнулся таксист, снова обратив внимание на дорогу. — Откройте здесь себе кредит.

— Чего-чего?

— Поговорите с банком и одолжите нужную вам сумму, опираясь на свои активы. Именно так я набрал денег на это такси... не говоря уж о других моих предприятиях. Черт побери! Если б все пытались вести операции на основе наличных, это разрушило бы всю экономику измерения!

— Не знаю, — заколебался я. — В этом измерении я не с кем по-настоящему не знаком. Ты действительно думаешь, что банк согласится мне дать в долг?

— Есть только один способ выяснить, — пожал плечами Эдвик, — Вот что я вам скажу... неподалеку отсюда находится филиал моего банка. Почему бы вам не заскочить поговорить с ними? Возможно, вас там удивят.

Сам банк выглядел не очень внушительно: средних размеров магазин с рядом окошечек касс и несколькими разбросанными тут и там столами. Двери в противоположной стене, надо полагать, вели в кабинеты и в

хранилища, но выкрашены они были в разные яркие цвета, и смотрелись не особенно зловещими. Все же я ощутил немалую нервозность, когда осмотрел внутреннее помещение. Там и сям попадались мелочи, показывавшие серьезность, опровергавшую умышленную небрежность декора. Обращали на себя внимание мелкие детали вроде машин, стоявших по углам на высоких подставках и постоянно обводившие объективами всё помещение, словно следя за деятельностью кассиров и посетителей. Самых кассиров надежно ограждали высокие панели из невинного с виду стекла, и операциями они занимались через хитрое устройство из щели и выдвижного ящика на каждой кассе. Однако, наблюдательный человек, вроде меня, не мог не заметить, что степень искажения предмета, когда смотришь на него через стекло, свидетельствует о том, что оно намного толще, чем может показаться на первый взгляд. И по всему помещению болтались охранники, увешанные с головы до ног оружием вовсе не похожим на церемониальное или декоративное. Здесь переходило из рук в руки великое множество денег и прилагались значительные усилия, чтобы гарантировать, что никто не сумеет прихватить с собой лишку.

У меня возникло предчувствие, что таким делом, с каким пришел я, не станет заниматься кассир за стойкой. И верно, ибо когда я спросил, меня тут же препроводили через одну из ярко окрашенных дверей в отдельный кабинет.

Когда я вошел, сидевший передо мной за столом субъект поднялся и приветливо протянул руку. Он был безупречно одет в деловой костюм какого-то старинного покрова... особенно для изверга, так и искрился искренней теплотой, граничащей с елейностью. Несмотря на зеленую чешую и желтые глаза, он напомнил мне Гримбла, королевского казначея, с которым я когда-то враждовал в Поссилтуме. Я подумал не общая ли эта черта у всех хранителей денег повсюду... возможно, тут оказывал какое-то действие грассбух. Если так, то это не предвещало ничего хорошего моему сегодняшнему делу... с Гримблом мы никогда не ладили.

— Заходите, заходите, — промурлыкал субъект, — Присаживайтесь, пожалуйста, мистер...?

— Скив, — представился я, опускаясь в предложенное кресло. — И просто Скив, а не мистер Скив.

Я никогда не приходил в восторг от официальности обращения "мистер", а после того, как его не раз про-

шипела в мой адрес полиция прошлой ночью, у меня и вовсе развилось отвращение к нему.

— Конечно, конечно, — кивнул он, вновь усаживаясь. — Меня зовут Малькольм.

Наверно, дело заключалось в сходстве с Гримблом, но я находил его привычку повторяться все более и более раздражающей. Напомнив себе, что я хочу добиться от него услуги, я сделал усилие отогнать от себя это чувство.

— ... Чем мы можем служить вам сегодня?

— Малькольм, я бизнесмен, прибывший сюда на Извр с визитом, — начал я, чувствуя, что бессознательно впадаю в официальный тон. — Мои расходы увеличивались из-за непредвиденных обстоятельств, и, откровенно говоря, мой запас наличных меня не удовлетворяет. Некто высказал предположение, что я смогу открыть кредит в вашей банке, и поэтому я зашел выяснить, возможно ли это сделать.

— Понимаю.

Он окинул меня взглядом, и теплоты в кабинете побавилось. Я вдруг почувствовал, будто меня раздели.

После сверх разодетости для беседы с Мотыльком, я решил держаться своей нормальной, удобной, неофициальной внешности. Я предусмотрел, что банкиры будут поконсервативнее финансистов, и что в банке, вероятно, будет оборудование для выявления чар личины, и поэтому будет мудрее, если я стану держаться наиболее открыто и честно. Благодаря данному мне Банни, моей административной помощницей, ускоренному обучению по части туалета, мне не приходилось стыдиться своего гардероба, но я, вероятно, выглядел несколько непохожим на большинство бизнесменов, с которыми Малькольм привык иметь дело. Его визуальный анализ моей персоны напомнил мне о быстром, но внимательном взгляде, каким меня окинул встреченный полицейский. Только еще в более сильной степени. У меня возникло ощущение, что банкир способен определить, сколько денег у меня в карманах вплоть до мелочи.

— Так по какому профилю, говорите, вы работаете, мистер Скиф?

Я заметил, что опять всплыло это "мистер", но не стал из-за этого спорить.

— Я — маг... На самом деле я президент ассоциации магов... корпорации.

Тут я сумел остановиться прежде, чем начал тараторить, еще раньше заметив в себе склонность молотить языком, когда нервничаю.

— ... И как же называется ваша корпорация?

— Гм... "М. И. Ф. Инкорпорейтед"

Он кратко записал данные в блокнот.

— Ваша штаб-квартира на Пенте?

— Нет. Мы базируемся на Деве... На Базаре.

Он взглянул на меня, подняв брови, а потом спохватился и восстановил самообладание.

— Вам случайно неизвестно с каким банком на Деве вы сотрудничаете?

— С банком? В общем-то, нет. Этой стороной дела обычно занимаются Ааз и Банни... наш финансовый отдел.

Имевшиеся у меня надежды на кредит вылетели в трубу. Я не знал наверняка сотрудничали ли мы с какими-то банками. Ааз яро отстаивал принцип сохранения наших денежных фондов легко доступными. Я не мог представить себе банк, желающий иметь дело с тем, кто не доверяет банкам или готов ограничиться только словом о нашей денежной наличности... даже если бы я знал ее величину.

Банкир изучал свои заметки.

— Конечно, как вы понимаете, нам придется все проверить.

Я начал подниматься. Мне больше всего на свете хотелось убраться из его кабинета.

— Разумеется, — согласился я, пытаюсь сохранить толику достоинства. — Сколько времени это займет, чтоб я знал, когда мне снова связаться с вами.

Мелькольм небрежно махнул мне рукой, поворачиваясь к клавишам на одной стороне письменного стола

— О, это вообще не займет времени. Я просто воспользуюсь этим компьютером и быстренько загляну, куда надо. Ответ должен быть через пару секунд.

Я не мог решить удивляться мне или тревожиться. Победило удивление.

— ... Но ведь моя контора на Деве, — без надобности повторил я.

— Совершенно верно, — рассеянно отвечал банкир, деловито стуча по клавишам. — К счастью, компьютеры и котки способны видеть и работать сквозь барьеры между измерениями. Весь фокус в том, чтоб заставить

их это делать, когда надо тебе, а не когда у них такое желание возникает.

Из разных мыслей, закружившихся у меня в голове при этой новости, выделилась только одна.

— А у полиции есть компьютеры?

— Не такого качества и не с такими возможностями.

Он высокомерно улыбнулся мне, не разжимая губ.

— У государственных служб нет доступа к тем финансовым ресурсам, какие есть у банков... А! Вот мы и получили.

Он нагнулся вперед и прищурился, глядя на экран компьютера, невидимый мне с того места, где я сидел. Я гадал, случайно ли с кресла посетителя обзор прегражден, а затем решил, что это глупый вопрос.

— Впечатляюще. В самом деле очень впечатляюще.

Он бросил на меня быстрый взгляд.

— Можно мне спросить, кто занимается вашим портфелем?

— Моим портфелем? Но я же не художник. Я — маг... как я вам говорил.

— Художник, неплохо сказано, Скив... вы ведь не против, если я буду вас так называть, Скив, не так ли?

Банкир рассмеялся так, словно нас развеселила одним нам понятная шутка.

— Я имел в виду, ваш портфель акций и вкладов.

К нему вернулась первоначальная теплота... которая, впрочем, возрастала. Чтоб он там ни увидел на экране, оно определенно улучшило его мнение обо мне.

— О, это Банни. Она мой административный помощник.

— Надеюсь, вы хорошо ей платите. Иначе другая фирма может почувствовать соблазн сманить ее у вас.

По его тону я мог догадаться, какая именно фирма будет заинтересована так поступить.

— Помимо прочего, она еще владеет акциями нашего предприятия, — прозрачно намекнул я.

— Конечно, конечно. Просто мысль. Ну мис... Скив, уверен мы сможем обеспечить вас соответствующей финансовой поддержкой в течение вашего пребывания на Извре. Более того, я, надеюсь, вы будете помнить о нас, если вы когда-нибудь захотите открыть здесь филиал, и вам понадобится оформить местный счет.

У извергов исключительное число зубов, и Малькольм решил показать мне все свои, не пропустив ни единого слога. Я и сам стал проникаться должным впе-

чатлением. Знал, что наше предприятие действует успешно, но никогда не утруждал себя анализом, насколько успешно. Однако, если реакция банкира может служить точным мерилom, то мы, должно быть, действовали и впрямь очень успешно!

— Если вы подождете здесь минутку, Скив, — сказал он, выскакивая из кресла и направляясь к двери, — я распоряжусь начать необходимые бюрократические формальности. Прежде чем вы уйдете, мы должны приготовить для вас несколько проштемпелеванных чеков и одну из наших специальных, чисто золотых кредитных карточек.

— Погодите, Малькольм!

Все начало вдруг стремительно двигаться, я хотел несколько большей ясности, прежде чем все завертится.

Банкир остановился, словно его дернули за поводок.

— Да?

— Как вы, вероятно, заметили, я не столь хорошо знаком с финансовыми обозначениями, как следовало бы. Вы не против разъяснить мне понятие “адекватная финансовая поддержка”... мирскими словами?

Улыбка исчезла, и он нервно провел языком по губам.

— Ну, — проговорил он, — мы сумеем покрыть ваши повседневные надобности, но если вам потребуется существенное финансирование... скажем больше семизначной цифры, то мы, должны получить заблаговременное предупреждение, сроком в сутки.

Семизначной цифры! Он говорил, что банк готов снабдить меня десятью миллионами... и больше, если я предупрежу их за сутки. Я твердо решил по возвращении в контору попросить Банни растолковать мне наше финансовое положение!

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

*Об успехе человека можно судить
по его телохранителям!*

Принс

Мой успех в банке произвел заметное впечатление на Эдвика. И вполне заслуженно. На меня он тоже произвел впечатление.

— Вот это да! Карточка из чистого золота! Я слышал про такие, но никогда раньше не видел ни одной своими глазами, — воскликнул он, когда я гордо предъявил свой чек. — Совсем неплохо для парня, думавшего, что банкиры не захотят с ним даже разговаривать.

— Я первый раз имею дело с банком, — с важным видом обронил я, — Откровенно говоря, я даже не знал про кредитные карточки, пока Малькольм не объяснил мне для чего они.

На лицо таксиста набежала туча.

— У вас никогда раньше не было кредитной карточки? Могу сказать только одно, будьте поосторожней. Они могут стать опасной привычкой, а если превысишь кредит, банкиры могут стать дельцами похуже деволов.

— Хуже деволов?

Такая картина мне не понравилась. Деволы были для меня знакомым дьяволом... извиняюсь за каламбур. Теперь я начал размышлять не следовало ли мне задать еще несколько вопросов прежде, чем принимать услуги банка.

— Не беспокойся об этом, — дружески хлопнул меня по спине Эдвик. — С твоими деньгами, ты не сможешь потерпеть фиаско. А теперь давай займемся поиском тебе телохранителя.

— Гм... извини, но мне кое-что пришло в голову!

— Что именно?

— Раз у меня теперь чеки и кредитная карточка, то мне не требуется таскать с собой уйму наличных.

— Да. Ну и что?

— Ну, а если я не таскаю уйму наличных, то для чего мне телохранитель?

Прежде чем ответить, таксист задумчиво потер подбородок.

— Если вы с банком знаете, что ты не таскаешь с собой крупные бабки, это еще не значит, что об этом знают грабители.

— Хороший довод. Я...

— Опять же, возможно, банда все равно будет гоняться за тобой из-за той трепки, какую ты задал ей прошлой ночью.

— Ладно. Почему б нам не...

— ... И где-то в районе твоего отеля все еще болтается убийца с топором...

— Хватит! Картина ясна! Поехали искать телохранителя.

Мне пришло в голову, что если я буду долго слушать Эдвика, то либо захочу нанять не одного телохранителя, либо решу вообще не высовывать носа из своего номера.

— Хорошо, — провозгласил мой гид, потирая руки, тогда как такси уже сделало уже знакомый вираж.

— Думаю, я знаю нужную особу.

Когда я откинулся на спинку сиденья, то подумал, что Эдвик, вероятно, получит магарыч с того телохранителя, с которым меня сведет. Это могло бы объяснить его энтузиазм по поводу нашего предстоящего знакомства. Я прогнал эту мысль, как ненужное подозрение.

Бдительный читатель, возможно, заметил, что за исключением туманного упоминания о толстой даме в универмаге, я абсолютно ничего не сказал об извергах женского пола. На то есть причина. Честно говоря, они меня путают.

Так вот, не поймите меня неправильно, изверги мужского пола более чем страшные, как можно убедиться по моим описаниям своего друга и партнера Ааза. В целом они крупные, мускулистые и сломать тебя пополам они способны с такой же легкостью, как и посмотреть на тебя. И все же они обладают грубоватым и неуклюжим чувством юмора и непрочь немного погро-

зить для вида. В общем они напоминают мне определенную разновидность ящера того вида, что надувается и шипит, когда ему угрожают... он может нанести болезненный укус, но предпочел бы, чтоб ты отступил.

Изверги женского пола сделаны из другого теста. Глаза у них поуже и отставлены на голове подальше, придавая им вид более... рептильный. Они никогда не улыбаются и не смеются и никогда не блефуют. Короче, по виду и поведению они кажутся опасней своих мужских эквивалентов.

Некоторые из вас гадают, почему я вздумал распространяться на счет извергинь именно на этом этапе своего повествования. Остальные из вас уже сообразили, в чем дело. Для первых достаточно будет сказать, что телохранитель, с которым познакомил меня Эдвик, оказался женского пола.

Мы нашли ее в баре, точнее в комнате отдыха, которую, как уведомил меня таксист, она использовала в перерывах между наймами в качестве конторы. Когда мы приблизились к ее столику, она не шелохнулась и глазом не моргнула, а это, как сообразил я, означало, что она наблюдала за нами с той самой минуты, как мы прошли через дверь. Эдвик без предупреждения опустился на свободный стул и жестом предложил мне занять другой.

— Это Скив... тот пентех, о котором я тебе рассказывал, — представил меня он, а затем повернулся ко мне, — Скив, вот это и есть телохранитель, которого я тебе рекомендую. Возможно есть какие-то, действующие лучше, чем она, но я их не знаю. Она занимает ведущее положение по части защиты от физических или магических нападений.

С этими словами он откинулся на спинку стула, предоставив нам оценивающе разглядывать друг друга, словно два хищника, встретившиеся у только что убитой добычи.

Извергини, кажется, бывают двух телесных типов. О другом типе я расскажу позже, но телохранительница принадлежала к типу худощавой, жилистой разновидности. Даже сидя, я определил, что она высокая, во всяком случае, ростом выше меня. В то время, как изверги, что видно на примере Ааза, сложены в общем, как стены. Она была тонкой и гибкой, как плеть... рапира в сравнении с топором ящеров. Я упоминал, что мужчины напоминали мне ящеров, ну, а она заставила меня подумать об ядовитой змее... изящной и прекрасной, но

не привлекательной. Носила она доходящий до талии плащ-накидку, походивший на пончо, но более распахнутый спереди, открывая надетый под ним облегающий комбинезон. Даже такому, ничего не смыслящему в насилии, как я, было ясно, что плащ-накидка идеально подойдет для легкого возникновения и исчезновения всякого оружия. В общем, она произвела на меня впечатление самой женщины, какую я когда-либо встречал... с учетом того, что я встречал не так уж много зеленых, безволосых, чешуйчатых женщин.

— Я слышала, вы пьете, — сказала она напрямик, нарушив молчание.

— Не сильно... и, после прошлой ночи, не часто, — отозвался я.

И заработал за это короткий кивок.

— Хорошо. Девушке надо следить за своей репутацией.

Мне и в голову не могло прийти, что она подразумевает свои отношения со мной. Она — просто написто откровенно заявила, что если со мной что-нибудь случится, пока она охраняет меня, то пострадает ее профессиональная репутация. И более того, она не хотела рисковать ею из-за дурака. Так как я склонен слишком много болтать, на меня произвело впечатление то, как много она могла передать столь немногими словами.

— Когда-нибудь работали раньше с телохранителем?

— Да. У меня есть двое, там, на Деве. Они были... заняты в другом месте и поэтому я отправился на Извр один.

В глазах у нее вспыхнул на миг огонек, а губы слегка сжались, ничем больше не выразив своего мнения о телохранителях, позволивших своему патрону отправиться на Извр без сопровождения. Она продолжала, перейдя непосредственно к сути дела.

— Хорошо. Значит основной порядок вам уже известен. Я работаю так: хожу туда, куда ходите вы и сплю там, где спите вы. Прохожу через дверь вперед вас, если не прикрываю ваш выход, и пробую все прежде, чем вы отправите в рот. Ясно?

— Думаю, в данном случае, тебе не придется беспокоиться из-за яда, — заметил Эдвик, — только из-за грабителей и...

Она оборвала его мимолетным взглядом.

— Если он платит за полный набор, то и получит полный набор. Ясно, Скив?

— Насчет прикрывания моего выхода... как мы устроим его, если не будем знать, что находится по другую сторону двери?

Я думал о том, как попал в мышеловку, ускользнув из последнего бара, куда заходил.

— Я прикрываю вас до двери, потом вы посторонитесь, давая мне пройти вперед, что проверить выход. Если будет опасность, я вам скажу, куда мы двинемся... на выход или обратно.

— Ясно.

— Есть еще какие-то вопросы?

— Можете ли вы оказать ваши услуги на срок от нескольких дней до недели, — сказал я. — Если да, то я хотел бы нанять вас.

— Разве вы не хотите узнать, какой я беру гонорар за свои услуги?

Я пожал плечами.

— Зачем? На меня вы произвели впечатление. Я готов заплатить за них, чего бы они не стоили.

Я умолк, а затем улыбнулся. — Кроме того, вы, как мне кажется, не из тех, кто либо взвинчивает стоимость из-за богатства клиента, либо торгуется из-за цены.

За это я заработал короткий спокойный взгляд.

— Я берусь за эту работу, — сказала, наконец, она. — И вы правы. Я не торгуюсь и не раздуваю счет. Это две мои черты из более симпатичных.

Я не был уверен, считать эти слова шуткой или нет, но решил, что это максимум юмора, на который она способна, и оценивающе рассмеялся.

— Еще одно... как вас зовут?

— *Пукантимбусиль*.

— Извиняюсь? — моргнул я.

Она пожала плечами.

— Зовите меня просто Пуки. Так легче.

— Пуки?

Сперва такое имя показалось мне до смешного глупым. Затем я снова окинул ее взглядом и счел, что ее могли называть как угодно. Если кто и засмеется, то только не я.

— Тогда значит, Пуки... просто проверяю для уверенности в правильности произношения. Едем?

Я велел Эдвику отвезти нас обратно к отелю. Хотя я и не достиг сегодня многого в розысках Ааза, сделанное мной оставило у меня ощущение некоторой опу-

стошенности. Кроме того, мне хотелось позаботиться еще об одном небольшом дельце.

Для разнообразия мне кажется сопутствовала удача. Когда такси затормозило перед отелем, я увидел Дж. Р. на его обычном месте у входа. Я счел это везением, поскольку не знал, где его найти. Поймав его взгляд через окошко, я помахал ему рукой. К несчастью, Пуки не увидела, как я махал. Она увидела лишь уличного торговца, двигавшегося нам наперехват, когда мы вылезли из такси.

— Пуки! Нет!

Я едва успел. Моя телохранительница извлекла зловеще с виду оружие и прицелилась в Дж. Р. чуть раньше, чем я успел что-нибудь сказать. Однако, при звуке моего предупреждения движение застыло, и она метнула на меня вопросительный взгляд.

— Все в порядке, — поспешно заверил ее я. — Он мой друг. Подошел, потому что я помахал ему, когда мы подъехали.

Оружие исчезло, и она смерила уличного торговца пристальным оценивающим взглядом.

— Интересные у вас друзья.

— Он-то и спас мою шкуру при столкновении прошлой ночью с местной фауной. Задержись немного... мне надо проверить с ним одно небольшое дельце.

Пуки кивнула и начала обводить бдительным оком прилегающую местность, когда я повернулся к Дж. Р..

— Интересные у вас появились друзья, — проговорил тот, глаза на мою телохранительницу.

— Забавно, она только что говорила тоже самое о тебе. Она моя новая телохранительница. После прошлой ночи, это показалось неплохой мыслью. Кстати, извини за такое приветствие. Я забыл предупредить ее, что подходишь ты.

— Пустяки. В чем дело?

— Я сегодня нанес небольшой визит в банк, — объяснил я, показывая ему чековую книжку. — Теперь у меня есть финсредства для этого нашего маленького предприятия.

— Вот здорово! Только это мне и требуется, чтобы начать заколачивать нам настоящие деньги.

— Не так быстро, — предостерег я. — Давай сперва уладим детали и перенесем это дело на бумагу.

— Для чего? Ты же уже сказал, что доверяешь мне, а я, безусловно, доверяю тебе.

— Так получится более четко. Контракты — наилучший способ гарантировать, что мы оба слышим одно и то же при данной договоренности... не говоря уж о том, что он в самом начале документирует дележ вместо ожидания той поры, когда мы будем спорить из-за кучи прибылей.

Он шел на это немного неохотно, но я сумел его убедить, и мы записали детали в двух экземплярах на нескольких бумажках, извлеченных из одного его многочисленных карманов. Я говорю “мы”, потому что я не умел ни читать, ни писать на извреском, а он равно не ведал пентейского, и поэтому нам обоим пришлось сделать две копии соглашения каждому на своем родном языке. Мягко говоря, я не очень упорно торговался... 25% прибылей после вычета расходов. Я считал, что раз всю работу будет вести он, то и награда должна доставаться в основном ему. Я же всего лишь финансировал его. Даже оставил оговорку, что он может выкупить мою долю, если дела пойдут хорошо. Когда все было закончено, мы оба подписали копии и пожали друг другу руки.

— Спасибо, Скив, — просиял лотошник, засовывая в карман по копии каждого перевода. — Поверь мне, это дело сулит верные деньги.

— Есть уже какие-то мысли, где будет твой магазин?

— Нет. Помнишь, я говорил, что намерен начать помаленьку? Я рассчитываю начать со снабжения других уличных торговцев, а потом использовать прибыли с этого для взятия в аренду магазина и закупки товаров. Вероятно, уйдет от трех недель до месяца, прежде чем я буду готов к такому ходу.

Месяц — не слишком длинный срок для раскрутки. Я восхищался его предприимчивостью и уверенностью.

— Ну, желаю удачи! — искренне сказал я. — Обязательно оставь извещение в банке, когда у тебя будет постоянный адрес. Я буду поддерживать связь.

Он собрал свой товар и направился вперед по улице, тогда как я опять присоединился к Пуки.

— Мне хотелось бы извиниться за эту путаницу, — сказал я. — Мне следовало дать тебе знать о его подходе.

— Я вычислила, что он одобрен, — ответила телохранительница, продолжая наблюдать за улицей. — Он двигался не как грабитель. Просто время было подходящим для небольшой демонстрации, и поэтому сделала свое дело.

— Вам и не требовалось устраивать для меня демонстрацию. У меня нет никаких сомнений насчет ваших способностей.

Пуки взглянула на меня.

— Не для вас, — поправила она. — Для них... следящих здесь на улице. Это мой способ объявить, что вы теперь под защитой, и им следует держать дистанцию.

Мне такая мысль и в голову не приходила.

— О, — произнес я, — полагаю мне следует заниматься своим делом и предоставить вам заниматься вашим.

— Согласна, — кивнула она, — хотя признаться, то, как вы ведете дела, меня озадачивает. Сожалею, но я не могла не услышать ваши переговоры.

— Что? Мои настояния на контракте? Причина в том, что это был долгосрочный вклад, а не быстрое приобретение услуг.

— Дело не в том.

— В чем же тогда... в условиях контракта? Возможно, я проявил больше щедрости, чем следовало, но положение...

Я оборвал фразу, так как понял, что она пристально смотрит на меня.

— Я имела в виду, — произнесла она ровным тоном, — что прежде, чем вложить деньги, я б захотела узнать, в чем оно заключается.

— Ты же слышала его. Это операция по оптово-розничной продаже.

— Да, но что он продает?

На это я не ответил, потому что у меня не было ответа. В своем рвении оказать добрую услугу Дж. Р. я совершенно забыл спросить, какое дело он затевал!

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

*Крабле... крабле...
С. Стрейндж, ДМ.*

На следующее яркое и раннее утро я приступил к новой фазе поисков Ааза. Мотылек убедил меня, что я вряд ли найду его вращающимся в финансовых кругах. Значит оставались маги.

Как и предупреждал Эдвик, из-за многочисленности занятых в магическом бизнесе извергов задача казалась почти невыполнимой. Но эта была моя последняя идея, и мне оставалось испробовать ее и надеяться на везение. Но после того, как я посетил с поддюжины организаций, то был готов признать свое поражение.

Проблема, с которой я столкнулся, заключалась в том, что затоваренность рынка вызывала в среде магов жестокую конкуренцию. Я получал всего-навсего назойливую рекламу и лекции на тему "среднему человеку нужна в повседневной жизни магическая помощь". А коль скоро я признавался, что сам подвизаюсь в этом бизнесе, мне либо предлагали стать партнером, либо обвиняли в шпионаже и выбрасывали из кабинета. (Двое, впрочем, пригрозили выбросить, но благодаря присутствию Пуки, я ушел с достоинством.) А вот об Аазе каких-либо сведений я не получал.

Несмотря на нарастающее сомнение в успехе поиска, было интересно взглянуть со стороны на искусственный магический бум. Кальвин предупредил меня насчет излишней неуверенности в себе и принижения собственных способностей. Пересидев в тот день несколько раундов бахвальства, следовавших один за другим, я твердо усвоил — чем громче кто-то поет самому себе хвалу, тем меньшее впечатление он производит на

слушателя, в частности, на меня. Я подумал о спокойной уверенности, излучаемой такими людьми, как Мотылек и Пуки, и решил, что в общем-то вести себя в их манере мудрее при деловых контактах... и даже светских, если на то пошло. Насколько я понял, цель состояла не в привлечь внимание, а в том, чтобы быть впечатляющим. Поэтому твердо решил не только не поощрять обращения “мистер Скив”, но и оставить рекламную шумиху с “Великим Скивом”. Все равно я в нее по-настоящему не верил. Я был всего-навсего Скив, и людей могло либо впечатлять то, чем я был, либо нет, а вовсе не то, как я себя называл.

Если этот вывод вам покажется скоропалительным, то это не так. Я обследовал достаточно большой район Извра, проводя немало времени в такси Эдвика, колеся туда-сюда, и это дало мне времени для раздумий и размышлений над увиденным и услышанным. И, что еще важнее — советы, данные Мотыльком и Кальвиным, не говоря уж о вопросах, которые мне поневоле пришлось самому себе задать, пытаясь привлечь Ааза, дали мне повод пересмотреть собственные позиции и приоритеты. Поэтому мне было, о чем подумать.

Встреча с бесконечным парадом людей никогда ранее не слыхавших обо мне, не говоря уже о знакомых, дала мне возможность понаблюдать за взаимодействием людей. Я все больше и больше задумывался о том, как я реагировал на них и, как они воспринимали меня.

Изверги стяжали себе славу личностей скверных и злобных, как правило, высокомерных. Хватало доказательств, к тому, чтобы назвать малость грубоватыми. И все же я встретил довольно любезных и готовых помочь. Таких, как Мотылек. И даже молодцов, вроде Дж. Р., готовых рисковать собой, ради попавшего в беду почти незнакомого человека. Было опасно принимать всех стереотипно. Интересно проследить, какие стандарты поведения сложились для взаимодействия в перенаселенной, конкурентной среде. Еще интересней было понаблюдать за теми, кто казался невосприимчивым к давлению среды, имеющей влияние на окружающих.

Чем больше я думал об этом, тем больше видел определенные качества собственного характера, отраженные в изверском поведении. Кальвин отметил, что я активно пытаюсь быть сильным... или же холодным и безжалостным, стремясь скрыть собственные, путающие меня слабости. А может быть такое происходило и с хвастливыми извергами, которые скорее предпочтут орать, чем признать свою неправоту? Не делали ли меня

моя неуверенность и закомплексованность бесчувственным и замкнутым с теми людьми, которые могли мне помочь?

Эти мысли побудили меня высказать Эдвику свою озабоченность и спросить: нет ли у него каких мыслей по поводу альтернативных методов поиска в магическом сообществе.

— Как раз об этом я и думал, Скив, — отозвался он, — но считал, что мне не следует говорить, пока ты не спросишь.

— Ну, я спрашиваю. Совсем не стыдно признать, что ты знаешь это измерение лучше меня.

Это замечание адресовалась как мне, так и Эдвику, но таксист принял его, не моргнув глазом.

— Более, чем верно. Я подумал, может вместо стремлений заставить магов говорить о потенциальных конкурентах, вам следует проверить школы.

— Школы?

— Разумеется. Знаете места где этих чарострелов обучают их ремеслу. У них должны храниться какие-то сведения, показывающие кто чему научился. И всего скорее они поделятся с вами, поскольку вы им не конкурент.

Это имело смысл, но казалось чересчур легким.

— Даже если все так, ты думаешь, что они станут утруждать себя хранением адресов своих бывших студентов?

— Шутишь? — рассмеялся таксист. — А как же старая Альма Матер сможет выпрашивать денежные пожертвования у своих прежних питомцев? Здесь, может, и не Дева, но неужели ты думаешь, будто изверг потеряет из виду источник дохода?

При его словах я почувствовал, как возрождаются мои надежды.

— Отличная идея, Эдвик! Сколько тут магических школ?

— Известных мне — не больше дюжины. Не сравнить с числом разных видов бизнеса. Будь я на вашем месте, то начал бы с самой крупной и шел дальше по нисходящей.

— Тогда именно так и поступим. Вези меня в стоящую во главе списка и не жалей ящериц... и Эдвик, спасибо.

Территория Магического Института Извра (МИИ) занимала целый городской микрорайон. Я говорю территория, потому что состояла она в основном из хорошо

подстриженных лужаек и кустов, что являло явный контраст большей частью Извра, с набитой зданиями и улочками. То тут, то там были рассеяны величественные старые здания из кирпича или камня, явно не замечавшие визжавшего и гудевшего в каких-то ярдах от их покоя суетливого метрополиса. Глядя на них, появляются мысли: что если они так и будут не замечать его, то, быть может, может быть остальной мир уберется вос-
воссяси.

В знак символической защиты школу окружала железная ограда, но ворота стояли раскрытые настежь. Я с любопытством смотрел из окна такси, на строение, которое Эдвик назвал административным корпусом, надеясь хоть мельком увидеть студентов занимающихся в аудиториях, но меня ждало разочарование. Они больше увлекались молодежным времяпрепровождением — забавами и флиртами, чем упорным приобретением знаний. Однако, я заметил в их числе немало студентов из других измерений. То ли школьная администрация относилась к иномерянам более терпимо, то ли просто была не столь разборчива, от кого принимать деньги. Мне так и не довелось выяснить, какого положение на самом деле.

После нескольких вопросов мне показали, как пройти в кабинет главного хранителя документов. Этот сотрудник внимательно выслушал мой рассказ, оставаясь неподвижным и внешне спокойным. Мне приходилось бороться с искушением состроить ему рожу, не закончив фразы, чтобы проверить вникает ли он в суть разговора. У меня возникло предчувствие, что в среде официального образования мне искать нечего.

— Понимаю, — проговорил он, как только я умолк. — Ну, ваша просьба, кажется, серьезной. Ааз... Ааз... так вот, сходу я не могу вспомнить этого имени, но оно кажется знакомым. А, ладно, проверить довольно легко.

— Гретта!

В ответ на его зов в дверях кабинета появилась молодая извергиня. Она метнула быстрый взгляд на Пуки, прислонившуюся к стене позади меня, но тут же перестала обращать на мою телохранительницу внимание, как, впрочем, отнесся к ней и хранитель документации.

— Да, сэр?

— Гретта, это мистер Скив. Он пытается отыскать того, кто, возможно, здесь учился. Я хотел бы, чтобы ты помогла ему отыскать нужную папку... если она

существует. Мистер Скив, это Гретта. Она здесь одна из учениц, помогающих нам... что-нибудь случилось?

Я внезапно убрал руку протянутую для обмена рукопожатием с Греттой, и хранитель документации заметил это движение.

— О, да ничего... собственно, — смутился я. И быстро пожал протянутую руку. — Это дурная привычка, усвоенная мной у Ааза. Мне следовало бы избавиться от нее. Так что вы говорили?

Хранитель документации проигнорировал мои усилия заглядывать светский промах.

— Какая именно дурная привычка?

— Это глупо, но... Ааз, когда был моим учителем, не пожимал мне руки, пока я был его учеником. "Я не пожимаю рук всяким ученикам", — бывало, говаривал он... Только погромче. До меня сейчас дошло, что тоже перенял его манеру. Простите, Гретта. Ничего личного.

— Ну, конечно... Аазмандиус!

Хранитель документации вдруг разволновался.

— Извините? — озадаченно переспросил я.

— Гретта, искать папку не потребуется. Принесите мне документы на имя Аазмандиуса... они находятся в картотеке недоучившихся... Трех-четырех вековой давности, если я правильно помню.

Когда ученица стремглав умчалась, хранитель документации вновь обратился ко мне.

— Извините, мистер Скив. Я только сейчас сумел вспомнить, кого вы ищите. Напоминанием послужил отказ пожимать руки ученикам. Это было одной из наименее неприятных его причуд. Аазмандиус! Сколько лет прошло, а я все еще помню его.

После долгих поисков я с трудом верил в свою удачу.

— Вы уверены, что мы говорим об одном и том же лице? Об Аазе?

— О боги, да. Вот потому-то это имя и показалось знакомым. Ааз — это прозвище, которым Аазмандиус пользовался, когда упражнялся в своем сомнительном пристрастии к розыгрышам... или при занятиях чем-нибудь таким, что не хотел увидеть отразившимся в его личном деле, если уж на то пошло. Было время, когда это имя вселяло ужас в сердца всех первокурсников.

— Как я понимаю, он был не особенно хорошим студентом? — попытался скрыть улыбку я.

— О, напротив, он был одним из самых способных студентов какие когда-либо учились здесь. Во многом

именно потому преподаватели и администрация готовы были закрыть глаза... гм, на некоторые черты его характера. Пока Аазмандиус учился здесь, он шел впереди своего класса, и все пророчили ему блестящее будущее. Уверен, он это сознавал. Но задолго до занесения его в список выпускников, среди преподавателей возникли жаркие споры. Одни считали, что после выпуска его следует привлечь к преподавательской работе в институте. Другие настаивали, что при его высокомерном пренебрежении к нижестоящим, вводить его в постоянный контакт со студентами будет... ну, давайте скажем просто, что, по их мнению, его темперамент больше подходит для частной практики, а школе будет выгодней принимать финансовые жертвования прежнего питомца... предпочтительно присланные издалека почтой.

Это новое проникновение в прошлое Ааза увлекло меня. Однако, я не мог не заметить кое-какие неясности в речи хранителя документации.

— Извините, — обратился я к нему. — Но правильно ли я расслышал, что вы послали Гретту посмотреть досье Ааза в картотеке недоучившихся? Если он так хорошо занимался, то почему не стал выпускником?

Изверг испустил сильный вздох, и лицо его выразило искреннюю боль.

— Его семья потеряла состояние после серии неудачных инвестиций. Лишившись финансовой поддержки, он покинул школу, недоучившись... тихо ушел в середине семестра, хотя плата за обучение была внесена за него полностью. Мы предложили ему стипендию, чтобы он мог завершить свое образование... устроили даже внеочередное специальное заседание для получения необходимого одобрения, чтобы ему не пришлось болтаться, пока попечительский совет соберется на плановое заседание. Но он ее не принял. Очень жаль. Он обладал таким потенциалом.

— Это не похоже на того Ааза, которого я знаю, — нахмурился я. — Мне не приходилось видеть, чтобы он отказывался от денег... для него достаточно предложения позаимствовать их. Он указал, какую-то причину неприятия стипендии?

— Нет, но в то время его было легко понять. Видите ли, семья его была очень преуспевающей, и он щеголял своим богатством перед менее удачливыми почти также охотно, как и превосходством своих способностей. Помоему, он покинул школу, потому что не мог вынести мысли о встрече с прежними друзьями, не говоря уж

о жертвах, в своем новом состоянии бедного. Он был слишком горд, чтобы стать студентом-стипендиатом после того, как утвердился в роли аристократа. Аазмандиус может и не отказывался от денег, но думаю, вы могли обнаружить в нем сильнейшее отвращение к благотворительности... или к чему-либо подобному.

Все это имело смысл. Нарисованный им портрет Ааза, или, как его здесь называли, Аазмандиуса, кажется, подтверждал сделанный Мотыльком анализ финансовых привычек моего старого наставника. Если ему пришлось пережить позор и самому увидеть, как его планы на будущее рухнули из-за неосторожного распоряжения деньгами, то это объясняло ультраконсервативность в его поведении, порой даже скупость, когда речь заходила о накоплении и охране нашего запаса твердых наличных.

— А, вот и мы!

Восклицание хранителя документации при виде возвращения Гретты оторвало меня от раздумий. Я почувствовал, как во мне растет предвкушение удачи, когда он взял папку и начал внимательно просматривать ее содержимое. Впервые после прибытия на Извр у меня появится твердая нить, ведущая к местонахождению Ааза. Затем я заметил, что он хмурится.

— Что случилось?

— Сожалею, мистер Скив, — оторвался от папки хранитель документации, похоже у нас нет настоящего адреса вашего компаньона. Примечание здесь гласит: "В отъезде". Полагаю, понимая его финансовое положение, мы не так старались следить за ним, как обычно поступаем с другими питомцами.

Я боролся с волной разочарования, не желая верить, что после всего пережитого, этот ход окажется еще одним тупиком.

— Разве он не обзавелся собственной школой или бизнесом или еще чем-то таким? Я однажды встретил одного его ученика.

Изверг покачал головой.

— Нет. Об этом бы мы узнали. Возможно, он и соглашался обучать некоторых близких друзей или родственников... такое бывает среди занимающихся здесь. Но, думается, я могу с уверенностью сказать, что никаким официальным преподаванием он не занимался ни здесь, ни в каком-либо ином измерении. Мы бы услышали про это, хотя бы потому, что его подопечные

связались бы с нами для подтверждения его рекомендаций.

Теперь, когда он упомянул об этом, я вспомнил, что Руперта, того самого встреченного мной ученика, мне представили как племянника Ааза. Подавленный ощущением безнадежности дела, я чуть не пропустил мимо ушей дальнейшие слова хранителя документации.

— Кстати, коль речь зашла о родственниках. У нас есть адрес его ближайшей родственницы... а именно — матери. Наверно, если вы поговорите с ней, то, возможно, выясните его местонахождение.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

"М" означает многое чему она научила меня...

Эдип

Поиски адреса, данного мне хранителем документации, привели нас в закоулки данного измерения, где находились жилые районы. Хотя, на первый взгляд, Извр кажется состоящим из деловых центров, все же в нескольких шагах от главных деловых и транспортных артерий располагается и респектабельный район.

Когда мы нашли район, где жила мать Ааза, он не привел меня в восторг. Правда, он не выглядел невзрачным или грязным... по крайней мере не грязнее всего остального измерения. Просто он был убогим. Здания и улицы были настолько захудалыми, что меня угнетала самая мысль о том, что тут кто-то живет, не говоря уж о матери моего друга.

— Я подожду вас здесь на улице, — объявила Пуки, когда я выбрался из такси.

Я в удивлении посмотрел на нее.

— Разве вы не зайдете вместе со мной?

— Мне думается, важнее будет охранять ваш путь к бегству, — ответила она. — Внутри по-моему нет опасности, если это здание не рухнет, когда вы постучите в дверь... тут уж я все равно ничего не смогу поделать. А что? Вы ожидаете от старой дамы больших трудностей, чем вам по силам?

Поскольку у меня не нашлось на это достойного ответа, я поднялся по ступенькам крыльца к двери. Там висел список имен, а рядом шел ряд кнопок. Я без всякого труда нашел имя матери Ааза и нажал кнопку.

Спустя несколько мгновений из стены около меня внезапно заскрежетал голос.

— Кто там?

Мне потребовалось лишь несколько секунд, чтобы сообразить, что тут есть какая-то система вещания.

— Это... я, друг вашего сына Ааза... то-есть, Аазмандиуса. Я хочу узнать, нельзя ли мне поговорить с вами несколько минут?

Прежде чем пришел ответ, потянулось долгое молчание.

— Если вы уже здесь, я могу поговорить с вами. Подымайтесь.

В двери раздалось хрипкое гудение. Несколько секунд спустя оно прекратилось. Я терпеливо ждал.

— Вы все еще там?

— Да, сударыня.

— Почему?

— Простите?

— Почему вы не открываете дверь и не заходите, когда я прогудела вам?

— Ах, это был сигнал: “проходите”? Извините, не знал. Вы не могли бы... прогудеть мне опять?

— В чем дело, вы никогда раньше не видели замка с дистанционным управлением?

Вопрос был задан риторически, но раздражение из-за моего неловкого положения вынудило меня ответить.

— Я в этом измерении гость. На Пенте у нас нет ничего подобного.

Наступило долгое молчание. Достаточно долгое, чтобы я начал гадать, не ошибся ли я, признавшись, что прибыл из другого измерения. Гудение возникло опять, почему-то снова захватив меня врасплох, хоть я и ожидал его.

На этот раз я сумел открыть дверь и прошел в вестибюль. Освещался он тускло, а после того, как дверь закрылась, там стало совсем темно. Я начал было открывать ее, чтобы сориентироваться, но в последний момент убрал руку. Из-за этого ведь могла включиться сигнализация, а уж чего я в данную минуту не хотел, так новых неприятностей.

Постепенно мои глаза привыкли к полумраку и различили узкий коридор с еще более узкой лестницей, исчезающий во мраке наверху. Она сказала “Подымайтесь”. Я понял ее буквально и начал подниматься по лестнице... надеясь, что не ошибся.

После нескольких лестничных пролетов эта надежда стала превращаться в беспокойство. Ни в одном из встретившихся по пути коридоров не было признаков обитания, а по тому, как скрипела и стонала подо мной лестница, я подозревал, что иду в нежилую часть здания. Как раз, когда я готов был поддаться страху и отступить на нижний этаж, лестница кончилась. Разыскиваемая мной квартира находилась на противоположной стороне коридора от места, где я стоял, и поэтому мне не оставалось иного выбора, как идти дальше. Подняв руку, я тихонько постучал, боясь, что более сильный звук может вызвать катастрофическую цепную реакцию.

— Заходите! Открыто!

Призвав всю смелость, я вошел.

Жилище оказалось крошечным и забитым барахлом. У меня сложилось впечатление, что, вытянув руки, можно коснуться противоположных стен. Фактически мне пришлось перебороть порыв так и сделать, поскольку стены и их содержимое находились на грани оседания. Думается, именно тогда-то и я открыл, что слегка страдаю клаустрофобией.

— Так значит ты друг этого никчемного Аазмандиуса. Знала я, что не будет из него толку, но мне и не снилось, что он опустится до такой низости, как панибратство с пентехом.

Эта последняя реплика исходила от матери Ааза... должно быть от нее, потому что она была в комнате единственной персоной, кроме меня самого! Сперва мой взгляд пропустил ее, настолько она была частью квартиры, но коль скоро она привлекла мое внимание, то казалась доминирующей во всем окружении... если не во всем измерении.

Помните, как я говорил, что Пуки принадлежала к одному из двух типов особей женского пола, замеченных мной на Извре? Мать Ааза принадлежала к другому типу. В то время, как Пуки была гладкой и мускулистой, почти на змеиный лад, фигура передо мной больше напоминала огромную жабу... чашуйчатую рептилию. (Мне впоследствии указали, что жабы относятся к земноводным, а не к рептилиям, но тогда она заставила меня подумать именно так.)

Одета она была в мешковатый халат, заставлявший ее выглядеть еще более раздутой, чем была в действительности. Продавленное кресло, на котором она сидела, почти целиком загороживалось от обзора ее тушей,

переливавшейся через подлокотники кресла и растекавшейся по крапчатому ковру. На коленях у нее лежала спутанная белая тесьма, которую она злобно тыкала заостренной палочкой. Создавалось впечатление, будто она пытается тесьму, но затем я заметил, что почти все близ лежащие плоские поверхности в квартире покрывала схожая масса, и сделал вывод, что она занималась каким-то ремеслом, природу которого я не мог ни понять, ни оценить.

— Добрый день, мадам...

— Зовите меня, Герцогиней, — оборвала она меня. — Все так делают. Хоть не знаю почему... в этом измерении уже много поколений нет никаких коронованных особ королевской крови. Их всех обезглавили, а собственность поделили... славные были денечки!

Она причмокнула губами от приятных воспоминаний, хотя было не понятно, чем они были вызваны, временами коронованных особ или

их обезглавливанием. Затем она неопределенно показала на противоположную стену. Я посмотрел, ожидая увидеть насаженную на щит голову. Потом сообразил, что она показывает на висящую там выцветшую картину. И понял, что ничего не смогу разобрать сквозь пыль и грязь на ее поверхности.

— У служанки выходной, — резко бросила Герцогиня, заметив выражение моего лица. — С тех пор, как порку объявили вне закона, от прислуги не добиться приличной работы!

Я редко слышал такую явную ложь... насчет служанки, а не насчет порки. Имевшаяся тут повсюду паутина, пыль и мусор не могли накопиться за день... или за год. Полки и шкапулки по всей комнате были забиты самого дурного вкуса коллекцией безделушек и пыленакопителей, какую я когда-либо имел несчастье лицезреть, и каждый предмет накопил пыль до предела своих возможностей и даже превыше их. Я не представлял, почему Герцогиня решила утверждать, будто у нее есть слуги, раз она явно не уважала меня. Но не было смысла дать ей понять, что я ей не верю.

— Да. Ну... Герцогиня, я пытался отыскать вашего сына Ааз... мандиуса, и надеялся, что у вас, возможно, есть какие-то сведения о его местонахождении.

— Аазмандиуса? Этого обормота? — Ее узкие желтые глаза сердито запылали. Если б я знала, где он находится, думаете, я сидела бы здесь?

— Обормота?

Я начинал гадать, о том ли Аазе мы говорили.

— А как по-вашему еще его назвать? — огрызнулась она. — С тех пор, как этот бездельник покинул школу, он не прислал мне ни гроша. Значит он столько тратит на себя, что не остается ничего выделить семье, которая его вскормила, взрастила и сделала тем, кем он стал ныне. Что он думает, каким образом я буду поддерживать тот уровень жизни, какого ждут от нашей семьи, не говоря уж о продолжении инвестиций, если он не присылает мне денег?

— Инвестиций? — переспросил я. Картина начинала проясняться.

— Конечно. С тех пор, как умер мой муж, всеми инвестициями в нашей семье занималась я. И как раз начала набивать руку, когда Аазмандиус бросил школу и исчез без гроша... Я имею в виду, без следа. Уверена, будь у меня еще несколько миллионов для вкладывания денег, я не промахнулась бы.

— Понятно.

— Слушайте, у вас случайно нет доступа к свободному капиталу, а? Я могу вложить его в выгодное дело для вас, а прибыль мы можем поделить... Хотя вам будет лучше заставить свои деньги работать снова, вложив их в дело, как только вы их получите.

Я вдруг остро почувствовал тяжесть чековой книжки у себя в кармане. Разговор принимал неудобный оборот.

— Мгм... я сейчас немного нуждаюсь, — уклонился я от прямого ответа. — потому и искал... Аазмандиуса, так как он задолжал мне деньги.

— А разве у вас нет друзей, способных дать вам займы миллион — другой?

— Вообще-то нет. Они все такие же бедняки, как и я. Извините, Герцогиня, мне сейчас надо идти. Меня внизу ждет такси, и каждая проведенная здесь минута стоит мне больше, чем вы можете себе представить.

Я испытывал отчаяние, когда Эдвик вез меня с Пуки обратно в отель. Последняя моя надежда найти Ааза пошла прахом. Теперь, когда оказался бесплодным розыск его в среде магов, я совершенно не представлял, как его найти, иначе, чем стучась в каждую дверь этого измерения... а на такую попытку у меня просто не было сил, даже если бы нашлось время. Миссия провалилась. Не оставалось ничего иного, как расплатиться с Эдви-ком и Пуки, выписаться из отеля и придумать, как

просигналить Маше забрать меня отсюда на Пент. Я надеялся, если снять с пальца ее кольцо, то она появится, но уверенности не было. Возможно, в борьбы с королевой Цикутой я проявляю больше умения, чем в поисках Ааза. Мне следовало бы испытывать печаль, когда я выписывал чеки водителю и телохранителю, готовясь к нашему расставанию, но я ее не испытывал. Вместо этого я вдруг задумался о Герцогине.

Поначалу я счел ее сумашедшей старой дамой, живущей прошлым, поддерживая иллюзию богатства, в которую не верил никто, кроме нее. В идеале, кому-то, равнодушному к ее судьбе, следовало бы строго поговорить с ней и попытаться снова вернуть ее в контакт с действительностью, чтобы она начала приспособляться к действительному положению. Поразмыслив, я счел его скорее печальным, чем раздражающим или достойным презрения.

Затем мои мысли стали незаметно переходить от ее дел к моим. Не был ли я, так же как и она виновен в попытках основывать свою жизнь на том, как было или должно быть? Я был неискушенным, необученным юнцом, и такое представление о самом себе все еще преследовало меня во всем, что я не говорил и делал. Я считал, что должен быть безупречным бизнесменом и управляющим, и, преследуя эту цель, обращался с собою и с другими довольно сурово. Что же являлось для меня действительностью?

Еще до прибытия на Извр, многие мои помощники, включая Ааза, пытались убедить меня, что я — нечто большее, чем считаю себя сам. Я каждый раз отмахивался от их слов, полагая, что они либо пытаются сделать приятное “Малышу”, либо, в некоторых случаях, пытаются заставить меня повзрослеть быстрее, чем я рассчитывал.

Но, возможно, настало время решить — согласен ли я повзрослеть, хотя бы душевно. Физическое повзреление наступит само собой.

Ладно, допустим я молод и неопытен. Ну и что? “Неопытен” не значит “глуп”. Не было причин ожидать от себя мастерского обращения или даже знакомства, с никогда ранее не встречавшимися мне положениями и понятиями. Главное заключалось не в мрачных раздумьях о своих недостатках. А в том, что я учился. И учился быстро...

Их, подобно встреченным мной в этом поиске извергам, не волновало, чего я не знал в прошлом году или чему мне еще требовалось научиться, они реагировали на то, кем я был сейчас. Разве не следует мне поступать по-прежнему?

Раз уж речь зашла об учебе, я всегда стеснялся, если чего-то не знал, и намеревался продолжать учиться всю свою жизнь. Я всегда считал, что если вдруг перестану учиться, то это будет означать, что я либо закрыл свой мозг, либо умер. Сопоставив эти две мысли, мне подумалось, что стыдясь незнания, я по сути дела оправдывался за пребывание в живых! Конечно, я много чего не знал! Ну и что? Это еще не делало меня аутсайдером или уродом, а давало нечто общее со всеми живущими. Вместо того, чтоб зря терять энергию на стенания по этому, мне следовало бы использовать свои способности для расширения горизонтов.

Выражение "Сегодня первый день остатка твоей жизни" стало почти штампом во всех измерениях. Мне пришло в голову, что лучшим выражением было бы: "Вся твоя предшествующая жизнь была тренировкой для данной минуты!" Вопрос заключался в том, что я намерен делать!

Я еще изучал эту идею, когда мы подруили к тротуару перед отелем.

— Вот мы и приехали, Скив, — развернулся ко мне Эдвик. — Ты уверен, что я больше не понадоблюсь?

— Нет смысла, — вздохнул я, передавая ему чек. — Я исчерпал и идеи, и время. На мне б хотелось отблагодарить тебя за помощь. Во время моего пребывания здесь ты был для меня намного больше, чем водителем и гидом. Я вписал в чек небольшое добавление для более осязаемого выражения своей благодарности.

На самом деле я внес туда значительное добавление. Таксист взглянул на цифру и довольно засиял.

— Спасибо, Скив. Сожалею, что вам не удалось найти своего друга.

— Так уж иногда складывается, — пожал плечами я. — Береги себя, Эдвик. Если когда-нибудь выберешься на Деву, загляни ко мне, и я для разнообразия покажу тебе мое измерение.

— Вполне возможно я поймаю тебя на слове, — таксист помахал рукой, когда я выбрался на улицу.

Пуки выскочила из такси как только мы остановились и поэтому, мне предстояло расчитываться с ней у всех на виду.

— Пуки, я...

— Осторожней, Скив, — шепнула она, не глядя на меня. — По-моему у нас возникли проблемы.

Я проследил за ее взглядом. Дверь в мой отель взяли в клещи двое полицейских в мундирах. При виде меня они двинулись вперед с выражением мрачной решимости на лицах.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

*Я не прохожимец!
Любой прохожимец*

— Фот он! Третий спрафа!

Даже при светивших мне в лицо прожекторах я без труда узнал голос приплывший ко мне из невидимой части помещения за линией освещения. Он принадлежал официанту, с которым я столкнулся в первый же вечер на Извре. Тому самому, утверждавшему будто я пытался уклониться от уплаты за ужин, упав в обморок.

Меня не удивила его способность опознать меня в ряду выстроившихся под прожекторами. Прежде всего, у меня не было никаких оснований подозревать, будто он не обладает наблюдательностью и памятью. А что важнее — из всех выстроившихся в ряд индивидов только я один не был извергом. Более того, все прочие были полицейскими в мундирах! Ничто не сравнится с милой, невинной, подстроенной игрой, а тут наблюдалась именно она... ничто иное как подстроенная игра с наперед известным результатом.

А вот удивляло меня то, что эта ситуация ни чуточки не расстраивала меня. Обычно при подобном кризисе я либо крайне расстраиваюсь, либо слишком злюсь, чтоб волноваться. Однако, на этот раз я испытывал лишь легкое веселье. Я испытывал какую-то расслабленность и ощущение, владеющим собой и ситуацией, поэтому решил немного поразвлечься происходящим... чтоб разрушить монотонность.

— Взгляните еще раз, сэр. Вы абсолютно уверены? — этот голос я тоже знал. Он принадлежал капитану, причинившему Дж. Р. и мне столько огорчений в тот последний раз, когда я имел удовольствие наслаждаться

гостеприимством полиции. Прежде, чем официант успел ответить, я применил свои чары личины и поменялся местами со стоящим рядом со мной полицейским.

— Уферен. Он третий... нет, фторой спрафа!

— Что?

Борясь с желанием ухмыльнуться, я снова взялся за работу, на сей раз так изменив внешность всех выстроившихся, что они сделались моими зеркальными отражениями.

— Но... это не нефосмошно!

— Мистер Скив. Будьте любезны.

— Извините, капитан? — невинно переспросил я.

— Мы были бы очень признательны, если б вы перестали играть в игры со свидетелями!

— Значит у нас одинаковые стремления, — улыбнулся я. — Я был бы признателен, если бы вы перестали играть в игры со мной! Мне думается, я привел свой довод.

Я сбросил чары личины, оставив выстроившихся полицейских прожигать подозрительными взглядами друг друга и меня.

— Что за довод?

— Что все это выстраивание глупо. Забудем на минуту, что вы поставили тут рядом со мной всех своих коллег и допустим, что вы играли честно. Мой довод в том, что не я один умею применять чары личины. Всякий видевший меня или мой портрет мог применить чары личины достаточно удачно, чтобы одурачить любого свидетеля. Поэтому опознание теряет силу как, доказательство. Вы установили всего навсего, что свидетель видел кого-то имевшего доступ к моему изображению... а не что я лично бывал где-либо неподалеку от него.

За линией освещения наступило долгое молчание.

— Вы отрицаете, что имели какой-то контакт со свидетелем? Как я понимаю вы узнаете его голос.

— Это довольно прозрачный вопрос-ловушка, капитан, — рассмеялся я. — Если я признаюсь, что узнаю его голос, то одновременно признаю, что имел с ним контакт. Верно?

Я действительно начинал наслаждаться.

— Действительно, я готов признать, что имел дело с вашим свидетелем там. Так же, как со швейцаром и коридорным, а равно и с другими людьми, которых вы притащили опознать меня. Я ставлю под вопрос смысл вашей процедуры. Мне кажется, что вы доставляете себе и всем остальным массу хлопот, которые сами по

себе не дадут каких-либо полезных результатов. Если вы хотите получить сведения обо мне и моих передвижениях, то почему бы вам прямо не спросить меня об этом вместо того, чтобы затевать всю эту глупую возню?

Прожектора внезапно погасли, оставив меня еще более ослепленным.

— Ладно, мистер Скив. Попробуем по-вашему. Не будете ли вы добры последовать за мной в одну из наших "исповедален"?

Даже при "пробовании по-моему" меня изводили больше, чем я ожидал или желал. Верно, я не стоял теперь перед прожекторами, на в маленькой "исповедальне" толпилось так много народу, чтобы я по-прежнему чувствовал себя выставленным на всеобщее обозрение.

— Ну, в самом деле, капитан, — признал я, проводя взглядом по небольшой толпе. — Неужели все это действительно необходимо?

— Конечно, — огрызнулся он. — Я хочу иметь свидетелей всему, что вы скажете, и записать нашу небольшую беседу. Полагаю, мне следует уведомить вас, что все сказанное вами может быть использовано против вас в суде. И еще, что вы имеете право советоваться в ходе расследования с адвокатом, выбранным вами, либо назначенным судом. А теперь продолжим или подождем юридического советника? Мое самообладание чуточку померкло. Это дело стало казаться куда более серьезным, чем при прошлом моем визите.

— Меня в чем-нибудь обвиняют?

— Пока нет, — ответил капитан. — Посмотрим, как пойдет допрос.

Я думал не попытаться ли связаться с Шайк-стером, одним из адвокатов Синдиката. Но сообразил, что одно лишь знакомство с ним может повредить старательно выставляемому мной образу невинного, обиженного гражданина.

— Тогда я отвечу на вопросы сам, — сказал я. — Хотя, возможно, вызову юридическую подмогу, если дело пойдет чересчур круто.

— Как угодно, — пожал плечами полицейский, беря принесенную им пачку бумаг.

Что-то в его манере заставило меня подумать, что я сделал неправильный шаг, не настояв на присутствии адвоката. И я начал на нервной почве болтать, выуживая

уверения, что в действительности дела не так плохи, как начинали казаться.

— На самом деле, капитан, я немного удивлен тем, что нахожусь здесь. Я думал в мой прошлый визит мы вполне разобрались со всем.

Забравшие меня перед отелем и доставившие в участок полицейские оказались до крайности малоразговорчивыми. Помимо простого заявления: "Вас хочет видеть капитан", они не дали ни малейших намеков на то, зачем меня приволокли сюда.

— Опознание проводилось для подтверждения, что мы имеем дело с нужным лицом, — улыбнулся капитан. — Что вы очень убедительно продемонстрировали. А что до того, почему вы здесь, то при нашей последней беседе мы не выяснили одну-две мелочи.

Он взял один из листков, держа его кончиками пальцев так, словно тот был очень хрупким или драгоценным.

— Видите ли, как я и обещал, мы провели на вас проверку по некоторым другим измерениям.

Моя уверенность упала вместе с духом... куда-то в пятки.

— Для справки, — говорил капитан, — вы Скив, иногда известный под именем "Великий Скив"... родом с Пента, имеющий контору на Деве?

— Совершенно верно.

— Так вот, вы, кажется, принимали некоторое время назад участие в войне... где-то около Поссилтума?

Тут мне было незачем юлить.

— В то время я работал придворным магом Поссилтума. Помогать остановить вторгшуюся армию входило в мои обязанности.

— В самом деле? У меня есть также рапорт с Валлета, утверждающий, что вы входили в группу, похитившую Приз Большой Игры. Это тоже входило в ваши обязанности?

— Мы честно и законно выиграли, вызвав их на матч, — вспыхнул я. — Валлеты заранее согласились на это... и чуть было не вышибли нам мозги, прежде чем мы выиграли.

— ... Что вы сделали в основном с помощью той команды, с которой останавливали вышеупомянутую армию вторжения, — сухо отметил капитан.

— Они же мои друзья, — запротестовал я. — Мы иногда работаем вместе и помогаем друг другу, когда один из нас влипнет.

— Угу. А свои отношения с Синдикатом вы определили бы на тот же лад? Друзья, работающие вместе и помогающие время от времени вытащить влипших?

Хоп! Вот оно. Теперь, когда эта тема все-таки всплыла, лучше будет осветить ее откровенно и честно.

— Тут иное дело, — уклончиво сказал я.

— Еще бы! — зарычал капитан. — Фактически: “иное”, по-моему, совсем не подходящее определение! За все годы работы в полиции никогда не слыхивал ни о чем подобном.

Он сгреб пригорошню бумаг и драматически поднял их.

— С Пента к нам поступили противоречивые рапорты. Один из них утверждает, что вы сыграли главную роль в преграждении Синдикату пути в Поссилтум. А другой называет вас суб-главарем самого Синдиката!

Он схватил новую пригорошню.

— Это особенно интересно ввиду того, что по рапортам с Девы вы помешали Синдикату проникнуть в это измерение. И, что еще важнее, вам платят солидное вознаграждение за продолжение защиты от Синдиката, хотя вознаграждение это, кажется, идет на оплату вашего штата... куда входят двое телохранителей из Синдиката и племянница настоящего главы Синдиката! И все это, конечно, не имеет никакого отношения к тому, что вы владеете комплексом отеля с казино и известны своими связями с профессиональными игроками и убийцами. В какую игру вы играете, Мистер Скив? Мне до смерти хочется услышать, как же вы определяете понятие “иное”!

Я хотел попробовать по мере сил объяснить довольно путанный ряд отношений и обстоятельств, определяющих в данный момент мою жизнь. А потом решил поберечь дыхание.

— Сперва разрешите мне кое-что проверить, капитан. Распространяется ли ваша юрисдикция на другие измерения? А выражаясь иначе, касается ли вас, что я там делаю или не делаю, вдали от Извра, или вы притащили меня сюда просто для удовлетворения своего любопытства?

Поджав губы, изверг опустил бумаги на стол и старательно тщательно выравнивал их.

— О, мне очень любопытно разузнать о вас, мистер Скив, — мягко произнес он. — Но за вами я послал не поэтому.

— Тогда нельзя ли нам перейти к сути дела? Как бы не хотелось мне поразвлечь вас рассказом о своей жизни, время у меня занято другими неотложными делами.

Полицейский уставился на меня каменным взглядом.

— Ладно. Будем держаться настоящей проблемы. Вам знаком уличный торговец по имени Дж. Р.?

— Дж. Р.? Разумеется знаком. Разве вы не помните? Когда я был здесь в прошлый раз, он сидел...

— Как вы объясните свои отношения с указанным лицом? — перебил капитан.

— Можно сказать, что мы приятели, — пожал плечами я. — Я несколько раз болтал с ним, как прибыл на Извр, и, как вам известно, он помог мне выкрутиться, когда я ввязался в драку.

— Что-нибудь еще?

— Еще мы вместе занимаемся бизнесом. То есть, я вложил деньги в одно его предприятие.

Мои слова, казалось, ошеломили капитана.

— Вы хотите сказать, что признаете это? — воззрился он на меня.

В затылочной части моего мозга зазвенел сигнал тревоги.

— Разумеется. А что необычного в том, если бизнесмен делает инвестиции в новое предприятие?

— Минутку. А какое именно предприятие вы, по-вашему, финансировали?

— Он сказал, что намерен открыть магазин розничной торговли, — обеспокоенно отвечал я. — Но говорил что-то и про снабжение других уличных торговцев, пока будет наращивать оборотный капитал. А чем именно он собирался их снабжать я доподлинно не знаю.

— Не знаете?

— Чесно говоря, я спешил и забыл спросить. А что? Чем он...

— Мы только что забрали его за контрабанду! Похоже ваш приятель и деловой партнер использовал ваши деньги для покупки и продажи запрещенных к ввозу товаров!

Надо признаться, эта новость меня расстроила. Видимо, Дж. Р. в избытке рвения вышел ради скорейшей прибыли за рамки закона.

— Насколько это серьезно, капитан? Нельзя ли мне внести за него залог... или нанять ему адвоката?

— Не беспокойтесь о нем, — посоветовал изверг.

Оказывается, он обладает некоторыми сведениями относительно разыскиваемого нами убийцы с топором и готов поделиться ими, если мы снимем обвинение в контрабанде. Вам следует больше беспокоиться о себе.

— О себе?

— Совершенно верно. Вы признались, что являетесь его партнером в этом деле и, следовательно, столь же виновны, как и он.

— Но я же не знал, что он собирался делать! Честное слово! — Теперь я забеспокоился. Все это дело было нелепостью, но я стал подумывать, что мне следует настоять на адвокате.

— Это вы так говорите, — мрачно отозвался капитан.

— Не желаете ли увидеть, чем он торговал?

Он сделал знак одному из присутствовавших полицейских, и тот подал несколько пластиковых мешков с мелкими предметами. Я узнал их с первого взгляда, что нисколько не способствовало моему душевному спокойствию.

— Все это продукция кампании “Лучшие шутки и новинки”, — монотонно произнес капитан. — Кампании, с которой вы, по-моему, недавно работали?

— Команда моих сотрудников немного поработала там по делу о несунах, — промямлил я, не в состоянии оторвать глаз от предметов в мешках. — Эти товары противозаконны на Извре?

— У нас есть много постановлений, стремящихся поддерживать высокий уровень жизни на Извре. Нам не удалось остановить порнуху, но мы сумели объявить вне закона дрянные товары для розыгрышей, вроде Резиновых Собачьих Каракулей с Реалистическим Натуральным Запахом, Действительно Пристающим к Вашей Руке.

Мне это показалось не очень большим достижением, зная о преступности на улицах, с которой я уже познакомился. Но подумал, что указывать на это в данную минуту будет неразумно.

— Ладно, капитан, позвольте мне перефразировать свой вопрос, — сказал я, глядя в пол. — В насколько крупную передрагу угодил я? Что здесь светит... штраф, тюремное заключение?

Изверг сделался молчаливым. Я поднял голову и посмотрел ему в глаза. Он глядел на меня ровным, оценивающим взглядом.

— Никаких обвинений. Я отпускаю вас, — вздохнул, наконец, он, качая головой.

— Но я думал...

— Я же сказал все зависело от того, как пойдет допрос! Не могу допустить, что у вас хватило глупости сознательно ввязаться в это дело с контрабандой. Если бы вы ей занялись, то обезопасили бы себя получше. Поступили вы глупо... на как раз настолько глупо, чтобы это походит на правду.

— Вот здорово, спасибо, капитан. Я...

— Не стоит благодарности. Просто выполняю свой долг. А теперь чешите отсюда... и, мистер Скив?

— Знаю, — улыбнулся я, — не менять отелей и не покидать этого измерения не уве...

— В действительности — сухо прервал меня капитан без следа теплоты в голосе, — я хотел предложить вам сделать прямо противоположное... а точнее, покинуть это измерение... скажем, к завтрашнему утру?

— Что?

— Я по-прежнему думаю, что от вас разит бедой, и эти рапорты подтверждают мое мнение. Контрабанда, кажется, слишком мелким промыслом, чтобы вы утруждали себя ею. Я предпочел бы увидеть скорей, как вы исчезните, чем сажать вас в тюрьму по столь пустячному обвинению... Но выход будет либо тот, либо другой, понятно?

Я не мог поверить своим ушам! Извр считался самым скверным, самым крутым измерением, и меня выбрасывали оттуда, как нежелательное лицо!

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Вы меня искали?

Д-р Ливингстон

Вернувшись к отелю я удивился, обнаружив там ожидающую меня Пуки. Полиция проявила любезность, подождав, пока я вручу ей чек прежде, чем увести меня в участок. Поэтому я думал, что никогда больше не увижу ее.

— Привет, Пуки. Что вас привело сюда?

— Я хотела бы поговорить с вами об одном небольшом дельце, — сказала она. — Раньше время было неподходящим, поэтому я подождала.

— Понятно.

После своего последнего опыта я отнюдь не прыгал от радости при мысли о каких-то делах с извергами... особенно с теми, кто не хотел говорить в присутствии полиции. Все же, Пуки не давала мне повода не доверять ей.

— Ладно. Подымайтесь со мной и говорите, что у вас. Я отбываю... по настоятельной просьбе.

Если мое заявление показалось ей хоть в чем-то странным, то она никак этого не проявила. Вместо этого она зашагала в ногу со мной, когда я вошел в отель.

— На самом деле, то, что я хочу сказать, займет не слишком много времени. Если я правильно поняла, вы отправляетесь в другое измерение для воссоединения со своей постоянной командой в кампании против некой особы по имени Королева Цикута. Верно?

— Хорошее обобщение, — кивнул я. — А что?

— Я думаю предложить вам свои услуги в предстоящей драке. Могу сделать вам специальную скидку за

работу не на Извре, потому, что в других измерениях цены ниже. Это снижает мне накладные расходы, — сказала она, сверкнув улыбкой.

По какой-то причине, мне ни разу не пришел голову нанять ее для участия в кампании против Цикуты. И все же, у этой идеи были свои достоинства.

— Не знаю, Пуки, — проговорил я, пытаюсь взвесить плюсы и минусы. — Меня уже дожидается пара телохранителей.

— Знаю, — кивнула она. — Я умею не только охранять, а судя по впечатлению вам, вероятно, не помешает немного дополнительной помощи.

— Мне не помешает уйма дополнительной помощи! — Призвался я.

— Ну, хотя вы и не нашли своего друга, ваш поиск показывает, что вы и ваши не против работать с извергами. Кроме того, я достаточно хорошо умею путешествовать по измерениям, чтобы доставить нас обоих прямо на Пент.

Это решило вопрос. У меня не было уверенности, что мой план просто сняв передающее кольцо будет действенным способом просигнализировать Маше, а Пуки как раз предложила хороший способ попасть туда. Чем бы ни занималась сейчас Маша, я не горел желанием заставить ее бросить все просто для того, чтобы предоставить мне транспорт.

— Дадно. Вы приняты, — объявил я. — Дайте мне только минутку собрать вещи и мы отправимся.

Таков был мой первоначальный план, но открыв дверь в свой номер я сообразил, что у меня гость.

— не стой столбом. Ты заходишь или уходишь?

Если и были у меня на уме какие-то сомнения насчет того, кто мой гость, то это приветствие отменило их все.

— Ааз!

После всех моих исканий — в том числе и духовных — я никак не мог поверить, что мой наставник, друг и партнер действительно находится у меня перед глазами!

— Совершенно верно. Я слышал ты хотел поговорить со мной... так говори же.

— Полагаю довольно утешительно узнать, что некоторые вещи никогда не меняются, Аазмандиус... вроде тебя.

Эта последняя фраза исходила от Пуки проскользнувшей в номер мимо меня.

— Пуки? Это ты?

На какой-то миг Ааз показался ошарашенным не меньше моего.

— Вы знаете друг друга?

— Знаем ли друг друга? — рассмеялся Ааз. — Шутить? Мы родственники!

— Дальние родственники, — поправила без энтузиазма Пуки.

— В самом деле? Так почему ж вы ничего не сказали, Пуки?

— А вы не спрашивали.

— На... вы же знали, что я ищу его!

— В действительности, я вычислила это лишь через некоторое время, а когда поняла, то тоже не знала, где он находится. Кроме того, по правде говоря, судя по моим воспоминаниям, я сочла, что вам будет лучше жить без него.

— Ну и ну. Малютка Пуки! И язычок, видать, по прежнему острый как бритва.

— Теперь уж не такая и малютка, Аазмандиус, — в голос телохранительницы вкралась опасная нотка. — Испытай меня как-нибудь и сам убедишься.

Эта пара явно находилась не в самых лучших отношениях. Я решил, что лучше всего будет вмешаться, пока дело не дошло до рукоприкладства.

— Как ты попал ко мне в номер?

— Дал в лапу коридорному, — снова переключил на меня внимание мой старый партнер. — Эти парни продадут ключ от маминого магазина, если им будут с этого достаточно крупные чаевые.

Последовало неловкое молчание. Я отчаянно замстался, ища чего бы сказать.

— Так как тебе жилось, Ааз? — рискнул спросить я, сознавая, как неудачно это звучит. — Выглядишь ты отлично.

— О, жил я шикарно... просто шикарно, — сплюнул он. — Хорошо, что я увидел твое объявление в газете сейчас. Собирался отправиться в другое измерение. Я и забыл, какие здесь высокие цены.

Я сделал мысленную заметку: не забыть расплатиться с коридорным. Похоже, его идея поместить объявление в газете окупилась лучше, чем моя беготня.

— Что верно, то верно, — согласился я. — Стоимость, безусловно, свалилась мне, как снег на голову. Конечно, я здесь никогда раньше не бывал и поэтому не мог знать...

Я оборвал словоизлияние, сообразив, что он пристально смотрит на меня.

— Что возвращает нас к моему первоначальному вопросу, Скив. Что ты здесь делаешь и почему хочешь со мной поговорить?

Мой миг настал, и если настроение Ааза могло служить указанием, то мне лучше сделать свою первую подачу без промаха. Второго шанса у меня вероятно не будет. В голове у меня вертелось, словно в калейдоскопе все, чего я хотел сказать ему при встрече, беспорядочно перемешанное с моими недавними мыслями о самом себе.

Мои поиски дали мне возможность по-новому взглянуть на Ааза. Повидав породившее и сформировавшее его измерение, узнав о его учебе в школе и встретившись с его матерью, я получил более ясное представление о том, что же двигало моим старым партнером. Хотя я и готов был использовать эти сведения, но твердо решил не дать понять, сколько же я узнал. В один прекрасный день, когда он будет готов к этому, он, возможно сам поделится со мной некоторыми из этих сведений, но до тех пор пусть думает, что его личные дела по-прежнему никому не ведомы. Конечно, из-за этого мне приходилось искать, чего бы сказать здесь и сейчас. Следует ли умолять его вернуться со мной? Следует ли сыграть на нашей дружбе... или заманить его провернуть всего лишь еще одно дельце, воспользовавшись кампанией против королевы Цикуты?

Мне вдруг вспомнился совет Кальвина. Не существовало никаких правильных или неправильных слов. Я мог лишь надеяться, что они окажутся достаточно хороши и дойдут до сердца, отвернувшегося от меня друга. А если нет...

Набрав побольше воздуха в легкие, я сделал все, что в моих силах.

— Я присхал в основном извиниться, Ааз.

— Извиниться?

Мои слова, казалось, поразили его.

— Совершенно верно. Я обращался с тобой довольно гнусно... перед тем, как ты ушел. У меня нет права просить тебя вернуться, но я хотел найти тебя, чтобы предложить свои оправдания и объяснения, чего бы они ни стоили. Видишь ли...

Теперь когда я начал, слова хлынули из меня потоком, выскакивая бессознательно с моей стороны.

— На в своем новом посту главы “М. И. Ф. Инкорпорейтед” я так всего боялся, что впадал в крайности, пытаюсь воплотить то, чего, на мой взгляд все ожидали от меня. Я пытался скрыть собственные слабости... выглядеть сильным, делая все без чьей-либо помощи. Не принял бы помощи до того как я занял этот пост, и либо игнорировал, либо резко отметал любые советы или подмогу, потому что рассматривал, их как признание собственных недостатков.

Я, не мигая, посмотрел на него.

— Вести себя так было глупостью, ребячеством, идиотизмом; самое худшее в том, что это ранило моих друзей, так как заставляло их чувствовать себя бесполезными и нежеланными. Такое было плохо для Тананды, Корреша и других. Перед ними я тоже извиняюсь, обращаться так с собой было совершенно не прости-тельно.

Проведя языком по губам, я ринулся дальше, как в омут.

— Я никогда не умел складно говорить, Ааз, и сомневаюсь, что сумею когда-нибудь передать тебе, как много ты для меня значишь. Я сказал, что не могу просить тебя вернуться, и не попрошу, но скажу, что если ты вернешься, тебе будут более, чем рады. Хотел бы я приобрести возможность показать тебе то, для чего не могу найти слов... что я восхищаюсь тобой и ценю те мудрые и ценные советы, которые ты всегда давал мне. Не могу обещать, что сумею полностью сразу измениться, но намерен попробовать... независимо от того вернешься ты или нет. Я знаю, что дело пойдет легче, если ты будешь драть меня за уши всякий раз, когда я начну спотыкаться. Я желал бы... ну, вот и все. Это даже не начало улаживать взаимоотношение, но ты получил от меня извинение.

Я замолчал, ожидая его ответа.

— Знаешь, Скив, а ты взрослешь. По-моему, мы оба забываем это быстрее, чем следует.

Голос у Ааза был таким мягким, что я едва узнал его.

— Значит ты вернешься?

— Я... я должен подумать, — отвел взгляд он. — Дай мне ответить тебе через пару дней. Идет?

— Хотел бы, но не могу, — поморщился я. — Сегодня вечером я должен отбыть.

— Понятно, — резко повернулся ко мне Ааз. — Ты мог выделить на эту маленькую прогулку короткое время, да? В конторе накопилась гора всяких дел?

К горлу у меня подступил сердитый, негодующий протест, но я поборол его. В виду того, что Ааз знал его, предположение не только не было неуместным, оно было логичной ошибкой.

— Дело вовсе не в том, — спокойно ответил я. — Если хочешь знать, то местная полиция велела мне к утру покинуть это измерение.

— Что!?! Тебя выкинули с Извра?

Глаза моего старого партнера с холодной яростью вперились в Пуки.

— Не смотри на меня так, кузен! Я об этом впервые слышу. Я знала, что он собирался в другое измерение, потому что не мог найти тебя.

— Так обстояло до моей последней беседы с полицией, — уведомил их я. — В самом деле, Ааз, Пуки не имела к этому никакого отношения. Я тут по собственному почину встрял в небольшую передрагу... подробности в данное время не важны. Суть в том, что я не могу ошиваться тут, пока ты принимаешь решение.

— Как-нибудь мне надо будет послушать про эти неважные подробности, — проворчал Ааз. — А пока ты можешь отправляться, а я нагоню тебя, когда все обдумаю.

— Мм.. вообще-то, если ты решишь вернуться, то я буду на Пенте, а не на Деве.

Я попытался сказать это небрежно, как о чем-то незначительном, но Ааз мигом уловил в этой фразе нечистое.

— На Пенте? Что может заставить тебя вернуться в то захолустное измерение?

Прямой вопрос нельзя было обойти. Кроме того тон моего старого наставника требовал сугубо прямого ответа.

— Мне надо там разобраться с одной проблемой. Помнишь королеву Цикуту? Похоже, она опять собралась в поход.

— Цикута? — нахмурился Ааз, — Я думал ты остудил ее мотор с помощью неснимающегося кольца.

Я решил, что сейчас не время спрашивать, что такое мотор.

— Остудил, — признал я, — и она прислала егомне обратно... с пальцем. Это походило на весьма недвусмысленное предупреждение, что она снова готова осу-

ществить свои планы завоевания мира... и не допустит никакого вмешательства.

— ... И ты собираешься выступить в одиночку против нее? Даже не рассказав мне об этом?

— Я... я счел, что будет нечестно пытаться давить на тебя этим, Ааз. Надо смотреть фактам в лицо. Судя по тому, как там идут дела, может случиться какая-нибудь беда. Нельзя надеяться, что ты всю жизнь будешь прикрывать мой тыл каждый раз, когда возникает опасность. Кроме того, я не собираюсь в одиночку справиться с ней. Остальная наша команда уже там. Я отправил их вперед, а сам тем временем стал разыскивать тебя.

Я ожидал взрыва и назидания. А вместо этого Ааз, казалось, изучал мое лицо.

— Давай посмотрим, правильно ли я все понял, — сказал, наконец, он. — Твое родное измерение подверглось нападению... и вместо того, чтобы руководить командой, ведя кампанию, ты откладываешь все это, чтобы разыскать меня?

Когда он так поставил вопрос, то мое поведение и впрямь выглядело немного безответственным.

— Ну... да, — запинаясь, сказал я. — Но я велел Маше вернуться за мной в конце недели. Считал, что к этому времени мне придется приехать и взяться за дело, засучив рукава, независимо от того найду я тебя или нет.

Ааз начал было торопливо что-то говорить, а затем покачал головой. Испутив сильный вдох, он попробовал опять более членораздельно.

— Скив... не беспокойся насчет способности находить правильные слова. Мне думается, что ты дал мне хорошее представление о том, что я для тебя значу.

— Да?

Он кивнул.

— Достаточно, чтобы я принял решение. Хватай свои шмотки, партнер. Отправляйся. Ты расплатился с отелем или тебе еще надо свести счеты?

— На этом фронте у меня все улажено, — заверил я его. — Никаких расчетов нет... поскольку меня заставили заплатить авансом.

— Оно и понятно, — пробурчал Ааз — Если ты не ОВЛ или еще какая шишка, то со всеми обращаются одинаково.

— Конечно, в следующий раз будет, вероятно, легче... раз у меня есть теперь кредитный счет и кредитная карточка.

— Какой еще следующий раз? Я думал ты сказал, что полиция...

Цепочка его рассуждений внезапно оборвалась, и он круто повернулся, надвинувшись на меня.

— Кредитная карточка? Какая еще кредитная карточка? Кто тебя научил пользоваться кредитными карточками?

Реакция получилась не совсем такой, какую я ожидал.

— Это предложил банк. Там сказали...

— Какой еще банк? Как ты узнал, что искать в банке?

— Ну, мне его порекомендовал Эдвик, это таксист, которого я нанял, пока жил здесь, и...

— Чего-чего ты нанял? Почему ты не... Он умолк и, казалось, немного восстановил самообладание. Похоже нам с тобой придется многое обсудить... Когда у нас будет время. Верно, партнер?

— Верно, Ааз, — поддакнул я, радуясь что в данный момент сорвался с крючка.

— Требуется еще что-нибудь сделать до того, как мы отчалим?

— Мне надо дать некоторую сумму коридорному. Я обещал ему...

— Избавь меня от подробностей... во всяком случае сейчас. Есть еще что-нибудь?

— Нет, Ааз.

— Отлично. Заканчивай упаковывать вещи, пока я найду этого коридорного. А потом отправимся на Пент... если я смогу найти комбинацию на И-прыгателе. Времени прошло немало, и...

— Поэкономь батарейки, кузен, — посоветовала ему Пуки. — Я справлюсь с доставкой нас всех без всякой помощи.

— Ты? С чего это ты отправляешься с нами? — разинул рот Ааз.

— С того, что меня нанял на службу Скив, — ответила встречным выпадом телохранительница. — И раз уж мы заговорили на эту тему, то почему тебе понадобился И-прыгатель для путешествия по измерениям?

— Мгм... если вы не возражаете, — вмешался я, запихивая в свой новый чемодан грязную одежду, — то нельзя ли нам подождать с выяснением до более подходящего времени? Нам надо успеть на войну!

**Корпорация М.И.Ф.
в действии**

Посвящение

*Я не быстروписец,
Я не тихописец,
Я полубыстروписец!
Р. Л. Асприн*

Полученные мной письма от поклонников довольно сильно разошлись во мнениях по поводу моего последнего “Предисловия”; некоторые нашли его интересным и глубоким, в то время как другие сочли его скучным и излишним. Если вы принадлежите к последней группе, то пожалуйста не стесняйтесь перескочить прямиком к повествованию, поскольку в этом послании нет ничего такого, что вам нужно знать для понимания (и, будем надеяться, получения наслаждения от) книги.

Что же касается остальных из вас, то это предисловие представляет собой извинение... или, точнее, ряд извинений.

Тогда в предисловии к “Корпорация М.И.Ф. — свяжающее звено”, я оптимистично заявил что постараюсь писать по два романа серии “Миф” в год..., а с тех пор обстоятельства порядком изменились. Меня, моих издателей, и многие книжные магазины и склады завалили просьбами и требованиями подать “следующий “Миф””, так как из-за графика которым я столь глупо “связал себя” в том предисловии, все читатели были уверены, что книги эти где-то имеются.

Если разжевать очевидное, я не сумел писать с той скоростью какую предусматривал в то время. Хотя популярность серии и преданность ее читателей, как приятны так и выгодны, любой издатель может вам растолковать что пытаться выжать из автора книгу когда “она не идет” это все равно что торопить казнь через повешенье. Видите ли, когда я дал свою писательскую “оценку”, то как раз заканчивал писать КМСЗ, и еще живо помнил скорость с какой проза ложилась на страницу когда я приближался к концу книги. То есть, когда “процесс пошел” он идет очень быстро. А вот проглядел я многие месяцы набросков и фальстартов прежде чем процесс пошел. (Эти книги только кажутся спонтанными и написанными одной левой. Честное слово!). Так или иначе, когда я попытался выдержать обещанный график и сильно отстал от предусмотренного расписания тут-то

и проявили себя жестокие реалии ситуации. По мере того как возрастал поток просьб и требований со стороны читателей, все больше и больше снижалась терпимость издателей к запоздалой доставке, и, увеличивалось давление на меня под лозунгом "даешь рукопись", оставляя все меньше и меньше времени для переписывания и отделки.

Наконец, в 1988 г. произошел взрыв. У меня возник спор с "Доннинг-Старблейз"* по поводу гонораров. Спор благополучно уладили и упоминаю я его здесь только по тому что длился он почти целый год... и того больше задержав работу над книгой.

Однако помимо обговоренных условий того улаживания я обязан дополнительно извиниться перед руководством "Доннинг". Видите ли, часть договоренности заключалась в том, что следующая книга та которую вы держите в руках, не будет как-либо рекламироваться и на нее не будет приниматься никаких заказов, пока издательству не доставят рукопись. Это было попыткой в какой-то степени снять "крайне срочное" давление на мою работу когда я старался вернуться к прежнему темпу. Однако это условие вызвало два побочных эффекта. Во-первых, я был не в состоянии ответить многочисленным читателям и поклонникам спрашивавшим когда выйдет следующая книга... так как было бы не очень-то честным настаивать чтобы "Доннинг" не объявлял дату выхода книги, а потом самому развонять о ней. Во-вторых, я как-то пообещал "Доннинг" позвонить и уведомить, когда же будет завершена рукопись..., а потом живо позабыл о своем обещании. А это означало что когда я столкнулся с трудностями в работе над книгой, то не счел нужным предупредить "Доннинг" об этой задержке, и издательство ввиду такого отсутствия уточненных данных развернуло широкую и дорогую рекламную кампанию приуроченную к выходу книги в конце 89 г... Только для того чтобы очутиться в неловком положении и столкнуться с потерей доверия когда рукопись не появилась для запуска в производство.

Хотя я не в состоянии возместить финансовый ущерб нанесенный "фальстартом" рекламной кампании, считаю что будет лишь проявлением элементарной честности публично принести извинения "Доннинг" за эту про-

* Главный издатель "Мифа"... выпущенные издательством "Эйс" издания для массового рынка (малоформатные книжки в мягких обложках) это субподрядные перепечатки.

фессиональную неловкость вызванную моей забывчивостью. Для справки, запоздалое появление этого тома вызвано задержками со стороны автора, а не издательства, распространителя, книжного магазина или дилера. Писатели зачастую очень громкоголосы, рассказывая всякие ужасы о том как скверно обращалась книгоиздательская промышленность с их произведениями, однако, куда менее голосисты когда дело доходит до признания собственных недостатков. Ребята, на этот раз в путанице и задержках виноват я, и, испытываемое мной из-за этого расстройство лишь умножатся если я промолчу, и тем самым свалю свою вину на других.

И раз уж я разболтался, позвольте мне предотвратить еще одну потенциальную возможность взаимонепонимания и путаницы. В июле 90г., с выходом в свет "Роты Фула" начнется моя новая юмористическая серия, на этот раз научно-фантастическая. Пожалуйста, только без паники. Эта новая серия будет вдобавок, а не вместо романов серии МИФ. Как и обещано в КМСЗ, романы серии "МИФ" будут выходить и дальше по меньшей мере до №12 включительно.

Сказано (более чем) достаточно. В то время как это предисловие было далеко не столь забавно как последнее, рассматривайте его как своего рода пролитие света на "беззаботную жизнь писателя" и угнетающие сложности книгоиздательской промышленности. Наслаждайтесь этой книгой. Надеюсь лишь на одно — она оправдывает долгое ожидание.

*Роберт Линн Асприн
февраль 1990г.*

ВВЕДЕНИЕ

*Что я здесь делаю?
Любой рекрут, любой армии*

— Имя?

Так вот, в тех кругах, где я привык общаться, считается невежливым задавать вопросы вообще... и данный вопрос в частности. К несчастью, в настоящее время я находился далеко за пределами дома и посему счел себя обязанным ответить на вопрос, каким бы ни оказался грубым он.

— Гвидо.

— Домашний адрес?

— Базар-на-Деве.

— Что?

— Базар-на... О! Э... скажем так... “по разному”. Шут гороховый, записывавший эти сведения сурово смотрит на меня, прежде чем продолжить свои вопросы. Я отвечаю ему самым наилучшим своим невинным взглядом, кажущимся, как вам подтвердит любой суд присяжных, предельно убедительным, хотя в глубине души я более чем малость раздосадован на себя. Поскольку я поумнее среднего индивида мне следовало б помнить, что хотя я-то благодаря своим путешествиям и приключениям вместе с Боссом привык к другим измерениям, для большинства народа здесь на Пенте такие места как Базар-на-Деве совершенно неведомы, и, следовательно подозрительны. А так как я специально стремился быть незаметным, то такой ответ был не самым мудрым.

— Рост и вес?

Благодаря этому вопросу я чувствую себя чуть лучше, так как он напоминает мне, что чего бы я там ни говорил и ни делал быть совершенно незаметным мне не удастся никогда. Видите ли, я тот, кого вежливо называют “здоровый жлоб”... или мене вежливо “мордорот”. Хотя это обстоятельство и оказывает неоценимую помощь, учитывая избранную мной профессию, однако из-за него мне трудно потеряться в толпе. Фактически, я был бы самым рослым в очереди, если б там не стоял и Нунцио, который может на дюйм пониже ростом, но чуток помассивнее.

Я вижу что парень с вопросами и сам все это заметил, поскольку занося мои ответы он все время поглядывал то на него то на меня.

— Ближайший родственник?

— Полагаю им будет Нунцио, вот он, — говорю я тыкая большим пальцем в сторону своего коллеги.

— Вы состоите в родстве?

— Он мой кузен.

— О.

Какую-то секунду я думаю что он готов сказать еще что-то, но затем он просто пожимает плечами и царапает еще строчку в своем блокноте.

— Приводы имеются?

— Прошу прощения?

— Приводы. Вас когда-либо арестовывали?

— Ни разу не осуждался.

За это я зарабатываю еще один суровый взгляд.

— Я не спрашивал осуждались ли вы. Я спросил подвергались ли вы когда-нибудь аресту.

— Ну... да. А кто ж не подвергался?

— За что?

— В который раз?

— Сколько же раз вас арестовывали?

— О, три... а может четыре дюжины раз... но ни разу не осуждали.

Брови у этого шутника теперь ползут кверху.

— Вас арестовывали почти пятьсот раз и ни разу не осудили?

— Свидетелей нет, — говорю я, показывая ему все свои зубы.

— Понятно, — говорит этот парень, выглядя малость нервничавшим, что является одним из привычных побочных эффектов моих улыбок. “Ну... давайте попробуем подойти к этому так... вы разыскиваетесь в настоящее время властями?”

— Нет.

— Хорошо... хорошо, — кивает он заполняя пустое место в лежащем перед ним бланке.

— Ладно... последний вопрос. Вам известна какая-либо причина, в силу которой вам нельзя позволить вступить в армию Поссилтума?

В действительности, при данной ситуации, я знал несколько причин не поступать на службу в армию... начиная с того что я не хотел в нее записываться и в

итоге приобрести тот жуткий гардероб, который мне придется носить в качестве солдатаги.

— Нет.

— Отлично, — говорит он толкая бланк через стол ко мне. — Будьте любезны просто расписаться вот здесь или поставить свой знак.

— Это все? — спрашиваю я, царапая в указанном месте свое имя.

— Это все, сержант, — улыбается этот шутник беря бумажку и дуя на подпись.

Мне приходят на ум еще одна причина не вступать в армию.

— Это все, сержант? — говорю я, стараясь не показывать своего раздражения.

— Нет. Пройдите теперь в следующую палатку и там вам выдадут обмундирование. А потом снова явитесь сюда и вас включат в группу обучаемых.

— Обучаемых?

Такое и впрямь ни разу не приходило в голову ни мне ни Нунцио и может серьезно расстроить намеченный нами график. Я имею в виду, сколько же нужно обучаться убивать людей?

— Совершенно верно... обучаемых, — говорит с натянутой улыбкой сержант. — Быть солдатом это, знаете ли, не просто носить мундир.

Будучи индивидуумом, ориентированным на выживание, я воздерживаюсь от рассуждений вслух о том, что может из этого вытекать. К счастью, сержант похож и не ожидает ни ответа ни дополнительных замечаний, а лишь машет в сторону двери и переключает внимание на следующего несчастного.

— Имя?

— Нунцио.

Так вот, те из вас которые постоянно читали все эти книги возможно гадают с чего это мы с Нунцио записываемся в армию Поссилтума вместо того чтобы выполнять свои обычные обязанности телохранителей Босса... которого вы, вероятно, называете Великим Скивом, так как вы не работаете у него и у вас нет причин считать его Боссом.

Эта путаница вполне понятна, так как действие в этой книге происходит сразу за предпоследней книгой ("Корпорация М.И.Ф., связующее звено"... и одновременно с действием в предыдущей ("Мифонаименование и Извержения"). Добавьте к этому еще и тот факт, что

это один из томов "Корпорации М.И.Ф.", и следовательно, рассказ ведется от моего лица, а не от лица Босса, и становится ясным почему дойдя до этой части повествования у вас должно быть наблюдается явная неразбериха. Единственное утешение, какое я могу вам предложить, состоит в том, что если вы думаете будто при чтении о моей жизни на службе Боссу голова идет кругом, то попробуйте-ка пожить ею месяц или пять!

На самом-то деле, если говорить совершенно откровенно, эта книга начинается не там где я был в последний раз когда меня видели, поэтому разрешите отослать вас к заседанию с которого у нас началась данная конкретная цепь событий...

ГЛАВА ПЕРВАЯ

*Что вы имеете в виду, утверждая,
будто мои персонажи до смешного
странно выражаются?
Д. Раньон*

Быть включенным в число участников военного совета и впрямь большая честь, безотносительно к тому, что это за война или кто еще там присутствует. Туда допускается только самая что ни на есть элита, то есть попросту говоря те кто будет дальше всего от настоящих боев, так как на таких собраниях обычно обсуждают какими именно частями своих вооруженных сил можно пожертвовать, и как и когда именно их надо принести в жертву. Поскольку те, кого требуется бросить в мясорубку, будут деморализованы если узнают что их избрали "пушечным мясом", то их вполне логично не допускают на подобные заседания, ввиду того, что если они заранее узнают об уготованной им роли, то по всей вероятности предпочтут скорей рвать когти, чем дисциплинированно погибнуть по расписанию, и таким образом сведут на нет много часов планирования обеих соперничающих сторон. Отсюда легко понять что посещение этих скучных, но необходимых планерок не только почетно, но и сильно повышает твои шансы остаться в живых к концу драки. Гибель в бою того кто приложил руку к выбору стратегии указывает на полное отсутствие у вас способностей к планированию и ляжет на вас большим несмываемым пятном когда будут решать приглашать ли вас на будущие встречи.

Однако при данных конкретных обстоятельствах включение в число участников планерки не являлось какой-то особой честью, так как все наше воинство

состояло всего из пяти лиц... из шести если считать и дракона Босса. Незачем и говорить, никто из нас не был склонен считать себя попадающим в категорию "приносимых в жертву". Однако учитывая то, что нам полагалось попытаться остановить вероломную королевую имеющую в своем распоряжении приличную толпу армейцев, то никто не будет склонен делать ставки на наши шансы выжить... если конечно ему не предложат неотразимое соотношение ставок за и против и возможно приличную разницу очков.

Хотя нас было совсем не так уж много, я лично нисколько не жаловался на качество наших войск.

Тананда и Корреш — брат и сестра, команда Троль и Тролляля. Хотя они одни из самых милых людей с которыми я когда-либо имел удовольствие встречаться, как он, так и она, если они сочтут нужным быть нелюбезными бывают не менее способными, чем любые пять костоломов какие когда-либо работали на Синдикат. В отсутствии Босса они взяли руководство экспедицией на себя... что меня вполне устраивает.

Видите ли, нам с моим кузном Нунцио куда удобнее выполнять приказы, чем отдавать их. Эта привычка которую мы приобрели работая на Синдикат, где чем меньше ты знаешь о том почему отдали тот или иной приказ, тем лучше для тебя... особенно если тебя впоследствии призовут объяснить свои действия под присягой. (Для тех из вас кто не прочел о нашей деятельности в предыдущих книгах этой серии и посему не знаком с нашими личностями и *modus operandi** поясняю: "Справочник Различных Профессий" именует нас "специалисты по сбору денег"... что является вежливым способом сказать что мы костоломы.)

Пятым членом наших маленьких ударных сил является Маша... и если одного этого имени не достаточно, чтобы вызвать у вас в воображении отождествляемый образ, то вы явно еще не встречались с данной конкретной личностью во плоти. Видите ли, Маша обладает совершенно исключительной внешностью, которую вряд ли перепутаешь с чьей-то другой, хотя ее наверно можно перепутать с чем-то другим... например с динозавром, если бы названного завра использовали в качестве передвижной выставки косметики и демонстрации ювелирных изделий. Я пытаюсь сказать что Маша как очень крупная так и очень колоритная особа, но в интересах

* Образ действия (лат.)

краткости избавлю вас от сравнений посредством аналогий. Важно лишь, что какая бы ни была она крупная и крутая, сердце у Маши даже больше чем размер ее платья.

Мы задерживаем начало заседания пока она не вернулась с заброски Босса на Извр, которую она только что провела, и потому теперь мы готовы приступить к делу.

— Так вы говорите, что по вашему мнению короля Родрика пришила королева Цикута? Вот потому-то Скив и послал вас всех сюда?

Это говорит Большой Джули. Хотя нам с Нунцио никогда не доводилось встречаться с данным конкретным индивидом, мы слышали о его репутации в те дни когда он тоже работал на Синдикат, и похоже что они с Боссом старые друзья и что он для нас один из главных источников информации и советов в этом измерении. В любом случае, мы используем его виллу в качестве комбинации места встречи и опорного пункта в этом деле.

— Совершенно верно, — говорит Тананда. — Цикута всегда увлекалась завоеванием мира, а ее новый муж похоже не согласился с ее замыслами.

— Учитывая, что у нее теперь объединенные сила денег ее королевств и военная мощь твоей старой армии, — добавляет Корреш, — Скиву пришлось в голову, что у нее может возникнуть искушение попытаться... скажем так, чуточку расширить свои владения. Так или иначе, он попросил нас заскочить и самолично посмотреть что происходит.

— Понимаю, — кивает Джули задумчиво цедя вино. — По правде говоря, мне ни разу не приходило в голову что смерть короля была малость чересчур удобной, чтобы быть случайной. Однако я немного удивлен, что Скив сам не проверяет это дело. Ничего личного, он прежде он никогда особо не блистал по части поручения дел другим.

— Он занят, — говорит Маша, кроя кратко как заправила казино.

Тананда бросив на нее взгляд, наклонилась вперед, успокаивающе положив ладонь ей на колено.

— С ним будет все в порядке, Маша. Точно.

Маша состроила гримасу, а затем испустила один из своих больших вздохов.

— Знаю. Просто я чувствовала бы себя немного лучше, если б он разрешил паре нас отправиться с ним, вот и все. Я хочу сказать, ведь бродит-то он все-таки по Извру. А изверги никогда не славились своим гостеприимством.

— По Извру? — хмурится Большой Джули. — Разве тот чудик Ааз не оттуда происходит?

— Оттуда происходит, и туда-то и ушел, — уведомляет его Корреш. — У них со Скивом вышла размолвка и друг Ааз покинул команду. Скив отправился следом за ним попытаться вернуть его в лоно... и потому разбираться с королевой Цикутой остается нам. Поэтому скажи нам Большой Джули, чего там затеяла старушка?

— Ну, признаю, с тех пор как умер король делалось много разного, — признает Джули. — Армия почти постоянно на марше, и как она так и королевство заметно увеличиваются... понимаете мою мысль? Это вроде того как было в прежние дни когда армией командовал я, только в больших масштабах. Я получил открытку от одного их парней, он пишет как они навещали зарубежную страну, а потом трах-тарарах-та страна оказывается новой частью Поссилтума.

— Понимаю, — задумчиво говорит Троль. — Ну, что ты думаешь по этому поводу, сестричка? Ты здесь единственная кто участвовал в деле когда Скив в последний раз останавливал данную конкретную армию.

— Не совсем. Ты забываешь что в нем участвовал и Глип... и конечно же Большой Джули.

Она подмигивает этому деятелю и тот отвечает любезным полупоклоном. При упоминании его имени Глип, дракон Босса, подымает голову и оглядывается по сторонам, а потом вздыхает и возвращается ко сну.

— Конечно я в последний раз был на другой стороне, — говорит Большой Джули, — но мне приходит в голову что на этот раз порученная вам работа прямо-таки создана для вас.

— Как так?

— Ну, в прошлый раз мы были захватчиками, понимаете? Местные нас не любили, хотя и мало чем помогали организованному Скивом сопротивлению. Однако на этот раз, армия — родная команда, и народ королевства в общем-то за нее горой.

— Ты хочешь сказать что жители королевства поддерживают новые экспансионистские шаги королевы? — хмурится Танада.

— Совершенно верно, — кивает Большой Джули, — и если поразмыслить, это вполне разумно. Чем больше становится королевства, тем больше в нем народу оплачивающего общие расходы, и потому тем меньше становятся налоги. При снижающихся с каждым новым завоеванием налогов, граждане положительно в восторге от того как идут дела. И если б этого было недостаточно так еще и безработица при стольких ушедших в солдаты все время невелика, и потому заработная плата взлетела до небес.

— Так значит Цикута ведет популярную войну, да? — говорит Тананда, задумчиво поджав губы. — Возможно нам следует пойти именно таким путем. Как по твоему, старший братец?

Это последнее замечание она адресует Коррешу, который просто пожимает плечами.

— Полагаю эта начальная точка не хуже любой другой. Хотя меня что-то беспокоит в этом анализе налоговой структуры.

Я склонен согласиться с Коррешом, но Тананда уже увлеклась.

— Прибереги это для финансовых тяжеловесов, — отмахивается она. — Давай покамест сосредоточимся на занятии тем, что мы хорошо умеем делать.

— И что же это по вашему мнению? — перебивает Маша. — Вы уж меня извините, но нельзя ли прокрутить это еще раз помедленней для тех из нас кто не привык к вашей братско-сестринской скорописи?

— Ну, как мне представляется наш наилучший шанс заключается в работе над тем, как сделать экспансионистскую программу Цикуты непопулярной. Я хочу сказать, ведь наша пятерка мало чего может сделать для остановки армии своими силами, но если мы сумеем возбудить население, то королеве возможно придется пересмотреть свои планы... или по крайней мере притормозить их осуществление.

— Мы могли бы попробовать убить ее, — указывает Маша.

— Верно, — признает Тананда, — и не думай будто я не размышляла всерьез о таком варианте. Однако мне думается это будет чуточку круче чем замышлял Скив, когда отправлял нас на это задание. Так или иначе, думается мне хотелось бы пока оставить этот вариант в резерве, или по крайней мере пока Скив не нагонит нас и у нас не будет возможность провентилировать этот вопрос вместе с ним.

— Ну, если вы не против, то я хотела бы попробовать еще одну возможность.

— Какую именно, Маша?

— Скажи-ка, Большой Джули, генерал Плохсекир попрежнему стоит во главе армии?

— Хью? Разумеется. Этот малый быстро все схватывает. Помнит почти все чему я учил его по части руководства армией.

— Ну, — говорит подымаясь на ноги Маша. — Мне думается я просто прогуляюсь и попробую найти его штаб. Когда я в последний раз была здесь он в меня здорово втюрился. Возможно, если я опять навещу его мне удастся на время отвлечь его от руководства армией, или по крайней мере настолько отвлечь что та будет далеко не такой эффективной.

— Слушай, а это хорошая мысль, Маша, — говорит Корреш. — И коль речь зашла об армии, Гвидо, как по твоему вы с Нунцио сумеете завербоваться на контрактный срок в армию? Памятуя как ты устроил шорох на магической фабрике "Акмэ" предложив рабочим объединиться в профсоюз, будет логично избрать именно тебя для деморализации войск, а это лучше всего делать изнутри.

— Да, разумеется, — пожимаю плечами я. — Почему бы и нет?

— С тобой все в порядке, Гвидо? — спрашивает Тананда, внезапно присматриваясь ко мне. — С тех пор как мы приступили к этой операции вы с Нунцио как-то странно притихли.

— У нас все в порядке, — быстро вмешивается Нунцио. — Просто мы немного беспокоимся о Боссе... как и Маша. Присоединение к армии нас вполне устывает, если это на ваш взгляд поможет делу. Верно, Гвидо?

— Я же сказал что да, не так ли? — огрызаюсь я.

— А что вы с Коррешом будете делать пока мы играем в солдатики? — говорит Нунцио. Для меня очевидно что он старается отвлечь внимание собравшихся от нас с ним, но никто другой похоже не замечает этого... за исключением возможно Большого Джули, который с минуту подозрительно глядит на меня прежде чем вернуть внимание к разговору.

— Мы намерены посмотреть нельзя ли как-нибудь возмутить граждан, — пожимает плечами Тананда. — Сокращение налогов дело хорошее, но в жизни при

новых программах Цикуты обязательно должны быть какие-то раздражающие моменты. Нам надо всего-на-всего раскопать их и гарантировать, что народ сочтет их раздражающими.

— Вам ребята нужен Глип, или нам взять его с собой? — спросил Корреш.

— Глип? — говорит дракон, снова подымая голову.

— Э-э-э-э... почему бы вам с Танандой не взять его с собой, — быстро говорит Нунцио. — По правде говоря, когда мы с ним в последний раз вместе работали он заставил меня немного понервничать.

— Кто? Глип? — говорит Тананда протягивая руку погладить дракона. — Нет никакого повода из-за него нервничать. Он всего лишь большой милашка и симпатяга... не так ли, парень?

— Глип! — снова говорит с невинным видом дракон лья к Тананде.

— Хорошо. Значит вы не против водить его с собой, — улыбается Нунцио. — Тогда решено.

— Полагаю, — рассеянно говорит Корреш изучая в то же время дракона. — Ну, думаю мы можем с таким же успехом приступать к делу. Большой Джули, ты не против если мы будем передавать друг другу сообщения через тебя? Иначе нам будет затруднительно оставаться в курсе того, как идут дела.

— Нет проблем, — пожал плечами отставной генерал. — По правде говоря, по моему у вас и так будет хлопот полон рот, и поэтому вам ни к чему тревожиться еще и из-за связи. Я буду здесь.

Прощавшись со всеми остальными, мы с Нунцио отправляемся на поиски армейского вербовщика.

Долгое время ни один из нас ничего не говорит. Наконец Нунцио прочищает горло.

— Ну, что ты об этом думаешь?

— Я думаю нам светят крупные неприятности, — говорю я плотно сжав губы, — и я говорю не о связи с остальными и даже не о королеве Цикуте.

— Понимаю что ты имеешь в виду, — вздыхает Нунцио. — Хочешь поговорить об этом?

— Пока нет. Хочу еще немного обдумать положение. А тем временем... — я нацеливаю ему в бок игривый тычок который он, будучи Нунцио, сносит не моргнув глазом. — ... давай займемся чем-нибудь легким... вроде развала армии.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Мы хотим чтобы вы чувствовали себя как дома!
Л. Борджиа

— Я хотел бы поздравить вас с вступлением в нашу армию. Первое что вам следует усвоить это следующее: мы здесь называем друг друга по имени... а мое имя сержант... Я ясно выразился?

На этом индивид обращающийся с данной речью к нашей группе умолкает и прожигает нас взглядом. Натурально ответа нет, так как при таких обстоятельствах никто особо не рвется привлечь к себе внимание. Похоже однако что сержанту нужна совсем иная реакция.

— Я задал вам вопрос! Думаете я треплю языком потому что мне нравится слушать звук собственного голоса?

Ясно что это хитрость призванная побудить нас новобранцев сделать ошибку которая еще больше разгневает сержанта, так как на данном этапе он задал не один, а два вопроса требующих противоположных ответов, и значит любой данный ответ обязательно будет неверным. Другие несчастные стоящие в одном строю со мной и Нунцио похоже не сознают этого и очертя голову вляпываются в ловушку.

— ДА, СЕРЖАНТ! — с энтузиазмом блеют они.

— ЧТО??!! Шутить пытаетесь?

Сержант, производит полное впечатление, что вот-вот извергнет пену изо рта и станет таким буйным, что покалечит и себя и всех кто окажется поблизости. Почти незаметно, он также задал третий вопрос, делая возможность дать правильный ответ практически недосягаемой для интеллектов в одном строю с нами.

— Нет... Э-э-э... Да, сержант... Э-э-э... Нет?

Попытка выкрикнуть ответ растворяется в общем гуле, когда новобранцы переглядываются, пытаются допереть, чего им полагается говорить.

— ТЫ!

Голос сержанта пресекает усилия группы, когда он нацеливается на одного несчастного в переднем ряду.

— Чего ты глазеешь на него? Он кажется тебе неотразимым?

— Нет!

— Что?

— Э-э-э... Нет, Сержант?

— Не слышу!

— Нет, Сержант!

— Громче! Грянь так словно вас двое!

— **НЕТ, СЕРЖАНТ!!**

— Вот так-то лучше!

Сержант коротко кивает, а затем снова переключает внимание на остальное построение.

Если правильно рассматривать, то это завораживающий образец групповой динамики. Сосредоточившись на одном индивиде, сержант не только позволил остальным членам группы сорваться с крючка попыток найти приемлемый ответ на его вопросы, но и внушил им что для них действительно нежелательно оказаться выделенными им.

— Меня зовут Сержант Лыбби, и в последующие несколько дней я буду вашим инструктором по строевой подготовке. Так вот, я хочу чтобы вы сразу поняли что в нашей армии есть три способа делать что-либо: Правильный Способ, Армейский Способ, и Мой Способ*... мы будем делать все моим способом! Я ясно выразился?

— **ДА, СЕРЖАНТ!!**

Группа теперь въезжает в тему и ревет ответ словно съезд безлошадных легавых преследующих неосторожного пешехода.

— Ладно, теперь слушайте сюда! Когда я буду кликать выше имя, гряньте громко и четко, так, чтоб я знал что вы здесь, а не бродите невесть где. Понятно?

— **ДА, СЕРЖАНТ!**

— Трутень!

* Обычно считается что есть три способа делать дело: правильный, неправильный и армейский.

— Здесь!

— ЗДЕСЬ ЧТО?

Парнишка, который только что ответил, такой тощий что удивительно как это ему удается стоять без посторонней помощи, но он нервно проводит языком по губам и набирает побольше воздуха в легкие.

— ЗДЕСЬ, СЕРЖАНТ! — кричит он, но голос у него ломается посередине фразы, делая его объявление менее чем впечатляющим.

— Вот так-то лучше, — кивает сержант, явно удовлетворенный усилием со стороны юнца. — Слепень, Хирам!

— Здесь, Сержант!

— Слепень, Шуберт!

— Здесь, Сержант!

Сержант нахмурившись отрывает взгляд от списка личного состава.

— Трутень? Слепень? Это что, Слет Ненормальных Жуков?

— Мы братья, Серж, — уведомляет без всякой надобности один из двух Слепней, так как физическое сходство между двумя этими широкоплечими индивидами было бы очевидным, даже если б их не связывала общая фамилия.

— Совершенно верно, — добавляет другой. — Можете называть меня для краткости Хи, а Шуберт предпочел бы зваться Шу, потому как иначе...

— РАЗВЕ Я СПРАШИВАЛ?

— Нет, вашбродь.

— ... И НЕ НАЗЫВАЙТЕ МЕНЯ ВАШЕ БЛАГОРОДИЕ!!! Я вам не какой-то там нахрен офицер! Мне не требуется пожалования со стороны короны, чтоб сделаться дворянином... я родился им!! ВЫ МЕНЯ ПОНЯЛИ?

— ДА, СЕРЖАНТ!!

— Тогда лечь и произвести двадцать отжиманий просто чтоб вы не забывали!

— Мгмм... это по десять на каждого из нас, Сер, или...

— ПО ДВАДЦАТЬ НА КАЖДОГО! — рычит Лыбби... И ЕЩЕ ПО ПЯТЬ КАЖДОМУ ЗА НАЗЫВАНИЕ МЕНЯ "СЕРЖЕМ"! МЕНЯ ЗОВУТ СЕРЖАНТ ЛЫББИ, А НЕ СЕРЖ ИЛИ ВАШБРОДЬ! УСЕК, СОЛДАТ?

— ДА, СЕРЖАНТ!!

— ТОГДА ПРИСТУПАЙ!!

Двое братьев ложатся и начинают отжиматься, тогда как сержант снова переключает внимание на список.

— Шу Слепень и Хи Слепень! Это ж надо! Боже мой! А вот еще один! Осса!

— Здесь... Серж.

При этих словах Лыбби вскидывает голову словно его ткнули в ребра... и конечно же так оно и есть. Употребление ненадлежащей формы обращения столь скоро после того, как это запретили, могло произойти либо по ошибке, либо по глупости, не будь оно выдано так подчеркнуто. А так не возникало никаких сомнений что это такое: Вызов сержантскому авторитету... то есть, иначе говоря, глупость.

Вид у бросившей вызов особы еще тот. Вероятно она в любом случае выделилась бы в строю, так как была единственной женщиной в нашей группе, хотя возможно с первого взгляда этого и не заметишь, заметить это удастся лишь взглянув вторично, так как стояла она привычно сутулясь. Однако полным отпадом ее делают волосы. Подстриженные до средней, гривастой такой длины, они были выкрашены в нечто о чем я обычно не берусь судить при оценке чувихи, пока мы не сведем самое тесное знакомство, после чего мое чрезмерное джентльменство не позволяет мне делиться такими сведениями со всяким, кто не относится к джентльменам. Однако при данных обстоятельствах, мне думается я волен исходить из названного предположения, так как волосы, с каким бы там телом они не соединялись, хоть с мужским хоть с женским, обычно не бывает от природы такого природного цвета... или, если уж совсем точно, цветов. У этой девахи тянулись от лба до затылка розовые, белые, голубые и зеленые полосы... и отнюдь не пастельных тонов. Эти цвета горели с электрической яркостью, словно подпигивались ее внутренней горелкой, и были бы по настоящему путающими будь они нанесены, скажем, на более заурядную башку... ну, например мою. Мы с Нунцио уже довольно давно не ошивались на улицах, но и так ясно что выводимый теперь вид шпаны заметно мутировал по сравнению с нашими ранними годами, когда слово "цветистый" относилось к нашим выражениям, а не к волосам!

— Ну и ну, — говорит сержант, малость облизывая свои кусалки, — это что же у нас здесь такое? Похоже мы участвуем в армейской экспериментальной программе, которая специально проверяет правдивость посло-

вицы, что грозней поссиума в бою только поссилтумка! Я хочу, чтоб вы все были во время обучения поосторожней в выражениях. Среди нас находится дама-а...

По тому как ощетиливается эта чувиха, ясно, что она не привыкла чтобы ее именовали дамой... и далеко не в восторге от этой идеи. Однако Лыбби еще не покончил с ней.

— Скажите-ка, дамочка, что это такое у вас на голове? Если это нечто заползшее туда и издохшее, то надеюсь что вам сделали нужные уколы, потому что судя по его виду оно было не слишком здоровым!

— Это называется “волосы”, Серж! А что у вас на голове?

— Важно не то что у меня на голове рекрут, — лыбится сержант, — важно что на рукаве!

И постукивает по нашивкам обозначающим его звание.

— Три вверху, три внизу. Вам известно что это значит?

— Что вы мастер-сержант, Серж.

— Близко, но не угадали. Это означает что вы должны мне пятнадцать отжиманий, рекрут. По пять за каждый раз когда называли меня “Сержем”. Приступай!

Я жду что чувиха затеет с ним из-за этого спор, но вместо этого она просто ложится и начинает отжиматься словно все время только этого и добивалась... и возможно так оно и было. Уж не знаю какую там кашу она предпочитает на завтрак, но отжимается эта деваха заметно лучше чем братья Слепни.

— Раз... Два... Три...

Несколько мгновений Лыбби наблюдает за ней, а потом переключает внимание на другие фигуры на земле.

— ВЫ ДВОЕ! Я сказал двадцать пять отжиманий!

Эта последняя фраза, адресована конечно же братьям Слепням.

— Мы... пытаемся... сержант!

— НУ ТАК Я ВАС НЕ СЛЫШУ! ОТСЧИТЫВАЙТЕ ИХ!!

— Семнадцать... восемнадцать...

— НЕ НАЧИНАЙТЕ СЧИТАТЬ С СЕМНАДЦАТИ!!! ДУМАЕТЕ Я ДУБИНА?!!

— Нет... сержант!.. Раз... два...

— А теперь слушай сюда потому что повторять я не намерен! — рывкает сержант снова переключая внима-

ние на остальных из нас. — Когда я говорю ваши уши должны быть открыты, а рты закрыты! Не говорите ничего, пока я не задам вам вопрос, а когда задам отвечайте на него кратко, а потом заткнитесь! Когда я захочу услышать ваши вопросы, я скажу “Вопросы есть?”! Я ясно выразился!

— ДА, СЕРЖАНТ!

— Тогда порядок. — Он снова начал просматривать список личного состава, затем взглянул на корячущиеся на земле фигуры — Вы трое, этого хватит. Вернитесь в строй. Так, где это я остановился? Гвидо!

— Здесь, Сержант! — говорю я, потому что я и впрямь здесь.

— Что такое? Всего лишь “Гвидо”? Без всякой клички вроде Сверчок или еще чего-нибудь в этом духе?

— Нет, Сержант!

Он подождал еще несколько секунд желая посмотреть не собираюсь ли я что-нибудь добавить, но я не добавил, так как всегда быстро усваивал науку. Наконец он слегка кивает и читает дальше.

— Майский!

— Здесь, Сержант!... но ребята зовут меня “Майский жук.”

С другой стороны, некоторые кажется никогда не усвоят урока.

— Двадцать! — говорит сержант даже не отрывая взгляда от списка личного состава.

Вот так и продолжается. К тому времени когда сержант зачитывает весь список имен, свыше половины рекрутов нашей группы призвали продемонстрировать свою физическую силу, или отсутствие таковой путем выполнения множества отжиманий, точное число которых варьируется в зависимости от настроения сержанта и способности рекрутов помнить, что при выполнении данного упражнения надо считать вслух. В связи с этим у меня возникают кое-какие серьезные вопросы относительно среднего КИ пожелавших завербоваться в армию индивидов, мысль довольно тревожная учитывая, что я тоже принадлежу к числу названных индивидов. Пытаясь сохранить положительный-такой душевный настрой, я успокаиваю себя соображением, что я завербовался выполняя приказ, а не по собственной воле.

— Ладно, СЛУШАЙ СЮДА! — ревет сержант заканчивая переключку. — Приблизительно через полчаса капрал Мяс-Ник проведет вас через лагерь туда где вам

подстригут волосы в соответствии с армейскими стандартами.

При этих словах маленький клоп который до того таился на заднем плане вытягивается во весь свой незначительный рост и улыбается. Так вот, сержант Лыбби — довольно внушительный на вид фраер, хотя и малость не в форме в области талии, но капрал выглядит так словно его не возьмут даже контролершей на платную автостоянку ввиду несоответствия минимальным требованиям. То есть, он смахивает на такого неприятного слизняка который обрывает крылья мухам только тогда, когда его поддерживает достаточно высокий чин. Глядя на его улыбку я начинаю серьезно опасаться этой стрижки.

— А пока, — продолжает сержант — у вас период свободного времени в течении которого вы можете болтать, спать или познакомиться друг с другом. Предлагаю вам максимально воспользоваться этим, так как по всей вероятности это будет последний раз, когда вы будете предоставлены самим себе до завершения обучения. А теперь, прежде чем я распущу вас, вопросы есть?

К моему удивлению, два индивида подымают руки. Удивляет это прежде всего потому что как мне думалось, разыгранный сержантом спектакль запугает большинство индивидов и заставит их помалкивать, а во вторых потому что одна из рук принадлежит не кому иному как моему кузену Нунцио!

— Ты! — говорит Лыбби показывая на ближайшего вопрошающего. — Назови свое имя и вопрос.

— Трутень, Сержант. Я... Я думаю что с моим назначением сюда вышла ошибка.

Сержант показывает все свои зубы.

— Армия не ошибается, сынок... за исключением возможно одного случая. — Он бросает взгляд на Оссу, которая на этот раз игнорирует его. — Что у вас за проблема?

— Ну... мне не следует находится здесь. Я завербовался служить в качестве мага, и мой вербовщик сказал что...

Улыбка сержанта расширяется достаточно чтобы остановить рекрута на середине фразы.

— Сынок, — говорит он, голосом больше смахивающим на мурлыканье, — пора тебе усвоить одну из суровых истин касательно армии. Вербовщики врут! Чего б там ни напел тебе тот несчастный малый сукинсын, если у тебя нет этого в письменном виде за подписью

самой королевы, это ни хрена не значит. Вот я тебе скажу, что каждый записавшийся в нашу армию рекрут будет обучаться основным навыкам пехотинца, прежде чем получить свое первое назначение до активной службы. Тебя могут назначить магом, а могут и не назначить... все зависит от того, кто будут нужны, когда подойдет твой черед получить назначение; мага или повара, но тебя никуда не назначат пока я не скажу что твоя начальная подготовка завершена. Следующий вопрос!

— Нунцио, Сержант! Сколько времени потребуется для завершения начальной подготовки?

— Это зависит от того сколько времени вам несчастным потребуется для усвоения минимальных навыков требуемых для носящих мундиры Поссилтума. Обычно для этого требуется от недели до десяти дней... но судя по вашему злополучному виду мне представляется, что вы будете иметь удовольствие общаться со мной по меньшей мере месяц.

— Вы хотите сказать что никто из нас не получит назначения пока все в этой группе не завершат подготовку?

— Совершенно верно. Еще вопросы есть?

Мой кузен глядит вдоль строя на меня, но я пялюсь прямо перед собой, надеясь что его действие останется незамеченным. К счастью сержант проглядывает этот небольшой изъян в построении, и как только он распускает нас мы с Нунцио собираемся в кучку.

— Что ты об этом думаешь? — говорит он, обеспокоенно.

— Тоже что и ты, — пожимаю плечами я. — Мы безусловно никак не можем тратить месяц на подготовку, если намерены как-то помочь разложить регулярные войска.

— Это уж наверняка, — кивает он. — Похоже что придется нам самим малость подталкивать этих рекрутов для гарантии, что они живо усвоят подготовку.

Понимание этого приводит меня в крайне низменное настроение. Достаточно плохо и то, что мне придется отбывать срок в качестве солдата, но теперь мне придется еще и разыгрывать из себя няньку и тренера для оравы зеленых новобранцев!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Всего-навсего немножко снять сверху!

А. Болейн

Стрижка оказалась еще отвратительней, чем я опасался в своих наихудших кошмарных снах. У меня возникло сильное искушение устроить засаду и свершить месть тому типу, который устроил мне названную стрижку, но от этого вероятно не было бы никакого толку, так как мозг ему повредили явно с рождения и он не мог не быть таким каков он есть. Вместо этого мне следовало бы радоваться, что общество нашло для личности усвоившей лишь один фасон стрижки единственное место где он может приносить пользу. И далее, считаю вполне логичным, что этим местом будет армия где у его "клиентов" нет иного выбора, кроме как смириться с любой стрижкой какую им ни сделают. Озадачивает меня одно — где же удалось найти целый зал умственно отсталых освоивших все как один одну и ту же стрижку.

Обсуждаемая стрижка отличается исключительным отсутствием воображения и стиля, и состоит из простого удаления как можно большего количества волос с головы жертвы посредством энергичного применения машинки для стрижки волос. Если бы они снизили принцип еще этак на четверть дюйма то эту работу пришлось бы назвать скорее оскальпированием чем стрижкой. Так вот, я ничего не имею против лысин, и знаю парутройку крутых ребят из Синдиката, которые бреют головы чтобы выглядеть особенно грозными. Однако у нас в конечном итоге оказывается недостаточно волос, чтобы выглядеть стильными и слишком много, чтобы выглядеть крутыми.

Так вот, это и само по себе досадно, но стрижка в сочетании с выданными нам мундирами граничит с нестерпимым. Для тех из вас кому достаточно повезло не видеть самолично мундиров армии Поссилтума, сообщая: они состоят из чего-то похожего на фланелевую ночную рубашку с короткими рукавами носимую под комбинацией нагрудника и юбки сделанных из дубленой кожи. Совершенно верно, юбки. По крайней мере я не могу придумать никакого другого способа описать кучу свисающих до колен полосок кожи без всякого подобия вделанных штанин. И в качестве последнего оскорбления, нам всем выдали по паре сандалий, которые по моему мнению ни в коей мере не способны заменить носимые мной обычно элегантные черно-белые ботинки.

Общее впечатление от нашей учебной группы после стрижки и облачения в мундиры заключалось в том, что мы стали похожи на скопище полуодетых манекенов из универмага, дожидаящихся когда им подгонят парики.

— Нунцио, — говорю я, обозревая повреждения, причиненные моему до сих пор сногшибательному образу — скажи мне еще раз о том, что не бывает ничего слишком уж отчаянного, когда речь идет об охране Босса или выполнении его приказов.

Так вот, это ошибка. Хотя мой кузен первостатейный напарник, когда дело доходит до драки, в глубине его таится тот факт, что он какое-то время мотал срок школьным учителем, и длительный эффект этого опыта заключается в том, что у него есть склонность закатывать лекции на любую тему, без прямого повода и колебаний.

— Ты просто не понимаешь психологического процесса превращения штатских в солдат, Гвидо, — говорит он этим своим писклявым голосом который бывает иной раз таким раздражающим... например сейчас. — Прически, как и стили одежды, это отличительные признаки прежнего общественного и финансового положения личности. Вся идея стрижек и мундиров в том и состоит, чтобы свести всех к общему знаменателю, также дать им совместно пережить травматическое, но безвредное испытание, и таким образом поощрить складывание общих уз между ними.

Обыкновенно, мне б и не приснилось спорить с Нунцио, так как я не только склонен проигрывать такие споры, но вдобавок это лишь дает ему предлог расширить и углубить любую теорию, какую он там толкает.

Однако на этот раз я чувствую неодолимое побуждение возмутиться его утверждениями.

— Кузен, — говорю я — ты можешь посмотреть крутом на наших товарищей по несчастью и искренне сказать, что не в состоянии определить кто откуда происходит не совершив при этом такого откровенного лжесвидетельства, что даже самый распродаженный судья вынужден будет призвать тебя к ответу?

Я имею в виду, как бы нас там ни обкорнали и не облачили, все равно просечь кто будут игроки и откуда они родом весьма легко. У мускулистых братьев Слепней отличный здоровый румянец, который происходит лишь от стольких часов работы в день на ферме, что пребывание в армии должно выглядеть для них курортом. Трутень, хоть с волосами хоть без, выглядит неоперившимся ярмарочным фигляр, а что касается этой девахи Оссы... ну, если волка подстричь под пуделя это не сделает его комнатной собачкой, а всего лишь по всей вероятности здорово разозлит! Мне совершенно ясно, что где бы там ни ходила в школу эта юная социопатка, то не могла находиться больше чем в квартале-другом от той альма-матер, что дала нам с Нунцио фору по сравнению с другими костоломами синдиката.

Однако, как это обычно бывает, как раз когда все выглядит так, словно мне удастся наконец выиграть спор с Нуцио, что-то вмешивается и вынуждает сменить тему.

— Это ж надо до этого додуматься! Ну кто в это поверит? — сплевывает крутая деваха... буквально... выпуская сквозь зубы в полет впечатляющую струю жидкости для подчеркивания своего гнева. — Военное Право! То что нам приходится терпеть эту стрижку и эти дурацкие мундиры уже достаточно плохо, но теперь нам приходится высиживать лекции по такой чепухе как Военное Право! Когда же доберутся до обучения нас чему-то полезному в бою?

Это не становится для меня особо поразительным откровением так как я давно подозревал что Осса записалась на службу не ради предлагаемого армией повышения культурного уровня. Однако я более чем малость потрясен расстоянием на которое она плюет. Мне приходит в голову, что я не пытался плевать так с тех пор как дон Брюс повысил нас и сильно намекнул, что нам следует немного поднять класс нашего поведения; и понимая это, я решаю не пытаться соперничать с ее достижениями, так как такое расстояние плевать как у

нее требует постоянной практики если хочешь остаться в форме. Ради просвещения тех кто получил слишком правильное воспитание чтобы когда-либо испытать данную конкретную форму самовыражения позвольте мне предостеречь вас от попытки попробовать это в первый раз при критически настроенных зрителях. Если ваша техника хоть в малейшей мере небезупречна, все шансы за то что слюна в результате ваших усилий скорее растечется у вас по подбородку или по рубашке чем опишет ожидаемую вами живописную дугу, оставив у ваших зрителей впечатление, что вы скорее болван чем тот за кого вы там ни пытаетесь сойти.

Все это проносится у меня в голове в один миг, так как соображаю я несмотря на впечатление вызванное моими размерами довольно быстро, пока я пытаюсь придумать надлежащий ответ на брюзжание Оссы. Однако Нунцио находит что-то раньше чем я, так как он и сам неплохо соображает... особенно когда дело связано с чувихой.

— Я думаю тебе следует очень внимательно прислушаться к тому что нам рассказывают о Военном Праве, Осса, — говорит он — в конечном итоге это принесет кой-какие солидные выгоды.

— Как так?

— Ну, — улыбается он, снова принимаясь за свой лекторский тон, — могу сказать основываясь на долгом личном опыте, что часто намного легче продолжать делать в точности тоже самое что ты делаешь прямо под носом у властей если точно знаешь что именно эти власти считают антиобщественным поведением. Если как следует поразмыслить, то со стороны армии довольно мило заранее официально предупредить нас какие именно правила она намерена заставить нас блюсти, а что, в силу исключения, является законной дичью. Если б она этого не сделала или если б у нас хватило глупости проспять данную конкретную лекцию, то единственным способом вычислить какой деятельностью можно заниматься открыто, а какой следует предаваться на... скажем так, менее публичный лад, можно только одним способом будет действовать в слепую, а потом дожидаться посмотреть за что нас будут сносить.

— А насколько собственно долгов этот твой “личный опыт”, приятель? — подает голос один из братьев Слепней.

— Да, я как раз гадал о том же, — вступает в разговор другой. — Разве вы двое не староваты малость для вступления в армию?

Ну, мне ясно что происходит. Эти двое ребят с фермы надеялись подкатится к Оссе, но тут на пути встал Нунцио. И вместо того чтобы дать задний ход как сделал бы любой нормальный человек, они пытались набрать очки завязывая с ним драку. Мягко говоря, я видел и лучшие планы оставаться в добром здравии.

Конечно Нунцио тоже способен заметить это, и знает, что нам следует избегать любых неприятностей, если мы хотим по быстрому завершить подготовку, а не сидеть несколько дней на "губе". Однако он также знает, что его заставляют выглядеть дураком при единственной чувихе с какой нам долгое время удастся общаться, и хотя он способен стерпеть немало оскорблений со стороны Босса, что платит нам жалование и возмещает наши расходы, его способность сносить хамство не теряя выдержки снижается прямо пропорционально положению хама на иерархической лестнице, а братья Слепни стоят на ней совсем не высоко.

— Вы ребята хотите сказать что мы по вашему слишком стары чтоб от нас был какой-то толк в бою? — говорит он поворачиваясь лицом к критикам и в тоже время слегка разминая пальцы.

Даже если я не узнал опасной интонации в его голосе, я б наверняка узнал это его разминание, так как именно я-то в первую очередь и научил его этому, и потому я решаю что мне лучше вмешаться пока дело не стало совсем уж швах.

— Прежде чем продолжить текущую дискуссию, — говорю я — вам всем по моему наверно следует взять на заметку то, с каким вниманием наблюдает за нашей интеллектуальной беседой стоящий не далее чем в двадцати ярдах позади вас капрал.

— "Интеллектуальной дискуссией"? — ревет ослом Шу трахая брательника по руке. — Что за тарабарщина, Старик?

— Папаша рассказывал нам, что в большом городе говорят по странному, — усмехнулся Хи, — но я никогда не слышал никого, выражающегося так чудно как этот парень.

— Он всегда так говорил с тех пор как сыграл одну из главных ролей в спектакле "Парни и Куколка", пока мы учились в колледже, — быстро-так говорит Нунцио.

— И в дальнейшем настойчиво советуем вам бросить эту тему.

Вот тут-то я и понимаю, что принялся малость разминать пальцы... каковое действие склонно заставлять Нунцио нервничать. Хотя я не особенно чувствителен к грубым или невежественным замечаниям о моих размерах или о моем постарении, я могу стать немного дегранным, если кто-то попытается высмеивать мою манеру разговаривать. Видите ли, я потратил немало времени совершенствуя данный конкретный способ выражаться, так как считаю, что он усиливает достоверность моего образа дерущегося без всяких правил костолома, и таким образом сводит к минимуму число раз, когда мне действительно приходится участвовать в насильственных действиях которые оскорбляют и угнетают мою чувствительную душу. И следовательно, всякий пытающийся утверждать или намекать, что говорить на такой лад легко или глупо, напрашивается повальсировать со мной от чего лучше воздержаться, если у приглашающего или приглашающей нет подробного и оплаченного страхового полиса предусматривающего выплату крупной суммы в случае госпитализации. И конечно же именно с этой кнопкой и возятся братья Слепнии, и я нахожу их усилия достаточно неуклюжими, чтобы потребовался немедленный инструктаж по по части ошибочности их действий. Тот факт, что я все еще раздражен из-за стрижки и мундиров, и своего рода ишу на ком бы выместить свое раздражение не имеет совершенно никакого отношения к моим реакциям.

— Ты тоже играл в этом спектакле? — говорит Майжук, необдуманно становясь между нами в нетерпеливом стремлении завязать разговор. Это симпатичный паренек с теми мягкими, безупречными чертами какие обычно связываешь с манекенщиками.

— Мне самому довелось играть Ская Мастерсона. На каком предмете вы собственно специализировались? Я получил диплом по танцам.

— На деловой администрации... получил магистра, — говорю я пытаюсь обойти его.

К несчастью, он предоставил братьям Слепниям возможность уйти не теряя лица от надвигающегося столкновения со мной и Нунцио. И, то ли побуждаемые каким-то природным умом, то ли просто спасенные звериным инстинктом самосохранения, они даже не переводя дух переключают свои подкалывания на эту новую мишень.

— Учился в колледже?.. И на танцора! О-о-о-о! Ты слышал, Хи?

— Еще бы, — отвечал его брательник и начинает чмокать губами в сторону Майжука. — Не удивительно что он такой прилизанный.

— Оставьте его в покое, ребята!

Это последнее предложение исходит от Оссы которая по какой-то причине сочла нужным вмешаться.

— Да ну? — фыркает Шу переключая внимание на этот новый фронт. — И кто же это меня заставит?

— Если понадобится, я, — отрезает Осса.

— Да ну?

— Да!

— Ну, тогда почему б тебе не показать нам... У!

К этому времени я уже достаточно остыл чтобы воспользоваться выгодностью положения когда таковая возникает. Когда двое братьев выпячивают грудь и начинают с наглым видом наступать на Оссу, они необдуманно и грубо поворачиваются ко мне спиной. И прежде чем они успевают приблизиться к ней, я сзади вклиниваюсь между ними и дружески роняю руки им на плечи.

— Извини, Осса, — с улыбкой говорю я — но мне нужно немножко потолковать с этими ребятами наедине пока они еще способны стоять и ходить без помощи костылей. Верно, ребята?

— У-У!.. Верно!

— Да... А-а-а-а!.. Точно!

Внезапное сотрудничество братьев Слепней в немалой степени вызвано тем что я небрежно вонзаю большие пальцы в ложбинки ключиц их обоих и усиливаю хватку еще на одно деление каждый раз когда задаю им вопрос... каким бы тот ни был риторическим. Настоящая хитрость этого маневра, на случай если вас интересуют технические-такие детали, состоит в том чтобы не ослаблять хватку коль скоро начал усиливать ее. То есть, надо не сжать... разжать... сжать... разжать..., а сжать... стиснуть... сдавить... раздробить... Поняли мою мысль? Так вот если вы, возможно, развили свою хватку до того что можете дробить ей кирпичи... как могу я... то это окажется самым убедительным подчеркиванием самой слабой логики при расхождении во мнениях.

В любом случае, возвращаясь к моей речи, я отвожу двух братьев в сторону немножко поболтать, и все под настороженным взглядом ошивающегося рядом капрала.

— Итак, вам не кажется, мальчики, что было бы неплохо стать немного повеселее? — говорю я так тихо что слышно это только нам. — Вам следует подумать о двух вещах. Во-первых, эта коллекция индивидов с которой мы проходим обучение составляет группу, а в группе всегда лучше быть приятным чем скверным. С приятным характером приобретешь друзей которые в бою прикроют тебя с тыла... а со скверным будешь все время оглядываться остерегаясь их. Уразумели?

— Верно, Гвидо!

— У-У! Точно, Гвидо!

— Хорошо. Так вот, во-вторых я хочу чтобы вы запомнили — если вы не бросите свои сварливые привычки или как-то иначе помешать нашей группе завершить подготовку в наикратчайший возможный срок... — я украдкой бросаю взгляд на капрала, а затем понижаю голос в то же время прилагая огромные усилия для сохранения на лице улыбки. — ... тогда я лично оторву головы вам обоим и плюсну на шеи! Уразумели?

— Аааа! Да! Уразумел!

— Как... Уууу... скажешь, Гвидо!

— Ах, да. Всего лишь одна мелочь. Я говорю не по странному. Согласны?

— Аааааааа...

— Боже...

Я заметил, что капрал идет в нашу сторону и следовательно подает нам сигнал об окончании игры.

— Будем считать что это значит “да”, — говорю я, и размыкаю хватку.

Во время своей предыдущей инструктажной речи я как-то позабыл упомянуть что если внезапно полностью разжать вышеупомянутую хватку, то возникший из-за этого прилив крови к пострадавшему от названной хватки участку вызывает дополнительный дискомфорт что известны случаи когда субъекты тут же грохались в глубокий обморок. Выгода этого очевидна, в том плане, что в момент когда эффект вступает в силу вы в действительности даже не прикасаетесь к ним.

Как я отметил ранее, братья Слеппни находятся в исключительно хорошей форме, так как они всего лишь немного пошатываются. Однако же им, как и мне, ясно что какое-то время им будет крайне трудно двигать

руками с любой степенью точности или силы... скажем к примеру, в драке. Это конечно же вызывает изначально желанный эффект заметно поутихомирив их ранее задиристое, заносчивое поведение.

— Что здесь происходит? — требует ответа капрал налетая на нашу маленькую группу.

Я невинно моргаю и беспомощно пожимаю плечами словно он окружной прокурор на перекрестном допросе.

— Мы просто обсуждали логические выгоды общественного, и антиобщественного поведения в групповой обстановке.

— Да ну? Это правда, вы двое?

Слепни пытаются уподобиться мне пожав плечами, но кривятся не закончив жест и вынуждены прибегнуть к кивкам.

Несколько секунд капрал подозрительно глазеет на нас, а потом поворачивается к остальной группе.

— Ладно, в две шеренги становись! — орет он неудачно подражая сержанту. — Пришла пора отправиться на занятия!

— Наши агитаторы правильно прореагировали на прикладную логику? — шепчет становясь рядом со мной Нунцио.

— Разумеется, — киваю я. — Более того, по моему они уразумели ее за один урок. Не понимаю почему ты все время твердишь что нынешняя молодежь туго усваивает.

На это Нунцио закатывает глаза и отвечает мне шуточный свинг.

— Возможно нам следует начать называть тебя “Мухобой” — усмехается он.

Некоторые из других рекрутов смеются над этой остротой, что заставляет меня немного понервничать, так как по опыту в Синдикате я знаю с какой легкостью прилипает дурацкая кличка после того или иного глупого инцидента. Однако капрал избавил меня от необходимости менять тему так как выбрал именно этот момент для того чтобы начать орать и махать нам сбивая в строй для следующего раунда подготовки.

— Брось, — говорю я, нанося ему удар по руке который был заметно сильнее того что он отвесил мне. — Нам предстоит идти учиться быть эффективными бойцами.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Нажимай на спуск плавно, а не дергай его.

Р. Роджерс

К несчастью, навешенная Нунцио кликуха “Мухобой” прилипла ко мне... или по крайней мере, ее вторая половина — “Бой”. Но еще больше неудобств доставляет то обстоятельство, что сержант наклеил на меня ярлык и. о. командира отделения в нашей маленькой группе рекрутов, которых я уже назвал по именам, во многом именно по этой причине. Этот пост требует всего-навсего службы овчаркой при “Жуках”. Но это все же руководящий пост, чего как я отмечал ранее, я склонен избегать как повестки в суд.

Материал который мы должны проходить в порядке начальной подготовки был однако на самом-то деле не слишком тяжелым. Большая часть передаваемой нам информации была и впрямь необходимой, если рассматривать ее как беглый обзор, и преподавать просто, но с настоящим усилием сделать ее достаточно интересной, чтобы удержать внимание рекрутов. Это стало приятной переменной после моих профессоров в колледже, большинство которых похоже считали себя величайшими специалистами по самым интересным предметам, и, полагали что студенты должны считать за счастье выплачивать существенные суммы денег за честь поклоняться у их ног. И что еще хуже, они регулярно проверяли преданность названных студентов попросту делая преподавание достаточно скучным, чтобы уморить мух и высматривая тех, кому удавалось достаточно долго оставаться бодрствующими, чтобы усвоить нужное количество данных для сдачи выпускных экзаменов.

Армия же, совсем наоборот, начинает с исходной посылки что рекруты совершенно невежественны и меньше всего интересуются данным предметом, если его не сделали достаточно привлекательным для удержания их предсказуемо недолгого внимания, зачастую *графически демонстрируя на личном уровне насколько* жизненно важен названный предмет для дальнейшего функционирования их тел.

(Из любезности к тем из вас кто ныне вкладывает большую часть своего времени или времени своих детей в обучение в колледже, я воздержусь от комментариев о том, какую систему я считаю лучшей для передачи информации, не говоря уж о реальной жизненной ценности переданной информации, и ограничусь простым наблюдением, что инструктирование в армии нельзя назвать ни бессмысленным, ни лишенным ценности. И что еще важнее она платит тебе пока ты учишься. Конечно, дела могли бы обстоять совершенно иначе если бы к обучению своих сотрудников активно приложили руку какие-то иные корпорации кроме торгующих со скидкой закусочных... но это уже совсем другая тема и определенно отклонение от обсуждаемой темы, то есть — армейской подготовки.)

По большей части мы с Нунцио не жаловались на уроки, и даже находили их исключительно информативными. Как вам вероятно известно в Синдикате в основном заботятся о мастерстве в индивидуальной тактике или всеобщей свалке, какие обычно бывают при засадах, и поэтому обучение бою в строю было для нас истинно новым опытом. Конечно нам было несколько трудно допустить что этот опыт когда-нибудь действительно будет нам полезен.

Во-первых, как я только что упоминал ранее, телохранительство обычно связано с засадами и тем что в спорте известно под названием “спешная защита”, и это вызывает у нас в душе серьезные сомнения, что бой в строю будет полезен нам на гражданке после службы, ввиду нехватки теплых тел для таких маневров, да и сомнительно, что устроившие импровизированную вечеринку дадут нам достаточно времени для сбора необходимого количества тел, так как весь смысл их засады в том и состоит, чтобы захватить нас в тактическом плане врасплох и посадить в лужу.

Во-вторых, и притом существенней, было неясно как нам предполагалось использовать эту тактику на службе в армии. Понимаете, на данном этапе, ни для кого не

являлось тайной, что армия Поссилтума располагала самым и крупными и самыми экипированными вооруженными силами в округе, и поэтому немногие королевства или города решались выступать при таком раскладе, сталкиваясь с ними на поле боя где вступила бы в игру тактика сражений в строю. Вследствии этого, когда они перемещались в новый район настоящих боев происходило мало, любое оказанное противодействие носило скорее характер тайного сопротивления типа вонзи-им-нож-в-спину, или перережь-им-глотку-пока-они-спят. Так как построения абсолютно бесполезны для борьбы с такого рода мелкими беспокоящими действиями, нам было трудно понять зачем нужно тратить столько времени на обучение им.

Однако сержант Лыбби почему-то не считает нужным посоветоваться с нами относительно содержания его программы подготовки, и поэтому мы избавлены от неудобства быть вынужденными придумывать как поделиться с ним своими взглядами не задевая его чувств.

Схожим образом, когда нам объяснили что мы должны научиться маршировать так как это "наилучший способ переместить группу солдат из одного пункта в другой в кратчайший период времени", нам не дают шанса спросить рассматривали ли армия вообще или сержант в частности выгоды быстрого переезда.

Хотя в ходе нашей подготовки обнаруживается немало проявлений сомнительной логики вроде этого, есть только один момент против которого мы серьезно возражаем. Хотя мы изо всех сил стремимся не показывать всем это отступление от армейского мышления, в один прекрасный день оно наконец привлекает внимание общественности когда мы находимся на стрельбище.

Армия учит нас стрелять из арбалетов... что вполне понятно, так как для обучения пользоваться в бою большим луком хоть с какой-то степенью умения требуется немалый срок, делающий его таким образом сомнительным предметом изучения при начальной подготовке. Пращи — и того хуже, так как пока не добьешься почти мастерского владения ей, то наилучшие шансы причинить вред этим оружием — это удавиться названным оружием, в место того, чтобы пытаться запустить камень куда-либо поближе к общему направлению цели. Однако даже самые физически неумелые недотепы способны за один день достичь минимального уровня эффективности при стрельбе из арбалета, по этому армия

несомненно избрала данное конкретное оружие для ознакомления рекрутов с тонкостями стрелкового боя.

— Как видите при этом упражнении вы будете стрелять по мишеням сделанным в натуральную величину и в виде человека, — говорит сержант Лыбби, уже наоравшись наконец по поводу безопасной дистанции и правильного обращения с арбалетом. — Армия предпочла тренировать вас на них, а не на кругах с яблочками так как это лучше подготовит вас, как духовно так и эмоционально, стрелять из своего оружия в живого противника. В ходе этого упражнения вы должны все время внушать себе что чучело пред вами — это живой враг который хочет вас убить, и вести себя соответственно. Я ясно выразился?

— ДА, СЕРЖАНТ!!

Группа теперь отлично усвоила этот ответ... и ей потребовалось для овладения им всего несколько дней тренировки. При надлежащем сигнале присоединяемся и мы с Нунцио, хотя на данном этапе и возникают несколько вопросов которые необходимо было бы под-
нять.

Например, хотя идея стоящая за применением таких мишеней сама по себе интересна и возможно даже достойна восхищения, я за все годы работы в Синдикате никогда не видел противника который сделал бы тебе любезность стоять как скала, на открытом месте, выпрямившись во весь рост и расправив плечи пока пытается застрелить тебя. Они больше склонны скрючиться и распластаться прячась за чем-нибудь и двигаться пока посылают тебе послание, именно для того чтобы свести к минимуму твои шансы достать их, прежде чем они дойдут до последнего приветствия. В свете этого, думать будто ты умеешь стрелять потому, что способен всаживать стрелы в соломенное чучело любой формы кажется мне опасным образцом излишней самоуверенности которую никак не следовало бы поощрять. Но я помалкиваю об этом, считая что это только первый раунд для ознакомления всех с оружием и что серьезная подготовка будет в полной мере проведена позже.

Вскоре, группа расставлена на линии стрельбы и очередно сыплет стрелами по мишеням в то время как сержант и капрал рыскают взад-вперед позади строя, поощряя некоторых и оря на медленно усваивающих науку. Этот стиль руководства является, как я заметил, общим для армии и Синдиката, и сводится, попросту говоря, к убеждению что если достаточно громко кри-

чать на тех кто делает что-то не так, то они прореагируют делая это так.

Мы с Нунцио не лезем в первую команду стреляющих так как мало опасаемся сдачи данного конкретного зачета. И сосредотачиваемся вместо этого на том как действуют остальные члены группы так чтоб суметь помочь тем у кого возникают трудности.

Братья Слепни стреляют на удивление хорошо, оба не только попадают при каждом выстреле в цель, но и сажают стрелы в участок площадью всего в две пяди. Однако в связи с тем что мишени стоят достаточно близко чтобы попасть в них даже камнем, эта демонстрация меткости как-то не производит на меня особого впечатления. С другой стороны, Сержант Лыбби похоже искренне доволен их выступлением.

— Вот такое обращение с оружием армии нравится видеть! — громко говорит он так чтоб его слышали все. — Кто вас собственно научил так стрелять, ребята?

— Наш папаша, — ухмыляется Шу Слепень. — Возможно вы слышали о нем. Его зовут Куро Слепень.

— Хотя мамаша стреляет лучше него, — добавляет Хи Слепень. Ее зовут Ос Слепень.

С этого момента я, перестаю следить за разговором, потому что у меня от него живот болит, и потому, что Нунцио знаком подзывает меня к себе.

— У нас проблемы, — говорит он, что не удивительно, так как зная его так хорошо я вижу, что он обеспокоен.

— Например?

— Это все Тру-Тень, — говорит он, поскольку именно так мы стали звать нашего юного мага. — Думаю он не смог бы попасть и в стенку амбара, даже если б сам находился в нем.

Я бросаю взгляд через плечо, как раз во время чтобы увидеть как Трутень пускает стрелу которая разминулась с мишенью футов на пятнадцать, плюс-минус миля. Капрал тут же очутился рядом с ним, и помогал советами во всю силу легких.

— Вижу. Ну, ему похоже и не придется особо стрелять, раз он числится магом.

— Может и так, — пожимает плечами Нунцио — но нам полагается сегодня всем сдать норму или же задержится вся группа... помнишь?

— Это может стать проблемой, — киваю я. — А разве у него нет каких-нибудь заклинаний или чар способных помочь ему выкрутиться?

Кузен вращает глазами и фыркает, с отвращением.

— Шутишь? Он знает всего два заклинания и ни одно из них ничем не поможет на линии огня.

— Два заклинания? Какие именно?

— Давай-ка посмотрим, он знает заклинание Развей, которое позволяет ему видеть насквозь всякие чары.

— От этого мало толку, — признаю я. — А какое другое?

— Навей, — морщится Нунцио — которое не более чем чары личины, но с дурацким названием.

— Значит он может всего-навсего надеть на себя личину и видеть насквозь других, — говорю, проворачивая все это в голове.

— Вот именно. Ничего такого, что поможет ему сегодня сдать норматив.

— Может и так... а может и нет, — задумчиво говорю я. — Вот что я тебе скажу. Ты не мог бы как-нибудь уединиться с ним на несколько минут?

— Нет проблем. Когда он кончит заваливаться на этом круге, ему придется ждать другой очереди. Тогда я смогу увести его. А что? У тебя есть какая-то идея?

— Угу, — усмехаюсь я. — Просто убеди его применить свое заклинание личины... как он там называет его? Ах да, Навей... так чтоб вы могли поменяться местами. Тогда ты сдашь норматив за него, поменяешься обратно, и никто ничего не узнает.

— Не знаю, — говорит потирая подбородок Нунцио. — Капрала-то мы может и сумеем одурачить, но у сержанта глаз-алмаз. Он может заметить что Трутень какой-то не такой.

— Когда придет время я позабочусь об отвлечении сержанта. Только постарайся стрелять не слишком хорошо... лишь настолько хорошо чтобы сдать норматив. Уловил?

Потом делать особо было нечего, пока мы ждем развития плана. Наконец капралу обрыдло орать на нашего юного мага и он отправляет его прочь с рубежа на "перерыв" пока не даст малость отдохнуть своему голосу.

Пытаясь не обращать чересчур большого внимания, я слежу уголком глаза как Нунцио кладет руку на плечо Трутня и заводит с ним серьезный такой разговор, в то

же время небрежно уводя его за палатку где хранится оружие, из поля зрения всех. После того что кажется нестерпимо долгим сроком, из-за палатки снова появляется "Трутень", шагающий той очень знакомой мне походкой вразвалочку, и я знаю что сила разума и логики снова восторжествовала. Я дожидаясь пока он не выйдет на линию огня для новой попытки, а затем приступаю к отвлекающему маневру.

— Ты чересчур стараешься, Осса, — говорю громко я, подходя сзади к ней, стоящей на противоположном от "Трутня" конце огневого рубежа.

Меткость как у Оссы так и у Майжука спорадическая, их выстрелы пролетают поблизости от мишени, но попадают в нее лишь изредка.

— Ты слишком напряженно держишь левую руку... надо немного расслабить ее и просто держать оружие в согнутой руке. И на спуск тоже жми полегче. Используй только кончик пальца, а не обхватывай им спусковой крючок. Иначе будешь при каждом выстреле тянуть оружие влево.

— Вот так?

— Да, только...

— ЧТО ЭТО ТЫ ДЕЛАЕШЬ ЧЕРТ ПОДЕРИ??!

Мне следовало бы радоваться, что я правильно рассчитал точку кипения Сержанта Лыбби. Вплоть до этой минуты, мы с Нунцио проявляли большую осторожность в тренировке других рекрутов и делали это за пределами его видимости и слышимости, и потому не входили в конфликт с тем авторитетным-таким образом который он так упорно старался поддерживать. Я прикидываю, что такая открытая демонстрация придется ему не по вкусу, и эта прикидка оказывается абсолютно точной. Мне следовало быть довольным, но когда он топает ко мне мне приходится бороться с закрадывающимся ощущением, что тактика эта не самая мудрая.

— Гвидо просто давал мне несколько советов по обращению с этой штукой. Сержант, — говорит Осса, невинно, ее вежливые манеры свидетельствуют о твердо усвоенных ее уроках по части того, что такому как Лыбби лучше не досаждать без надобности.

— О, так значит Жукобой еще и спец по арбалетам, да? — рычит сержант, наводя прицел на меня. — Думает что он умеет обучать стрельбе лучше чем я или инструкторы по стрелковой подготовке, да?

Следя за всем этим с большим вниманием, я тем не менее в то же время вижу через плечо что Нунцио, в

личине Трутня, стреляет выполняя его норматив... прямо под носом у капрала, которому интересней следить за сержантом и мной, чем обращать внимание на происходящее у его конца стрельбища.

— Почему б тебе просто не показать нам насколько хорошо ты владеешь оружием, и. о. командира отделения Гвидо, — говорит Лыбби, выхватывая у Оссы арбалет и суя его мне. — Если ты сумеешь сдать норматив, тогда я может быть не разжалую тебя обратно в рядовые.

Так вот, мне в свое время угрожали спецсы своего дела... буквально... и потому эта попытка сержанта как-то не вызывает у меня явно желанной ему нервозности. Если она чего и порождает у меня так это искушение намеренно промазать, и таким образом снять с себя с крючка руководства, на котором, как я отмечал ранее, мне не особо приятно болтаться. И все же, здесь открыто бросили вызов моим профессиональным способностям... да еще при чувихе, даже если та всего Осса. Кроме того, Нунцио теперь сдал норматив за Трутня, и потому у меня больше нет никакого стимула продлять этот отвлекающий маневр.

Я уделяю арбалету всего лишь один беглый взгляд, так как плохо перевариваю вид стандартного оружия. Оно явно изготовлено правительственными подрядчиками и также похоже на сделанное на заказ оружие Йоло, которым я обычно пользуюсь, как рабочая лошадь на чистокровного скакуна. Игнорируя это, я держу стрелу в зубах пока взвожу арбалет уперев приклад в живот и резко натягивая обеими руками тетиву (что быстрее, чем делать то же самое упиравшись ногой в "стремя"), роняю стрелу в желоб перед натянутой тетивой, и нажимаю на спуск быстро стреляя в цель.

Нечего удивляться, стрела с чмоканьем вонзается в правое плечо чучела.

— Немножко неудачно, но не плохо, — со скрипом признает Лыбби. — Хотя ты добился бы большей меткости если бы стрелял с плеча, а не с бедра. Попытка пофасонить лишь...

К тому времени когда он добирается в своей критике до этих высот, я опять взвожу, заряжаю и выпускаю вторую стрелу... снова стреляя с бедра.

Эта стрела со свистом устремляется в место не более чем на ширину двух пальцев от первой.

Сержант закрывает пасть так быстро, что слышно как щелкают у него зубы, что меня вполне устраивает,

и молча смотрит как я пускаю третью стрелу образуя аккуратный треугольник с двумя первыми.

— Очень неряшливо, — раздается писклявое фырканье Нунцио, когда тот присоединяется к нашей группе, освобожденный теперь от своей личины. — Предупреждал же я тебя, будешь крошить все подряд, если испортишь себе навык жать на спуск!

— Да неужто??? — огрызнулся я, более чем малость раздраженный поношением дела рук моих. — Давай посмотрим стрельнешь ли ты лучше из этой штуки!

Я кидаю ему арбалет, и он ловит его одной рукой, а потом прищурясь смотрит на оковку.

— Правительственные подрядчики, — говорит он тем же тоном каким объявляет что вляпался во что-то органическое и неприятное. — Это безусловно не работа Йооло!

— А стрелы примерно такие же прямые как кий на бильярде при баре, — сообщаю я ему остальные плохие новости. — Но как говорит Босс: — Делай все что можешь с помощью того что есть. — Верно?

Он состраивает мне гримасу, а затем быстро пускает три стрелы, тоже стреляя с бедра. Я замечаю что хоть он и обрабатывает во избежании путаницы другое плечо чучела, в группировке его стрел не видно заметного улучшения по сравнению с моей.

— Ладно, дело в оружии... на этот раз, — признает, отдавая арбалет обратно Оссе. — Хотя если б мы стреляли с большего расстояния думаю я все же...

— Минуточку, ребята!

Мы переключаем внимание на сержанта, потому что тот кажется чем-то расстроенным, так и потому, что ведем данный конкретный спор уже много лет, и поэтому сомнительно, что чего-нибудь решим даже если продолжим это обсуждение никем не прерываемые.

— Вы что это пытаетесь здесь выкинуть?

— В чем дело, Сержант? — говорит Нунцио, выражая озабоченность испытываемую нами обоими. — Два попадания из трех означают сдачу норматива, верно?

— В чем дело? — лыбится Лыбби, показывая слишком много зубов для сохранения душевного комфорта. — Подобное группирование стрел означает что вы оба превосходно владеете своим оружием. Так вот, поправьте меня если я ошибаюсь, но разве это не означает также что вы могли расположить эти группировки где угодно на мишени?

— Ну, разумеется... Сержант.

— Так почему же вы стреляли в плечо чучела, а не в голову или в грудь?

— Это убило бы его, — бряцаю я прежде чем успеваю как следует подумать.

— **ВАМ И ПОЛАГАЕТСЯ УБИТЬ ЕГО! ИМЕННО В ЭТОМ И СОСТОИТ ВЕСЬ СМЫСЛ СОЛДАТСКОЙ СЛУЖБЫ!!!**

Теперь, задним числом я понимаю что мне следовало бы для вида согласиться с ним, но он захватил меня врасплох, и взыграли мои старые синдикатные привычки.

— Да за каких дешевых стрелков из пивнушек вы нас принимаете?? — рывкнул я ему в ответ. — Мы с Нунцио профессионалы!! Убить кого-нибудь может любой раздолбай, а вот чтобы оставить их в таком состоянии когда они все еще могут платить за защиту, требуя УМЕНИЕ... РАВНО КАК и для получения нужных сведений... ИЛИ...

— Мой кузен хочет сказать, — говорит Нунцио, быстро вставая между нами, — ничто иное, что рана врага выводишь из строя трех противников вместо всего одного, поскольку кто-то должен помочь ему вернуться в...

Попытка эта была хорошая, но слишком запоздалая. Сержант все равно сражается со мной.

— Ты называешь обученных солдат Поссилтума раздолбаями? — орет он, обходя Нунцио чтобы снова подойти ко мне. — Ты что? Какой-то ПАЦИФИСТ?

— Как... ты... меня... назвал...? — говорю я самым мягким своим голосом, который употребляю только в особых случаях.

На учебной площадке вокруг нас становится вдруг очень тихо и неподвижно... за исключением Нунцио который недоверчиво свистит, пятясь назад.

Должно быть что-то в моем голосе или в том как я вытянулся во весь свой полный рост включило у сержанта инстинкт самосохранения, потому как тот вдруг нервно огляделся по сторонам словно пытаюсь найти дверь аварийного выхода.

— **А ВЫ ВСЕ ЧЕГО ТУТ СТОИТЕ СТОЛБАМИ??!!** — ревет он переключая внимание с меня на собравшуюся вокруг нас толпу. — **ВАМ ПОЛАГАЕТСЯ СДАВАТЬ НОРМАТИВЫ!!! ЗА ДЕЛО!!! СЕЙЧАС ЖЕ!!!**

Эта перебивка дает мне время овладеть собой, и, малость поостыв, я решаю что пожалуй лучше подвести под этот эпизод черту. Однако похоже что у сержанта есть для меня несколько последних слов.

— Гвидо! — говорит он, так чтоб слышал только я, не глядя мне в лицо.

— Да, Сержант?

— Сейчас не время и не место, но мы все таки продолжим эту беседу... позже.

По тому как он это сказал ясно что это не вызов, и не угроза... а просто заявление.

ГЛАВА ПЯТАЯ

*Когда я путешествую, меня никто не знает...
и мне именно так и нравится!*
С. Кинг

Мы с Нунцио пытаемся просечь, что же это нам положили в тарелки под смехотворным названием “ужин”, когда рядом с нами плюхается Осса. Мы немного удивлены этим, так как нас обычно оставляют за ужином в покое, но причина такой навязчивости выясняется очень скоро.

— Вы ребята работаете на Синдикат, не так ли, — говорит она даже не сказав “Привет” или “Добрый вечер”.

Так вот, еще во введении, я упоминал что мы не очень любим когда нам задают вопросы вообще, а данный конкретный вопрос определенно табу.

— Ты фараонша? — автоматически выстреливает ответным вопросом Нунцио.

Это “Заучиваемый в Обязательном порядке” вопрос для всякого чей заработок зависит от незаконной деятельности, так как если его задаешь фараону, то каким бы он ни был засекреченным, ему приходится признавать свою профессию. Иначе, любая попытка использовать последующий разговор в качестве доказательства будет отклонена как обман и провокация.

— Я? Шутишь? Нет, я не фараонша. А почему ты спрашиваешь?

— А зачем тебе хочется знать не работаем ли мы на Синдикат? — выстреливает в ответ вопросом Нунцио.

Заметьте что на данном этапе, Осса ответила на наш вопрос, но мы еще не сказали ни “да” ни “нет” в ответ

на ее вопрос. Как я говорю, у работников нашего профиля есть склонность к осторожности. Возможно это привычка возникшая из-за наших регулярных и длительных дискуссий с Опами и большими жюри.

— Подумывала попробовать поступить туда, когда вылету из армии, — пожимает плечами она. — Я думала что возможно вы ребята могли бы немного осведомить меня о том, на что это похоже, работать на Синдикат, если не дать мне рекомендацию или по крайней мере организовать контакт с кем надо.

— Связь.

— Что, Бой?

— Я сказал “Связь”. Контакт бывает в обычном бизнесе. В Синдикате, первый шаг — “Установить связь”.

— ... Или во всяком случае так мы слышали, — быстро уточняет Нунцио, бросая на меня один из своих взглядов. — Не знаю. Возможно мы сумеем поделиться с тобой кое-какими слухами. Что тебе хочется узнать?

Как видите, мой кузен все еще осторожничают, поскольку меньше моего верит в защиту типа “известно с чужих слов”.

Однако своей ссылкой на “слухи”, он открыл нам дверь для ответа на некоторые вопросы о Синдикате, в то же время не признавая никакого членства с нашей стороны.

— Ну, на что это похоже?

— Часы работы — паршивые, — говорю я.

— А перспектива выхода на пенсию оставляет желать много лучшего, — добавляет Нунцио.

— ... Но платят хорошо. Верно? — не отстает Осса.

Я уже упоминал ранее, что мой кузен мало чего на свете любит больше чем почитать лекцию, а эта цыпочка только что нажала на одну из его любимых кнопок. И хотя полностью он не расслабляется, но немного оттаивает.

— Не так хорошо как тебе представляется по сообщениям СМИ, — пищит он. — Видишь ли... Гвидо сказал секунду назад об установлении связи? Ну, когда сперва поступаешь в Синдикат, то в действительности долгое время ты сам должен платить нам... а не наоборот.

— Как-как?

— Это легче понять, если представить все это как систему привелегий. Синдикат дает тебе разрешение или лицензию на деятельность, а ты отдаешь ему долю прибылей. Ты должен отдавать какой-то процент, ска-

жем половину, парню стоящему над тобой, который в свою очередь должен делиться с парнем стоящим над ним, и так далее вплоть до самой верхушки. Конечно парни на верхушке загребают немалый куш, поскольку им идут проценты со всей пирамиды под ними.

— Минутку! — хмурится Осса. — Когда я в последний раз слышала о чем-то подобном, меня пытались уговорить продавать косметику... или оборудование для уборки дома?

— Сходство есть, — соглашается Нунцио. — Но есть также и некоторые крупные отличия.

— Например?

— Например косметическая пирамида не ломает тебе ни нос, ни ноги если ты пытаешься работать независимо, — говорю я.

— Я пытаюсь сказать ничто иное, — прожигает меня взглядом Нунцио — как то, что косметическая сеть не обеспечивает тебя адвокатами, не говоря уж об алиби, если власти недовольны твоей деятельностью... или твоими налоговыми декларациями.

— Вот как? — ошетиниваюсь я, немного пресытившись всезнайством Нунцио. — Ну, мыльники к тому же и не лупят тебя если им покажется что ты зажимаешь их долю!

— Ну, а что прикажешь тут делать? — тут же парирует он мой выпад. — Попросишь полицию арестовать их?

— Что с тобой, Бой? — говорит чуть склонив голову набок Осса. — Ты как будто действительно нападаешь на Синдикат.

— Он просто немного раздражителен, — быстро вмешивается Нунцио, прежде чем я успеваю ответить сам. — Когда ты подседа к нам у нас шел небольшой спор.

— О, извиняюсь, — моргает она, вскакивая на ноги. — Я не знала, что чего-то прерываю. Поймаю вас как-нибудь позже, ребята. Просто подумайте о моей просьбе, идет?

Мы смотрим как она уходит, что доставляет настоящее удовольствие, так как с тех пор как мы начали подготовку женское общество заметно отсутствовало. Затем Нунцио поворачивается ко мне.

— Ладно. Что тебя грызет?

— Тоже самое что грызло с тех пор как Босс отправил нас на это задание, — говорю я. — Из-за раз-

говора о Синдикате это труднее игнорировать чем обычно. Понимаешь мою мысль?

— Нас не отправляли, мы сами вызвались добровольцами.

— Нас попросили отправиться добровольно, никто иной как сам Босс, что для нас равносильно приказу.

Нунцио выпускает один из своих тяжелых вздохов и немного обмякает.

— Полагаю мы можем обсудить это прямо сейчас, — морщится он. — Ты говоришь о нашем пребывании здесь, в Поссилтуме, верно?

— Я говорю об объявлении нами войны Синдикату, — поправляю я. — Ввиду того, что мы сейчас расхлебываем кашу в самом эпицентре, это вызывает у меня некоторую озабоченность. Извини, но я склонен немного нервничать из-за подавляющего превосходства в огневой мощи когда она скорее всего будет направлена против меня... особенно, когда у нас всего-навсего арбалеты казенного образца... и кожаные юбки вместо доспехов!

* * *

Если эта моя озабоченность возможно застала вас врасплох, то позвольте мне просветить вас, начав с краткого урока истории. Однако те кто уже понял в какой опасности оказались мы с Нунцио пусть не стесняются проскочить это не большое отступление.

Мы с Нунцио впервые повстречались с Боссом примерно пять книг назад, когда нам поручили следовать тенью за одним из руководителей Синдиката пока тот искал того самого Большого Джули, с которым мы разговаривали в первой главе. А точнее, искал армию которую Большому Джули полагалось возглавлять в небольшом предприятии по сбору денежных пожертвований для нашей организации, и которая, согласно докладам, бесследно исчезла после столкновения с небольшим сопротивлением, возглавленным Боссом. Конечно, в те дни мы еще не называли его Боссом. Мы знали лишь одно — что какой-то прохвост, называющийся колдуном по имени Скив Великий причинял неприятности Синдикату, и, нам полагалось оградить от него Шайк-стерл пока шло расследование.

В интересах краткости, не говоря уж о сохранении идущих нам процентов со всех вышедших книг этой серии, я воздержусь от описания всех интригующих деталей того задания. Однако критически важно, чтобы вы поняли одно — по завершении той первой встречи между Великим Скивом и доном Брюсом, одним из кресных отцов Синдиката, была заключена сделка. По условиям того соглашения, дон Брюс и Синдикат должны были отстать от королевства Поссилтум вообще и большого Джули с его ребятами в частности, в обмен на представление Великим Скивом Синдикату доступа в другое измерение... а точнее, на Деву, в комплекте с ее знаменитым базаром.

Вскоре после этого, дон Брюс нанял Великого Скива надзирать за интересами Синдиката на Деве и поручил нам с Нунцио служить у него телохранителями. Тогда-то мы и начали называть его Боссом.

Пока не потеряли нить?

Ладно, а теперь снова рассмотрим вместе со мной теперешние обстоятельства, и посмотрим поймете ли вы с какой мы столкнулись дилеммой.

Во-первых и прежде всего Босс работает на Синдикат.

Во-вторых он отправил нас разобраться с ситуацией в Поссилтуме в то время как сам отправился следом за Аазом.

Так вот, поскольку он работает на Синдикат, а мы все работаем на него, то все наши ударные силы наступающие теперь на королеву Цикуту могут рассматриваться как находящиеся на службе у Синдиката.

К несчастью, остается в силе сделка, та самая заключенная лично самим доном Брюсом, которая гласит, что никто в Синдикате не должен выступать против Поссилтума! А это означает, что наша операция есть прямое нарушение клятвенного слова дона Брюса... и хотя я не могу утверждать, что этот деятель никогда не брал назад своего слова, решение сделать это он оставляет лично за собой и склонен более чем малость злиться, когда кто-то иной берется нарушать его слово за него.

Как вы возможно заметили следя за сообщениями тех СМИ какие в моде там, где вы читаете это, когда кто-то уровня Дона Брюса в Синдикате начинает злиться, то выражается это обычно не в сердитой памятной записке. Если он чувствует, что его положению и авторитету в Синдикате бросил вызов какой-то чрезмерно

резвый подчиненный, то его обычная реакция заключается в том, чтобы раздавить названного подчиненного как клопа. Конечно, при нашем положении телохранителей Босса это ставит нас между Давителем и Давимым, вызывая раздражительность, про которую я упоминал пару страниц назад из-за чего и понадобилось это объяснение.

Теперь понятно? Если нет, то просто положитесь на мое слово, я знаю об этих делах побольше вашего и что у всей нашей команды будут крупные неприятности с Синдикатом когда и если дон Брюс выяснит чем, мы занимаемся.

* * *

— Я много размышлял об этом, — говорит Нунцио так словно наш разговор и не прерывался, что конечно же так оно и есть, — и не уверен что Босс знает, что отправляя нас сюда он идет против дона Брюса.

Ну, вот это малость ошарашивает меня. Я все время исходил из того, что отправка нас сюда это умышленный шаг со стороны Скива. Мысль, что он мог не ведать о последствиях своих действий ни разу не приходила мне в голову.

— Как ты представляешь такое?

— Ну, как мне кажется Босс, очень большой ловкач... за исключением двух сфер приложения ловкости: Синдиката и девах.

— Это верно, — соглашаюсь я, потому что так оно и есть. Хотя я в целом отношусь к Боссу не иначе, как с наиглубочайшим уважением. Но в этих двух сферах он склонен быть тем, что мы в Синдикате называем "глуп как пробка".

— К тому же, — продолжал Нунцио, — есть еще и такой момент, он не проконсультировался с нами насчет желательности начинать свару с Синдикатом, и даже не предупредил нас остерегаться чего-либо кроме Цикуты... что совсем не похоже на него, если он ожидал неприятностей со стороны дона Брюса.

Снова он привел весьма веский довод. Скив был вероятно самым внимательным Боссом с каким мы когда-либо работали и всегда чутко относился к нашим чувствам... особенно к тем, которые связаны с теми частями наших тел, какие истекают кровью и ломаются.

Именно это в значительной мере и объясняет нашу преданность и искреннюю приязнь к нему... наряду со шкалой заработной платы которую он выплачивает как щедро так и надежно.

— Теперь когда ты упомянул об этом, — говорю я — и впрямь ясно — Боссу не было большого смысла вступать в борьбу за власть или пытаться вырвать руль из рук дона Брюса, так как он никогда не выражал ни интереса ни желания увеличить свой вес в Синдикате.

Нунцио пожал плечами. — Будь он склонен к этому ему требовалось бы всего-навсего жениться на Банни и дать дону Брюсу поднести ему на блюдечке с голубой каемочкой всю организацию в качестве наследства.

Он говорил о том, что Банни не только племянница дона Брюса, но и по уши влюблена в Босса... нечто, похожее целиком ускользнувшее от внимания Босса. Как мы упоминали ранее... Синдикат и девахи... Глуп как пробка.

— Возможно ты прав!

— Конечно я прав! Все сходится!

— ... Но даже если и так, не уверен какая с того разница, — заканчиваю я, игнорируя его грубую невоспитанность. — Случайно мы нарушаем слово дона Брюса или намеренно, все равно быть нам на линии огня, когда этот деятель решит навести порядок.

— Разница в том, что если мы будем исходить из того что Босс не хочет неприятностей с доном Брюсом, то не обязаны останавливаться и драться. А конкретней, мы вольны выступать в качестве посланцев мира между этими двумя тяжеловесами прежде, чем прольется кровь.

Такое рассуждение не лишено определенной привлекательности, особенно ввиду того, что если названная кровь и впрямь прольется, то все шансы за то, что источником этой неприятности будем мы с Нунцио.

— Ладно, — говорю я. — Допустим ты прав и Босс не хочет неприятностей, и допустим что дон Брюс позволит тебе вклинить слово прежде, чем начнется стрельба, что же ты собираешься сказать чтобы остудить его?

— Над этой частью, — колеблется Нунцио, — ... над этой частью я еще работаю.

Мне приходит в голову, что до тех пор пока мой кузен не придумает верное средство для урегулирования положения, то приняв на себя роль миротворцев мы обещаем только одно — обязуемся не отвечать на выстрелы, когда начнутся неприятности!

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Доски не дают сдачи!

Б. Ли

Я был настолько занят своими беспокойствами из-за дона Брюса и Синдиката, что у меня совершенно вылетела из головы ссора между мной и Сержантом Лыбби. Однако, как выяснилось, это не имело значения, поскольку сержант предпринял ряд шагов для напоминания мне о ней, и ввиду того, чем это обернулось для меня, мне явно было бы мало толку использовать много времени на размышления об этом.

Мы уже дошли до той стадии подготовки, при которой нам требовалось научиться иметь дело с врагом вблизи... предпочтительно не капитулируя. То есть, обучиться рукопашному бою.

Этот раздел преподавал сам Сержант Лыбби, что показалось мне странным лишь позже, так как он явно был более чем мимолетно знаком с преподаваемой нам техникой. Он нацелился на братьев Слеппней выбрав их своими демонстраторами-жертвами и здорово позабавился показывая нам всем, что размеры мало чего значат в рукопашном бою, для чего с впечатляющей легкостью швырял и колотил их... или, выражаясь точнее, действительно заставил их летать словно слепней.

Хотя посмотреть на все это было очень даже забавно, мне невольно думалось, что урок который он пытался вдолбить, пах куда более дурно чем "Реалистическое Собачье Безобразие с Натуральным Ароматом Действительно Липнущее к Рукам", с которым мне довелось так хорошо познакомиться. Я имею ввиду, мне хотелось бы знать, действительно ли он думал, будто

одурачит кого-то своим трепом о том, что “размеры ничего не значат”. Не надо быть гением, чтобы сообразить, что размеры очень даже много значат и любая порядочная драка обычно продемонстрирует это достаточно наглядно, чтобы убедить даже самых тупоумных. Умение одерживает верх над размерами только в том случае, если маленький парень очень умелый, а большой парень очень неумелый... не говоря уж о том, что он к тому же неповоротлив и возможно с хрупкой как из стекла челюстью. А если они хоть сколько-то равны по части умения, то можно смело рассчитывать, что большой парень при желании сделает из маленького отбивную. Вот почему профессионалы контактного спорта, стадионные атлеты, не говоря уж о костоломах вроде нас с Нунцио, чаще всего бывают избыточно рослыми. Тут дело даже не в том, что наши наниматели считают правильным, если найм основан на принципе “по живому весу”, а в том, что мы, как правило, побеждаем.

Конечно, даже если согласиться с идеей что “умение превышает размеры”, в логике сержанта все равно остается один бросающийся в глаза изъян. Помните, как я говорил о том сколько времени потребовалось бы обучать кого-то стрельбе из большого лука? (Нет, это не для проверки... я просто спросил.) Ну, так на обучение в рукопашном бою требует еще больше времени. Намного больше. Мысль будто кто-то вроде Тру-Тня сможет за один день усвоить достаточно, чтобы эффективно бороться с одним из братьев Слеппней, каким бы неумелым тот ни был, просто смехотворна. Учитывая это, мне было ясно, что хоть он и говорил будто нас готовят к боям с врагом, на деле он всего лишь показывал нам несколько приемов долженствующих помочь нам уцелеть в тех неизбежных драках в пивных, к которым похоже естественно тяготеют люди в мундирах, когда пытаются спокойно выпить в свободное время среди штатских. Попросту говоря, нас обучали разделяться скорее с неумелыми штатскими драчунами, предпочтительно вдребезги пьяными, чем с умелыми военными на поле боя.

— ... Конечно, эта техника — та что даст вам возможность разделаться с безоружным противником! — говорил между тем Сержант Лыбби, и опять же вводил в заблуждение, так как ни один из продемонстрированных им контрприемов не был достаточно смертельным чтобы “разделаться” с кем-либо, подтверждая мою ве-

ру, что кто-то считал, что мы будем применять их только против штатских.

— ... Однако борьба с **ВООРУЖЕННЫМ** противником — совсем иное дело! К счастью, среди нас есть **МАСТЕР**, способный продемонстрировать как это делается! **ГВИДО!** Равнение на середину!

— Я, Сержант? — моргаю я, так как не ожидал, что меня выкликнут.

— Совершенно верно, — говорит сержант, обнажая в улыбке несколько лишних зубов. — На стрельбище ты особенно рьяно доказывал, что убивать людей приходится только раздолбаям. Ну, вот тебе возможность показать всем как “мягко” усмирить врага, когда тот пытается тебя убить.

Незачем говорить, мне не шибко нравится как это звучит, но так как меня вызвали, мне не остается иного выбора кроме как выйти вперед на чистую площадку используемую для демонстраций. Мой дискомфорт возрастает, когда сержант делает знак капралу Мяс-Нику и тот бросает ему короткий меч. Совершенно верно, самый настоящий короткий меч... обоюдоострый гладий.

— А для чего меч, Сержант? — говорю я.

— Я ведь сказал, что это будет демонстрация боя с вооруженным противником, — усмехается он. — Нам предстоит сделать следующее: я буду пытаться убить тебя, а ты попытаешься остановить меня не убивая.

— ... А если мне не удастся?

— Тогда у нас полагаю произойдет небольшой “несчастный случай на тренировке”... если конечно ты не предпочтешь просто отступить и признать, что не можешь этого сделать.

Незачем говорить, я добился своего нынешнего высокого положения телохранителя не тем, что пытался от драк. И что еще важнее, беспокоил меня в действительности не меч, так как он ничем не лучше длинного ножа, а с ножами я имел дело достаточно часто.

— О, сделать-то это я могу, — пожимаю плечами я. — Беда в том, что при этом может понадобится ударить унтер-офицера... что мне помнится из урока Военного Права категорически запрещено.

Улыбка сержанта малость увядает, и я понимаю что он ожидал, что я откажусь от этого упражнения, когда он подкинет мне такой выход. К несчастью для нас

обоих, понимание это приходит немного поздновато, чтобы нам был от него какой-то толк.

— Не беспокойся об этом, рекрут, — говорит он, хотя я замечаю что голос у него стал более напряженным. — Даже если тебе очень повезет и тебе удастся осалить меня, ты выполняешь приказ и поэтому никаких обвинений тебе предъявлено не будет.

Это все, что мне требовалось услышать. В качестве последней меры предосторожности я быстро оглядываюсь на стоящего в строю Нунцио и тот слегка кивает мне.

— Твой кузен тебе теперь не поможет, Гвидо, — резко бросает, несколько восстанавливая уверенность Лыбби. — Тут все решаем мы вдвоем.

С Нунцио я сверялся вовсе не поэтому.

— Я просто интересовался, — говорю я пожимая плечами. — Приятно знать, что вы знаете, что я выполняю приказ. Вопрос в том, знает ли об этом тот офицер.

Так вот, сержант отнюдь не дурак и я в общем-то не ожидаю, что он попадется на старый прием "позади тебя кто-то есть"... но он попадается. Лишь немного позже я выясняю что у унтеров настоящий бзик насчет офицеров. То есть, они спокойненько управляют себе армией... если где-либо в поле зрения нет свидетеля-офицера. Так или иначе, Лыбби начинает выкручивать шею пытаюсь заметить упомянутого мной офицера, и когда его голова отворачивается от меня, я бесшумно налетаю на него.

Если такая тактика кажется вам немного странной, то поймите, что если кто-то машет у вас перед носом куском заточенного металла, то последнее чего он ожидает это то, что вы нападете на него. Вам полагается делать совсем иное: застыть на месте или еще лучше бежать, дав таким образом ему время неспеша вырезать свои инициалы на той части вашей анатомии какая окажется удобней всего. А когда вы двигаетесь не назад, а вперед это обычно поражает его, и он чаще всего реагирует тыкая оружием в вашу сторону в попытке заставить вас пятиться как положено по сценарию. А вам только этого и надо, так как благодаря этому теперь уже вы управляете его атакой и можете завести ее куда вам хочется, а не просто стоять и надеяться, что противник уйдет восвояси.

Сержант видит уголком глаза как я приближаюсь к нему, и, точь в точь как я и ожидаю, тыкает в мою сторону мечом надеясь, что я налечу на него и уберегу

его от хлопотливой необходимости планировать и проводить собственную атаку. Благодаря этому мне совсем не трудно обогнуть его острие и сжать левой рукой запястье его правой, что уберегает оружие от излишней активности, а меня — от него, в то время как я наношу правым кулаком сержанту средней силы удар под ухо.

Я искренне надеялся что дело на этом и закончится без дальнейшего вальсирования, но сержант все таки очень крепкий старый черт. Он лишь окосел от удара и упал на одно колено. Я соображаю, что положение только что стало опасным, так как он по прежнему держит меч, и, в своем ошеломленном состоянии может и не вспомнить, что это всего лишь тренировка... если это вообще входило в его первоначальные намерения.

— Сдавайся, Серж, — тихо-тихо шиплю я, подступая поближе, так, чтоб слышал меня только он. — Все кончено.

И просто на всякий пожарный случай немного выкручиваю ему руку, когда говорю, чтобы доказать свой довод. К несчастью, он то ли не слышит меня, то ли предпочитает игнорировать то, что является как вы должны признать прсвосходным советом, и начинает бороться пытаясь ввести в игру свой меч.

— Как уютно, — пожимаю плечами я, в общем-то не ожидая от него ответа, так как в этот момент он теряет сознание, в основном потому, что я только что сломал ему руку... для безопасности, как вы понимаете. (Для чрезмерно чувствительных читателей спешу пояснить, что это чистый перелом в противоположность куда более отталкивающей сложной разновидности, и что он по всей вероятности не вырубил бы сержанта не будь тот уже ошарашен только что отвешанным ему мной "лещем". Как я уже отмечал ранее, моя специальность — управляемое насилие... и я большой мастер по этой части.)

— ЧТО ТЫ ДЕЛАЕШЬ...

Эти последние слова исходят от капрала Мяс-Ника, который наконец с большим запозданием ожил и пытается вмешаться после того как танец уже закончился. Незавершенный характер его вопроса вызван тем, что шагнув вперед он налетает на высокий взмах локтя Нунцио движущегося в противоположном направлении, и это действительно вытягивает его на спине и отключает ему свет... а также пресекает его досадный лепет. К вашему сведению, именно по этому поводу и происходил обмен взглядами между мной и Нунцио... я убеж-

дался что он занимает нужную позицию и готов прикрыть меня с тыла пока я разделяюсь с сержантом.

Какой-то миг царит молчание, а потом кто-то из рядовых издает негромкий, удивленный свист и это кажется служит всем сигналом подбросить свои замечания ценою в два гроша.

— Ух ты!

— Неплохо, Бой!

— Самое время чтоб кто-то научил его...

Хи Слеппень принимается подталкивать спящую фигуру капрала носком сандалии.

— Лежа они выглядят не такими уж здоровенными, верно, Бой? — усмехается он, словно самолично уложил в одиночку обоих.

— СМІРНО! ВСЕ ВЫ!! — реву я, резко обрывая дискуссию. — Если ты еще раз тронешь этого человека, Хи, мы с тобой выйдем на пару раундов. ТЫ МЕНЯ ПОНЯЛ??

Он выглядит удивленным и обиженным, но кивает выражая согласие.

— Не слышу!!!

— ДА, СЕР... Я имею в виду, ГВИДО!!

— ЭТО ОТНОСИТСЯ И КО ВСЕМ ОСТАЛЬНЫМ ТОЖЕ! — рычу я. — Я НЕ ЖЕЛАЮ ВИДЕТЬ КАК ВЫ ПИНАЕТЕ ЛЮБОГО ИЗ ЭТИХ ДВОИХ ИЛИ ПОТЕШАЕТЕСЬ НАД НИМИ. ЕСЛИ ВЫ НЕ ГОТОВЫ СДЕЛАТЬ ТОЖЕ САМОЕ КОГДА ОНИ ОЧНУТСЯ И СМОГУТ ДАТЬ СДАЧИ. Я ЯСНО ВЫРАЗИЛСЯ??

— ДА, ГВИДО!!!

Как можно заметить по моей манере я в этот момент немножко раздражен, но в основном на себя. Мне искренне досадно, что я не сумел пресечь попытку сержанта не ломая ему руку и я вполне готов сорвать злость на группе. Если картина моей адресованной коллегам речи кажется нехарактерной, то это потому, что я открыл, что армейские унтера кое в чем правы... это и впрямь самый легкий способ накричать на весь строй одновременно.

— Ладно, а теперь СЛУШАЙ СЮДА!! Как и. о. командира отделения, я являюсь тут старшим по званию до тех пор пока не придут в сознание сержант и капрал. Мне нужен один доброволец для вызова врача к этим двоим, в то время как ОСТАЛЬНЫЕ ПРОДОЛЖАТ ТРЕНИРОВОЧНЫЕ УПРАЖНЕНИЯ!!

Такой курс действий кажется мне логичным, так как мне не улыбается потерять учебный день пока мы ожидаем когда очнутя наши унтеры. Однако, в этот миг я замечаю что кузен вежливо поднял руку привлекая мое внимание.

— Да, Нунцио? Ты вызываешься сходить за врачом?

— Да в общем-то нет, вашбродь и. о. командира отделения Гвидо, — саркастически говорит он. — Я просто думал что прежде чем принять на себя командование вам возможно будет всего разумней справиться вон у того офицера, который и впрямь является тут старшим по званию.

Так вот, как вы помните, когда я провернул такой фокус с сержантом, это было приемом с целью отвлечь его внимание. Однако я играл с Нунцио в драконий покер и умею распознавать когда он блефует... и на этот раз такого не наблюдается. Ощущая как у меня тоскливо засосало под ложечкой, я поворачиваюсь посмотреть в указанном им направлении. И все верно, там есть офицер, первый какого я увидел помимо читавших нам лекции. И что еще хуже, он идет к нам с очень даже мрачным выражением лица.

* * *

— Вольно, Гвидо.

Я переключаюсь со “смирно” на “вольно”, что вовсе не означает будто мне так уж вольно. Меня вызвали в офицерскую палатку, что не удивительно, так как мне явно предстояло пожать какие-то плоды славы за сегодняшнюю стычку. А врасплох меня захватывает то, что Сержант Лыбби тоже находится там, с рукой на перевязи и непроницаемым выражением лица.

— Сержант Лыбби изложил мне свою версию того, что происходило с вашей учебной группой и привело к событию свидетелем которого я стал в полдень. Вы не хотели бы рассказать свою сторону повести?

— Уверен что доклад сержанта полон и точен... ваше благородие, — четко говорю я.

Обыкновенно, я бы просто держал язык за зубами, пока не увижу адвоката, но покамест не упоминалось ни про какие обвинения, и мне почему-то думалось, что сейчас неподходящее время подымать волну.

— Отлично, — кивает офицер. — В таком случае я считаю себя обязанным последовать рекомендациям сержанта в данном деле.

Мне приходит в голову, что возможно следовало бы как-то защищаться, но теперь уж слишком поздно, так как офицер уже принялся действовать. Взяв перо, он царапает свое имя внизу ряда бумаг лежащих у него на столе.

— Ты знаешь в чем больше всего нуждается армия растущая столь быстро как наша, Гвидо? — говорит он пока пишет.

Я начиная было говорить “в Божественном Вмешательстве”, но решаю держать язык за зубами... что и к лучшему так как он сам принимается отвечать на свой вопрос.

— Руководстве, — говорит он заканчивая подписывать росчерком пера. — Мы всегда высматриваем новых лидеров... вот почему я так рад подписать эти приказы.

Для разнообразия, мне совсем не трудно выглядеть невинным и тупым, так как в этой цепочке мыслей я полностью потерял нить его рассуждений.

— Вашбродь?

— Эти бумаги у меня здесь производят вас в сержанты, а Нунцио... он ваш кузен, не так ли?... в капра-
лы.

Теперь я действительно в полном недоумении.

— Повышение в звании, вашбродь?

— Совершенно верно. Сержант Лыбби рассказал мне, как вы двое взяли на себя руководство вашим отделением во время подготовки... до такой степени, что даже дополнительно тренировали их в свободное время. А когда я сам увидел как вы приняли на себя командование после... того казуса во время сегодняшней тренировки, у меня нет никаких затруднений с одобрением вашего повышения в звании. Именно такое лидерство и инициативность мы и любим видеть здесь в армии. Поздравляю.

— Спасибо, ваше благородие, — говорю я, будучи не в состоянии придумать, чего еще сказать.

— Ах, да... и еще одно. Я снимаю вашу часть с подготовки и отправляю их на активную службу. Это всего лишь гарнизонная служба, но в данное время доступна только она. Я считаю что все чему им еще нужно обучиться вы сумеете помочь им приобрести на службе. Это все... Сержант Гвидо.

Мне требуется минута чтобы сообразить что он обращается ко мне называя меня новым званием, но мне удастся вытянуться по стойке "смирно" и отдать честь прежде, чем повернуться и уйти.

— С вашего разрешения, вашбродь, — слышу я слова Сержанта Лыбби, — мне хотелось бы перекинуться парой слов с Сержантом Гвидо прежде чем он опять присоединится к своей части.

Я наполовину ожидаю, что Лыбби невзирая на сломанную руку все-таки накинется на меня, коль скоро мы выйдем из палатки, или по крайней мере засыплет меня тяжелыми угрозами о том, что со мной случится когда наши пути пересекутся в следующий раз. А вместо этого он расплывается в улыбке и протягивает мне здоровую руку.

— Поздравляю, Гвидо... извини, я имел в виду Сержант Гвидо, — жмет он мне руку. — Я хотел сказать тебе одну вещь подальше от других рекрутов.

— Какую именно, Сержант?

— Я хотел тебе сказать, что ты был совершенно прав... справится в бою с противником не убивая его и впрямь требует большего умения... и я рад видеть, что люди с твоими способностями поступают на службу к нашей стороне. Только вспомни, однако, что у нас есть лишь ограниченный срок для обучения рекрутов... вот потому-то мы и сосредотачиваемся на приучении их мыслить категориями "убить". Если у них вообще кишка тонка убивать, если они станут думать будто смогут отделаться обезоруживанием врага, то будут пытаться именно так и делать... а умения такого у них нет и у нас нет времени обучать их ему, и поэтому они кончат тем что сами погибнут, а мы кончим тем, что выставим для боя между двумя армиями более слабую. Постарайся помнить об этом когда будешь в следующий раз работать с группой зеленых новобранцев. А пока, желаю удачи! Возможно нам еще доведется как-нибудь опять послужить вместе.

Я настолько удивлен тем, что сержант оказывается славным малым, не говоря уж о серьезном обдумывании подброшенных им мне мыслей, что почти возвращаюсь в часть прежде чем до меня доходит весь смысл моего повышения в звании.

И тогда, я чувствую себя подавленным. Вся моя карьера была направлена на избегание становится властью имущей фигурой, а теперь мне навязано то, что является по меньшей мере надзирательской должностью... и

на этот раз постоянно, а не временно. Утешает меня только следующее: а) находясь в более высоком звании я могу потенциально причинить больше вреда, и б) Нунцио придется страдать от бремени дополнительных нашивок наряду со мной.

Немного прибодрившись от этих мыслей, я отправляюсь на розыски Нунцио, желая быть первым, кто сообщит ему плохие новости.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

*Служить и Защищать...
Традиционный девиз рэкетиров-защитников*

Как ни рвемся мы приступить к выполнению нашего задания, то есть попросту говоря к деморализации и развалу армии, и Нунцио, и я более чем малость нервничаем в связи с гарнизонной службой.

Само собой, в пребывании в городе нет ничего плохого. Твикст побольше среднего военного городка, а это значит, что нам хватает развлечений во внеслужебное время. Однако тот самый факт, что это приличных размеров град увеличивает шансы на то, что наше присутствие заметят и доложат о нем Брюсу... что, как мы упоминали ранее, занимает не самое высокое место в списке желанных для нас событий.

Сама же служба раздражающе легка, раздражающе потому, что трудно возмутить солдат когда самое худшее с чем им приходится сталкиваться — скука. Ситуация вполне очевидна, даже когда я поручаю Нунцио устраивать нашу команду пока докладываюсь командиру гарнизона.

— Наша единственная настоящая задача здесь — сохранять военное присутствие... чтоб народ помнил почему он платит налоги.

Индивид толкающий эту речь сам среднего роста, примерно на голову ниже меня, кудрявый брюнет с проступающими местами прядями седины... что могло бы придать ему достойный вид если бы он не двигался словно докер, пытающийся пораньше закончить работу и отправиться на важное свидание. У него скорострельная манера речи и он отбарабанивает приказы не отры-

ваясь от бумаг, которые исписывает. Однако я не могу не заметить, что то, над чем он так усердно трудится сильно смахивает на стихи... а мне почему-то кажется, что такое занятие не предусмотрено его официальными приказами.

— Вам и вашим парням нужно всего-навсего проводить определенное количество часов в день патрулируя в мундирах по улицам так, чтобы народ видел, что армия здесь. В остальное время, вы предоставлены сами себе.

— Вы имеете в виду, словно полицейские?

Эти слова своего рода срываются у меня с языка, но должно быть в них слышна нотка ужаса, так как командир отрывается от своего занятия и смотрит прямо на меня.

— Да в общем-то нет, — быстро говорит он. — Мы бывало отвечали за патрулирование улиц, но город разросся до такой степени, что обзавелся собственными полицейскими силами, и мы стараемся не посягать на их прерогативы. Они присматривают за гражданами, а наша собственная военная полиция присматривает за солдатами. Четко и раздельно. Понятно?

— Так точно.

— ... что подводит нас к еще одному моменту, — продолжает командир, снова принимаясь исписывать бумажки. — В наших войсках действует правило “никогого панибратства”. Блюдаем мы его не слишком строго, поэтому вам не нужно волноваться если одна из... э, дам станет заигрывать с вами или вашими людьми, но предоставьте им самим подступать к вам. Не заводите шашней с обыкновенными штатскими женщинами. Как бы там не обернулось дело от этого скорее всего разстроятся штатские мужчины, а наша основная директива здесь не затевать никаких неприятностей со штатскими. Будьте с ними обходительны... покажите им, что мы просто обыкновенные люди, такие же как и они. Если вы сможете это сделать они будут менее склонны верить во всякие дикие рассказы какие они могли услышать о действиях наших войск на фронте. Все ясно?

Мне думалось что чего бы я там ни сказал и ни сделал не будет иметь большого значения, так как командир отбарабанивает все это словно выученное наизусть покуда сам все пишет и пишет. Однако мне думалось что проверять данную теорию будет неразумным.

— Так точно, — говорю я. — Никакого панибратства с женщинами... Никаких драк с мужчинами. Все ясно.

— Отлично, отправляйтесь обратно в свою часть и позаботьтесь чтобы ее разместили как положено. А потом используйте остаток дня на ознакомление с городом и явитесь сюда завтра утром за заданием.

— Слушаюсь. — Я вытягиваюсь и четко отдаю ему честь, на что он отвечает даже не подымая головы.

Я не могу не почувствовать что при инструктаже мне дали в некотором роде от ворот поворот, и поэтому задерживаюсь по выходе переброситься парой слов с клерком командира... решение, признаться, частично вызванное тем, что та — единственная чувиха какую я видел в мундире кроме Оссы, и я уже малость отчаивался когда-нибудь услышать женский-такой голос. Кроме того, я старше ее по званию и считаю что теперь самое время моим навыкам поработать на меня, а не против меня.

— Что за дела с командиром? — дружески-так говорю я, выдавая ей одну из своих неустрашающих улыбок.

Однако вместо ответа эта цыпочка тупо смотрит на меня, словно все еще ждет, не скажу ли я чего. Ну, она крошечная штучка, немножко худошавая, и поэтому когда она таращится на меня своими большими глазами я невольно чувствую себя немного неуютно... словно она самка богомола пытающаяся решить как ей следует меня съесть до или после спаривания.

— Я имею в виду, с чего это он пишет стихи? — добавляю я просто для поддержания разговора.

— Куплеты, — говорит она своего рода ровным голосом.

— Извиняюсь?

— Я сказала “куплеты”... то бишь “слова для песен”. Он любит выступать в местных клубах на вечерах открытой сцены, и сам пишет для себя материал... постоянно.

— И хорошо у него получается?

На это она слегка пожимает плечами.

— Полагаю не плохо... но он не играет на гитаре и поэтому вынужден по большей части петь без музыкального сопровождения. Из-за этого его выступление поневоле кажется немного жидковатым, после того как весь вечер слушаешь певцов исполняющих под аккомпанимент инструментов.

Я замечаю, что при всей ее внешней незаинтересованности эта цыпочка похоже много чего знает о дея-

тельности командира в свободное время... даже до такой степени, что просиживает целый вечер выступлений певцов-любителей, чтобы послушать его номер, когда ей в общем-то не нравится его пение. Из этого я делаю вывод, что в качестве сержанта я вряд ли чего-то достигну с ней и поэтому настраиваюсь быть дружелюбным.

— Возможно ему следует попробовать клавишные, — говорю я.

— Чего попробовать? — моргает она, внезапно обретая больший интерес к разговору.

— Кла... О! Ничего. Эй, мне теперь пора идти. Рад был с вами поболтать.

И с этими словами я спешно отступаю, немного раздраженный на себя. Снова я чуть не попал в беду из-за своего долгого пребывания на Деве. На какую-то секунду я забыл, что в этом измерении не только нет клавишных, но нет и электричества, необходимого для подключения к нему названного инструмента.

— Эй Гвидо! — прерывает мои мысли знакомый голос. — Какие новости?

Я оглядываюсь по сторонам и обнаруживаю направляющегося ко мне Нунцио вместе с остальной командой.

— Ничего важного, — пожимаю плечами я. — До завтрашнего дня мы даже не выходим на службу. Командир предоставил нам остаток дня на обустройство и знакомство с городом.

— По мне так неплохо, — говорит Хи Слепень, потирая руки словно... ну, словно слепень. — А не пойти ли нам куда-нибудь перекусить... а заодно и посмотреть нельзя ли найти местечко где мы сможем ошиться в свободное время.

— Как насчет трактира где подают спагетти, мимо которого мы проходили по дороге сюда? — говорит Осса мотнув головой в сторону откуда они пришли.

Я бросаю быстрый взгляд на Нунцио, который уже смотрит на меня. Так столь часто случается когда мы работаем вместе, мы одновременно думаем об одном и том же, и на этот раз мы оба думаем, что самый лучший способ избежать с кем-либо связанным с Синдикатом это не использовать в качестве опорного пункта заведения где подают спагетти.

— Э... давайте посмотрим нельзя ли найти какое-нибудь местечко с меньшей вероятностью... я имею в виду, поближе, — небрежно-так предлагаю я.

— Ну, так не попробовать ли нам прямо здесь? — вступает в разговор Нунцио, подхватывая общее направление моей мысли.

Я смотрю туда куда он показывает, и вынужден признать что это вероятно последнее место где нас додумается искать кто-либо из Синдиката. Вывеска над дверью этого заведения гласит: "СУСИ-БАР И ЛАВКА ТОРГОВЛИ ПРИМАНКОЙ АБДУЛА".

— Суси? — хмурится Шу Слепень. — Ты имеешь в виду вроде как сырая рыба.

— По крайней мере мы знаем что она свежая, — Майжук показывает на вторую часть вывески.

— Да хватит вам быть сворой младенцев, — усмехается Осса тыкая Шу в ребра. — Подождите пока не попробуете. Очень вкусно! Пошли.

Ну, я рвусь есть это блюдо ничуть не больше, чем братья Слепни, хотя Нунцио явно приставал ко мне уговаривая попробовать его, но я как-то не испытывал энтузиазма. Я хочу сказать, для меня привычна рыба в томатном соусе или чем-то вроде него, поданая с макаронами — а никак не с рисом. Однако, похоже не представлялось большого выбора, кроме как последовать за Оссой и Нунцио когда те весело направились в заведение.

— А! Члены наших благородных вооруженных сил! — говорит хозяин, выскальзывая из сумеречных глубин приветствовать нас. — Заходите, пожалуйста. Нашим молодцам... и дамам... в мундирах мы делаем особую скидку!

— Нельзя ли нам сесть за столик поближе к окну, там где побольше света? — говорит подмигивая мне Нунцио. Я знаю о чем он думает и обыкновенно одобрил бы. Однако этот хозяин вызывает у меня ощущение легкого беспокойства. Несмотря на его зубастую улыбку у меня не проходит сильное ощущение, что он способен определить с точностью до нескольких монеток мелочи сколько денег в карманах всей нашей команды... и уже пытается прикинуть сколько их он сможет извлечь прежде, чем мы вырвемся на волю. Короче говоря, я не ощущал такой оценки себя купцом с тех самых пор как мы покинули Базар-на-Деве.

Несмотря на свой растущий дискомфорт, я присоединяюсь к команде когда хозяин проводит нас к столи-

ку у окна и раздает меню. Все заказывают себе выпивку, а потом начинают сосредоточенно изучать меню. Осса с Майжуком служат им переводчиками... то есть, все за исключением Нунцио.

Полностью игнорируя меню, кузен начинает рыться в поясной сумке.

— Пока мы здесь, не хочет ли кто сыграть по быстрому пару партий в драконий покер? — невинно-так говорит он извлекая колоду карт и потрепанную книгу с загнутыми уголками страниц.

Заслышав это предложение вся команда дружно стоит, верное указание на их знакомство с этой игрой, что не удивительно поскольку, именно мы с Нунцио и взяли на себя нелегкий труд обучить их. Однако, несмотря на их показное нежелание, я замечаю что вокруг стола проходит быстрая рябь движения и появляются деньги, что само по себе свидетельствует о засасывающем характере данного конкретного времяпровождения. Могу сказать по собственному опыту, что ничто не сравнится с ощущением, испытываемым когда ты видишь как набранный тобой в удачной партии банк исчезает в чьей-то стопке фишек из-за какого-то неведомого-такого Условного Модификатора. И это же лучше всего убеждает новоиспеченного игрока, что в его интересах узнать побольше об этой игре, так как это его единственный шанс вернуть какую-то часть своих денег, не говоря уж о том, чтобы остаться в выигрыше. То есть, первый раз в драконий покер играют ради забавы, а потом уж играют ради мести.

— Ладно... есть заход! — говорит Нунцио быстро тусуя карты и предлагая снять колоду.

— Не так быстро, кузен, — прерываю я извлекая собственный экземпляр правил игры. — Давай сперва определим какие действуют Условные Модификаторы.

— Зачем трудится? — морщится Шу Слепень. — Все равно они каждый день меняются.

— Каждый день? Ты хочешь сказать каждый час! — подхватывает его братан.

— Как бы та ни было, — пожимает плечами Осса. — Сдавай, Нунцио. А о разных тонкостях нас может уведомить и Бой.

Для тех из вас кто не знаком с драконьим покером хочу сообщить: это очень популярное средство перераспределения богатства во многих измерениях. Можете представить его себе как стад-покер из девяти карт с шестью картами на руках... то есть, если вы не против

того чтобы вам вышибли финансовым путем мозги. Видите ли, помимо обычных правил карточной игры, есть еще и Условные Модификаторы способные изменить ценность карты или сдачи в зависимости от измерения, часа, числа игроков, места за столом или любого из множества других факторов, что и делает драконий покер самой трудной и запутанной игрой в карты во всех измерениях.

Мы с Нунцио увлеклись этой игрой, когда все пытались вовремя обучить ей Босса для его матча с Малышом Сен-Сеновым Заходом, и она на самом-то деле не такая уж и трудная... при условии, что у тебя есть экземпляр правил приложимых к тому измерению, где ты в данный момент находишься. (Конечно, Босс во время большого матча не мог пользоваться книгой, так как считалось что он и так уже мастер высокого класса.) Прежде чем отправиться с Базара на данную конкретную операцию, и я и Нунцио включили в свой багаж по экземпляру книги правил для Пента (нашего родного измерения где и имеет место данное повествование) считая это частью подготовки к вылазке. Если вы возможно считаете покупку двух экземпляров книги правил ненужным расходом, то позвольте мне дать вам бесплатный совет насчет игры в драконий покер: Наилучшая для вас защита за столом — иметь собственный экземпляр правил. Видите ли, одно из постоянных правил при любой игре в драконий покер заключается в индивидуальной ответственности игроков за знание Условных Модификаторов. Попросту говоря, это означает, что если ты не знаешь какого-то конкретного модификатора превращающего твою никчемную сдачу в выигрышную, то никто не обязан объявлять тебе об этом. Такова традиция игры и не имеет никакого отношения к честности тех кто в ней играет. Если она чего и дает, так это устранение обвинений, что игрок намеренно утаил информацию, чтобы выиграть партию, а не просто проглядел конкретный модификатор среди множества модификаторов действующих в любое данное время. Короче говоря, как бы я ни доверял Нунцио прикрывать меня с тыла в драке, мне думается, что разумней всего не рассчитывать на его заботу о моих интересах за столом, где играют в драконий покер, и посему я считаю приобретение собственного экземпляра книги правил необходимым расходом, а не роскошью или удобством.

— Давай-ка посмотрим, — говорю я листая книгу, — солнце скрылось... и мы играем в помещении...

— ... и у нас нечетное число игроков... — подсказывает Осса, показывая, что она улавливает суть модифицирующих факторов.

— ... и один из них женского пола... в какой-то мере... — добавляет Майжук подмигивая Оссе.

— Извините, что так долго доставляю выпивку, друзья мои, — говорит хозяин, объявляя о своем присутствии когда возвращается к столику неся поднос с напитками. — Итак, кто зака... ЭЙ! ЧТО ЭТО???!!!

Мне вдруг приходит в голову, что возможно местный муниципалитет издал какое-то постановление запрещающее азартные игры... что объяснило бы с чего это хозяин так внезапно расстроился.

— Это? — невинно говорю я. — О, мы здесь просто затеяли небольшую дружескую игру в карты. Не беспокойтесь, для счета очков мы используем только монеты и...

— Не надо песен! — рычит хозяин, без всякого следа прежней маслянистой дружелюбности. — Вы играете не во что иное как в драконий покер! А в эту игру не играет никто кроме...

Он вдруг резко обрывает фразу и начинает поочередно с подозрением рассматривать каждого из нас.

— Ладно, который из вас демон? Или вы все демоны? Неважно! Я хочу чтобы вы все убрались отсюда... СЕЙЧАС ЖЕ!!!

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

*Свояка видит издалека только свой!
Джек Потрошитель*

Сказать, что обвинение хозяина вызвало волнение среди сидящих за нашим столиком все равно как сказать, что приглашение дона Брюса выступить с речью на банкете полицейских вызвало легкое удивление выразившееся в приподнятых бровях. К несчастью, всем хотелось задать различные вопросы.

— Что он подразумевает под словом “демон”? — возмутилась Осса.

Я начал было отвечать ей, так как по своей работе с Боссом я знал, что демон — это общепринятое сокращенное название демонстратора измерений, но вокруг было слишком много помех для разумного разговора.

— Нам предложили уйти? — испуганно-так говорит Тру-Тень, вглядываясь в удаляющуюся фигуру.

— А что плохого в драконьем покере? — вставляет Шу Слепень.

— Ничего, — говорю я ему. — Видишь ли, Осса...

— Тогда с чего же ему шлея под хвост попала? — не отстает Шу, начиная доставать меня.

К счастью, в ходе военной подготовки я открыл способ заткнуть рот данному конкретному индивиду, когда тот чересчур разоидется.

— Шу Слепень, — говорю я, — не беспокой меня.

Данная фраза стала уже к этому времени старой шуткой, но все равно вызвала смех... что не удивительно, так как я обнаружил, что огромное большинство армейского юмора вращается вокруг старых шуток.

— Поосторожней, братец, — говорит Хи Слеппень. — Бой снова высматривает какую б муху прихлопнуть... и может не разбирая долго шлепнуть и слепня.

Под прикрытием этого нового взрыва смеха, Нунцио нагибается вперед поговорить со мной напрямую.

— Ты думаешь то, что думаю я, кузен?

— Это безусловно зависит от того что именно ты думаешь, Нунцио, — разумно говорю я. — Если, возможно, ты думаешь что можешь приукрасить нашу лопнувшую легенду, то мы и в самом деле думаем об одном и том же.

К моему удивлению, вместо того чтобы согласится он закатывает глаза, словно я упустил что-то совершенно очевидное для него.

— Подумай как следует, Гвидо, — говорит он. — Он думает будто мы из иного измерения потому, что мы знакомы с драконьим покером... верно?

— Да. И что же?

— А то, откуда он знаком с ним?

Мне этот вопрос представляется столь же тривиальным, как гаданье откуда легавый знает о каком-либо конкретном постановлении муниципалитета... то есть попросту говоря несущественным оного.

— Не знаю. Полагаю кто-то показал ему. Ну и что из этого?

По какой-то причине, это похоже расстраивает Нунцио еще больше.

— Гвидо, — цедит он сквозь зубы, — иногда я гадаю не привели ли все те полученные тобой удары по голове к тому... хоп! Он возвращается. Быстро... Трутень?

— Да, Нунцио? — отзывается наш юный маг, удивленно моргая оттого, что его внезапно включили в беседу.

— Приготовь свое заклинание "Развей", и когда я кивну тебе... швырни его в хозяина.

— В хозяина? Зачем?

— Трутень... просто сделай это. Ладно? — вмешиваюсь я, усвоив по опыту, что дольше прослушивания одной из лекций Нунцио может быть только попытка вырвать из него прямой ответ, когда он пытается дать тебе самому дойти до сути.

Трутень начинает было чего-то говорить, потом затыкается, пожимает плечами, и начинает бубнить и бормотать как всегда когда, готовится применить магию.

Другие за столиком выжидающе смотрят на Нунцио, но тот лишь с уверенным и самодовольным видом откидывается на спинку стула. Я конечно подражаю ему, хотя представляю себе что он намерен повернуть ничуть не лучше остальной команды. Видите ли, прошлый опыт научил меня, что прикидываться уверенным лучше всего когда ты в полном тумане... но лишь покуда никто не знает о твоём неведении.

— Вы еще здесь? — вопрошает хозяин, снова материализуясь около нашего столика. — Я не желаю быть вынужденным снова повторять вам! Убирайтесь сейчас же пока я не позвал полицейских!

— Не думаю, — говорит разглядывая потолок Нунцио.

— ЧТО??!!

— ... Фактически, я подумывал, что нам возможно захочется сделать ваше заведение своим вторым домом... если вы понимаете, что я имею в виду.

— Вот как?! Думаете раз вы в Армии так вам можно делать все, что вздумается, да? Ну, так позволь мне тебе кое-что сообщить, солдатик. Я между прочим честно платящий налоги член общины и у меня хорошие отношения с властями, а демонов в этих краях не слишком жалуют, независимо от того солдаты они или нет. Фактически, не могу придумать ни одной веской причины, почему мне не следует тотчас же вызвать полицию и попросить ее выволочь вас всех отсюда!

— А я могу, — улыбается Нунцио, и кивает Трутню.

По этому сигналу Тру-Тень расправляет плечи, поджимает губы, и выпускает в цель свое заклинание "Развей" и...

— Что за...

— БОЖЕ МОЙ!!!

— Гляди-ка...

Причина этого всплеска удивления и недоверия со стороны нашей команды вызвана тем, что несмотря на все проведенное с ними время, мы с Нунцио как-то не удосужились уведомить или иначе подготовить их к восприятию концепции демонов... а как раз с этим они внезапно и столкнулись. То есть, как только Трутень завершил свое заклинание, в воздухе вокруг хозяина возникла рябь и вместо скользкого местного типа он теперь выглядел точь в точь как...

— Девол! — говорю я, скрывая собственное удивление.

На самом-то деле я немного досаду на себя от того, что сам не вычислил этого. Я хочу сказать, ведь как бы он там ни выглядел, едва я увидел его мне все думалось, что он ведет себя словно девол.

Однако реакция на это открытие нашей команды не идет ни в какое сравнение с реакцией хозяина.

— ЧТО ВЫ ДЕЛАЕТЕ!!?? — визжит он, отчаянно озираясь по сторонам, и обнаруживая что присутствуем в заведении только мы. — ХОТИТЕ ЧТОБЫ МЕНЯ ЛИНЧЕВАЛИ???

И с этими словами он смывается, предоставляя нам с Нунцио разбираться с замешательством вызванном удалением его личины.

— ЭТО БЫЛ ДЬЯВОЛ!!!

Я не улавливаю кто именно изрекает данное конкретное наблюдение так как его произносят у меня за спиной, а придушенная, булькающая природа голоса делает положительную идентификацию отнюдь не легкой задачей. Тем не менее ответ я выдаю без труда.

— Знаю. Именно так я прежде и сказал, — объясняю я.

— Нет, ты сказал что он да-вил, — хмурится Майжук.

— Такая же разница, — пожимаю плечами я.

— Слушайте, — Осса подымает руку прося остальных умолкнуть. — Вы ребята намерены сообщить нам, что здесь происходит или нет?

— Гвидо, — говорит Нунцио мотнув головой в сторону куда удалился хозяин. — Почему бы тебе не сходить и переговорить с нашим хозяином, пока он не слишком оправился от нашего маленького сюрприза, в то время как я попытаюсь объяснить нашим коллегам правду жизни.

Меня это вполне устраивает, так как я не разделяю любви кузена к длинным и путаным объяснениям и рад избавиться от того, что обещает стать для него классической возможностью поразглагольствовать. Кроме того не так уж часто выпадает шанс прищучить девола, а так как в тех немногих случаях при которых я присутствовал мною обычно командовали финансовые киты из команды корпорации "М.И.Ф.", я с нетерпением дождался редкой возможности продемонстрировать собственные таланты вести переговоры. Конечно мне приходится в голову, что единственным свидетелем данного экзерсиса будет тот самый индивид которого я зажи-

маю в тиски, а он несомненно не особенно оценит мое изящество. Однако, выполнение наилучших операций в отсутствие свидетелей — одна из несчастных и несправедливых реалий избранной мной профессии и я давным-давно покорился бремени анонимности... говоря себе, что если бы я хотел быть хорошо известным преступником, то мне следовало бы заняться политикой.

Хозяин исчез словно домушник при звуке колокольчика, но я вскоре обнаруживаю его в небольшом кабинете за баром. Он держит одну из тех круглых коробочек с зеркальцем в крышке, вроде тех какими пользуются девахи проверяя свою косметику, только вместо пудры и цветной туши у него там похоже всего лишь пара циферблатов. Глядя в зеркальце он чуть подкручивает циферблаты... и носимая им прежде личина постепенно снова фокусируется, приводя меня к выводу что это какое-то магическое устройство. Если вам кажется, что мне понадобилось очень долго приходить к такому выводу, то вы делаете ошибку недооценивая скорость моего мышления. В мой анализ входило и определенное количество размышлений о том, не может ли такое устройство пригодиться и мне самому... так же как не лучше ли мне приобрести собственный приборчик или просто включить в повестку переговоров этот.

Эта штукавина явно действует и как обычное зеркало так как хозяин внезапно меняет угол, под которым держит его так, что мы видим в стекле друг на друга, а затем резко захлопывает его и поворачивается лицом ко мне.

— А тебе чего надо?! — рычит он. — Разве тебе мало того что ты уже со мной сделал?

Я даже не утруждаю себя попыткой указать что чары личины с него снял не я, так как за время проживания на Деве хорошо усвоил, что если деволы активно не заняты продажей товаров, чем они к счастью заняты почти постоянно, то бывают крайне неприятными и неразумными субъектами которые никак не соглашаются что простая логика — достаточная причина перестать жаловаться. Однако на разумные доводы они все же откликаются.

— Я пришел в качестве посланца мира, — говорю я, — в попытке достичь справедливого урегулирования наших разногласий.

В ответ на это девол просто издает неприличный звук, который я великодушно игнорирую и продолжаю.

— Я бы предложил вам встретить наше предложение с равным стремлением к миру... ввиду того, что продолжение вражды между нами несомненно приведет к тому, что мы с моими коллегами разгромим это ваше прекрасное заведение...

— Что? Мое заведение? — моргает владелец и рот у него продолжает открываться и закрываться словно у вытасненной из воды рыбы.

— ... Также как доведем новость о том, что вы девол до сведения властей которыми вы нам так невежливо угрожали... и всех прочих в городе кто захочет слушать. Поняли мою мысль?

Вот теперь я взял этого шута за жабры и мы оба это понимаем. И все же он собирается с силами словно шатающийся от ударов как пьяный чемпион по боксу, дерясь больше из доблести и по привычке чем из-за какой-то надежды победить.

— Вы не можете этого сделать! — говорит он, заставляя свой рот заработать достаточно хорошо чтобы издать хотя бы бессвязное лопотание. — Если вы сдадите меня как демона, то я вас тоже изобличу! В конечном итоге нас всех убьют, или по меньшей мере выгонят из города.

— Вы проглядели одну важную разницу в наших обстоятельствах, — ухмыляюсь я ему. — Хотя я и признаю, что мы с моим кузеном немного попутешествовали по измерениям, по воле случая данное конкретное измерение Пент является нашей родной территорией. Внешность которую вы видите вполне истинная, а не личина, и поэтому любую попытку обвинить нас в том, что мы из иного измерения будет трудно доказать, так как мы не оттуда. С другой стороны, вы, лишившись личины столкнетесь с немалыми трудностями убеждая присяжных или толпу линчевателей что вы из здешних.

Я думал, что уж это-то положит конец всякому сопротивлению со стороны хозяина бара, но тот вместо этого выпрямляется и хмурится, и глаза у него приобретают злой блеск.

— Вы из этого измерения? Вы случайно не знаете одного местного мага и демона по имени Скив, а?

Как я уже говорил, я достиг своего нынешнего возраста и положения не потому что впадал в панику при перекрестном допросе или переоценивал необходимость говорить всю правду. Мне ясно, что этот девол почему-то имеет зуб против Босса, и поэтому избегая по привычки любых ложных утверждений, которые могут при-

вести к обвинению в даче ложных показаний под присягой, я в тоже время заботливо не признаюсь в своих действительных отношениях с данным индивидом.

— Скив? — драматически морщу я лоб как научился делать в театре. — Думается я мог слышать это имя пока работал на Базаре, но в последнее время я его не слышал.

— Очень жаль, — бурчит почти про себя девол. — У меня к этому пентюху должок в одну другую-дурную услугу. Я провел из-за него пару лет в качестве статуи под тучей голубей. Фактически, я бы до сих пор там стоял, если бы не... но это уже другая история, если вы знаете, что я имею в виду.

Конечно, благодаря работе с Боссом я точно знаю, что он имеет в виду... что повесть о его спасении будет выброшена на рынок как-нибудь отдельно в виде рассказа с целью получить дополнительный доход и одновременно поспособствовать сбыту этих книг. Конечно признаться в таком понимании значило бы выдать себя с головой, и поэтому я решаю вместо этого сменить тему.

— Да, разумеется. Кстати, коль речь зашла об именах, то какое собственно у вас? Я имею в виду ваше настоящее имя, а не кликуху Абдул.

— Что? О! Сварлий... или так во всяком случае меня звали когда я был желанным гостем в своем родном измерении, на Деве.

Имя это казалось каким-то знакомым, но я решаю что хорошего понемножку, и твердо перехожу к непосредственно волнующей нас теме.

— Ну, а меня звать Гвидо, а моего кузена, что разговаривал с вами там за столом — Нунцио... и по моему мы обсуждали условия нашего мирного сосуществования с вами?

Сварлий чуть склонил голову набок, пристально изучая меня.

— Знаешь, — говорит он, — ты говоришь словно работающий на Синдикат. Фактически, теперь когда я думаю об этом, мне кажется вспоминается как я что-то слышал про попытку Синдиката внедриться на Базаре.

— Да? И что же?

— И то, что я уже вношу Синдикату ежегодную плату за защиту, и не понимаю с какой стати я должен терпеть как из меня вытрясают что-то лишнее.

Эта информация о том, что Синдикат действует в этих краях вызывает, мягко говоря, беспокойство, но мне удастся не проявить ни удивления ни нервозности.

— В самом деле? — говорю я. — А скажите-ка, ваш местный торговый представитель Синдиката знает, что вы девол?

— Ладно, ладно! Довод уловил, — подымает руку Сварлий. — Что вы хотите за сохранение в тайне этих сведений?

— Ну, поскольку мы собирались сделать на какое-то время это заведение нашей точкой, то думаю мы можем в порядке вежливости защитить ваш секрет.

— В самом деле?

— Разумеется, — улыбаюсь я. — Конечно, нам было бы приятно если б вы в обмен распространяли гостеприимство вашего заведения на нас и наших друзей... в порядке вежливости.

— Понимаю, — растягивает он губы в кривую линию. — Ладно, полагаю у меня нет большого выбора. Дешевле будет ставить вам бесплатно выпивку, чем переселяться и начинать его с нуля. Я буду ставить вам бесплатно выпивку, и возможно иногда закуску. Но комнаты наверху отпадают. Если я начну сдавать их вам задаром, то в любом случае вылечу в трубу. Только благодаря получаемой с них прибыли это заведение и держится на плаву.

— Комнаты?

— Да. У меня наверху несколько комнат, которые я сдаю клиентам на почасовой основе, так чтоб они могли... уединится с любыми интересными людьми с какими им доведется здесь встретиться. Видите ли, по вечерам тут становится весьма оживленно. Это один из наиболее популярных баров встреч в городе.

— Вы хотите сказать, что по вечерам у вас здесь работают девахи?

— Конечно нет! Бывающие здесь женщины имеют постоянную высокооплачиваемую работу и им и во сне не приснится взывать плату за удовольствие пообщаться с ними.

— Значит клиенты платят вам за комнаты, а не за девок, — говорю я. — На мой взгляд это прекрасный порядок.

— Не настолько прекрасный, — поспешно поправляет Сварлий. — Однако это помогает выплачивать арендную плату.

— Ладно. Думаю мы можем удовольствоваться выпивкой и закуской, — пожимаю плечами я. — Пошли в бар, Сварлий и я позволю тебе поставить мне выпивку чтобы показать полное отсутствие тяжелых чувств.

— Ах как вы добры, — бурчит девол, но следует за мной из кабинета.

— Думаю шампанское подойдет для скрепления нашего соглашения, не так ли? — говорю я. — Белое шампанское.

— Белое шампанское?

— Конечно, — улыбаюсь я радуясь случаю щегольнуть знаниями и культурой. — Ведь здесь же суси-бар, не правда ли? Думаете я не знаю какого цвета шампанское идет с рыбой?

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Манеры приобретаются, а не наследуются!

Ш. Пени

После того как я заключаю соглашение со Сварлием наши дела какое-то время идут весьма неплохо. Сокращение расходов на выпивку в свободное время настоящее преимущество при скудном жаловании выплачиваемом нам армией, и девол безусловно говорил правду утверждая, что его суси-бар самая настоящая страна счастливой охоты, когда дело касается девок. Конечно “девки” вероятно неправильное название для того типа женщин, которые постоянно посещают по вечерам это заведение. Это не обычные щелкающие зубами пустоглазые чувихи с которыми мы привыкли иметь дело, а скорее классные, модные карьеристки с большими талантами которые обыкновенно и смотреть бы не стали на таких болванов как мы. Похоже однако, что коль скоро мы вторглись в святая святых этих особ, они держались достаточно широких взглядов, чтобы всерьез рассматривать в своих соображениях и наши кандидатуры. Хотя я и не стану пытаться рассуждать, из какого типа женщин получают лучшие спутницы, можно привести доводы в пользу обоих... хотя отнюдь не все эти доводы лестные.

Однако нам портят все удовольствие две ложки дегтя в бочке меда, и здесь я подразумеваю вовсе не братьев Слепинеи. Во-первых, есть вездесущая опасность напороться на кого-то из Синдиката, так как замечания Сварлия подтвердили наши подозрения, что он сохраняет здесь какое-то присутствие. Во-вторых есть та досадная деталь, что нам полагается выполнять задание, а не

весело проводить время. Естественно, мы с Нунцио немало беседуем на эту тему.

— Беда в том, что мы не можем по настоящему хорошо работать над развалом армии не передвигаясь по городу, — говорил я во время одного такого обсуждения, — а если мы будем передвигаться по городу, то резко возрастают шансы наткнуться на кого-то из Синдиката!

— Тогда нам надо посмотреть, что мы можем наворотить прямо отсюда, — говорит кузен. — Если хорошенько поразмыслить, тут очень даже хорошая обстановка для этого... я имею в виду, для создания неприятностей. У большинства из этих женщин дома есть мужья, и даже те, которые не занимают достаточно высокого положения в общине все равно так влиятельны, что если дело дойдет до ссоры, местные власти вынуждены будут встать на ее сторону.

— Почему ты это говоришь? Я имею в виду, почему это скандал с этими деваками должен вызвать больше шума, чем безобразничанье с любыми другими?

Вместо того, чтобы сразу ответить Нунцио откидывается на спинку стула и несколько минут с подозрением смотрит на меня.

— Гвидо, — говорит он наконец. — Ты пытаешься быть глупцом просто, чтобы вывести меня из себя?

— Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду, что ты же сам говорил, что наш командир указывал нам, мол, с девками можем безобразничать на здоровье, но уважаемых женщин должны оставлять в покое. И все же теперь когда я пытаюсь разработать конкретный курс действий, ты ведешь себя так словно для тебя это с иголочки новая идея.

— Просто мне кажется отталкивающей разнообразностью классового предрассудка и фанатизма, — говорю я, — считать, что уважаемость женщины зависит от ее финансового положения и образования. Разве не лучше было бы если дело обстояло совсем наоборот? Я имею в виду, если бы уважаемость женщины определяла ее место на финансовой лестнице, а не наоборот?

— С этим есть два затруднения, — говорит Нунцио. — Прежде всего, тот же несправедливый стандарт применяется и по отношению к мужчинам... и значит это относится ко всем, а не только к женщинам. Те что богаты и образованны всегда считаются более уважа-

табельными... хотя бы по той причине что они обладают большей властью и платят больше налогов.

— Это верно, — задумчиво киваю я.

— А второе затруднение в том, что это совершенно не относится к обсуждаемой нами теме... то есть к тому как вызвать развал армии.

— Да?

— И что еще важнее, всякий раз когда ты пытаешься завязать со мной философскую дискуссию, это следует понимать как верный признак того, что ты намеренно стараешься отвлечь мое внимание... так как обыкновенно ты сторонись таких разговоров как повестки в суд.

Когда он умолкает я ничего не отвечаю, потому что он кажется взял меня за жабры. Ведь я и впрямь пытался сменить тему.

— Все это - попытка придуриваться и неуклюжие старания затеять философскую дискуссию приводят меня к убеждению, что ты по какой-то причине увливаешься и не желаешь приступить к выполнению нашего задания. Я прав?

Я избегаю встречаться с ним взглядом и неопределенно пожимаю плечами.

— Брось, кузен, скажи мне, — побуждает Нунцио. — Тебе действительно настолько приятно играть в солдатики, что ты хочешь продлить этот опыт?

— Это не только глупо, но и оскорбительно! — говорю я, раздражение у меня преодолевает смущение вызванное тем, что меня поймали.

— Тогда в чем же дело?.. Если ты не против такого вопроса?

— Ну... откровенно говоря, Нунцио, я чувствую себя как-то не так затевая бучу в данном конкретном месте, ввиду того, что именно я и договаривался со Сварлием не причинять ему неприятностей.

Нунцио откидывает голову назад и разражается лающим смехом... что мне лично кажется сомнительным способом выразить сочувствие моему положению.

— Позволь мне убедиться правильно ли я понял, — говорит он. — Ты беспокоишься из-за честности сделки с деволом?

— Можешь смеяться на здоровье, — говорю я. — Хотя предлагаю тебе делать это не так, часто когда предметом твоего веселья становлюсь я. Позволь мне однако напомнить тебе, что хотя деволы и славятся

умением много запрашивать, верно также и то что коль скоро сделка заключена, они с равной скрупулезностью придерживаются буквы соглашения. А раз так, то мне приходит в голову что отказавшийся чтить свою часть такого соглашения ставит себя в положение заслуживающего даже меньшего доверия чем девол... а я лично как-то не жажду носить такой ярлык.

— Ладно... давай изучим букву названного соглашения, — пожимает плечами Нунцио. — Вы договорились вот о чем: что мы не станем ни громить его заведение ни раскрывать истинный характер его личности девол. Правильно?

— Ну... да.

— ... И ни то ни другое из этих условий не нарушается если мы направляем свое внимание на красоток вздумавших сделать это заведение местом своих сборищ после работы... даже если наше внимание окажется нежеланным.

— Полагаю... но разве тебе не кажется, что такая деятельность нарушит по крайней мере дух нашего соглашения, под которым я подразумеваю тот смысл, что мы не причиняем неприятностей хозяину?

— Вот именно эту-то часть твоего дискомфорта я и нахожу наиболее забавной, — говорит с бесящей меня усмешкой Нунцио. — Учитывая, что деволы зарабатывают себе на жизнь и создали себе репутацию, что скорее букву, чем дух своих соглашений, я нахожу ироничным, что ты шарахаешься от предложения иметь с ними дело руководствуясь той же этикой, какой они придерживаются имея дело с другими.

Несколько минут я обдумываю это, а потом делаю глубокий вдох и шумно выдыхаю.

— Знаешь, кузен, — говорю я. — Ты прав. Я имею в виду, когда ты прав, то уж прав... понимаешь мою мысль?

— Да, — хмурится Нунцио, что само по себе немного тревожит.

— Поэтому... когда по твоему нам следует начать?

— Ну... как насчет прямо сейчас?

Хотя кузен и убедил меня, что запустив свою кампанию мы останемся в границах этичного поведения, такой ускоренный график захватывает меня врасплох.

— Извиняюсь?

— Я сказал как насчет того, что мы начнем прямо сейчас. Когда представляется удобный случай, им надо

пользоваться... а прямо сейчас одна юная дама у стойки в последние семь минут не сводит с тебя глаз.

Я украдкой гляжу в ту сторону куда смотрит он, и все верно... одна из тех классных девах, о которых я говорил, а точнее — блондинка, сидит на высоком табурете у стойки и пристально смотрит прямо на меня. Я знаю, что это правда, потому, что хотя мне какую-то минуту думалось, что она глядела на кого-то другого, как только наши взгляды встречаются, она закрывает один глаз, явно подмигивая и улыбается.

— Нунцио, — говорю я, нагибая голову и отворачиваясь от нее. — Я позабыл упомянуть тебе еще об одном затруднении.

— Каком именно?

— Ну, хотя мои манеры с девами возможно не такие лощенные какими им следует быть, тем не менее, они самые лучшие каких мне удалось приобрести за все эти годы. То есть проще говоря, с женщинами я обычно веду себя безупречно, и поэтому мысль о попытке вести себя так оскорбительно, что они позовут на помощь меня не особо утешает. Прошу заметить, я не говорю, что мне было б трудно это повернуть с теми обыкновенными девками, с какими я привык иметь дело, и по правде говоря я нахожу ошивающихся здесь классных девах более чем малость пугающими. Не уверен, что я смогу завязать разговор с одной из них, не говоря уж о том, чтобы набраться смелости для попытки оскорбления действием.

— Ну, думаю завязать разговор будет совсем нетрудно, — говорит Нунцио.

— Это почему же?

— Потому, что указанная дама уже направляется к нашему столику.

Удивленный, я резко поворачиваю голову самолично проверить обстановку... и подхожу опасно близко к тому, чтоб ткнуться носом в декольте этой девахи, так как она оказалась намного ближе к нашему столику, чем указывал Нунцио.

— Хоп... Извините! — говорю я, хотя при этом мне приходит в голову, что начинать с оправданий — неважное начало.

— Нет проблем, — говорит она. — Девушке нравится чувствовать, что ее ценят. Вы не против если я присоединюсь к вам?

Есть что-то знакомое в том, как она улыбается говоря это или, по крайней мере, решительно недамское. Однако прежде чем я успеваю как-то прокомментировать это, инициативу захватывает Нунцио.

— Конечно. Фактически, можете присаживаться на мое место... все равно я как раз собирался уходить. До скорого, Гвидо... и помни о чем мы говорили.

И с этими словами он недвусмысленно подмигивает мне и удаляется, оставляя меня наедине с чувихой... которая не теряя времени даром располагает свой фигуристый зад на столь любезно освобожденном кузеном стуле.

— Так... Я вас здесь раньше не видела.

— Что?

Я был настолько занят мыслями о том, что я сделаю с Нунцио в уплату за эту "любезность", что чуть не зеваю начальный гамбит девахи.

— А. Да, мы прибыли в город только на этой неделе. Хотя похоже тут будет наше главное место встреч.

— Эй, вот здорово! Это одна из моих любимых точек. Хотя сегодня я тут впервые за неделю. Девушкам приходится везде бывать, чтоб быть в курсе всего происходящего в городе... вроде времени прибытия новых солдат.

Хотя я испытывал застенчивость по части знакомства с одной из этих высококлассных чувих, говорить с этой похоже совсем легко... словно я знаю ее не первый год. И что еще важнее, она определенно совсем не дурна на вид, если вы понимаете, что я имею в виду.

— Слушайте, — говорю я, — нельзя ли мне предложить вам что-нибудь выпить? Может бокальчик вина?

— Бурбон. Со льдом. Неразбавленный.

— Как-как?

Я имею в виду, дело не просто в том, что она пьет пойло покрепче чем я ожидал, а и в том как она отбарабанила это. Я решаю, что у этой цыпочки сегодня не первый заход в бар... решение облегчаемое тем обстоятельством, что она и так уже сказала мне об этом.

— А еще лучше, — говорит она, — разве мы не могли бы направиться в какое-то иное место?

Это круто. Заведение Абдула единственное куда я покамест наведывался.

— Мгम्म, — мычу я быстро соображая. — Я слышал о каком-то заведении неподалеку отсюда, где сцена открыта для выступлений всех желающих.

Уверяю вас, я вовсе не горю желанием вести эту чувику туда, где могу наткнуться на своего командующего, но прикидываю, что на нее произведет впечатление моя готовность с ходу гульнуть как следует.

— Я думала о каком-то месте больше похожем на комнаты наверху, — говорит она, нагибаясь вперед чтобы улыбнуться мне действительно близко.

Я немного ошеломлен развязаностью этого предложения, хотя полагаю что мне не следовало удивляться. Когда высококлассная бабенка вроде этой подваливает в баре к низколобому малому вроде меня, ее обычно интересует отнюдь не остроумный разговор... что в любом случае и к лучшему.*

Как я говорил, прежде чем меня так грубо перебили, я в некоторой растерянности не знал как реагировать на эти выпады.

— Прямо сейчас? — говорю я. — Разве вы не хотите сперва немного поболтать?

— А в чем дело? Разве я тебе не нравлюсь? — начинает чуточку дуться она. — Мне следует идти толкать свой товар где-то в ином месте?

— Толкать?

— Поосторожней, — говорит она ровным и раздраженным тоном. — Это фигура речи.

— О.

Услышав это я испытываю огромное облегчение. Единственное, что угнетает чувствительного парня вроде меня так это, когда женщина интересуется им не из-за его тела, души, что по настоящему ее интересует лишь его бумажник.

* ПРИМЕЧАНИЕ АВТОРА: Некоторые из тех кому я дал на пробу почитать рукопись, привлекли мое внимание к тому, что идеи высказанные в этой главе и в следующей непосредственно за ней отличаются смелой тона по сравнению с обычным содержимым серии МИФ. В связи с этим, боюсь что я к сожалению обязан в первый раз познакомить читателей с тем ужасающим фактором, что и в самом деле есть на свете некоторые больные, исковерканные, извращенные личности которые подваливают в барах к лицам противоположного пола без всякой иной цели кроме приятного разговора! Мне думается я волен назвать их таковыми в этой книге, поскольку всем хорошо известно, что такие пятна на светлой истории человечества ничего не читают, обеспечивая мне относительную безопасность от преследования в судебном порядке. И, между прочим, именно по этой причине вопрос "Прочел в последнее время какую-нибудь хорошую книгу?" стал таким популярным способом выявлять с кем разговаривать, а с кем нет при таких обстоятельствах. Предоставляю вам самим решить как отвечать если этот вопрос когда-нибудь адресуют вам. А пока, вернемся к рассказу...

— Ну? — говорит она вскидывая бровь.

Хотя я возможно немного туповат по части улавливания подаваемых чувихой сигналов, никто не посмеет сказать, что я медлю когда сообщение наконец доходит. Несколько секунд спустя я уже приобрел у Сварлия ключ от комнаты и веду это прелестное видение вверх по узкой лестнице... ну, на самом-то деле, следуя за ней так как опыт научил меня, что это дает превосходный обзор ее покачивающихся бедер, что все еще остается для меня одним из самых прекрасных и гипнотических зрелищ в любом измерении.

Демонстрируя недюжинное самообладание я сумел не возиться с ключом пока отпирал дверь, и даже отхожу в сторону пропуская ее вперед.

Будучи девахой, она мигом выуживает одну из тех пудрениц с зеркальцем и принимается проверять свою косметику покуда я даже не успел запереть за нами дверь.

— Итак, — говорю я через плечо. — Чего ты хотела сделать для начала?

Если говорить совершенно откровенно, на данном этапе меня совершенно не интересует затевание скандала. Вместо этого я благодарю свои счастливые звезды, что подобная чувиха соблаговолила обратить внимание на хмыря вроде меня, и надеюсь, что мы сможем приступить к делу прежде чем она передумает.

— Ну, — говорит она. — Можешь начать с уведомления меня о том, как шли дела у вас с Нунцио.

Требуется какой-то миг чтобы это дошло, но когда доходит я знаю, что именно сказать.

— Что-что? — говорю я, стремительно оборачиваясь.

Чувихи, с которой я поднялся наверх, нигде не видеть. Вместо нее в комнате со мной находится иная деваха. Деваха с зелеными волосами и...

— Привет, Гвидо! — говорит она. — Отличная личина, а?

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Итак, вот мой план!

Р. Бернс

— Тананда? Это ты?

Мое удивление вызвано не тем, что я не просек, кто же это весь вечер выуживал у меня выпивку... хотя я не просек. Скорее я более чем малость поражен ее внешностью, так как та существенно изменилась с тех пор как мы расстались в начале этого задания.

Обыкновенно Тананда предстает перед вами эффектной чувихой с впечатляющей гривой зеленых волос. И хотя она никогда не считала нужным принимать тот официальный, волосок-к-волоску-самопредставительный вид предпочитаемый большинством собирающихся в суши-баре девах, выбирая вместо этого небрежно развеваемые ветром космы, я достаточно сведущ в тайнах женского рода чтобы сознавать, что последнюю прическу делать и сохранять не менее, а может и более трудно чем первую, а терпеть зачастую тяжелее. Все это значит, что Тананда обычно очень привлекательна и заботится о своей внешности.

Однако в настоящий момент я вижу ничто иное как особу выглядящую так, словно она стала жертвой несчастного случая. Большинство волос на одной из сторон головы отсутствуют, вместе с соответствующей бровью, а другую сторону ее лица портит большой синяк который похоже сходит, но все еще выглядит болезненным. Получив и причинив в свое время более чем положенную мне долю повреждений такого типа, я могу довольно точно оценить силу удара, потребовавшего-

ся для создания таких эффектных результатов... и он должно быть был сногсшибательным.

— Извиняюсь за этот спектакль ужасов, — говорит она убирая зеркальце личины бросив на него последний взгляд, словно желая увидеть, не изменилось ли чего с тех пор как она смотрела в последний раз, — но задание оказывалось тяжелым.

— Что... Что с тобой случилось? — говорю я, обретая наконец голос. — Кто с тобой это сделал?

Я имею в виду, мы все знали, что с выполнением этого задания могут быть связаны некоторые трудности, но никому не нравится видеть как обработали прекрасную чувиху.

— Ты поверишь, если я скажу, что это была наша же собственная команда? — быстро сверкает она зубами в улыбке, хотя я знал что это больно.

— Как так?

— Удалением волос я обязана Глипу, — объяснила она. — Полагаю это был несчастный случай. Должно быть я оказалась между ним и его ужином или что-то вроде этого. В любом случае, все не так страшно как кажется с виду... или как могло бы быть. Корреш увидел признаки опасности и убрал меня с пути самого страшного... вот отсюда-то и взялся синяк и именно потому-то я и не жалею о нем. Честное слово, видел бы ты, что случилось со стеной находившейся позади меня.

— Кстати коль речь зашла о них, а где Корреш и Глип?

В первый раз за время нашего разговора Тананда начинает выглядеть чувствующей себя неуютно.

— Они... э... отправились назад к Большому Джули. На самом-то деле, старший братец немножко в худшем состоянии чем я, и поэтому я предпочитаю не видеть как он пытается работать с одной рукой на перевязи, посоветовала ему увести Глипа туда где он не будет путаться под ногами и остаться на время с ним. Ведь это странно, понимаешь? Я все еще не могу вычислить с чего это Глип так завелся... но пока мы не сможем с этим справиться от него на мой взгляд будет на этом задании больше вреда чем пользы. Так или иначе, я решила остаться в строю и воспользоваться этой штуковиной для личин, чтобы посмотреть не смогу ли я самостоятельно чем-нибудь помочь делу. Действовать намного хуже, чем мы действовали вдвоем я безусловно не смогла бы.

В затылочной части моего мозга что-то крутилось... что-то сказанное Нунцио об его последнем задании и о том что он нервничает по поводу новой работы с Глипом. Однако я не могу нащупать суть мысли, и видя как неуютно чувствует себя Тананда от этого обсуждения, я решил не углубляться в эту тему. Но все же я мысленно взял на заметку поговорить об этом с Нунцио когда нам выпадет случай.

— Похоже, дела шли не слишком хорошо даже до того несчастного случая, — говорю я, хватаясь за ее последнюю реплику.

— Что верно — то верно, — чуть вздыхает Тананда. — Мы пытались сыграть вариацию на тему старой игры в шантаж... ну, знаешь, когда я клею солдата, а потом Корреш врывается и подымает шум из-за того, что этот парень скомпрометировал его сестру?

— Знаю эту аферу, — говорю я, потому что так оно и есть... хотя сам я никогда не проворачивал ее и не становился ее жертвой. Однако это испытанный временем, классический ход.

— Ну, вышло куда как хуже чем мы надеялись. Большинству здешних солдат приказано держать руки прочь от местных женщин, а если я повышала напряжение чтобы заставить их забыть о приказе, то местные замечали мои действия и придерживались взгляда, что я сама напрашиваюсь на то внимание какое я там ни получала.

— Вот это да, круто, — посочувствовал я. — Тебе должно быть пришлось нелегко... особенно если ты работала раненой.

Мне по прежнему не нравилось то, как заживал тот синяк, и должно быть это проявлялось в моем голосе потому что Тананда нагибается вперед и кладет ладонь мне на руку.

— Со мной все в порядке, Гвидо, в самом деле... хотя очень мило с твоей стороны, что ты беспокоишься. Я видывала и куда худшее всего лишь скандала с Коррешом... честное слово.

Учитывая что ее старший брат тролль, я вполне могу поверить, что Тананда привыкла к небольшим взбучкам при семейных ссорах. Однако, в данный момент мои мысли обременяет еще кое-что.

Видите ли, прикосновение Тананды когда она положила ладонь мне на руку было очень мягким и теплым, и оно снова наводит меня на мысль о той первоначальной причине, с которой я привел ее в эту комнату. Как

я говорил ранее я уж давно не был наедине с чувихой в чем-либо напоминающем интимную обстановку... Но Тананда все-таки деловой партнер и как в любой профессии позволять себе интимные отношения с коллегой в лучшем случае неблагоразумно. Кроме того, она никогда не указывала на какой-либо интерес помимо дружбы... или возможно старшей сестры. Но все равно мне было очень приятно ощутить женское прикосновение...

— Мгмм...Ладно. Как скажешь, — говорю я слегка отодвигаясь, чтобы прервать физический контакт между нами. — Нас самих только что распределили сюда, и поэтому нам не представилось случая многое сделать. Думаю, нам возможно следует подумать, работать в одном районе с тобой не мешая друг другу.

— Не глупи, Гвидо. Раз уж вы здесь, мы можем работать все вместе!

— Как-как?

— Сам подумай, — говорит она становясь вся пружинистая от нетерпения. — Я затруднялась найти солдат ключющих на приманку при моем небольшом выступлении, но вы же солдаты, так что это облегчит обе наши задачи. Если мы играем за обе стороны игры, то сможем направлять ход дела именно так как нам хочется.

Я прилагаю искреннее усилие игнорировать ее пружинистость, пока пытаюсь придумать вескую причину не согласиться с ее предложением. У меня почему-то нет уверенности, что мое актерское умение доходит до способности притворяться физически развязанным с Танандой... но еще меньше энтузиазма я испытываю от мысли дать сыграть эту роль Нунцио.

— Не знаю, Тананда, — неохотно-так говорю я. — Я не так уж уверен, что это удачная мысль. Я имею в виду, один-то раз мы сумеем это провернуть... но если мы преуспеем в своей комедии, то в итоге мы с Нунцио окажемся на "губе" и на длительный срок выйдем из игры.

— Да ну? — вскидывает она бровь глядя на меня. — Так что же по твоему случилось бы?

— Мгмм... — мычу я, вспоминая, что к несчастью брать Пятую Поправку можно только в суде.

— Неважно, Гвидо, — усмехается она. — Однако вот что я тебе скажу. Если тебя беспокоит прямое вовлечение, то просто наведи меня на одного из своих армейских приятелей. Ты прослужил достаточно долго,

чтобы весьма неплохо представлять кого мы можем обвести вокруг пальца.

Я обнаруживаю что эта идея тоже не приводит меня в восторг, во-первых, потому что сыграть такую штуку с любым из команды работавшей со мной и Нунцио в последние несколько недель кажется грязным трюком, а во-вторых, потому, что как я обнаруживаю меня не слишком радует и мысль о ком уютно лапающем Тананду. И все же мне приходилось допускать, что для приготовления яичницы нам придется разбить чьи-то яйца, и что Тананда права, сделать это будет легче и быстрее, если мы подстроим все сами.

— Ладно, Тананда, — соглашаюсь я. — Попробуем действовать таким способом.

— С тобой все в порядке, Гвидо? — озабочено приглядывается она ко мне. — Ты кажешься немного вялым.

— Со мной все отлично. Хотя скажу тебе честно, Тананда это задание меня немного достает.

— Ну, выше голову, возможно пока дело шло тут, но работая вместе мы должны суметь добиться каких-то успехов. Вот что я тебе скажу, найди Нунцио и растолкуй ему, что мы затеяли. А потом мы снова встретимся здесь и попробуем... скажем, завтра вечером?

— Разумеется, почему бы и нет?

— А пока, — говорит она, снова открывая зеркало личин и начиная возиться с дисками, — спустимся вниз и я поставлю тебе рюмочку-другую.

С минуту это кажется хорошей идеей. Затем я вспоминаю про Сварлия.

— Думаю нам лучше поостыть с этим, Тананда. Мы должны остерегаться слишком часто показываться здесь вместе.

— Что ты имеешь в виду?

— Мы ошиваемся здесь потому, что обнаружили, что хозяин тут девол. Беда в том, что он похоже знает Босса и имеет какой-то зуб против него. Пока еще он не знает о нашей связи с Боссом, но если он заподозрит...

— Девол?

— Да. Говорит что его зовут Сварлием.

— Сварлий? Так значит он опять вернулся к активной деятельности?

— Ты его знаешь?

— Разумеется. Он столкнулся с Иштваном и выступал против нас еще когда я впервые повстречала Скива... и ты прав, если он что-то заподозрит, чары личины не помешают ему вычислить, кто я такая.

— Возможно, нам следует выждать и попробовать повернуть свой гамбит где-нибудь в другом месте, — говорю я, пытаясь не дать надежде вкраться в мой голос.

— Нет нужды, — усмехается Танада. — Покуда он предварительно не устанавливает связи между нами, мы все же должны суметь повернуть все завтра вечером. Фактически, мы, образно говоря, убьем одним выстрелом двух зайцев. Я не прочь подложить по ходу дела небольшую свинью Сварлию, но судя по всему его заведение будет в эпицентре, когда начнется фейерверк. К тому времени когда он сообразит что к чему мы уже давно исчезнем.

— Шикарно, — говорю я с большим энтузиазмом чем испытываю. — Значит все решено. Спускайся вниз и уходи первой. Я еще немножко задержусь здесь и дам тебе фору.

Как только она исчезает, я принимаюсь за попытку разобраться в своих опасениях насчет хода дел в этом задании. Мне не требуется много времени чтобы сообразить, что я страдаю от бремени конфликта преданностей.

Вам может показаться это удивительным, но лично для меня преданность и обман доверия значат очень и очень многое... и именно поэтому я всегда и восхищался командой корпорации "М.И.Ф.", так как в ней все кажется ценят тоже самое.

В прошлом мне удавалось сбалансировать свою преданность как Боссу так и Синдикату, так как выбираемый Боссом подход к делам не представлял прямой угрозы интересам Синдиката. Однако эта текущая ситуация оборачивается совсем другим коленкором.

Планируя затеять свару между штатскими и армией, я нарушаю доверие возложенное на меня как на представителя армии... но я сумел рационализировать это так как и в армию-то завербовался в первую очередь именно с такой целью, и потому выступал в этом деле в качестве своего рода шпиона с преданностью явно причитающейся Боссу.

Нунцио убедил меня, что используя заведение Сварлия в качестве полигона для нашего озорства я не нарушаю своей сделки с ним так как это не попадает под

действие заключенного нами соглашения. Рассуждение это кажется мне немного шатким, но я умею быть гибким когда требуется.

Но этот самый последний план, подставить кого-нибудь в своем отделении расхлебывать заваренную тобой кашу, действительно трудно рассматривать как-либо иначе чем предательство друга. Однако, Тананда права... это и впрямь наилучший способ гарантировать, что дело пойдет именно так как нам хочется.

Подумав над этим очень усердно я наконец нахожу ответ: Сделаю-ка я вот что — буду думать об этом как о сыгранной с приятелем шутке. Ладно, возможно сомнительной шутке... вроде хлопанья пустого бумажного пакета за спиной кого-то готовящегося взорвать сейф... но покуда означенный деятель не оказывается в результате навеки искалеченным или за решеткой это может сойти за шутку.

Теперь, моя единственная забота это гарантировать, что тот кого мы там ни выберем, обладает чувством юмора... очень хорошим чувством юмора!

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Вот почему эта леди — бродяга!
Б. Мидлер

— У-у-у-х ты-ы-ы! А сегодня тут безусловно дым коромыслом! — восклицает Шу Слеппень откидываясь на спинку стула и обозревая помещение.

— Что верно то верно, Шу, — говорит его брательник. — Эй! Погляди-ка вон на ту!

Как ни посмотри, братья Слеппни разыгрывают классную сцену... хотя вежливость запрещает мне говорить какого она класса. Однако на сей раз я, для разнообразия, склонен согласиться с ними.

Это наш первый выходной в Твиксте, не говоря уж о гостевании здесь у Абдула, и бар набит до отказа. Фактически, если б мы не пили здесь с самого полудня, то сомнительно, что нам вообще удалось бы заполучить какой-нибудь столик. А так как мы оказались за своим постоянным столиком откуда открывался хороший обзор стойки... или конкретней, расположившихся вдоль стойки тыловых частей... так же как передовых когда они поворачиваются. Поверьте моему опыту немало где бывавшего демона, подобной сцены просто нигде больше не найдешь!

К несчастью, рассеянность вызванная ожиданием грядущих событий мешает мне наслаждаться этим зрелищем.

— Как по твоему, Бой? — переключает Шу внимание на меня. — Ты видел когда-нибудь раньше подобных женщин?

— О, они не плохи, — вытягиваю я шею и окидывая взглядом толпу.

Мне приходит в голову, что когда Тананда прибудет сюда, то вероятно будет в личине, и следовательно мне будет трудно узнать ее, если она не подаст мне какой-то знак.

— Не плохи? Вы только послушайте, парни! Крутом все эти прекрасные женские тела, а Бой может сказать лишь "они не плохи"!

— В самом деле, Бой, — говорит Майжук. — В армии таких прекрасных женщин просто не увидишь!

При этих словах Осса опасно хмурится, но он совершенно не замечает, этого так как в данный момент на него действует все выпитое за вечер.

— Хорошая толпа для драки. Понимаешь мою мысль, кузен? — шепчет мне на ухо Нунцио настолько тихо, что никому другому не слышно.

— Не знаю, — говорю я окидывая взглядом толпу. — Среди этих белых воротничков я не вижу ни одного такого с кем даже Трутень не мог бы справиться одной левой.

— Именно это я и имею в виду, — усмехается Нунцио и опрокидывает в себя еще полрюмки.

Как вы можете определить по его поведению, колебания которые я испытывал по поводу необходимости подставить одного из наших корешков ни в малейшей мере не беспокоили моего кузена. Если он чего и испытывает так похоже только нетерпеливое желание немножко побуянить.

— Покарауйте мой стул, — говорю я подымаясь. — Я схожу к стойке налить еще.

Как я сказал, народу в баре битком, а Сварлий с типичной девольской сквалыжностью не пошел на дополнительные накладные расходы с наймами добавочных помощников, и потому если тебе охота выпить где-то до следующего ледникового периода, то необходимо переть к стойке чтобы налить себе еще прямо у бармена. Если вы гадаете, почему такой жадный тип как Сварлий готов упустить лишний доход порождаемый более высокой оборачиваемостью колеса выпил-налил, то позвольте мне восстановить вашу веру объяснив, что он наверстывает упущенное как разбавляя пойло так и увеличивая общую прибыль... то есть проще говоря повышает цены по мере уплотнения толпы.

Достаточно странно, но похоже что ни крепкие напитки, ни взвившиеся цены ни в малейшей мере не беспокоят эту толпу. На мой взгляд это происходит потому, что по их мнению плата за выпивку втрое боль-

ше нормальной стоимости отсеет тот сброд который обычно приходится терпеть когда пьешь в общественном месте, и следовательно гарантирует, что они клеют лиц с такими же как у них или более высоким доходом, а что касается разбавленной выпивки... ну, единственная причина отсутствие жалоб на это какую я могу придумать заключается в том, что они вероятно считают, что спиртное вредно для здоровья, и поэтому разбавленный напиток как-то полезней для здоровья чем крепкий.

Понимаете, благодаря подслушиванию разговоров я установил, что здоровье, и особенно здоровая пища, являются очень важной темой среди этих клиентов. Все выглядит так, словно они привыкли думать, что имея достаточно денег можно приобрести все что угодно... и вбили себе в голову, что тратя побольше на здоровую пищу и здоровую выпивку они никогда не умрут. Конечно они тратят столько времени на беспокойство и додумывание друг друга по части доброго здоровья, что склонны нагнетать достаточно сильный стресс чтобы внезапно падать и погибать от сердечного приступа... но это кажется приемлимым, если не желанным вариантом так как он рассматривается как свидетельство "высокого давления, являющегося признаком преуспевающего карьериста" и следовательно стало чем-то вроде значка статуса. Вот только во всем этом как-то упускается из виду, что стрессы во многом вызваны ненужным беспокойством, которое они причиняют самим себе тревожась о таких вещах как статус и здоровая пища.

Наверное все дело в высокорискованном характере моей профессии, но лично я не питаю никаких иллюзий насчет собственного бессмертия. Как мне представляется, в жизни хватает всяких непредсказуемых вещей способных убить тебя и поэтому единственный разумный подход к жизни — это брать от нее те маленькие удовольствия какие выпадают, так чтоб когда придет твой черед, ты по крайней мере мог умереть, зная, что прожил полнокровную и счастливую жизнь. Я хочу сказать, кому ж охота жить вечно... особенно если эта жизнь должна быть скучной и лишенной удовольствий?

Я размышляю над этим когда одна деваха прокладывает себе локтями дорогу к стойке рядом со мной. Сперва я думал, что она просто отчаянно хочет выпить, что как я говорил вполне понятно учитывая медленное обслуживание, и шагаю в сторону, используя свою несреднюю массу чтобы дать ей место.

— Выбрал мне цель?

Мне требуется какая-то секунда, чтобы понять, что вопрос этот адресован именно ко мне, так как она произносит его небрежно и не глядя в мою сторону.

— Тананда? — гляжу я на нее во все глаза.

Сегодня вечером на ней иная личина... пышные черные кудри до плеч и платье из какой-то облегающей ткани которое... ну, показывает все, что у нее есть под ним.

— Не глазей на меня! — шипит она, тихо ввинчивая кабаук мне в любимую мозоль, чтобы подчеркнуть сказанное и глядя в то же время в потолок. — Ведь предполагается, что мы не знаем друг друга... помнишь?

— О, верно... извини.

Я возвращаюсь к разглядыванию содержимого своего бокала, стараясь изо всех сил игнорировать ее присутствие... что не легко так как толпа порядком прижимает ее ко мне, когда мы стоим там.

— Ладно, кто же наш болван?

— Видишь за нашим столиком двух широкоплечих парней? Тех шумных? По-моему тот, что слева, отлично подойдет тебе.

Мы с Нунцио решили выбрать своей жертвой Шу Слепня. Из всей нашей команды, мы вероятно меньше всего привязаны к братьям Слепням, и хотя для наших целей вероятно подошел бы любой из них, Шу чаще доминирует в их паре и может затеять свару, если Тананда примется заигрывать с его братом вместо него. А так как наша цель вызвать свару между армией и штатскими, драка в наших собственных рядах была бы контрпродуктивной.

— А кто тот миленок, что сидит напротив этих скотов?

— Что? Это Майжук. Он прежде был актером или танцором или еще чем-то вроде этого.

— Подойдет, — твердо говорит она, и в голос у нее закрадывается хищная нотка.

Я воздерживаюсь от взгляда в ее сторону, но у меня сильное подозрение что она облизывает губы... если не физически, то мысленно.

— Мне думается — это не такая уж удачная мысль, Тананда, — говорю я. — Между ним и Оссой что-то намечается. По крайней мере она неравнодушна к нему.

— Кто?

— Осса. Цыпочка в мундире сидящая рядом с ним.

— Это женщина?

Хотя, как вам известно, я при первой встрече с Оссой прореагировал во многом также, по по какой-то причине мне как-то не по себе слышать это от Тананды.

— Пусть тебя не обманывают ее волосы, — говорю я. — Она весьма крутая дамочка.

— Это очень мило с твоей стороны, Гвидо, — говорит Тананда неправильно поняв мои слова, — но в день когда я не смогу остаться при своих против этой, я тут же повешусь. Ну, за работу.

— Да я имею в виду... — пытаюсь я сказать, но Тананда уже исчезла, скользя к Майжуку словно какая-нибудь кошко-змея подкрадывающаяся к пьяной канарейке.

Ну просто великолепно! Хотя я полагаю что наша цель "армия против штатских" будет достигнута и посредством склоки между Танандой и Оссой, составляя этот сценарий мы задумывали совсем не это.

Однако, как оказалось, я напрасно беспокоился. Наблюдая с позиции у стойки, я вижу что Майжук откликается на зазывный взгляд Тананды как впервые нарушивший закон преступник вцепляющийся в своего адвоката, а Осса вместо того чтобы затеять драку просто встает и выходит из бара печатая шаг с мрачным как туча лицом и заложенными в многоцветных волосах ушами.

— Кто там болтает с твоим приятелем? — говорит материализуясь передо мной Сварлий.

Я устраиваю большой спектакль из оглядывания через плечо на наш столик.

— Просто какая-то деваха, — небрежно-так пожимаю плечами я делая ему знак налить по новой. — А что?

— Да так. Мне на минуту подумалось будто она выглядит какой-то знакомой, вот и все.

Он направляется к другому концу стойки принести мне выпивку, оставив меня малость встревоженным. Я говорю себе что этому деволу совершенно не с чего узнавать Тананду так как ее нынешняя личина ни чуточки не походит на ее постоянную внешность. И все-таки, он является нестабильным элементом в текущем уравнении, и я попросту предпочел бы, если возможно, целиком исключить его из него.

— Я думал мы намечали Шу Слепня, — говорит Нунцио усаживаясь рядом со мной у стойки. Возможно

там где мы находились и было тесновато, но людям обычно удается найти место для кого-то с такими габаритами как у Нунцио, особенно, если он болтает с кем-то с такими габаритами как у меня.

— Намечали, — подтверждаю я. — Но у Тананды есть на этот счет собственные идеи.

— Ну, это безусловно выставило Оссу за порог заведения. По моему, я никогда не видел ее такой взбешенной. Если б сейчас не требовалось...

— Эй... Абдул!

Это сказал Майжук стоявший прямо позади нас пытаясь привлечь внимание Сварлия. Одной рукой он обнимал Тананду за плечи, но если поглядеть действительно внимательно, то можно заметить что большую часть его веса на самом деле поддерживает она.

— Да? Что вам угодно?

Хоть он и не был в этом особенно любезен, скорость с которой любой из нашей команды мог привлечь внимание девола свидетельствовала, что он не забыл, что мы все знаем его тайну.

— Мне... нам нужна... комната.

— Свободных мест нет.

Сварлий начинает было отворачиваться, только для того, чтобы обнаружить, что движение это ограничено... а конкретней, моим кузеном который протянул руку через стойку и крепко взял его за плечо.

— Дай ему комнату, — тихо говорит Нунцио.

Ну, когда Нунцио говорит так вот негромко, то это обычно означает, что он вот-вот выйдет из себя... что в данном случае, вполне понятно. Я хочу сказать, ведь мы же вложили в эту затею страшно много труда, чтобы допустить ее срыв из-за какой-то глупости, вроде отсутствия свободных комнат.

— Но ведь нет...

— Дай ему комнату которую оставляешь для себя. Все равно ты какое-то время будешь слишком занят здесь, чтобы воспользоваться ей.

— Я не настолько занят, — возражает девол, пытаясь вывернуться из хватки Нунцио. — И если...

— Ты можешь стать куда более занятым... если тебе понятна моя мысль, — говорит Нунцио начиная сжимать руку.

— Ладно! Хорошо! Вот! — Сварлий извлекает из кармана ключ и передает его Майжуку. — Последняя дверь направо!

— Спасибо, Нунцио, — благодарит через плечо Майжук, когда они с Танандой пробираются сквозь толпу к лестнице.

Мой кузен ждет пока они не скроются из виду, прежде чем утруждает себя разжатием захвата на плече у Сварляя.

— Вот, видишь как приятно ты чувствуешь себя от того, что привнес в чью-то жизнь немножко счастья?

Девол оскаливает зубы в безмолвном рычании, а затем направляется на другой конец стойки обслужить растущее число крикунов.

— Ну, это не заняло много времени, — говорю я глядя на лестницу где исчезли Тананда с Майжуком.

— В общем-то не удивительно, — говорит с плотоядной улыбкой Нунцио. — Я имею в виду, сколько бы ты волянил, если бы Тананда пригласила тебя к себе в комнату?

Если вы сделаете из этого вывод, что я рассказал кузену не все о своей встрече с Танандой, то вы правы. Я решаю сменить тему.

— Один вопрос, кузен, — говорю я потягивая выпивку. — А как же мы узнаем, когда нужно вмешаться в происходящее?

— Не знаю, полагаю пока не услышим как Тананда станет звать на помощь.

Я поворачиваю голову и гляжу на него во все глаза.

— Нунцио, — говорю я, — тебе приходило в голову, что при царящем здесь геме она может хоть из пушки палить, а нам ее все равно не услышать?

Видно, что это озадачили его.

— Хороший довод, — говорит он, заимствуя глоток из моего бокала.

— Хороший довод? И это все, что ты можешь сказать? — я теперь начинаю заводиться. — А что по твоему случится если мы пропустим сигнал и не ворвемся к ним?

— Хммм... ну, если мы не выручим ее, то Тананде придется разделаться с Майжуком самой.

— ... А это означает что один из нашего отделения очутится в госпитале, — заканчиваю я за него. — Либо так либо Тананда заработает кучу шишек дожидаясь нашего обещанного появления.

— Как я сказал... хороший довод.

— Ну, я не собираюсь просто сидеть здесь сложа руки, — заявляю я подымаясь. — Ты идешь со мной?

— Ты имеешь в виду, вломиться к ним прямо сейчас?

— Именно это я и имею в виду. Почему бы и нет? Они уже были там какое-то время.

На этом этапе, меня одолевают мысленные образы того как Майжук лапает Тананду... в то время как она тщательно зовет нас на помощь.

— Секундочку, Гвидо, — говорит Нунцио, а затем повышает голос. — Эй! Трутень!

Наш юный маг живо подбегает к нам.

— В чем дело, Нунцио?

— Я хочу чтобы ты вышел, нашел каких-нибудь полицейских и привел их сюда.

— Полицию? Но зачем...

— Просто сделай это! Идет?

— Разумеется, Нунцио. Городскую полицию или военную полицию?

— И ту и другую, если удастся. А теперь — ходу.

Он поворачивается ко мне когда Трутень вылетает в ночную темь.

— Ладно, Гвидо. Пришла пора повеселиться!

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

*Сегодня ночью похоже и впрямь большой праздник!
Артур, король*

В своем планировании операции мы как-то пренебрегли установить каким образом Тананда даст нам знать в которой же комнате они будут находиться. (Именно из-за подобных недосмотров я обычно и готов предоставить составление планов для нас кому-нибудь другому... вроде Босса!). К счастью, девол давая им ключ объяснил им дорогу достаточно громко, чтобы слышали и мы, и поэтому нам не составляет труда найти где нам полагалось быть.

— Я ничего не слышу... а ты? — говорит Нунцио чуть склонив голову набок перед дверью.

К этому моменту однако я уже дохожу до точки кипения и не в настроении уходить от сути из-за деталей.

— Возможно тебе следовало бы подумать об этом до того, как посылать Трутня за легавыми, — бросаю я отходя от двери для разбега. — Но раз уж ты послал, то мы в некотором роде обязались быть там когда начнется вальс... понимаешь мою мысль?

— Ну, главное помни что ключ к этой операции — старайся создавать путаницу когда только возможно.

— С этим трудностей возникнуть не должно, — рычу я, и бросаюсь на дверь.

Я специально упомянул про нашу цель вызвать "путаницу", так чтоб вы, читающие все это, не подумали будто у вас вдруг крыша поехала при попытке разобраться в последующей серии событий... то есть, все и должно быть путанным!

Так или иначе, дверь вылетает, как склонны делать все двери когда я врезаюсь в них со всего размаха, и мы дружно рухнули в комнату... которая, как я замечаю не смотря на свою занятость, существенно шикарней комнаты сданной мне Сварлием вчера.

К нашему крайнему удивлению, в комнате не происходит никакой ссоры... по крайней мере, до нашего появления. Тананда с Майжуком валяются на диване, и все звуки, никак не походят на вопли возмущения. Но все же, так как мы уже вышли на сцену, нам с кузеном не остается иного выбора кроме как продолжать действовать как запланировано первоначально по сценарию.

Нунцио хватает Майжука подымая его с дивана в то время как я переключаю внимание ан Тананду.

— С вами все в порядке, сударыня?? — вопрошаю я самым громким голосом, который благодаря моему старому преподавателю разносится весьма неплохо. — Вы только не волнуйтесь!!

— Черт побери, Гвидо! Рано еще!! — шипит она прожигая меня взглядом и пытаясь в то же время принять сидячее положение.

Ну, это не входит в запланированный нами диалог и я быстренько бросаю взгляд на Майжука, посмотреть заметил ли он, что Тананда проболталась о нашем знакомстве друг с другом. Я напрасно волнуюсь.

Нунцио держит Майжука достаточно высоко, чтобы его ноги не соприкасались с полом, держа его за грудки мундира и сильно встряхивая. Конечно, при этой тряске, он стучает нашего коллегу о стенку с достаточной силой, чтобы сотрясать здание. Пару раз он проделывал такое и со мной, и поэтому я могу засвидетельствовать по личному опыту, что хотя это может выглядеть попыткой помочь прояснению у тебя в голове, реальности ситуации заключаются в том, что после нескольких таких ударов о стенку тебе повезет если ты вспомнишь как тебя зовут, не говоря уж о том почему он так несдержанно себя ведет.

— Успокойся, Майжук! — кричит кузен. — Она того не стоит!! Нам ни к чему всякие неприятности!!! Видя, что Майжука отвлекли, что я определяю по тому как закатываются у него глаза, я снова переключаю внимание на Тананду.

— Послушай, Тананда, — рычу я, понижая голос, так чтобы слышала меня только она. — Я извиняюсь, если мы не совсем точно рассчитали время. Намылить мне

холку за это ты можешь и позже. А тем временем, могу я указать, что занавес уже поднят и тебе доверена довольно важная роль в нашем спектакле?

— Но мы же только-только начали... — тут она умолкает, а делает долгий, неровный вдох. — А... Ладно!

С этими словами она подымает руку, хватается за плечо своего своего платья и разрывает его по диагонали до самого бедра... давая мне по ходу дела по быстрому глянуть на куда больше прелестей Тананды, чем мне когда-либо выпадала честь обозреть прежде.

— Он собирался... О, это было просто ужасно! Да что вы за люди такие?

Она резко прерывает истерику.

— Гвидо! — настойчиво так окликает она.

Я все еще пялюсь на те края платья которые она пытается соединить одной рукой.

— Хммм? О... Да! Вы только не волнуйтесь, сударыня!! — говорю я, отводя глаза, так как немного смущен. — Он ни хотел сделать ничего плохого!!

— Уберите его от меня!!! Только уберите его подальше!!!

Эту сигнальную реплику я помню.

— Ходу Нунцио, — говорю я — Давай-ка уносить его отсюда!

И с этими словами, мы хватаем Майжука под белы руки и выводим его из комнаты через уже начинающую собираться толпу. Я оглядываюсь на Тананду и подмигиваю ей, но она лишь быстро-так показывает мне язык прежде чем продолжать закатывать истерику.

— ЧТО ЭТО ЗА ПРИТОН? — визжит она нам вслед. — Позволять подобным скотам смешиваться с порядочными людьми...

Остальное ее выступление я упускаю так как мы теперь несем Майжука вниз в главный зал.

Толпа собравшаяся перед комнатой не идет ни в какое сравнение с той что поджидает нас в баре. Все посетители столпились вокруг посмотреть что происходит... Ну, столпились на некотором расстоянии, как делают все когда не хотят быть вплотную к центру действия. А где-то в задних рядах я вижу мундиры нескольких местных полицейских, хотя им трудно добраться до нас. Военной полиции что-то не видать... поэтому я решаю, что нам придется просто начать без нее.

— Что там происходит? — вопрошает появляясь рядом со мной Сварлий.

— Вот, — говорю я уголком рта, суя ему в ладонь немного денег. — Возьми это.

— Это за что? — говорит он глядя на мое подношение нахмурия лоб.

— Это должно покрыть счет нашего столика с самого полудня.

— Ваш счет? — хмурится он. — Чего-то не пойму. Мы же договорились. Я ставлю вам бесплатно выпивку, а вы не разносите мое заведение и никому не открываете мою тайну... мою тайну.

— Не беспокойся, — показываю я ему несколько зубов в улыбке. — Твоей тайне ничего не грозит.

— Тогда за что же... Эй! Минутку! Ведь не собираетесь же вы...

Вот тут-то до нас и добирается полиция.

Так вот, ранее мы с Нунцио обменивались замечаниями о том что в баре нет никого способного заставить нас попотеть. С появлением легавых это положение меняется. Их четверо, и хотя ни один из них не выглядит особенно физически сильным поскольку у них всех одинаково слабый брюшной пресс, в глазах у них светится такая твердость какую всякий занимающийся нашим делом замечает как признак того кто не особо испугается когда начнутся неприятности.

— Ладно! — говорит самый рослый из них подходя к нам. — Что здесь происходит?

Как вы возможно догадываетесь, люди нашей с Нунцио профессии не слишком любят блюстителей порядка, особенно уличной разновидности. Обычно мы обходим их стороной. Потому при реальном столкновении вроде этого нам совсем не трудно быть нелюбезными.

— Что это за город? — ревет Нунцио обводя горящим взглядом толпу. — Человек в мундире пытается спокойно выпить... и не успеешь и глазом моргнуть как какая-то шлюха пытается слепить на него чернуху!!

— Ты только не волнуйся, солдат, — дружески успокаивает его легавый. — Теперь вы среди друзей. Двое из нас сами раньше служили в армии.

Вот на это мы никак не рассчитывали. Последнее, что нам сейчас требуется, так это разумные легавые. Я решаю что теперь мне самое время лично приложить руку к происходящему.

— Да ну? — презрительно фыркаю я. — И что же случилось? Сдрейфили когда стало похоже что возмож-

но придется и впрямь участвовать в боях? Сочли, что преследовать пьяных безопасней, чем лезть под стрелы?

— Остынь, солдат, — улыбается легавый, но я вижу что губы у него растягиваются с большим трудом. — Давай отойдем в сторонку и обсудим это.

— Вы слышали? — кричит Нунцио братьям Слепням которые все еще удерживают за собой наш столик.

— С нас не прочь содрать деньги за выпивку... но когда мы ловим их на попытке ограбить одного из наших парней то, ТОГДА нас пытаются выставить вон!

— Вот как? — ошетиливается Шу Слепень, встает и идет сквозь толпу к нам, а следом за ним и его брат. — Ну, если они хотят выставить нас отсюда, то им придется нас выкидывать!

Зажатые между нами с одной стороны и братьями Слепнями с другой, легавые начинают нервно вертеть головами туда-сюда пытаясь глядеть разом на всех нас.

— Эй, минутку! — говорит легавый с которым мы разговариваем. — Кто вы говорите пытались вас ограбить?

— Да та шлюха наверху! — рычит Нунцио, тыкая большим пальцем через плечо. — Она вовсю строила глазки нашему приятелю... Так и увивалась вокруг него, понимаете меня? А потом, когда мы поднялись посмотреть все ли с ним в порядке, потому что он здорово поддал, она обшаривала ему карманы!

— Точно! — поддакивает Хи Слепень. — Мы как раз сидели там за столиком, когда эта красотка принялась охмурять Майжука!

— Конечно, они держатся друг за друга! — фыркает один из парней в переднем ряду толпы обращаясь к стоящему рядом малому.

Думаю он не хотел, чтобы его услышали, но Шу Слепень стоит совсем рядом и улавливает эту реплику.

— Ты называешь моего брата брехлом? — говорит он надвигаясь на горлопана.

Я уж думаю, что драка у нас в кармане, но один из легавых встречается между нами и разводит в стороны упираясь им ладонями в грудь.

— Назад! Вы оба! — приказывает он — Мы доберемся до сути этого...

— РУКИ ПРОЧЬ ОТ ЭТОГО СОЛДАТА!!

Прибыла военная полиция и проталкивается сквозь толпу спеша присоединиться к нашему собранию.

— Военнослужащими занимаются ВП*, а не помыкают какие-то легавые с чешущимися кулаками!

Возглавляющий ВП сержант — настоящий силач-задира и как раз такой малый какого мне хотелось увидеть... не слишком толковый и упрямый как осел. С ним трое его корешков, так что мы действительно превосходим легавых в численности. Затем я вижу как через дверь проходят еще несколько полицейских мундиров и вынужден снова пересмотреть свой подсчет. Похоже наклеивается настоящий праздник.

— Мы им не помыкали! — говорит первый легавый сталкиваясь нос к носу с сержантом ВП — И, что еще важнее, в этом следствии замешаны штатские, и поэтому пока мы не выясним что случилось...

— Мы поймали какую-то шлюху на попытке ограбить одного из наших парней! — кричит Шу Слепень чинам ВП. — А теперь они пытаются выгородить ее!

— Вот как! — грозно хмурится ВП, обводя горящим взглядом бар. — Эти солдаты рискуют жизнью охраняя вашу безопасность, и вы так-то их благодарите?

Какой замечательный парень, думаю я. Какой замечательный, доверчивый, тупоголовый парень. Вероятно он мог бы затеять тут драку и самолично... если мы ему позволим.

— Я возмущен этим замечанием! — рычит нам легавый начиная наконец терять выдержку. Мы знаете ли, тоже рискуем жизнью!

— Ах извините! Совсем забыл! — язвительно улыбается ВП. — Вам постоянно грозит опасность умереть, поперхнувшись пончиком!

— Пончиком, да? — говорит легавый, медленно обводя взглядом других легавых... возможно для подсчета голов и проверки соотношения сил прежде чем решить, что делать или говорить дальше.

Я повернул голову украдкой подмигнуть Нунцио, и как раз во время чтобы увидеть как сверху появляется Тананда.

— ВОН ОНИ!!! — верещит она — Это те самые солдаты которые напали на меня!!

Похоже, что она поработала свой штуковиной для личин, потому что отмеченный мной ранее синяк теперь явно наличествует... Хотя для опытного глаза вроде моего вполне очевидно, что это не недавнее ранение.

* Военная полиция.

Конечно, будучи Танандой и обладая хорошим драматическим чутьем, она не остановилась на этом. Хотя носимое ей платье того же цвета что и бывшее на ней раньше, его длина и покрой куда скромнее чем тот завлекательный наряд который она использовала для овладения вниманием Майжука... Намного скромнее.

И венец всему, ее буйная, сексапильная прическа теперь больше смахивает на девичий узел какой-нибудь незамужней библиотекарши разодранный грубыми грубыми лапами на куски. Однако настоящая красота всего этого в том что она стоит там где легавые ее видят, но ВП — нет!

Конечно толпе ее тоже видно.

— Это никакая не шляха! — заявляет парень, что вякал раньше.

— Эй! По моему она работает у нас! — вмешивается еще кто-то.

— Видите, что происходит, когда сюда пускают солдат?

Толпа начинает становиться опасной, но надо отдать должное этому легавому, он пытается утихомирить страсти.

— Успокойтесь-ка, все! — кричит он — Мы разбираемся с этим!

А затем снова поворачивается к ВП, с мрачным-таким выражением лица.

— Мы должны докопаться до сути, сержант, — говорит он. — Я хочу, чтобы вы задержали тех троих...

Говоря это он подымает руку и показывает в нашу сторону.

Ну так вот, есть один трюк, который мы с Нунцио так часто проворачивали, что нам теперь даже не требуется переглядываться, чтобы знать чего делать. Мы все еще держали под руки Майжука, и легавый стоит достаточно близко, чтобы при попытке показать на нас, нам было совсем не трудно переместить Майжука вбок поставив перед его рукой... а потом отпустить!

Если не смотреть в данный момент действительно пристально, то все выглядит точь-в-точь так словно легавый ткнул Майжука и свалил его!

Учитывая и так уже напряженный характер ситуации, это немного походит на стуканье молотком по подрывному капсюлю.

ВП тянется к легавому, но я добираюсь туда первым... в основном потому, что я знаю что грядет и имею фору.

— Дай мне! — ору я, а затем делаю то, чего ждал всю жизнь.

Я отвешиваю легавому свой лучший удар... при свидетелях!

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Разве вы меня не ждали?

Дж. Рэмбо

Нам с Нунцио приходится немножко подождать, прежде, чем командир роты появляется в своем кабинете. Меня это вполне устраивает, так как появляется возможность сделать кровотечение из носа не таким обильным и нам даже удастся уговорить охраняющих нас ВП достать немного дезинфектанта для смазки когтяшек пальцев.

Если вы сделаете из этого вывод, что драка вышла еще та, то вы правы. Именно такая... и что еще важнее мы одержали частую победу. Так вот, штатские легавые возможно придерживаются иного мнения по этому поводу, но мы все еще стояли на ногах в конце драки, а они — нет, и поэтому я считаю, что мы оправданно притязаем на победу.

Как я упомянул, наши охранники отличные ребята и находятся в очень даже хорошем настроении, что вполне понятно так как в означенной свалке они дрались на нашей стороне. Мы весьма не плохо проводим с ними время пока ждем, обмениваясь рассказами о драке являющимися по крайней мере частично правдой, постоянно перебивая друг друга замечаниями типа: "Ты не видел как я...?" и "Да, а как насчет того, когда тот здоровенный легавый..." Фактически, мы прямо-таки кошимся с ними, но тут входит капитан.

Когда он появляется все наши разговоры прекращаются, хотя он должно быть слышал нас задолго до того, как мы его увидели, поэтому на самом-то деле нет

никакого смысла притворяться будто все это время мы сидели тихо.

Однако он выглядит отнюдь не довольным и потому мы все без какого-либо изустного соглашения снова начинаем играть в назначенные нам роли. Под этим я подразумеваю, что охранники становятся по строевой стойке "вольно" и принимают строгий вид, в то время как мы с Нунцио просто сидим и принимаем вид чувствующих себя очень неуютно... что не слишком трудно, поскольку, как я сказал, из той свалки мы вышли не совсем, чтобы без потерь. В полном молчании мы наблюдаем как капитан усаживается за стол и принимается изучать положенный туда рапорт. Полагаю я мог бы и сам заглянуть в него пока мы болтали с охранниками, но по правде говоря, мне это не пришло в голову пока я не увидел как капитан читает его и не понял, что его содержимое вполне может решить нашу с Нунцио судьбу.

Наконец капитан подымает взгляд словно впервые нас всех увидел.

— А где остальные? — спрашивает он у одного из охранников.

— В палатке лазарета, вашбродь, — говорит охранник. Капитан подымает брови.

— Что-нибудь серьезное?

— Никак нет. Всего лишь несколько синяков и шишек. Кроме того...

Охранник колеблется и глядит на меня, и я понимаю что пора высказаться и мне.

— Я сказал солдатам что им следует дать себя заштопать и позволить мне сперва поговорить с вами, капитан... Ваше благородие, — говорю я.

— Понимаете, драку-то ведь начали мы с Нунцио, а отделение просто подключилось позже помочь нам выбраться... поэтому я подумал что... ну, поскольку ответственность лежит на нас...

— Вы можете подтвердить это? — обращается капитан к тому же охраннику, обрывая мою речь.

— Так точно, ваше благородие.

— Отлично. Пошлите извещение в лазарет. Скажите остальным бойцам отделения, что они могут после того как залечат раны вернуться в свои казармы. Сержант Гвидо и капрал Нунцио берут на себя всю ответственность за их действия.

— Слушаюсь, вашбродь. — говорит охранник, а затем отдает честь и выходит. Это снимает некоторую часть груза с моей души, так как меня немного беспокоило не втраваю ли я команду в неприятности из-за нашего гамбита. некоторую часть, но не весь... так как остается вопрос что же капитан намерен сделать со мной и с Нунцио. Это самый настоящий вопрос, так как навесенный на нас ровный взгляд капитана действительно непроницаем, то есть попросту говоря он не выглядит ни довольным ни расстроенным... Хотя с чего ему быть довольным в такой ситуации?

— Вам известно, — говорит наконец он — что меня вызвали прямо со сцены, для разбирательства с этим делом? Да притом еще, когда в моем последнем выступлении одна песня?

— Никак нет, — говорю я, потому что я и правда этого не знал.

Однако это простое заявление объясняет две вещи вызывавшие у меня безмолвное недоумение. Во-первых, его довольно броский наряд... Который хоть и очень великолепен, но решительно не по уставу. А во-вторых, снимает любые сомнения какие у меня могли у меня завестись по поводу испытываемого капитаном уровня благожелательности по отношению к нам... Каким бы там ни был непроницаемым его взгляд.

— Согласно этому рапорту, — говорит он, снова глядя на бумагу — вы двое участники, если не настоящие зачинщики, драки в баре, не только со штатскими, но также и с местной полицией. Хотите что-нибудь добавить к этому?

— Одна из этих штатских пыталась ограбить одного из нашего отделения, — говорю я.

— Я решаю, что теперь когда мы выполнили свою задачу пора начинать заботиться и о себе самих.

— А потом, когда мы попытались вызволить его, другие пытались утверждать будто он напал на нее. Что же касается легавых... я имею в виду, местной полиции, ну, они пытались арестовать нас всех, хотя там на месте этого якобы преступления присутствовали наша собственная военная полиция, а нас на основной подготовке учили что...

— Да, да, я знаю, — отмахивается он. — Солдат положено судить военным, а не гражданским судом, поэтому вы двое сцепились с целой пивной набитой штатскими из-за параграфа военного кодекса. Так?

— Так точно. И кроме того пытаюсь помочь одному из нашего отделения.

— Отлично, — говорит он, и смотрит на охранников.

— Можете теперь идти. Дальше с этим управлюсь я.

Мы тихо ждем, пока ВП не выходят гуськом из помещения, а затем еще немного пока капитан снова изучает наши личные дела.

— Вас двоих перевели ко мне всего около недели назад... а до того вы всего несколько недель как записались на службу в армию? Правильно?

— Так точно.

— Значит вы только-только прошли основную подготовку и уже сержант... и капрал. А теперь еще и это.

Он возвращается к рассматриванию наших личных дел, но я начинаю ощущать немного меньше беспокойства. Хотя наказания нам явно не избежать, раз мы сами во всем признались, мне начинает казаться, что возможно мы отделаемся всего-навсего потерей нашивок... и такая возможность меня как-то не особенно устраивает.

Совсем не плохо для не располагающих мазилой способным выторговать нам смятение приговора за добровольное признание.

— Штатские власти рекомендуют подвергнуть вас суровому дисциплинарному взысканию... требуют сделать из вас показательный пример, чтобы не поощрять других солдат следовать вашему примеру.

Я снова начинаю беспокоиться. Это звучит не столь поощряюще, а я после не омраченной ни одним осуждением карьеры, как-то не горю желанием отбывать срок на армейской гауптвахте. Я гадаю, а не слишком ли поздно взять назад наше признание... и стоят ли по прежнему за дверью ВП.

— Отлично, — говорит наконец капитан, отрывая взгляд от наших личных дел. — Считайте себя подвергнутыми дисциплинарному взысканию.

Мы ждем чего он скажет еще, а потом понимаем что это все.

— Ваше благородие?

Видя нашу реакцию капитан слегка раздвигает губы в натянутой улыбке.

— Вы знаете, в чем больше всего нуждается такая быстрорастущая армия как наша?

Я ощущаю тоскливое сосание под ложечкой, поскольку уже слышал эту речь. Однако Нунцио не при-

существовал, когда ее обрушивали на меня в прошлый раз.

— В портном получше, — говорит он.

Капитан удивленно моргает, а затем раздражается неудержимым смехом.

— Весьма неплохо, одобряет он. — В портном получше. Тут вы вы в чем-то правы, капрал Нунцио... но я говорил не об этом.

Он стирает с лица улыбку и возвращается к теме.

— А нуждаемся мы в лидерах. Можно научить людей стрелять, но нельзя научить их руководить. Во всяком случае по настоящему. Можно обучить их процедурам и вдолбить им принципы так, чтоб они могли по крайней мере делать вид, но настоящее руководство... природный дар внушать преданность и смелость действовать при кризисе... Этому научить нельзя.

Он берет со стола рапорт и небрежно бросает его обратно.

— Так вот, публично мы обязаны не поощрять наших солдат драться со штатскими, как бы их ни провоцировали. Любая другая позиция подвергла бы опасности благожелательное отношение к нам в общине... какое там оно ни есть. Однако мы сознаем что есть такие кто старается при всяком удобном случае эксплуатировать наших солдат, а также многие откровенно непереваивающие нас... хотя я так и не смог понять почему.

Я готов оставить это без комментариев, но Нунцио — нет.

— Возможно потому что армия главный получатель денег взимаемых с них в виде налогов, — говорит он.

— Но благодаря нашим кампаниям их налоги снижаются, а не увеличиваются, — хмурится капитан.

Точно также как и в первый раз когда я услышал это, этот элемент вызывает у меня в голове какую-то нечистую ноту. Однако мне снова не дают времени подумать об этом.

— Как бы там ни было, — говорит встряхивая головой капитан. — Истина в том, что хотя мы не можем публично прощать инциденты подобные тому в котором вы участвовали, на взгляд армии есть и куда худшие вещи чем готовность драться ради своих бойцов и военного кодекса. То что вы готовы были занять такую позицию против штатских, и даже полиции... и прослужив в армии всего три недели... Скажите, вы не поду-

мывали о карьере? О том, чтобы сделать армию своей постоянной профессией?

Этот вопрос малость захватывает нас врасплох, так как мы уделяли этой идее примерно, столько же размышлений сколько уделили бы мысли ткнуть себя пальцем в глаз острой палкой.

— Мгम्म... честно говоря, ваше благородие, — нахожусь наконец я, — мы, прежде чем пытаться чего-то решать, собирались посмотреть как обернется дело при нашем первом сроке службы.

Мне это показалось вполне дипломатичным ответом, так как неблагоприятно говорить человеку, что по твоему мнению избранная им карьера очень дурно пахнет... особенно когда его положение позволяет ему контролировать твое непосредственное будущее. Однако капитан по какой-то причине воспринимает мой ответ за поощряющий признак

— Наверно, я смогу немного облегчить вам решение, — говорит он, начиная что-то царапать в наших личных делах. — Я повышаю вас обоих. Нунцио, вы теперь сержант... а Гвидо, вы получаете еще одну нашивку. Конечно мы не можем теперь допустить, чтобы вы разгуливали по этому городу... да и ваше отделение тоже, если уж на то пошло. Это может расстроить наших штатских хозяев. Вот что я вам скажу. Я намерен перевести вас и ваше отделение на службу при штабе. Там всегда есть возможность продвинуться. Вот и все, ребята. Можете теперь идти... и поздравляю!

Больше всего на свете мне хочется найти немного времени поразмыслить. Нунцио едва дожидается выхода из кабинета командира, прежде чем приняться дразнить меня.

— Гвидо, — спрашивает он, — это я сошел с ума или армия?

— Вероятно вместе, — говорю я, — хотя, признать-ся, я думаю, что у армии есть преимущество над тобой по части дурости.

— Никак не пойму. Ну просто никак не пойму, — продолжал он, словно я ничего не сказал. — Я имею в виду, ведь мы же не подчинились постоянно действующей инструкции... даже отлупили легавых, черт подери. И нас повысили за это?

— Похоже на то, — осторожно говорю я, — что нас наградили за “боевые действия против неприятеля”. Полагаю, что мы просто неправильно рассчитали в ком армия видит “неприятеля”, вот и все.

Некоторое время мы шагаем в молчании, каждый из нас размышляет над произошедшим.

— Полагаю, в этом есть и хорошая сторона, — наконец говорю я. — Если мы намерены продолжать свои попытки развалить армию, то штаб вероятно самое лучшее место откуда можно это сделать.

— Достаточно верно, — вздыхает Нунцио. — Ну, Гвидо, позволь мне быть первым, кто тебя поздравит.

— С чем?

— Да с повышением, конечно, — говорит он, косясь на меня. — Я точно знаю как много это для тебя значит.

Я подумываю ударить его, но вставив мне эту шпильку, он намеренно отходит за пределы досягаемости.

— Нунцио, — говорю я, — давай не будем забывать о твоём собственном...

— Эй, парни!! Подождите!!

Мы оглядываемся и обнаруживаем нагоняющего нас Оссу.

— О, привет, Осса.

— Так что же случилось? — говорит она, пытаясь перевести дух нагнавши нас.

— Ну, после того как ты ушла, произошла небольшая драка и...

— Это я знаю, — перебивает она. — Уже слышала. Сожалею, что упустила ее. Я имела ввиду после. Вы в беде, ребята?

— Нет, — небрежно так пожимает плечами Нунцио. — Фактически, нас всех переводят служить в штаб... ах да, и нас с Гвидо повысили.

Говорит он это совершенно непринужденно, ожидая что она будет удивлена этим также как и мы. Однако, странное дело, она пропускает это мимо ушей.

— А как насчет гражданских властей? Что вы собираетесь предпринять насчет них?

— Ничего, — говорю я. — С какой нам стати?

— Шутите? Как я слышала вы отлупили легавого! Такое не станут просто оставлять без внимания!

— Придется, — пожимаю плечами я. — Нас, как солдат, могут подвергнуть дисциплинарному взысканию военные, а не гражданские суды.

— Да? — хмурится она, застывая как вкопанная.

— Разумеется. Неужели ты не помнишь? Нам же говорили об этом на основной подготовке.

— Я же говорил тебе, что следует обращать внимания на лекции по военному праву, — усмехается ей Нунцио.

— Вот это да, — говорит она, жуя губу. — Тогда, полагаю, вам не нужна доставленная мной подмога.

— Подмога? Какая подмога?

— Ну, я думала, что у вас будут неприятности с гражданскими властями, и поскольку я знала, что у вас, ребята, есть связи, то решила, что мне следует найти кого-нибудь для извещения кого надо так чтоб...

Вплоть до этой минуты я слушал вполуха. Однако по мере того как Осса говорит, в голове у меня начинает громко звенеть сигнализация... очень громко звенеть.

— Связи? — перебиваю я. — Ты имеешь ввиду, с Синдикатом?

— Конечно, — говорит она.

— Ты отправилась искать Синдикат? — говорит, улавливая наконец, Нунцио.

— Совершенно верно. И нашла его к тому же.

— Минутку, — хмурю брови я. — Когда ты сказала, что “доставила подмогу”, ты говорила, что кто-то с тобой здесь сейчас?

— Совершенно верно, — подтверждает, оглядываясь, она. — Когда я заметила вас секунду назад он был со мной. Возможно я немного опередила его, но он должен быть...

— Здорово Гвидо... Нунцио... давненько не виделись.

Обладатель этого нового голоса выныривает из теней поблизости от нас... слишком близко.

— Здорово, Змей, — говорю я, потихоньку отодвигаясь от Нунцио так, чтобы у нас обоих нашлось много места для того, чего б там ни случится дальше.

— Вы помните меня! — говорит он, хотя его насмешливая улыбка ясно дает понять, что он ничуть не удивлен. — Я не был уверен, что вы меня узнаете.

Мне думается, что запомнить Змея никому не составит труда... за исключением, возможно, свидетелей... Так как он из тех, кого вы бы назвали очень запоминающимся. Он высок и крайне худощав, и имеет привычку одеваться во все черное как одет и сейчас, почему он и сумел подкрасться к нам в тени.

— Вы знаете друг друга? — говорит Осса нерешительно так, глядя то на нас, то на него.

— О, мы старые друзья, — говорит Змей этим своим гладким мурлыкающим голосом.

— На самом деле скорее “коллеги”, — поправляет Нунцио, отодвигаясь от меня еще дальше.

Хотя и я и Нунцио знаем Змея, мы никогда не притворялись, будто он нам нравится. Он один из лучших выколачивателей Синдиката, но склонен, на наш вкус, чрезмерно любить свою работу. Вы, наверно, заметили, что когда это требуется ни я, ни Нунцио ничего не имеем против благоразумного применения насилия, но поскольку это противно нашим деликатным натурам мы научились предотвращать такие столкновения по возможности в самые кратчайшие сроки. С другой стороны, Змей любит как можно дольше продлевать и растягивать свою работу... а работает он ножом. Однако, когда ситуация того требует, он умеет быть таким же быстрым, как его кликуха, и, хотя меня с Нунцио ранее этим же вечером были уверены в своей способности справиться с полным баром обычных людей, я в душе серьезно сомневаюсь, сможем ли мы оба, если дела примут плохой оборот, работая вместе, справиться со Змеем.

— Почему бы тебе не направится обратно в казармы Осса, — предлагаю я, не сводя глаз со Змея. — Наш коллега вероятно хочет обсудить с нами кое-какие дела... наедине.

— Только не я! — Змей подымает руки, растопырив ладони в том, что на мой взгляд выглядит преувеличенной демонстрацией невинности — ... Хотя и признаю, что разговор между нами был бы... интересным. Нет, я здесь только для препровождения вас к еще одному старому другу.

— И кто же он будет такой? — осведомляется Нунцио.

С лица Змея слетает улыбка, а голос падает на дюжину градусов.

— С вами хочет поговорить дон Брюс... он хочет поговорить с вами очень сильно.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

*— Чьей властью вы отменили мои распоряжения?
Папа Иоан*

— Отпадная у вас тут бабенка.

Я бросаю косой взгляд на Змея, когда тот говорит это, но его манера кажется такой же почтительной как и его тон, поэтому я решаю, что он говорит искренне, а не пытается съехидничать.

— Ничего, — говорю я, бесстрастно.

Учитывая, что у нас похоже неприятности с Синдикатом, казаться слишком близкими с Оссой кажется не самой удачной идеей.

— Так что же случилось с ее волосами?

— Думаю, они ей нравятся такими, — пожимаю плечами я. — Кто их знает, этих девах. Конечно, они выглядели лучше, прежде чем армия обкорнала их.

— Это напоминает мне слышанный однажды анекдот, — говорит Нунцио. — В нем вроде один парень берет аллигатора, потом отрезает ему нос и хвост и красит его в желтый цвет...

— Вы знаете, — перебивает Змей, — пока мы вас искали, она расспрашивала меня насчет поступления в Синдикат по окончании срока службы.

Теперь я понимаю, почему Змей такой разговорчивый. Он вежливо проверяет нет ли либо у меня либо у Нунцио каких-то претензий на Оссу... в профессиональном или личном плане. Это вполне понятно, так как хотя я и не думаю, что он нас боится, каждый парень знает, что возня со шмарой другого парня — или, в Синдикате, с его рекрутом — скорей всего будет сочтена вызовом,

и поэтому разумней всего тщательно нащупывать брод прежде чем соваться в воду.

— У нее своя голова есть, — осторожно так говорю я. — Конечно, она расспрашивала нас с Нунцио неделю назад о том же самом, поэтому мы в некотором роде рассчитывали поручиться за нее, если дойдет до этого.

— Ладно, уловил, — кивает Змей. — Конечно все зависит от того, где вам, ребята, предстоит быть в будущем.

Говорит он достаточно непринужденно, но сказанное служит холодным напоминанием о реальностях нашего положения. Ведет он себя дружелюбно, словно не имеет против нас ничего кроме, возможно, профессионального соперничества. Однако у нас на душе нет никаких сомнений, что если дон Брюс даст ему команду кокнуть нас, он изо всех сил постарается выполнить приказ.

— Кстати, коль речь зашла о нашем будущем, — говорит Нунцио, — куда мы идем?

По направлению, в котором мы шагаем, я весьма неплохо представляю себе ответ, и Змей подтверждает это.

— Обратно в “Суси-Бар и магазин по продаже при-манки Абдула”, — говорит он. — Или, как сказал бы Гвидо, на место преступления.

— Змей, — говорю я, чуть вытягиваясь, — ты пытаешься позабавиться над моей манерой говорить?

— Кто, я? — с совершенно невинным таким видом переспрашивает он. — Боги упаси. Меня всегда восхищало то, как ты владеешь языком, Гвидо, также как и всех других в Синдикате, кого я знаю. Кроме того...

Мы добрались до дверей нашей цели, но он ненадолго останавливается закончить фразу.

— Я... определенно не хотел бы обидеть кого-то столь крутого как ты... или даже ты, Нунцио. Кстати, мне очень нравится ваш новый прикид. В нем вы действительно щеголяете своими ногами, понимаете мою мысль?

Так вот, я ожидал каких-то острот по поводу наших мундиров с той самой минуты, как Змей выступил из тени. Однако мне ясно, почему он вплоть до этого момента выжидал и помалкивал в тряпочку, так как это позволяет ему нырнуть в дверь прежде, чем мы можем ответить ему ударом по голове... что он собственно и делает, не оставляя нам иного выбора кроме как следовать за ним.

— А вот и они. Заходите, мальчики! Заходите!

Открывшуюся нам сцену можно охватить одним взглядом, но то, что показывает этот взгляд выглядит не слишком многообещающим.

В баре полный разгром, повсюду валяются перевернутые и переломанные столы и стулья. Я знал, что в ходе упомянутой мной стычки, мы учинили небольшой кавардак, но пока она была в разгаре мое внимание намного больше занимали причинение телесных повреждений людям, и избегание получения повреждений со стороны оных, и потому я особо не замечал, что происходит с самим заведением. Однако теперь при осмотре без отвлекающей деятельности становится очевидным, что ремонтников ждет работа прямо-таки созданная для них.

Дон Брюс стоит, прислонясь к стойке и потягивая вино с одной из немногих оставшихся бутылок... прямо из горла, так как, насколько я вижу, не осталось ни одного неразбитого стакана. Хотя приветствует он нас очень дружески, совершенно невозможно делать вид будто это светский визит, так как по всему помещению рассеяны стоящие за неимением стульев, прислонясь к стене, не менее полудюжины громил Синдиката.

— Привет ребята! Присоединяйтесь к нам!

Это предложение исходит от Тананды, стоящей по одну сторону от дона Брюса. Личину она ради данного случая сбросила, но запахлалась в лавандовое пальто дона Брюса. Хотя он может и не интересуется женщинами так как мы с Нунцио, когда дело доходит до обращения с ними дон Брюс всегда образцовый джельтмен. А по другую сторону от него стоит...

— Это они! Те самые парни, которые разгромили даведение! Я думал, что плачу вам за защиту!!

Присутствует Сварлий. Какую-то минуту мне думается, что он тоже сбросил личину, но затем соображаю, что он по прежнему замаскирован под местного, а лицо у него ярко-красное оттого что он вне себя от бешенства.

— Ладно, ладно! — говорит дон Брюс, кажущийся немного раздраженным. — Будем считать это твердым опознанием. Просто приведите в порядок свое заведение и пришлите нам счет... а еще лучше дайте нам список нужного для замены и ремонта. Возможно мы сумеем добиться некоторой скидки от оптовиков и подрядчиков... понимаете мою мысль?

— Да уж надо думать, — фыркает Сварлий, протягивая руку к бутылке с вином.

— А пока, — говорит дон Брюс, убирая бутылку за пределы его досягаемости, — почему бы вам не пойти немножко прогуляться или что-нибудь в этом духе. Мне нужно обсудить здесь с мальчиками несколько вещей.

Девол секунду колеблется, а затем кивает, выражая согласие.

— Ладно, — говорит он, но направляясь к двери бросает на нас злобный взгляд. — Мне следовало бы догадаться, что за вами стоит этот мошенник Скив... я с самого начала заподозрил это. Он и эта его потаскушка...

— Погоди-ка!!

Голос дон Брюса разнесся по всему пивному залу словно щелканье бича, и я понял, что Сварлий допустил ошибку... тяжелую ошибку.

— Что это ты сейчас сказал о Скиве?... И о мисс Тананде?

Громилы отделяются от стенки и начинают двигаться вперед.

— Я... мгм... то есть... — мямлил девол, отчаянно озираясь кругом.

— Наверно тебе следует научиться быть чуточку поосторожней в выборе слов при описании моего партнера... или дамы, доводящейся личным другом и присутствующей в данное время.

— Ну... понимаете... — пытается что-то сказать Сварлий, но дон еще не закончил.

— Я пересмотрел свое предложение об оплате, — говорит он. — Думаю, что восстановление этого заведения будет недостаточно... учитывая ущерб, нанесенный вашей репутации. Думаю нам придется предоставить вам совершенно новое заведение.

Это сбивает девола с толку, но он достаточно напуган, чтобы вспомнить о хороших манерах.

— Очень любезно с вашей стороны, — говорит он. — Но не думаю...

— ... На Деве! — заканчивает дон Брюс.

Глаза Сварлия широко распахиваются. А затем он поворачивается к нам словно загнанная в угол крыса.

— Вы... вы дали мне слово! — визжит он. — Вы обещали мне, что никому не скажете...

— Им и не требовалось ничего мне говорить, — отрезает дон Брюс. — У меня есть свои уши во многих местах... включая Базар.

— Но я не могу туда вернуться!

— Это мне тоже известно, — холодно говорит дон Брюс. — И все же таково наше предложение. Либо мы устраиваем вас на Деве... либо вы остаетесь здесь и сами оплачиваете ремонт. Хотите соглашаться, хотите нет.

Ну, я не знал, что дону Брюсу известно, что Сварлий девол, точно также как не ведал, что этот девол был по какой-то причине нежелательным лицом в своем родном измерении. Однако мое удивление не шло ни в какое сравнение с реакцией Сварлия, пребывавшего, судя по его виду, в шоке.

— Я... я не могу туда вернуться, — удаётся наконец повторить ему.

— Хорошо. Значит решено. — Дон Брюс внезапно снова делается дружелюбным. — А теперь почему бы вам не пойти наконец прогуляться... и кстати...

Девол поворачивается и обнаруживает, что дон сверлит его суровым взглядом.

— ... Помните, что я сказал... У меня есть свои уши во многих местах. Если начнете трепать языком, причините Скиву, мисс Тананде или этим мальчикам какие-нибудь неприятности, то я об этом услышу. Запомните это. А теперь, вон отсюда.

Сварлий выматывается, и как только он исчезает, дон Брюс дергает головой, делая знак громилам.

— Вы мальчики тоже прогуляйтесь, — говорит он. — Разговор у нас сугубо приватный... и Змей?

— Да, Босс?

— Погляди за этим шутком, ладно? Убедись, что он никому не разбалтывает... потому что, если он попытается, то, боюсь, с ним может произойти несчастный случай. Понимаешь мою мысль?

— Уловил, Босс, — говорит Змей и следует в ночь за другими.

— Ну, мальчики, — говорит дон Брюс, поворачиваясь, наконец, к нам. — Теперь, когда мы одни, думается нам самое время немного поговорить.

Говорит он это очень дружелюбно, но как вы свми могли убедиться из предшествующего происшествия со Сварлием, это не столь успокоительно, как может показаться. Мне приходит в голову, что не хотел бы я

садиться с доном Брюсом за драконий покер, так как он несомненно по дружески одолжит тебе, чтобы ты мог продолжать играть, в то время как у него припрятана на коленях целая добавочная колода карт.

— Мисс Тананда только что рассказывала мне о вашей текущей операции...

— Совершенно верно, — подтверждает Тананда. — Дон Брюс не...

— ... а учитывая, что, как вы только что слышали, я горжусь своей информированностью, — продолжает дон Брюс, говоря через голову Тананды... что является дурным знаком, — то меня слегка смущала необходимость признаваться в своем неведении, пока сегодня вечером ко мне не обратилась за помощью ваша маленькая подружка. Так вот, я хочу знать следующее..., — Что вы делаете, действуя в королевстве Поссилтум... особенно учитывая заключенное нами соглашение?

— Соглашение? — переспрашивает тихим голосом Тананда.

— Совершенно верно, — поворачивается к ней дон Брюс. — Вас в то время не было, но когда я впервые встретился со Скивом, мы заключили сделку и я лично дал ему свое личное слово, что Синдикат не будет наезжать на королевство Поссилтум.

— Но какое это имеет отношение к...

— ... а поскольку Скив... а через него и все вы... находитесь теперь на платежной ведомости у Синдиката в качестве сотрудников, то ваше присутствие здесь есть нарушение моего слова. Сечете?

— Ясно, — говорит Тананда, глядя на нас с новым пониманием. — Но скажите, дон Брюс, если Синдикат не орудует в этом королевстве, то чем же вы занимаетесь, беря деньги за защиту с купцов вроде Сварлия? Фактически, что вы вообще здесь делаете?

Это хороший вопрос, и такой, который не приходил мне в голову... хотя и подозреваю, что знаю ответ. Хотя у донна хватает приличия выглядеть немного смущенным, когда он дает его.

— Все это с установленного до того, как я дал слово, — говорит он. — Я никогда не говорил, что мы собирались свертывать уже имевшиеся у нас операции.

— Хммм... — хмурится Тананда, — такое отличие кажется мне весьма тонким.

Конечно, Синдикат наживает уйму денег на таких тонких отличаях... но сейчас похоже не подходящее время поднимать эту тему.

— Возможно и так, — голос дон Брюса снова становится суровым. — Но не в том суть. Я все еще жду услышать, что вы здесь делаете!

— Ах, это, — улыбается Тананда. — Ну, видите ли... мгмм...

Хотя Тананда и мастерица играть в драконий покер, и прикидывается очень уверенной, мне видно что Тананда попалась и пытается блефовать.

— Успокойся, Тананда, — говорит Нунцио, впервые подавая голос с тех пор как мы вошли. — Я могу все это объяснить.

— Да? — невольно вырывается у меня от удивления.

— Разумеется, — настаивает кузен, глядя на меня в упор, как он смотрит, когда мне полагается быть готовым обеспечить ему алиби.

— Ладно, Нунцио, — говорит дон Брюс, снова располагаясь у стойки. — Говори.

— Ну, понимаете, дон Брюс, — начинает Нунцио, — Босс не восторге от упомянутого вами соглашения, касающегося отношений Синдиката с POSSILТУМОМ.

— Ах он не восторге, да? — рычит дон, но Нунцио успокаивающе подымает руку и продолжает.

— Дело в том, — говорит он, что по мнению Босса возникли обстоятельства которые никто из вас не принимал в расчет при первоначальных переговорах... а конкретно, новая политика экспансии развивающая границы королевства.

— Продолжай, — говорит дон Брюс, но теперь он кивает.

— Дух вашего соглашения предусматривал, что Синдикат не будет посягать на территорию королевства, но при теперешнем положении дел, королевство вторгается на территорию Синдиката. И что еще хуже, буква вашего соглашения препятствует Синдикату защищать то, что принадлежит ему.

— Я так и заметил, — саркастически замечает дон.

— Ну так вот, Босс считает это несправедливым. И что еще важнее, он чувствует себя лично ответственным, поскольку именно его неумелое ведение переговоров от имени королевства и поставило вас в это затруднительное положение. Проблема в том, что так как он теперь работает на Синдикат, то не в состоянии

пересмотреть условия соглашения и снова привести все в порядок.

— Да, — задумчиво говорит дон Брюс. — Вполне могу понять.

— Так вот, вы возможно этого не знаете, дон Брюс, — продолжает Нунцио, — но Босс придерживается очень высокого мнения о вас и никогда не сделает ничего, способного повредить вашей репутации. Из-за этого, и из-за того, что он считает себя ответственным за ваши текущие трудности, он взял на себя задачу исправить положение, проведя тайную операцию с целью остановить экспансию королевства. Фактически, он и держал это в секрете от вас ради небольшой добавочной гарантии. При таком подходе, если что-нибудь выйдет не так, вы можете заявить под присягой, что знать ничего не знали об этом, и определенно никогда не принимали никакого участия и не приказывали выступать против Поссилтума. Он делает, дон Брюс, ничто иное как выставляет себя козлом отпущения... исключительно с целью снять с вас давление!

Хотя я иной раз менее чем лестно отзываюсь о красноречивых наклонностях Нунцио, бывают времена когда я искренне благодарен ему за его умение ставить все с ног на голову. Даже отлично зная правду, что давая нам это задание Босс по всей вероятности начисто проглядел свое соглашение с доном Брюсом, я не уверен, что могу отделить истину от пустой болтовни, даже с помощью "фомки".

— Ох уж этот Скив, — смеется дон Брюс, стучая от избытка энтузиазма кулаком по стойке. — Теперь вы видите, почему я так люблю его? Он действительно пытается сделать все это сам... просто ради меня? Скажу вам прямо, мальчики...

Он оглядывается крутом, а затем нагибается вперед прежде чем продолжить.

— Вы не представляете, сколько неприятностей причиняли мне другие боссы из-за этого соглашения. Особенно босс Островного Синдиката.

— Вы имеете в виду дона Хо? — говорю я.

— Совершенно верно, — кивает дон Брюс. — Даже босс Синдиката дон Амечи! Они все донимали меня. Меня лишь удивляет, что об этом узнал Скив. Я все время вам твержу, этот мальчик подает большие надежды. Вы знаете в чем больше всего нуждается такая крупная организация как наша?

— В руководстве, — хором отвечаем мы с Нунцио.

— В руководстве. Эй! Совершенно верно! — удивленно моргает глядя на нас дон Брюс. — Знаете, с тех пор как вы мальчишки начали работать на Скива, вы и сами весьма неплохо развивались. Возможно мне следует как-нибудь подумать о выделении вас в самостоятельные участки.

Мне приходит в голову, что повышения в чине станут совершенно неуправляемыми.

— Мгммм... Да мы вполне довольны и теперешним положением дел, дон Брюс, — быстро так говорю я.

— Да, — вступает в разговор Нунцио. — Мы считаем, что при теперешнем положении дел Боссу понадобится вся помощь какую мы только сможем оказать ему.

— Хммм... Полагаю вы правы, — говорит дон, заставляя нас обоих чувствовать себя немного неуютно из-за того с какой неохотой он похоже отказывается от этой мысли повысить нас в звании. — Вот, что я вам скажу, хотя я, как говорит Скив, и не могу открыто приложить руку к тому чем вы занимаетесь, но если вы хотите я могу придать вам в помощь нескольких ребят!

В голове у меня мелькает одна картина. Картина того как я пытаюсь уснуть, не говоря уж про действовать, при ошивающемся поблизости Змее.

— Я... думаю не стоит, — говорю я. — Мы порядком привыкли работать с той командой какая у нас уже сложилась. Кроме того, любому из преданных нам вами парней придется записываться в армию... и нет никаких гарантий того куда именно их направят.

— ... И большинство из них предпочтет скорее завязать, чем дать увидеть себя на людях в тех нарядах какие вы носите, — смеется дон Брюс, подмигивая Тананде.

— Да, Вы в чем-то правы.

Мы с Нунцио выдавливаем из себя улыбки, большего для присоединения к веселью нам сделать не удастся.

— Ну, обязательно дайте мне знать, если я смогу чем-нибудь помочь.

— Разумеется, дон Брюс.

— Спасибо, дон Брюс.

— Ах да! Еще одно. Как там дела у Банни?

— У Банни? — говорит Тананда, отделяясь от стойки словно боксер-профессионал. — У той маленькой...

— Разумеется! Ты же помнишь Банни, — быстро перебиваю я. — Работавшую у нас племянницу дона Брюса?

— О! Верно! — моргает Тананда и снова прислоняется к стойке.

— Она очень хорошо работает, дон Брюс, — поспешно сообщает Нунцио. — На самом-то деле, в данное время она хозяйничает у нас в конторе пока мы в поле.

— Да, правильно, — отмахивается дон Брюс. — Но как она ладит со Скивом?

Хоть нам возможно и удастся время от времени запудрить ему мозги, дон весьма сообразителен, и улавливает наше колебание и глядит на Тананду.

— Скажите-ка... вы сами, мисс Тананда, не интересуетесь Скивом?

Тананда на секунду задумывается, а затем морщит носик.

— Да вообще-то нет, — говорит она. — Полагаю он для меня вроде младшего брата.

— Понимаю, — кивает дон Брюс. — Ну, а не могли бы вы в порядке услуги для меня взять под свое крыло и Банни? Она любит на словах прикидываться крутой и выступает так, словно она опытная и повидала свет, но внутри она по-прежнему просто ребенок. Понимаете мою мысль?

В ответ Тананда лишь медленно кивает. На мой взгляд, она похоже не в большом восторге от этой идеи... особенно после того, как услышала насколько серьезно относится дон Брюс к обещаниям.

— Вы же знаете каким бывает Босс, когда дело касается дам, — быстро говорю я. — Медлительней чем вносящий залог поручитель, которого надували три раза подряд.

Я пытаюсь отвлечь внимание от Тананды, но дон игнорирует меня и вместо этого пристально глядит на нее.

— Скажите-ка... с вами все ладно? — спрашивает он, неверно истолковывая ее сигналы. — Похоже, что вам досталась в этой операции больше, чем положенная доля шишек.

— Просто немного устала, — говорит она, сверкая улыбкой. — Хотя вы правы. Годы берут свое, и я не уверена сколько еще подобных ночей я смогу выдержать.

— Почему бы тебе не отправиться обратно к Большому Джули и не присоединиться к Коррешу? — пред-

лагаю я. — Нас отсюда переводят, а сама ты мало чего сможешь сделать учитывая то, в какой ты форме.

— Переводят?

— Совершенно верно, — подтверждает Нунцио. — Нас повысили и перевели в штаб. Похоже что потенциальных лидеров умеют замечать не только в Синдикате.

И указанием на пережитый нами за этот вечер физический и нервный стресс служит то, что у меня нет энергии даже подумать об удушении его.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Без канцелярской работы армия ни туда ни сюда!

Й. Карлсон

— Ну, сержант Гвидо, вы и ваше отделение, прибыли с отличными рекомендациями. — Да, безусловно отличными рекомендациями!

— Так точно, вашбродь. Спасибо, вашбродь.

Ладно, допустим я немного пересаливаю. Однако, учитывая количество офицеров которых я вижу здесь в штабе, такая установка кажется самой разумной для унтера вроде меня... и которая попросту говоря всего на одну ступеньку выше подхалимажа.

— Ну, говорит он, отставляя наши личные дела в сторону и принимаясь рыться в других стопках бумаг у него на столе, — давайте посмотрим, что же мы можем подыскать для вас в смысле назначения.

На самом-то деле, я бы удивился если бы он смог отыскать в этом кабинете собственные ноги. Мне лишь несколько раз доводилось видеть столько бумаг, набитых в столь малом пространстве кабинете... и большинство других разов приходилось на кабинеты, в которые я тыкался разыскивая этот. Бумаги лежат везде, на стульях и на полу, на подоконниках, и на шкафах с документами... не говоря уж о стопках поверх документов, уже лежащих в выдвинутых ящиках названных шкафов. Есть также конечно и груды разных бумаг на столе офицера, с которым я разговариваю, и именно в этих стопках он сейчас и роется.

— А! Вот кое-что, — говорит он, останавливаясь поглядеть на один из перетасовываемых им листов. —

Что вы скажите если я направляю вас и вашу команду на работу операторами санузлов.

— Кем-кем?

— Ну знаете, — говорит он, — копать и закапывать отхожие места.

Мне приходит в голову, что хотя в такой работе и может быть потенциал для развала армии, я почему-то не горю особым желанием идти таким путем. Понимаете, Нунцио все еще подкалывает насчет моей работы с “Реалистическим Собачьим Безобразием с Натуральным Ароматом Действительно Липнувшим к Рукам” при выполнении моего последнего задания для корпорации “М.И.Ф.”, и поэтому я предпочел бы на этот раз избежать работы с вариациями настоящих экспериментов.

— Наряд этот кажется дурнопахнущим... вашбродь, — эти слова вырываются у меня вроде как сами собой.

Я пытаюсь исправить дело добавляя “...если вы позволите такую игру слов... вашбродь”.

Это чтоб он знал, что я начитанный.

Я ожидаю, что моя прямолинейность немного растопит его, но вместо этого он просто слегка пожимает плечами.

— Ну разумеется, — говорит с желательной искренностью он. — Но вспомните, где вы находитесь, сержант. Это же Штаб... мозги армии. Вполне естественно, что большая часть этой мозговой мощи направлена на поиски более приятных, более легких назначений для обладателей этих мозгов... то есть попросту говоря тут все по горло увязло в политике... если я ясно выразился.

— Да вообще-то не совсем, вашбродь.

Офицер вздыхает.

— Позвольте мне попробовать объяснить это так. Здесь, все кого-то знают, и используют свои связи для получения самой лучшей работы. Чем выше связи, тем лучше работа. С другой стороны, вы с вашей командой только что прибыли и вследствие этого не знаете... и значит вам какое-то время придется довольствоваться работой за которую никто больше не хочет браться. Я ожидаю, что когда вы обзаведетесь связями, то получите задания получше, но какое-то время ничего нельзя будет поделать.

Я подумываю не упомянуть ли о моих связях с Синдикатом, но решаю что они будут при данных обстоятельствах малоценными и даже могут быть восприняты как угроза. А затем мне приходит в голову еще кое-что.

— А генерал Плохсекир сгодится, вашбродь?

Это живо привлекает внимание офицера.

— Вы знаете генерала Плохсекира? — говорит он из под вскинутых до небес бровей.

— В очень незначительной степени, вашбродь, — признаю я. — Мы встречались лишь однажды мимоходом.

— О. Ну, вообще-то он конечно здесь в Штабе. Однако, думаю вы обнаружите, что он нездоров... по крайней мере не находился в добром здравии в последнюю пару недель.

— А это недомогание случайно не связано с женщиной, вашбродь? Очень, очень крупной... с уймой косметики и драгоценностей?

За это я зарабатываю куда более пристальный взгляд со стороны офицера, прежде чем тот отвечает.

— Фактически, да, — говорит наконец он. — Для кого-то только-только прибывшего в Штаб вы кажется замечательно хорошо осведомлены... или вы знакомы также и с этой... молодой дамой?

По нескольким причинам я решаю что будет благоразумней не признаваться в истинном характере наших с Нунцио отношений с Машей.

— Она была с генералом, когда я встретился с ним при дворе, вашбродь, — говорю я, своего рода правдиво.

— Вы бывали при королевском дворе?

— Так точно... но это было давно... как раз перед тем как король женился на королеве Цыкуте.

— Понятно, — задумчиво говорит офицер, а затем откладывает в сторону бумагу, которую держал и снова начинает рыться.

— Ну, в таком случае, наверно я смогу найти кое-что чуточку более приятное в смысле назначения.

— Не спешите, вашбродь, — говорю я. — Я вполне понимаю в какой беспорядок могут прийти дела при таком вот исчезновении генерала.

— Да вообще-то нет, — рассеянно говорит офицер.

— Извиняюсь?... вашбродь?

— Что? — говорит он, снова сосредотачиваясь на непосредственной ситуации. — Ну, вероятно мне не следовало бы этого говорить, но поскольку вы уже знакомы с несколькими действующими лицами...

Он умолкает и быстро оглядывается кругом, словно кто-то может ошиваться среди стопок бумаг... что учитывая их высоту вполне возможно.

— Если вы знакомы с генералом Плохсекиром, то тогда вероятно уже знаете, что хотя он более чем компетентный лидер, он занимает довольно негибкую позицию по части того, как следует делать дела. То есть, он хочет, чтобы дела делались его способом, независимо оттого лучший ли это способ или нет.

Это описание кажется подходящим ко всякому встреченному мной в армии в звании выше капрала, но я дозволюсь кивком в знак согласия.

— Ну, многие из нас, офицеров, которые появились на сцене в ходе нынешней военной компании первоначально служили под командованием Большого Джули, когда тот возглавлял вторжение в Поссилтум. В некоторых отношениях оно и хорошо потому, что это гарантировало нам чины в армии Поссилтума, но это также означает, что мы знаем, что есть другие способы делать дела помимо способа генерала Плохсекира... много лучших способов. Беда в том, что вплоть до этого момента мы были не в состоянии внести какие-либо изменения или улучшения не нарушая приказов генерала.

— А теперь? — подгоняю я его, даже не трудясь добавить к этому “вашбродь”.

— А теперь, когда генерал “занемог”, — улыбается офицер, становясь немного занятым собственными мыслями. — Мы практически предоставлены самим себе, и значит делаем для разнообразия дела нашим способом. Если Плохсекир не будет донимать нас еще несколько недель, то мы должны бы привести эту армию в надлежащий вид и смочь взаправду перейти к делу. Скажу вам откровенно, служить под началом Большого Джули возможно и бывало время от времени тяжеловато, но этот человек безусловно знает, как надо управлять армией. Хотел бы я знать, как-то у него теперь обстоят дела когда он в отставке?

— Когда я видел его в последний раз, дела у него обстояли великолепно.

Если б я сказал, что в дверь вошел Бог собственной персоной, то и тогда не смог бы вызвать у офицера более сильной реакции. Он внезапно выпрямляется на стуле, и глаза его теряют мечтательность и сосредотачиваются на мне... хотя я замечаю что они немного вылезают из орбит.

— Вы знакомы с Большим Джули? — говорит он своего рода благоговейным шепотом. — Когда в последний раз разговаривали с ним?

— Пару недель назад, — говорю я. — Как раз перед тем как мы с Нунцио записались в армию. Мы попивали с ним и несколькими друзьями вино у него на вилле.

— Вы гостили у него на вилле? Скажите, она...

Офицер обрывает себя и мотает головой словно пес.

— Извините, сержант, — говорит он куда более нормальным тоном. — Я не хотел выпытывать. Просто дело в том, что... ну, Большой Джули здесь, в штабе, что-то вроде легенды. Когда я служил под его началом, то был тогда младшим офицером и никогда не встречался с ним лично... всего лишь видел его пару раз во время смотров и инспекций.

— Очень жаль, — искренне сочувствую я. — Он действительно великолепный парень. Вам бы он понравился... вашбродь.

Я вспоминаю, наконец, что разговариваю с офицером и мое "вашбродь" кажется напоминает ему, зачем я собственно зашел к нему в кабинет.

— Теперь, когда я подумал как следует, — говорит он, вытаскивая несколько бумаг с верха одной из стопок, — здесь есть нечто, куда я могу направить вас с вашей командой. Как вам понравится взять на себя руководство одним из наших складов снабжения?

Это кажется как раз тем, что нам требуется для причинения вреда попыткам реорганизовать армию. Я также замечаю, что офицер спрашивает у меня какое я хочу получить назначение.

— Это кажется отличной мыслью, вашбродь.

— Хорошо, — говорит он, принимаясь царапать на листах. — У нас сейчас вся складская бригада угодила в лазарет — получили испорченную партию красного перца или еще чего-то такого. Так или иначе, я просто поставлю вас с вашим отделением туда в порядке замены, а когда они выйдут из лазарета, то могут заполнить вакансии операторов санузлов.

Мне приходит в голову, что те, другие парни будут менее чем обрадованы своим новым назначением, но это конечно, не моя проблема. Однако, неплохо будет некоторое время постоянно высматривать кого-то, пытающегося подкрасться к нам с подветренной стороны.

— Спасибо, вашбродь, — благодарю я, да притом искренне.

— Просто явитесь на “Склад Снабжения Номер Три-надцать” и вы все устроитесь.

— Слушаюсь, вашбродь... мгмм... а это далеко? Я хочу сказать, команда ждет меня снаружи и все наше снаряжение у нас с собой...

— Просто остановите один из едущих в вашу сторону фургонов и попросите подвезти, — советует он. — Одно из преимуществ работы при штабе... со складами снабжения расположенными здесь же, состоит в том, что кругом разъезжает множество фургонов. И редко приходится ходить куда-то пешком.

— Так точно. Еще раз спасибо, вашбродь.

— О... сержант Гвидо?

— Вашбродь? — говорю я, снова поворачиваясь к нему.

Он толкает ко мне через стол стопку бумаг, весящую должно быть больше двадцати фунтов.

— Раз уж вы поедете, то можете с таким же успехом взять это с собой, вместо ожидания, когда их доставят с курьером.

— Я.. я не понимаю, вашбродь, — говорю я, с подозрением глядя на эту гору мертвого груза, словно та была моим дальним родственником. — Вы хотите, чтобы я хранил это для вас на складе?

— Конечно нет, — чуть смеется офицер. — Это вам бланки заявок и учета материалов.

Чем больше я слышу, тем все меньше и меньше мне это нравится.

— Вы хотите сказать, что мы должны заполнять все это просто для того, чтобы ввезти или вывезти что-то на склад или со склада... вашбродь?

— Вы меня не так поняли, сержант, — быстро так говорит он. — Это не сами бланки.

Я ощущаю быстрый прилив облегчения.

— ... Это всего лишь инструкции по заполнению бланков!

Испытываемое мной облегчение исчезает словно единственная рюмка виски в большой чаше разбавленного пунша.

— Инструкции, — слабо повторяю я словно эхо, уставая на эту груду бумаг.

Совершенно внезапно это назначение начинает выглядеть не таким удачным, каким казалось несколько минут назад.

Офицер замечает выражение моего лица.

— Да полно, полно, сержант, — говорит он, одаривая меня, отеческой улыбкой. — Все не так уж плохо, как оно выглядит.

— Неужто?

— Да. На самом-то деле все это очень просто, коль скоро ухватишь суть. Просто прочтите эти инструкции от корки до корки, а потом выполняйте до последней буквы все, что они предписывают, и все будет отлично.

— Раз вы так говорите, то наверно да, вашбродь, — говорю, без особого убеждения я.

— Да, я говорю именно так,... сержант, — говорит он, оставляя попытки подсластить пилюлю. — Я вам рассказывал, что мы собирались взять под контроль положение дел, а чтобы это сделать, очень важна надлежащая документация. Все это может показаться массой ненужной суеты, но поверьте, если не будут правильно заполняться все эти документы на припасы, то и самые лучшие армии увязнут и станут неэффективными.

— Да, вашбродь. Спасибо, вашбродь.

С этими словами я отдаю честь и быстро убираюсь вон из его кабинета... забрав конечно с собой ту стопку бумаг. Совершенно неожиданно, подавленность, возникшая у меня при виде этого массивного списка инструкций, внезапно исчезает. Вместо этого, я ощущаю такую степень оптимизма, какой не испытывал с тех самых пор как босс отправил нас на это задание. Сам не понимая того, что делает, этот офицер сильно облегчил нам работу.

“Без надлежащей канцелярской работы, сказал он, армия завязнет и перестанет быть эффективной...” а, как вам известно, эффективность армии отнюдь не мало заботила нас с Нунцио.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

А чем же плохо следовать утвержденным процедурам?
М. Горбачев

Помещение, где располагался “Склад Снабжения Номер Тринадцать”, было поистине колоссальным, то есть, попросту говоря, был большим. Фактически, он оказался таким огромным, что возникало ощущение, что если погода вдруг ухудшится, то можно вывезти отсюда все материалы и вести войну под крышей. Единственный недостаток этой идеи заключался в том, что к тому времени, когда солдаты все вывезут, то все шансы за то, что они забудут из-за чего они вообще воевали... но даже если им удастся вспомнить причину войны, они, вероятно, слишком устанут, чтобы захотеть драться из-за нее.

Повсюду стояли стеллажи с военными материалами, а рассеянные кругом достаточно широкие, хоть на фургонах проезжай, проходы разрезали все на серию островов, и множество туннелей и ходов вели, извиваясь, на каждый из островов. При первом же взгляде на эти просторы мне пришло в голову, что тут будет для нас идеальный опорный пункт, так как когда и если что-то выйдет не так, то тут в избытке найдется где укрыться. Эта мысль усилилась, когда мы открыли, что работавшая здесь до нас бригада явно предпочитала жить на казарменном положении, так как на складе нашлось множество “гнездышек” и нор снабженных раскладушками, гамаками, подушками и другим добром явно стибренным из куч припасов.

Короче, обстановка была отличная, и команда, не теряя времени, принялась обосновываться. После того как некоторые из них рассыпались и отправились в

исследовательские походы с целью выяснить какое именно добро мы унаследовали, двое из нас попытались разобраться в наваленных на столах документах и таблицах.

— Уххх-ты! — говорит Шу Слеппень, возникая вместе с братом из завалов. — Никогда не видел столько добра в одном месте! Здесь есть все!

— Хотя многое из этого добра сильно устарело, — говорит Хи Слеппень. — У нас на ферме бывало добро поновее кой-какого здешнего барахла... и большая часть того добра досталась еще от Хлоп Слеппня.

— Хлоп Слеппня? — брякаю я, прежде чем успеваю подумать, а хочется ли мне на самом деле знать ответ.

— Это наш дедуля, — объясняет Шу, — конечно, когда мы зовем его...

— Картина ясна, — перебиваю я прежде чем он успевает пуститься в дальнейшие объяснения.

Мне приходит в голову взять за правило никогда не посещать резиденцию Слеппней.

— Одного не могу понять, — вступает в разговор Майжук, — как это удается уследить за перемещениями всего этого добра. Я имею ввиду, ведь в том как тут хранятся вещи нет никакого порядка или системы. Все выглядит так, словно здесь заталкивали старую груду дальше и дальше назад и громоздили новые материалы перед ней по мере поступления, без всякой попытки сгруппировать вещи по категориям.

Это кажется неуютно похожим на начало идеи, которая может повысить нашу эффективность... чего нам с кузенком, конечно, хочется увидеть в последнюю очередь. Бросая украдкой взгляд на Нунцио, я вижу, что он думает тоже самое, и поймав мой взгляд, он слегка мотает головой, подтверждая это наблюдение.

— Мгмм... полагаю, это не такая уж плохая система Майжук, — говорю по быстрому, соображая, я. — Я хочу сказать, тебе хотелось бы перекладывать все это добро, чтобы освободить место для каждого нового поступающего груза?

— Это можно обойти, оставив свободное место в каждой складской категории, — говорит он, не желая отступать от своей идеи. — Мы должны навести хоть какой-то порядок в этом кавардаке. Иначе будем проводить все свое время просто пытаюсь обнаружить каждый предмет, когда нам понадобится выполнить заказ. Не могу понять, как это они здесь работали без какой-то системы.

— Система-то у них была, спору нет, — отрывается Тру-Тень от чтения “Собрания Инструкций по Бланкам”. — Вся проблема в том, что им приходилось заполнять столько дубликатов, что никак не оставалось времени попытаться упорядочить сам склад! Не могу поверить, будто от нас ожидают заполнения всех этих бланков на каждый поступающий и отправляемый предмет.

В голове у меня проносятся слова, сказанные офицером, и это подает мне идею.

— Как по твоему, Трутень, ты мог бы придумать лучшую систему поиска? — спрашиваю я.

— Вероятно, — говорит он, закрывая собрание инструкций. — Давай прикинем... нам понадобится какая-то карта помещения... на самом-то деле две, одна для того, чтобы мы знали чего здесь уже есть и где оно, а вторая для установления переустроенных участков... потом простой журнал поступлений-выдач так, чтоб мы могли проследить передвижение предметов...

— Ладно, — перебиваю я, — принимайся за это. Разберись. что нам потребуется сделать и чего тебе понадобится в плане информации.

За это я конечно зарабатываю суровый взгляд Нунцио.

— Я... как скажешь, Гвидо, — колебаясь говорит Трутень, нерешительно глядя на собрание инструкций. — Но разве мы не должны следовать принятым процедурам?

— Просто действуй и разрабатывай свой план, — говорю я. — О заполнении армейской документации мы будем беспокоиться после того как добьемся, чтобы это заведение функционировало так, как по нашему мнению следует.

— Ладно, пожимает плечами Трутень. — Парни, подойдите сюда на секундочку, и я покажу вам, что мне надо. Если вы сможете для начала нанести на карту то, что уже здесь есть, я смогу вчерне набрасывать журнал поступлений выдач, и...

— Извините, сержант Гвидо, — вмешивается Нунцио. — Нельзя ли мне переговорить с вами... наедине?

— Ну, разумеется, сержант Нунцио, — улыбаюсь я, оплачивая ему той же монетой и следуя за ним когда он отходит малость в сторонку от сгрудившейся команды.

— Что ты пытаешься выкинуть? — шипит он, как только мы остаемся одни. — Может я чего-то прозевал, но у меня было впечатление, что повышение эффективности это последнее, чем нам желательно здесь заняться!

— Все так, — говорю я, — за исключением того, что все в команде думают наоборот. Я просто немного тяну время, настаивая, чтобы Трутень составил полный план прежде, чем нам действительно придется осуществить какие-либо перемены.

— Ладно, — кивает Нунцио, — но что произойдет после того, как он закончит придумывать новую систему?

— Тогда мы либо еще потянем резину... либо посмотрим, а не возрастет ли в действительности беспорядок, если мы дадим "добро" и пойдем против армейских процедур. Инструктировавший меня офицер кажется был весьма уверен в том, что если не заполнять всех этих документов, о которых говорил Трутень, то вся армия со скрежетом остановится. Уж как минимум нам следует получить возможность выяснить прав он или нет.

— Не знаю, — хмурится кузен. — Мне кажется что...

— Гвидо! Нунцио!!

Мы повараживаемся и обнаруживаем несущееся на нас привидение. Сперва я думаю, что это один из тех новых бронированных фургонов, с которыми экспериментировала армия... только сделанный в виде парадной платформы для шествий. А потом гляжу и снова вижу что это...

— Маша!

К тому времени, когда я выпаливаю это, наша colega уже добралась до нас и обхватила обоих мясистыми руками заключая в огромные объятия.

— Я прослышала что вы, ребята, здесь и просто обязана была навестить вас и сказать "Привет"!

Из-за того что я нахожусь своего рода сбоку от нее, а не прямо перед ней, мне видно, что делается у нее за спиной, где наша команда прекратила свои занятия и смотрит на нас разинув рот... что вполне нормальная реакция для людей впервые увидевших Машу.

— П... Привет, Маша, — говорит Нунцио, сумев вывернуться из объятий. — Как дела? Есть какие-нибудь известия от Босса?

— Ни звука, — говорит, отпуская меня, Маша. — Некоторое время назад через данное ему мной кольцо связи проходили какие-то странные сигналы, но они прекратились и с тех пор все кажется нормальным.

— Думаешь, с ним все в порядке? — говорю я. — Он пробыл там уже почти три недели.

— Может быть... а может и нет, — пожимает плечами она. — Не забывайте, что время течет не с одинаковой скоростью во всех изменениях. Возможно, там где он находится, прошло всего несколько дней.

— Усек, — степенно так кивает Нунцио. — Вроде как в книгах МУРКОКА из серии "Вечный Воитель".

— Совершенно верно, — сияет Маша. — Что же касается другого вашего вопроса, то дела идут лучше некуда. Мой роман с Хью бушует словно вулкан. Должна сказать вам, мальчики, я не люблю похвастаться, но он у меня настолько ошалел от любви, что думаю не помнит даже что служит в армии... не говоря уж о том, что ему полагается управлять ей.

Ну, я хоть и не читал книжку, о которой они болтали секунду назад, но по этому поводу я могу кое-что сказать.

— Мгмм... Маша? — говорю я. — Возможно это не так уж и хорошо.

— Что ты имеешь в виду? — улыбка ее тает, когда она смотрит то на Нунцио, то на меня. — Ведь в этом и заключалась моя задача, не так ли?

— Скажи ей Гвидо, — говорит Нунцио, сваливая обязанность сообщить Маше дурные новости на мои плечи.

— Ну, насколько я слышал, — говорю я, желая быть покойником или занятым чем-то не менее важным, — без него армия действует гораздо лучше.

— Но это же бессмыслица!

— Вовсе нет, если учесть, что подчиненный ему слой офицеров обучался и служил под командованием Большого Джули, — говорит Нунцио, реабилитируя себя приходом мне на выручку. — Чем больше ты держишь его подалеже от войск, тем больше они обязаны делать дела по-своему... а они похоже знают это солдатское ремесло получше генерала Плохсекира.

— Так вы говорите, что самое лучшее, чего я могу сделать для ухудшения дел — это дать Хью вернуться к руководству армией? — задумчиво говорит Маша. — Не так ли?

— Похоже, что так, — говорю я, испытывая облегчение от того, что мне не пришлось быть первым, огласившим этот логический вывод. — Мне действительно очень жаль, Маша.

Она испускает огромный вздох, что при ее фигуре действительно кое-что, а потом выдавливает из себя кривую усмешку.

— Ладно, — говорит она. — Все было забавно пока длилось. Приятно знать, что я все еще могу отвлечь мужчину от всего, когда берусь за это всей душой.

Вежливость, а в большей степени инстинкт самосохранения убеждают меня воздержаться от каких-либо редакторских добавлений к этому замечанию.

— Полагаю, что я просто распрощаюсь и отправлюсь обратно к Большому Джули, — продолжает она. — Есть какие-нибудь известия от другой команды?

— Они тоже завязали, — говорит Нунцио. — Вероятно, добравшись до виллы Большого Джули, ты увидишься с ними и они смогут сообщить тебе подробности.

— Так значит все ложится на вас, да? — вскидывает она бровь, глядя на нас. — Ну, желаю удачи. Мне лучше двигаться отсюда и дать вам вернуться к работе. Похоже, что ваши друзья ждут вас.

Я бросаю взгляд туда, куда она смотрит и верно, вся команда стоит там, глядя поочередно то на одного, то на другого из нас.

Помахав на прощанье Маше, мы неторопливо подходим к ним.

— Кто это? — спрашивает с подозрением Осса.

— Кто именно? — говорю я, пытаюсь говорить небрежно. — А, всего лишь наша старая знакомая.

— Солдатская почта утверждает, что она подружка генерала, — говорит ровным голосом Майжук.

— Где ты это слышал? — невинно так осведомляется Нунцио.

— То тут, то там, — пожимает плечами Майжук. — Надо признать откровенно, при штабе найдется не так уж много людей, отвечающих ее описанию.

Тут он нас наколол.

— Вам не кажется, ребята, что пора уж объяснить нам, что именно происходит? — говорит Тру-Тень.

С большим запозданием я соображаю, что мы недооценили интеллект нашей команды.

— Что ты хочешь этим сказать? — говорит Нунцио, все еще пытаясь выкрутиться.

— Брось, Нунцио, — вздыхает Майжук, — еще с основной подготовки было совершенно очевидно, что вы с Гвидо не сочетаетесь с армией. У вас слишком много талантов, чтобы сойти за средних рекрутов.

— Вы слишком хорошо деретесь и слишком хорошо стреляете для тех, кто предположительно обучается всему этому впервые, — говорит Шу Слеппень.

— И у вас слишком много связей в высших сферах, — добавляет Осса, — например, с Синдикатом.

— ... И с дьяволами, — подкидывает дров Трутень.

— ... А теперь еще и с подружкой генерала, — заканчивает Майжук. — Нам хочется знать только одно, что вы, ребята, в действительности делаете в армии? Я хочу сказать, полагаю это не наше дело, но покуда мы служим вместе все, что затрагивает вас затрагивает и нас.

— Трутень вот думает, что вы члены какой-то тайной следственной бригады, — говорит Хи Слеппень, — и если дело именно в этом, мы постараемся помочь... если вам не полагается вести следствие против нас.

— Ну, ребята, — говорит, качая головой Нунцио. — Полагаю, вы нас раскусили. Трутень прав. Понимаете, армия хочет, чтобы мы...

— Нет, — спокойно так говорю я.

Нунцио бросает на меня взгляд, но продолжает заливать.

— Гвидо хочет сказать, что нам не положено об этом говорить, но раз вы уже...

— Я сказал "Нет", Нунцио! — говорю я, готовясь к бою с ним. — Команда все время играла с нами честно. Я говорю, что нам пора сказать им правду... настоящую правду.

Нунцио колеблется, поскольку его не тянет сталкиваться со мной лоб в лоб, а затем смотрит, то на меня, то на команду.

— Ладно, — говорит, наконец, он. — Расходы по твоим похоронам... валяй, скажи им.

А затем, сложив руки на груди, прислоняется к стене, пока я рассказываю команде о нашем задании... начиная с того, как план Босса удержать королеву Цыкуту от попыток завоевать мир рассыпался в пыль когда умер король Родрик, и вплоть до наших текущих планов попытаться использовать свое положение на складе

снабжения для сведения насмарку успехов армии. Пока я говорю, они все сидят очень тихо, и даже когда я заканчиваю, долгое время никто ничего не говорит.

— Ну, — нарушает молчание Осса, — как я понимаю нам нельзя путать все грузы, иначе армия просто выдернет нас отсюда. Какое-то время нам лучше держаться переадресовки одного из пяти.

— Лучше одного из десяти, — говорит Майжук. — А то...

— Минуточку! Минуточку! — взрывается, прерывая разговор, Нунцио. — Вы, ребята, говорите, что готовы помочь нам устроить беспорядок?

— Разумеется. Почему бы и нет? — говорит Шу Слепень, опуская руку мне на плечо. — Вы с Боем заботились о нас с самой основной подготовки. Пора и нам для разнообразия что-то сделать для вас.

— Кроме того, — вступает в разговор его брат, — ведь вы же не пытаетесь погубить королевство или уничтожить армию. Вы просто хотите немного притормозить разгон... и мы ничего не имеем против.

— Все сводится к тому, — улыбается Осса, — что после всей этой совместной работы с вами, мы знаем вас достаточно хорошо, чтобы верить — вы нам не причините вреда... да и всякому другому тоже, если уж на то пошло... без самой настоятельной необходимости. Думаю я буду говорить от имени всех когда скажу, что нам совсем не трудно поддержать любой план какой вы сочтете подходящим. Я права ребята?

Все вокруг кивают и утвердительно хмыкают. Мне приходит в голову, что теперь я начинаю лучше понимать, что имеет в виду Босс когда говорит, что нервничает из-за внушения большей преданности, чем он заслуживает. В то время как команда говорит как они не верят, что мы сделаем что-либо могущее повредить им, я думаю о том, как мы подставили их для драки в баре Твикста... подробность которую я опустил при даче показаний о нашей недавней деятельности. Это заставляет меня чувствовать себя немного неуютно, и хотя я не собираюсь отказываться от их помощи, я обнаруживаю, что это усиливает мою решимость избегать в будущем таких руководящих и принимающих решения постов.

— А как насчет тебя, Трутень? — говорит меж тем Нунцио. — Ты выглядишь не слишком обрадованным. Хочешь выйти из игры?

— Н... Нет. Дело не в том, — быстро-так говорит Трутень.

— Я готов помочь всем, чем смогу. Просто дело в том, что... Ну, я в некотором роде рвался попробовать навести порядок на этом складе.

— Ты еще можешь это сделать, Трутень, говорит подмигивая ему Майжук. Нам все еще нужно знать положение дел, даже если мы используем эти сведения только для имитации деятельности.

— Жаль только что у нас нет собственных водил, — досадует Шу Слеппень. Вот тогда мы могли бы действительно вызвать беспорядок.

— Что-что, Шу? — переспросил Нуцио, став вдруг внимательным.

— Что? О. Ну, я думал, что если мы могли бы поручать доставку собственным возницам, а не пользоваться армейскими фургонами, то могли бы рассеять наши грузы по всему королевству.

— Нет... я имею в виду, что ты там сказал о вода-лах?*

— Ну знаешь. Это парни гоняющие фургоны с грузами... по крайней мере, именно так мы называли их у нас на ферме.

Я смотрю на Нунцио, а он смотрит на меня, и по нашим улыбкам я понимаю, что мы думаем об одном и том же.

— Осса, обращаюсь я. — Ты раз нашла Синдикат в Твиксте... как по твоему, ты сумеешь сделать это еще раз?

— Разумеется, — пожимает плечами она, — А зачем?

— Я хочу чтобы ты передала дону Брюсу одно послание, улыбаюсь я. Думаю мы только что нашли кое-что, в чем он может нам помочь.

* В профсоюзе водил-дальнобойщиков (или тимстеров) давно и прочно окопалась мафия.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Надо говорить на родном языке.

Н. Вебстер

— Эйх, Бой, — говорит Шу Слеппень, выглядывая в одно из окошек склада, — Ты знаешь, там снаружи куча фураонов и сидят возчики?

— Нет, — говорю я.

Ладно, допустим это старая шутка. Как я уже говорил, армия живет старыми шутками. К несчастью, данная конкретная шутка явно оказывается немного черезчур старой для нашего выросшего на ферме коллеги.

— Чего-чего? — довольно-таки озадаченно глядит он.

— Ладно, — говорю я. — Они какие, армейские или штатские?

В то время как, согласно процедуре, вывозят грузы со склада снабжения армейские фургоны и возчики, доставка от поставщиков производится собственным транспортом поставщика, и, следовательно, штатскими.

— Штатские, — говорит Шу.

— А фургоны какие, полные или пустые?

— Отсюда они кажутся пустыми.

Я смотрю на Нунцио.

— Думаешь это могут быть те самые водилы которых мы ждем?

— Проверить несложно, — пожимает плечами он. — Эй, Шу! Что они делают?

— Ничего, докладывает старший из братьев Слепней. Просто сидят себе и болтают.

— Похоже они. — ухмыляется Нунцио. — По-моему сдавать тебе, Майжук.

Как вы возможно сумели догадаться по этому последнему замечанию, мы все заняты своим любимым времяпрепровождением, то есть, проще говоря, драконьим покером.

— А разве одному из вас не следует выйти и поговорить с ними или еще чего-то сделать? — говорит подходя к нашему столу Шу.

— Бестолку, — говорю я, заглядывая в свои фоски.

— Они станут разговаривать с нами только тогда, когда будут вполне готовы... и не раньше. Тащи сюда стул и отдыхай.

Как выясняется, проходит несколько часов, прежде чем возникает какой-то контакт с возчиками. И когда он наконец возникает, то принимает обличье рослого пузатого индивида с татуировкой на руке, который вразвалочку проходит через дверь и приближается к столу за которым мы играем.

— Эй! — рычит он, — кто-нибудь собирается поговорить с нами или как?

Так вот, если мы с Нунцио рослые ребята привыкшие добиваться своего говоря повелительным тоном, это еще не значит, будто мы особенно терпим когда тоже самое делает кто-то другой.

— Мы сочли, что вы ребята станете разговаривать с нами только тогда, когда будете вполне готовы и не раньше, — говорит подымаясь на ноги Нунцио. — У вас с этим трудности?

— Да, ну? — орет парень становясь носом к носу с Нунцио.

— Ну так к вашему сведению, мы станем с вами разговаривать только когда будем вполне готовы и... и... о. Да.

Это требует некоторых усилий, но мне удастся скрыть улыбку. Этот парень уже потерял преимущество в переговорах, так как кузен обскакал этого хмыря с его же собственной ударной фразой. Потеряв перевес по части шумности, он отступает на вторую линию обороны — к безразличию.

— Мы... э... прослышали, что вы искали какой-нибудь гражданский транспорт, так что мы решили заскочить и посмотреть, какой куш обломится нам.

— Товар вон там, на погрузочном помосте, — говорю я тыкая большим пальцем в нужном направлении. А вот список того, куда его полагается доставить. Пришлите нам счет.

Я киваю Трутню и тот вручает парню документы на избранные нами грузы. Как я говорю, мы их ждали.

Парень смотрит на список у него в руке так, словно тот жертва дорожно-транспортного происшествия.

— Только так, да, — презрительно фыркает он — Разве вы не хотите поговорить о наших расценках за транспортировку?

— Нет надобности, — пожимаю плечами я. — Уверен, что вы возьмете с нас справедливую цену.

— Да? — подозрительно-так щурится он.

— Разумеется, — говорю я, выдавая ему свою лучшую улыбку специалиста по сбору денег, — особенно ввиду того, что расценки будут проверены... и если они покажутся запредельными, то будет расследование.

— Расследование, — презрительно фыркает возчик — Против нас все время ведутся королевские расследования... —А мы по прежнему ничего не меняем. Если они причиняют нам слишком много неприятностей, мы просто грозим прекратить транспортировку по всему королевству.

— Мы говорили не о королевском расследовании, — говорит Нунцио. — Мы думали о другом судебном органе.

— Да ну? Каком же это?

Нунцио подмигивает мне, и я делаю глубокий вдох и выдаю в своем наилучшем стиле.

— Дон... дон дон. Дон... дон дон Брюуууус!

Хотя мой певческий голос и нельзя назвать настоящим отпадом, парень получает послание. Улыбка его пропадает и он с трудом сглатывает... но он-боец, и пытается собраться с силами.

— Да, ладно, значит вы получаете наши “особые” расценки. Только не ждите никакой срочной доставки.

Теперь приходит очередь Нунцио щегольнуть своей усмешкой.

— Друг, говорит он, если б мы нуждались в эффективности, то не посылали бы за водителями.

— И что бы это значило? — ревет парень, несколько возвращая себе цвет лица утраченный им когда мы упомянули про дона Брюса.

— Только одно — что ваш нормальный график доставки нас вполне устраивает, невинно говорю я.

— Понимаете мою мысль?

— Да... ну... полагаю тогда решено, — говорит парень поглядывая то на Нунцио то на ребят. — Мы беремся и приступаем к делу.

— Когда он уходит, я обнаруживаю что не могу удержаться от последней шпильки в его адрес.

— Скажи-ка, Нунцио, — громко спрашиваю я. — Как там называется водила в костюме-тройке?

— Подзащитный! — отвечает столь же громко Нунцио.

До прочих членов команды этот юмор не доходит, но возчик его улавливает. Он сбивается с шага, и какую-то секунду я думаю, что он собирается вернуться и “побеседовать” с нами по душам. Но вместо этого, он просто продолжает идти и довольствуется хлопаньем двери в качестве остроумного ответа.

— Знаешь, Гвидо, — говорит Нунцио, возвращаясь к изучению карт — особые там расценки или нет, а нам ведь в конечном итоге придется расплачиваться с этими шутниками... а у нас сейчас нет доступа к тем финансам, с какими мы привыкли работать в корпорации “М.И.Ф.”

— Успокойся, кузен, — говорю я, видя текущую ставку и повышая ее.

— На это у меня тоже есть одна идея.

* * *

Шанс испробовать мой план выпадает мне в тот же полдень, когда прибывает груз от одного из наших поставщиков. Я дожидаясь пока не завершат разгрузку, а затем неспешным шагом подхожу к возчику.

— Скажите-ка... у вас не найдется свободная минутка? — дружески обращаюсь я.

— Ладно, — пожимает плечами возчик. — В чем дело?

— Ну, — говорю я, оглядываясь кругом, словно ожидаю появления легавого. — У меня есть кое-какие сведения, которые вам следует сообщить своей компании.

— Какие именно?

— Ходит слух, что королева требует провести ревизию военных расходов, — говорю я. — Что-то связанное с тем, что многие из наших поставщиков взимают с нас за поставки больше чем со штатских.

— Ревизия? — повторяет он, внезапно приобретая очень нервный вид.

— Да, если верить солдатской почте любая контора попавшаяся на выколачивании лишней прибыли с армейских контрактов будет закрыта, а все ее имущество конфисковано правительством.

— А это законно?

— Эй, мы же здесь говорим о королеве. Если она говорит, что это законно, значит законно.

— И когда это случится?

— Судя по всему что я слышал не раньше следующего месяца, — говорю я. — Просто я подумал что возможно вам захочется узнать немного заранее. Ну, знаете, так просто на случай, если вам понадобится по быстрому пересмотреть цены вы могли бы сделать это до того, как начнется ревизия.

— Эй спасибо! Ценю любезность.

— Да? Ну, дайте своему начальству знать об этом. И если да, то возможно будет неплохой мыслью если в добавок к пересмотру цен, оно уплатит небольшой долг чтобы компенсировать изменение цен... например, возможно вы сможете забросить его сюда когда сделаете следующую доставку?

— Я так и сделаю, энергично кивает он, — И еще раз спасибо. Мы вас не забудем.

* * *

После этого дела шли весьма гладко. Нам пришлось всего пару раз сообщить слух о ревизии для того, чтобы известие распространилось среди всех поставщиков, и вскоре стали постоянно поступать “задолженности”... более чем достаточные для оплаты водил. И что еще важнее, придуманный Трутнем план реорганизации склада сработал достаточно неплохо, чтобы у нас в итоге появился приличный досуг, который мы посвятили оттачиванию своего умения играть в драконный покер... Также, как и нашему новому хобби: Творческому Снабжению.

Это времяпрепровождение оказалось намного забавней, чем предвидел кто-либо из нас, по большей части потому, что правила устанавливали мы сами. Поскольку мы согласились портачить только с одним из десяти заказов, у нас хватало времени решить, с какими именно заказами надо напортачить и как именно. Видите ли, чтобы защитить себя, мы решаем что лучше всего пере-

адресовать предметы либо с достаточно близкими опознавательными номерами чтобы ошибка показалась простой путаницей, например 6 на 8... либо схожие по характеру или виду, так чтоб все выглядело будто мы просто вытянули не тот предмет, например отправив летнее утяжеленное обмундирование в часть требовавшую прислать зимнее утяжеленное снаряжение.

Лично мне больше всего понравилось когда мы отправили несколько ящиков пропагандистских листовок в часть отчаянно просившую прислать туалетной бумаги. Мне это показалось почему-то самым подходящим.

Как я говорю, все это было очень забавно... фактически настолько забавно, что у меня появилось трусливое ощущение что такое не может долго продолжаться. Как оказалось, я был прав.

Конец праздникам наступил когда я получил приказ явиться к нашему командиру.

* * *

— Вольно, сержант Гвидо. Я только что проверил степень эффективности вашей части, и судя по всему увиденному мной, похоже что нам пора поговорить.

Эти слова вызывают у меня скорей озадаченность, чем нервозность, так как мы не высылали требуемых копий нашей документации... в основном потому, что вообще не заполняли требуемых документов. Это подтверждают и последующие слова офицера.

— Похоже что ваше отделение не слишком любит заполнять требуемые инструкциями бланки заявок и учета материалов, сержант.

— Ну, понимаете, вашбродь, мы были очень заняты пытаясь изучить порядок работы. Полагаю мы немного отстали с рапортами.

— “Немного отстали” — едва ли подходящее описание, говорит он чуть плотней сжимая губы.

— С тех пор как вы стали хозяйничать на складе снабжения я кажется не могу найти ни одного бланка. Однако это не имеет значения. К счастью, имеется достаточно перекрестных рапортов, чтобы дать мне представление о ваших успехах.

Это вызывает у меня легкое беспокойство, так как мы рассчитывали, что будет несколько раундов запросов и предупреждений по поводу нашего пренебреже-

ния канцелярской работой прежде, чем обратят какое-то внимание на то, как мы выполняем свою основную работу. И все же, так как для меня далеко не совершенно непривычно быть вынужденным объяснять свои действия разным начальникам, все алиби у меня наготове.

— Вам извесно, сержант, что ваше отделение действует с девяносто пяти процентной эффективностью?

— Девяносто пяти процентной? — искренне удивляюсь я, так как наш план один-на десять должен бы давать ровно девяносто процентов.

— Знаю это кажется фантастически высоким, — говорит офицер, неправильно понимая мою реакцию — особенно если учесть что нормальный уровень эффективности это шестьдесят пять процентов, даже для опытной складской бригады.

Конечно, опытный глаз способен прочесть между строк и получить весьма неплохое представление о том что происходит.

— Вашбродь?

— Взять например вот этот груз, — говорит он, постукивая пальцем по одному из лежащих перед ним листов.

— Требовался пронизательный глаз умеющий обращать внимание на детали, чтобы заметить, что это требование на утяжеленное зимнее обмундирование прислано в действительности несколько месяцев назад, и понять что правильной будет прислать вместо него утяжеленное летнее обмундирование.

В голове у меня начинает потихоньку звенеть сигнализация, но офицер все еще продолжает говорить.

— ... или взять этот предмет, когда вы прислали вместо туалетной бумаги ящики с теми пропагандистскими листовками. Все слышали о проблемах с боевым духом в этой части, но похоже что вы не только додумались что надо предпринять, а и предприняли задуманное. Между прочим это сработало... судя по сообщениям, с тех пор как они получили ваш груз их не боевой дух постоянно на высоте.

Пока он говорит я пялюсь на двинутую им через стол листовку. Только учтите что мы посылали это добро не вскрывая упаковок, и поэтому я теперь в первый раз вижу настоящие листовки. На ней изображен большой портрет королевы Цыкуты, которая и так вообще-то недурная на вид деваха, но на этой картинке она выглядит особенно хорошо так как на ней мало чего на-

дето кроме соблазнительной улыбки. А под рисунком большими буквами набран вопрос: РАЗВЕ ТЫ НЕ ПРЕДПОЧЕЛ БЫ БЫТЬ СО МНОЙ? Хотя я и не притворяюсь таким специалистом по социологии как мой кузен Нунцио, мне понятно, как такое может взбодрить приунывшего солдата.

— ... Но я вязну в подробностях, — говорит между тем офицер.

— В добавок к эффективности отправки грузов, вам известно что время выполнения заявок на вашем складе на треть меньше времени прохождения заявки на любом другом складе?

Я начинаю улавливать куда клонится это собеседование, и, незачем говорить, это не вызывает у меня прилива энтузиазма.

— Тут в основном заслуга рядового Трутня, ваше благородие, — говорю я, пытаюсь отвлечь от себя внимание. — Он экспериментировал с новой системой организации на нашем складе... также как с новой системой учета при "сокращенной документации".

— Рядовой Трутень, да? — говорит офицер, делая пометку в блокноте. — Скажите ему когда вернетесь в часть, что я хотел бы встретиться с ним. Мне хотелось бы получить чуточку побольше сведений об этой его экспериментальной системе... и коль речь зашла об экспериментах...

Он снова поднял на меня взгляд.

— Как я понимаю вы использовали для некоторых из ваших доставок гражданский транспорт. Это еще один эксперимент?

— Так точно, — говорю я.

Мне думается что он будет расстроен из-за этого, и потому я готов взять вину на себя. Однако похоже что я опять неверно оценил ситуацию.

— Знаете, сержант, — говорит он откидываясь на спинку стула — армия подумывала об использовании гражданского транспорта для развоза припасов, но отказалась от этой идеи как от слишком дорогой. Однако, судя по всему, вы возможно только что доказали ошибочность такого решения. Конечно прежде чем проводить такой эксперимент, вам следовало обратиться ко мне за разрешением точно также как разрешив рядовому Трутню изменить установленную процедуру вы превысили свои полномочия, но с вашими результатами трудно спорить. Кроме того, в наше время редко най-

дешь солдата, особенно завербованного, который не боится проявить небольшую инициативу.

Я ощущаю как у меня тоскливо сосет под ложечкой.

— ... А если такая быстрорастущая организация как наша в чем и нуждается...

Я закрываю глаза.

— ... так это в лидерах. Вот почему мне доставляет такое огромное удовольствие одобрить ваше производство в лейтенанты, и...

Мои глаза резко распахиваются.

— Минуточку! — прерываю я, начисто забывая о подобающем обращении к начальнику. — Вы делаете меня офицером??

Моя реакция похоже захватывает офицера врасплох.

— Ну... да, — говорит он. — Обыкновенно мы бы предложили вам закончить офицерскую школу, но в данной ситуации...

— Это решает все! — рычу я, полностью теряя самообладание. — Я ЗАВЯЗЫВАЮ!!

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

У кого-нибудь есть план?

Дж. А. Кастер

Мягко говоря, наше воссоединение с остальными из команды корпорации "М.И.Ф." на вилле у Большого Джули не совсем похоже на праздничное событие.

О, мы все рады видеть друг друга и, хозяин дома более чем щедро угощает нас вином со своего виноградника, но вопреки общераспространенному мнению, выпивка не обязательно улучшает настроение. Согласно моему опыту она лишь усиливает то настроение, в каком ты там уже находишься... так что если ты счастлив, то станешь очень счастливым, а если тебе довелось быть подавленным, то станешь очень подавленным... а положение к сожалению заключалось в том что мы были не очень счастливы.

Было никак не возможно обойти тот факт что наши попытки остановить королеву Цыкуту печально провалились, и хотя мы могли попытаться убедить себя что такая задача и не по силам для пяти индивидов и дракона, это первый случай с тех пор как мы скооперировались чтобы мы не сумели выполнить задание. Понимание, что это была не настоящая работа, как в случае если бы нас наняли выполнить ее, а просто услуга Боссу, мало утешало... так как подводя Босса мы пожалуй чувствовали себя еще хуже чем в случае если бы нам пришлось возвращать клиенту деньги назад.

— Вам очень трудно было уволиться с военной службы? — говорила Тананда после того, как мы закончили объяснять почему вернулись.

— Да вообще-то нет, — говорит Нунцио, снова наливая себе в бокал вино из кувшина Большого Джули. — О, в конечном итоге нам пришлось обратиться за утверждением к генералу Плохсекиру, но после того, как мы сообщили ему, что выполняем особое задание для Скива, он подписал бумаги не задавая больше никаких вопросов. Единственная для нас трудность заключалась в том, что они действительно хотели, чтобы мы остались... правильно, лейтенант?

Он начинает усмехаться мне, а затем замечает по выражению моего лица, что я не в настроении для подшучиваний.

— К счастью, — поспешно продолжает он, — в качестве приманки они все предлагали еще больше повысить нас в звании... а перед таким искушением мы, мягко говоря, могли устоять без всякого труда.

Кузен заботливо опускает в своем докладе то обстоятельство, что по настоящему трудно расстаться нам было не с армией... а с нашей командой. Если говорить лично обо мне, я и не представлял, как много они для меня значили до тех пор пока не утвердили наше увольнение со службы и мы не приготовились попрощаться. Полагаю меня лишь тогда и осенило, что я вероятно никогда больше не увижу никого из них.

— До свидания, Гвидо, — сказал тогда Тру-Тень, торжественно пожимая мне руку. Я действительно ценю то, как ты помог мне с магией. Полагаю я настолько увлекся изучением техники, что совершенно не задумывался обо всех способах ее практического применения.

— Пустяки, — говорю я, испытывая легкое смущение. — Когда отслужишь, навести нас, и я представлю тебя Боссу. Он в магии понимает намного больше моего, и думаю будет не против дать тебе несколько советов.

— Ты действительно думаешь, что это можно? — говорит Трутень. — Раньше я ничего об этом не говорил, но Великий Скив всегда был для меня своего рода кумиром. Я... я не уверен, что смогу достаточно научиться магии здесь в армии, чтобы ему захотелось тратить на меня время.

— Магия бывает разная, — говорит Нунцио, кладя руку ему на плечо. — Думаю он встретиться с тобой даже если магической подготовки у тебя будет не больше чем сейчас. Систему реорганизации склада ты придумал весьма впечатляющую, а наша контора всегда высматривает... э, администраторов.

Я закатываю глаза, и он оправдываясь пожимает плечами.

На командира система Трутня произвела впечатление... на самом деле, настолько сильное, что его повысили в звании и перевели в оперативную группу, которой поручили повысить эффективность армии. В следствии этого, у нас с Нунцио имелись в душе некоторые сомнения по поводу того увидит ли он когда-нибудь на деле любое дальнейшее обучение магии... именно поэтому, полагаю, Нунцио и сказал то, что сказал.

Лично я не был уверен, что мы сможем использовать Трутня если тот все-таки наведается к нам, так как деятельность корпорации "М.И.Ф." ориентирована на оказание услуг и вследствие этого не предусматривает никаких складов, но я оставляю эту мысль при себе.

— Вот здорово, спасибо ребята, — говорит Трутень, моргая чуть больше обычного. — Ну... еще свидимся, полагаю.

— Позаботьтесь о себе, ребята... слышите? — говорит Осса подымаясь на цыпочки, чтобы заключить поочередно обоих в крепкие объятия.

— Разумеется, Осса, — говорю я, и сам малость моргая. — И слушай... когда отслужишь... если тебя еще будет интересовать вступление в Синдикат, навести сперва нас... уловила?

— Уловила, — энергично-так кивает она.

— ... и держись подальше от Змея, — советует Нунцио, — если понадобится помощь... обращай к нам!

— Разумеется... и вы парни помните, если вам понадобится какая помощь... ну, если будет чего-то в чем я по вашему смогу помочь, дайте мне знать и я буду там. Идет?

— Это относится и к остальным из нас тоже, Бой, говорит Шу Слепень, хватая меня за руку и крепко пожимая ее. — Вы только скажите, и мы прискачем.

— Запомню, — обещаю я. — Вы только дайте нам знать когда отслужите. Нам бы не хотелось мешать вашим армейским обязанностям.

Я сказал это в порядке своеобразной шутки, но они все кажется приняли сказанное всерьез.

— Об этом не беспокойся, — говорит Майжук твердо-так глядя мне в глаза. — Мы знаем кому мы преданы в первую очередь... да и вы тоже.

Как я сказал, расставание это было нелегким. Однако самым тяжелым было знание, что чего бы мы там им

не говорили, предлагая навестить нас, все шансы за то, что они попытаются, то вероятно не смогут найти нас. Как только это задание будет завершено, мы направимся обратно в свою штаб-квартиру на Базаре, и если они не научатся путешествовать по измерениям...

— Так что же нам теперь делать? — говорит Тананда, отвлекая мои мысли от воспоминаний и возвращая их к настоящему. — Сбирать вещички и убираться домой?

— Мне думается есть еще один вариант, который я упоминала в начале этого задания, — медленно говорит Маша, пристально глядя в свой бокал.

Мне требуется секунда, чтобы вспомнить, но наконец до меня доходит.

— Ты имеешь в виду, пришить королеву? — говорю я. Она кивает. Потом долгое время никто ничего не говорит, когда каждый из нас всесторонне обдумывает это предложение.

— Ну, — говорит наконец Нунцио. — Полагаю нам следует попытаться... тогда по крайней мере мы сможем сказать, что испробовали все прежде чем сдаться.

Я колеблюсь еще секунду, а затем кивком выражаю согласие.

— Ладно, кузен, — говорю я, — ты прав. Большой Джули, ты не мог бы найти то снаряжение, которое мы оставили здесь на хранение, прежде чем записаться в армию, мы с Нунцио можем...

— Тпру... стоп... ПОГОДИТЕ!! — подымает руку Маша. — Кто сказал будто именно вам предстоит убрать королеву?

— Ну... это же очевидно, не правда ли? — говорю я немного раздосадованный, что мою попытку присвоить задание сорвали, но готовый попытаться проблефовать до последнего конца. — Я хочу сказать, ведь это же прямо по нашей части... ввиду того, что именно это мы и обучены делать.

— ... И судя по тому, что вы рассказывали о своих разногласиях с инструктором по основной подготовке, то обучение больше тяготело к вымогательству чем к убийству.

— На этот счет не беспокойся, — говорит чуть натянуто улыбаясь Нунцио. — Мы всего лишь против ненужных убийств. А в данном случае оно кажется не только нужным, но и необходимым.

— Ну, когда я предлагала это, то думала, что ее предстоит убрать мне, — говорит Маша, без всяких следов своего обычного розыгрышания роли “счастливая — толстая — дама — вамп”.

— Тебе? — Переспрашиваю я. — Извини, что указываю на это, Маша, но хотя ты физически более чем малость устрашающая, мне думается — не твой профиль.

— А кто говорил о каких-то физических действиях? — говорит она, подымая унизанную кольцами руку. — Думаете я ношу все это добро для украшения... или балласта? У меня здесь есть несколько игрушек которые должны отлично обо всем позаботиться.

Хотя Маша все еще начинающая в области естественной магии, она долгое время, прежде чем записаться в ученицы к Боссу, оставалась при своих в качестве городского мага. С помощью собранного ею механического, магического снаряжения... большая часть которого сработана в виде ювелирных изделий. Хотя я всегда подозревал это с тех пор, как мы впервые встретились, сейчас она впервые подтвердила, что по крайней мере некоторые из ее побрякушек принадлежат к смертельной разновидности.

— Кроме того, — заканчивает она решительно скрестив руки на груди. — Я ученица Скива... так, что эта задача ложится на меня.

— ... А мы-его телохранители, которым специфически полагается ликвидировать любые угрозы благополучию Босса, — отрезает в ответ Нунцио. Хотя я не сомневаюсь ни в твоей искренности, ни в надежности твоих игрушек Маша, для того чтоб пришить кого-то требуется опыт... и мы с Гвидо единственные в команде с опытом по этой части.

— А вы не забываете кой-чего, мальчики? — Мурлычет, вступая в спор Тананда.

— Чего именно, Тананда?

— В то время, как вы двое возможно и обладаете тренировкой и опытом универсалов в области контролируемого насилия, я в прошлом одно время специализировалась именно на убийствах. И в таком случае, по вашей собственной логике выходит так, что эта неприятная задача ложиться на меня.

— Не хочу портить тебе все удовольствие, сестричка, говорит Корреш, — но я довольно-таки рассчитывал заняться этим делом сам.

— Ты? — Смеется Танада. — Брось, старший братец, у тебя же рука до сих пор на перевязи.

— Что... это? — говорит Троль опуская взгляд на руку. — Да об этом на самом-то деле едва ли стоит упоминать.

Он извлекает руку из перевязи и шевелит пальцами, а затем ставит локоть на стол рядом с собой.

— Кто-нибудь хочет попробовать побороться со мной на руках? Или вы уступите по этому пункту?

— Ну в самом деле, Корреш, — говорит игнорируя этот вызов Танада — если сквозь эту твою толстую шкуру трудно пробиться...

— ... То именно по этой причине логичным выбором для задания делаюсь я, — заканчивает с улыбкой Троль.

— ... За исключением такой мелкой детали, как твоя внешность, — добавляет Маша. — Извини, Корреш, но ты последний из нас, кого я пустила бы на такое задание. Любой из остальных членов команды может сойти за туземца, но ты без чар личины торчишь, как шишка на ровном месте.

— Значит одолжу у сестрички пудреницу.

— Фиг тебе, упрямо-так говорит Танада.

— ... Или просто одолжу для маскировки плащ с капюшоном, или что-нибудь в этом роде, — гладко продолжает Корреш словно она ничего не говорила. — Как насчет этого, Большой Джули? У тебя случайно не завалялось чего-нибудь сверх-сверх крупных размеров?

— На самом-то деле, — говорит отставной генерал. — Я подумывал выполнить эту работу сам.

— Что?

— Ты?

— Да это...

— ... ПОТОМУ ЧТО, — продолжает Большой Джули заставляя нас всех умолкнуть с помощью очень простой техники — повысив свой голос до повелительного уровня, — потому, что я старик и следовательно лучше всего пожертвовать мной.

Мы все погружаемся в кресла, слишком смущенные, чтобы смотреть друг на друга. С помощью этих немногих слов он добрался до сути того, что возбуждало наш внешне кровожадный спор.

— Я слушал вас всех, — говорит он, воспользовавшись нашим неловким молчанием, — и чего кажется никто не хочет сказать вслух, так это того, что попытка

убить королеву почти наверняка самоубийственное задание. Политические лидеры... и особенно коронованные особы... в любой стране охраняются лучше всех. Даже если тебе удастся достать их, что в лучшем случае неопределенно, то все шансы скрыться после этого настолько малы, что их не стоит даже рассматривать.

Он обводит взглядом собравшихся.

— Конечно мне ни к чему говорить вам все это потому, что вы и так все это знаете. Вот поэтому-то каждый, и каждая, из вас так и рвется взяться за эту работу... чтобы позволить другим сорваться с крючка, благородно пожертвовав собой. Ну, я как ваш тактический советник даю вам совет забыть обо всем этом деле и отправляться домой... поскольку я не верю, что Скив когда-нибудь собирался допустить, чтобы дело зашло так далеко... или, если вы твердо решили убить королеву, то позвольте это сделать мне. Как я уже сказал, я старик которому нечего, кроме как лентяйничать в отставке потворствуя своим мелким слабостям. Все вы приносите больше пользы в жизни, и следовательно более ценны, чем я. Кроме того, он позволяет заиграть у него на лице легкой усмешке, — возможно будет довольно забавно побывать еще разок в небольшом деле. Я в общем-то никогда не рассчитывал умереть в постели.

— Это очень мило с твоей стороны, Большой Джули, говорит Тананда, но об этом безусловно быть не может и речи. Хотя ты и работал с нами в качестве советника, в саму команду ты в действительности не входил..., а я уверена, что уж эту-то работу Скив никак не захотел бы скинуть через нас на субподряд.

— Думаю по крайней мере в этом мы все единодушны, — говорит Маша, окидывая взглядом собрание. — Если уж предстоит это сделать, то это предстоит сделать одному или одной из нас.

— Значит вы по прежнему думаете о покушении на Цикуту? — хмурится бывший генерал.

— Я думаю, — объявляет вставая и потягиваясь Корреш,

— Я думаю, что мы все слишком устали и чересчур много выпили, чтобы принять разумное решение. Предлагаю отправиться сейчас всем соснуть и возобновить это обсуждение утром, когда у нас прояснится в головах.

— Знаешь, это первая разумная мысль, какую я услышала за последние полчаса, — говорит Тананда, сама

чуть-чуть потягиваясь... на что было бы приятно поглядеть, если б я по прежнему не думала о непосредственной проблеме.

— Хорошая идея, — Корреш — одобряет Нунцио.

— Верно.

— По моему неплохо.

Поскольку все согласны, вечеринка завершается, и мы все начинаем разбредаться по своим своим комнатам.

— Нунцио, — говорю я, как только остальные выходят из зоны слышимости. — Ты думаешь тоже, что думаю я?

— Что нам следует рассчитывать на вставание завтра чуть пораньше? — уточняет он.

— ... Потому, что если кто-то и покусится на королеву, так это будем мы, — провозглашаю я.

— ... А если мы предоставим решать это группе, то эту работу может получить кто-то другой... — добавляет он.

— ... Тогда, как если мы просто их перед свершившимся фактом, то будет слишком поздно спорить, — заканчиваю я. — Верно?

— Верно, — отвечает он.

Как я говорю, хотя у нас с Нунцио бывают иногда свои разногласия, когда ставки высоки мы весьма неплохо работаем вместе... вот потому-то мы оба и улыбаемся, когда машем другим желая им спокойной ночи.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Мы должны спешить... уже почти конец!
Ф. Фогг.

Как я упоминал, мы с Нунцио прихватили с собой на это задание несколько аксессуаров, которые оставили на хранение у Большого Джули, опасаясь, что армия может не очень оценить, если мы явимся записываться на службу уже экипированными... особенно, когда наше личное снаряжение имеет тенденцию быть намного лучшего качества чем выдаваемое армией.

Будучи истинными профессионалами, мы проводили немало времени, сортируя предметы в наших походных ранцах, в поисках тех, которые будут полезны специфически для данной работы. Кастеты, спиленные бильярдные кии, свинцовые трубы и тому подобное мы откладываем в сторону... так как они обычно используются для более тонких операций, и пытаться применить их на смертельный лад было б делом и долгим и неаккуратным. И, хотя у нас сердца кровью обливаются, мы также решаем оставить тут наши арбалеты работы Йоло. Хотя те и великолепны при открытом столкновении, они немного великоваты, чтобы считаться скрытным оружием, а это расценивается нами как недостаток так как все чем бы мы там ни воспользовались, должно быть пронесено под носом у телохранителей королевы. И хотя эти вычеркивания несколько сокращают наш список снаряжения, у нас по прежнему остается приличный ассортимент орудий из которых мы должны сделать окончательный выбор.

Нунцио в конце концов останавливается на карманном арбалете с пистолетной рукояткой и струне от рояля... просто на всякий случай... в то время как я

выбираю сумпитан и симпатичный набор метательных ножей. Для тех из вас, кто возможно удивлен последним выбором замечу, что хотя я возможно и не мастер как Змей, по части режиков я далеко не недотепа. К несчастью я не в состоянии снабдить вас доказательствами этого, так как тех, кто мог бы засвидетельствовать степень моего опыта из первых рук, с нами к сожалению больше нет..., но я отвлекаюсь.

— Знаешь, Гвидо, — говорит Нунцио, принимаясь упрятывать свое снаряжение в щегольскую штатскую одежду, которую мы теперь носим. — При взятии нами этого контракта на себя возникает одно затруднение.

— Какое именно?

— Ну если мы попадемся после дела, что как указывает Большой Джули, вполне возможно если не вероятно, то снова столкнемся с ситуацией когда все выглядит так будто Синдикат вмешивается в дела королевства Поссилтум.

— Брось, Нунцио, — возражаю я. — Мы уже много лет работали на Синдикат, и за все это время властям не удалось даже приблизиться к доказательству какой-то прямой связи нами и этой почтенной организацией.

— Я думал не о властях, мрачно-так говорит мне кузен.

— Я думал о доне Хо и других упомянутых доном Брюсом боссах Синдиката.

— О... Да.

Об этом я не подумал, но над этим определенно стоит поразмыслить. Однако я все равно не согласен дать одному из других членов команды корпорации "М.И.Ф." расхлебывать кашу вместо нас.

— Вот что я тебе скажу, — говорю я — Все шансы за то, что реально пришивать потребуется только одному из нас... верно?

— Ну, да. И что?

— А то, что если все будет выглядеть так, словно он попадется, то другой пришьет его. И тогда уцелевший скажет, что тот который пришел королеву — ренегат и был ликвидирован за нарушение приказов Босса.

— По моему неплохо, — одобряет Нунцио. — Пошли.

Если наверное, наше отношение к смерти, не говоря уж о возможности, что придется пришить друг друга, кажется немного черствым, то я бы предложил вам заново учесть, чем мы с Нунцио зарабатываем на

жизнь. Мы телохранители..., а это значит, что вместе со своей работой мы принимаем и возможность, что когда-нибудь одному или обоим из нас придется умереть так, чтоб не погибло лицо, которое мы защищаем. Повторяю, это часть нашей работы... и мы были бы настоящими болванами, если бы после всего этого времени данная составная часть нашей работы оказалась сюрпризом.

Что же касается возможности того, что одному из нас придется пришить другого... ну, мысль замочить Нунцио привлекала меня не больше чем идея быть замоченным им. Однако, если ты принял вышеупомянутую возможность умереть на работе для защиты тела или репутации Босса, то что мертвец есть мертвец и после смерти не имеет на самом-то деле большого значения кто тебя прихлопнул. Если тут и возникали какие-то соображения, то лишь в том плане, что если меня уделает Нунцио или наоборот, то у нас по крайней мере будет гарантия, что работа эта будет выполнена аккуратно, профессионально, с минимумом суеты и беспокойства.

Так или иначе, мы, едва рассвело, украдкой выбираемся с виллы, приоткрывая дверь дюйм за дюймом на случай если она скрипит, а потом выскальзываем во внутренний двор, как только она открывается достаточно широко чтобы пропустить нас. На этом этапе, видя, что мы кажется сумели выбраться не разбудив других членов команды, я останавливаюсь подмигнуть Нунцио и сделать ему знак подняв кверху большой палец.

— Доброе утро, ребята! Раздается знакомый голос с противоположной стороны двора. — Не хотите ли немного позавтракать?

Большой Джули впитывает в себя солнце развалясь в шезлонге не забывая брать и пищу разложенную на столе рядом с ним.

— Ш-ш-ш! Ты не мог бы потише? — Шипит Нунцио прижимая палец к губам, когда спешит к нашему хозяину.

— А для чего? — осведомляется Большой Джули, по прежнему говоря этим своим громким, раскатистым голосом.

— Ну... мгмм... — мычу я бросая взгляд на Нунцио, который лишь пожимает плечами. — По правде говоря, Большой Джули, мы взяли на себя смелость завершить вчерашний спор убрав королеву прежде, чем произойдет какое-либо дальнейшее обсуждение. И эти усилия

конечно пропадут зря если другие услышат тебя выйдут прежде чем мы отбудем.

— О... ну, теперь уж слишком поздно беспокоиться об этом, — небрежно-так роняет он.

— Извиняюсь?

— Они уже ушли... поодиночке, конечно.

— Ушли? Когда?

— Ну давай посмотрим... первой была Тананда... она ушла прошлой ночью..., а потом отправился Корреш, когда проснулся и понял, что она исчезла. Маша... ну, она слиняла примерно час назад, когда выяснила, что исчезли другие... знаете, эта женщина двигалась весьма быстро, учитывая таскаемый ею вес.

— Значит они все нас опередили, — с отвращением-так бросает Нунцио. — А мы-то считали себя такими умными решив встать пораньше.

— Ну, есть — таки одна деталь, о которой как я замечаю, ваши товарищи по команде вчера не сочли нужным упомянуть, — говорит Большой Джули. — Видите ли, сегодня тот самый день, когда королева открывает свой двор для публики и заслушивает дела и жалобы всех желающих... кто первый пришел того первым и обслужили. Благодаря этому он идеально подходит для обсуждавшегося вами сомнительного деяния..., но очереди выстраиваются рано, как для тех кто добивается аудиенции, так и для тех кто хочет просто присутствовать при аудиенции.

— Ну просто роскошно! — говорю я. — Скажи, Большой Джули, если ты не против моего вопроса, то почему ты не попытался остановить их?

— Я? — Невинно-так моргает он. — Я вчера сказал свое слово... и как мне помнится единодушный от ворот поворот. Значит все это не мое дело... хотя признаюсь я б рвался попытаться остановить любого из остальных ничуть не больше, чем пытаться остановить вас двоих. Понимаете мою мысль?

— Да, полагаю твой довод ясен, — быстро-так говорит Нунцио, глядя куда мрачней, чем я его видел с давних пор. — Ну, пошли, Гвидо! Нам надо поторопиться, если мы хотим вообще участвовать в этой игре!

Точь в точь как и предсказывал Большой Джули, тронный зал дворца был набит по самые стены, и еще больше народа ждало снаружи с целью сунуться туда, если кто-нибудь уйдет пораньше. Однако, как я уже упоминал ранее, мы с Нунцио достаточно крупных раз-

меров, чтобы большинство людей уступало нам место, когда мы теснили их, и поэтому нам в конечном итоге удастся протолкаться туда, где мы по крайней мере можем кое-что видеть

Толпа, явившаяся просто посмотреть, выстроилась вдоль стен примерно в двадцать рядов глубиной, или набилась на балконы, оставив центр зала открытым для тех у кого есть дело к королеве. Ввиду того, что эта орава стоит в очереди тянущейся далеко за дверь, у нас не остается иного выбора, кроме как присоединиться к зрителям... которые в определенной степени скрывают наше присутствие, но сокращают наши шансы быстренько убраться по окончании работы.

— Вон Маша, — говорю я, хотя это в общем-то и ненужно, так как она стоит в очереди ждущих выхода к королеве, и очень заметна в той компании. — Остальных видишь?

Нунцио лишь качает головой и продолжает сканировать ряды зрителей справа от нас, и поэтому я начинаю делать тоже самое для толпы слева.

Конечно я понимаю как маловероятно, что я сумею заметить Тананду, поскольку благодаря этому ее зеркальцу для личин, она может уподобиться с виду кому захочет. Хотя, зная о присущей ей более чем легкой суетности, я подозреваю, что даже в личине она будет как женского пола так и привлекательной.

Однако Корреш совсем иное дело. Мне требуется всего-навсего поискать приличных размеров фигуру в наряде скрывающим его лицо, и...

Нунцио по быстрому двигает меня локтем в ребра с целью привлечь мое внимание, а затем дергает головой вверх к потолку. Мне требуется минута чтобы сообразить на что он пытается мне указать, но затем что-то движется в тени стропил. Это Тананда, и она распласталась на одной из тяжелых балок, подкрадываясь все ближе и ближе к трону. Сперва я опасаясь, что она упадет, но затем понимаю, что она...

— Кончай на нее пялиться, — шипит мне на ухо Нунцио. — Хочешь чтоб ее заметили охранники?

Я соображаю, что таращился на нее словно какой-то турист, и, что если я продолжу это делать, то другие люди... вроде охранников... начнут гадать на что это я смотрю и сами примутся проверять стропила.

— Так что же нам теперь делать? — шепчу я в ответ, отрывая взгляд от перемещений Тананды.

— Двинемся вперед, говорит Нунцио. — ... И по быстрому, если хотим выиграть до того, как она сделает свою попытку. Однако при такой толпе..., вот что я тебе скажу. Попробуй пробраться вон там слева, а я пойду с этой стороны.

— Уловил! — говорю я и мягко двигаю локтем по почке стоящего впереди меня парня, открывая таким образом дорогу к другой стороне тронного зала.

Однако сказать — приблизиться к трону — оказывается существенно легче, чем действительно добраться туда. Сперва я беспокоюсь как бы не двигаться слишком быстро и не привлечь внимание охранников на кого-то слишком уж усердно старающегося приблизиться туда, где будет королева. Но после того как я поборовшись несколько минут с этой толпой, меня больше волновало смогу ли я вообще продвинуться. Похоже что чем ближе я подбираюсь к началу зала, тем более решительно люди настроены не уступать свои места.

К тому времени когда я на полпути от трона, я начинаю отчаиваться из-за того сколько на это понадобится времени и оглядываюсь кругом посмотреть где там Нунцио. Как выясняется, он столкнулся с еще большими трудностями чем я продвинувшись всего на шесть шагов, прежде чем застрял позади стаи старых гусынь. Те не собираются уступать место никому, и похоже, что ему вообще не добраться до начала зала, если он не станет расшвыривать их кулаками.

Конечно, из-за этого добираться до королевы опередив других остается только мне... что меня вполне устраивает. Удваивая усилия, я украдкой смотрю вверх проверить как там продвигается Тананда и обнаруживаю лишь, что вообще больше ее не вижу.

Как раз тут, кто-то дует в медные трубы... и появляется королева.

Какой-то миг я слишком ошеломлен чтобы продолжать проталкиваться вперед... фактически, я теряю пару шагов.

Видите ли, я встречался с королевой Цикутой в тоже время когда встретился с Боссом, а в более недавнее время имел случай освежить память, когда глазел на пропагандистскую листовку. Хотя ее и нельзя назвать с ног сшибательной красоткой, она также и не совсем дурнушка. Однако женщина опускающаяся на трон выглядит настолько непохожей на эти образы, что если бы все не заорали ее имя когда она вошла, я б ее вероятно и не узнал. Конечно, даже если просто пройти

мимо нее на улице, корона была бы весьма сильной подсказкой.

У нее такой вид словно она не очень-то хорошо спит, так как под глазами у нее большие темные круги, и вообще такой вид словно она недоедала... ну, в большей степени чем обычно, так как она всегда была довольно худощавой. Затем первый парень в очереди принимает-ся чего-то долдонить о слишком высоких по его мнению налогах, выплачиваемых его бизнесом, и с минуту мне думается, что она вот-вот расплачется.

Мне приходит в голову, что какой бы успешной не выглядела ее экспансия со стороны, королеву Цикуту она похоже не слишком радует.

Как раз тут-то я и замечаю Корреша... или по крайней мере рослую фигуру в плаще с капюшоном... пробирающегося вдоль стены позади охранников не более чем в десяти фунтах от места где сидит королева, и понимаю, что время у меня истекло. Выжывая из рукава один из метательных ножей, я начинаю прикидывать на глаз расстояние между мной и Цикутой. Бросок этот будет чертовски сложным, но пляясь на это расстояние я ничуть не облегчу себе задачу, и поэтому я отступаю для равновесия на шаг и...

... И в задней части зала подымается адский шум!

Сперва я думаю что это стражники навалились на Нунцио, но затем смотрю туда где он стоит далеко от центра действия, глядя в свою очередь на меня и отчаянно показывая на дверь, крича чего-то, что я не могу разобрать в этом гомоне. Я вытягиваю шею пытаюсь вычислить на что же он показывает, но вижу лишь что толпа за дверьми тронного зала раздвигается... давая дорогу чему-то или кому-то.

Из глубины толпы распространяется рябь шума, нарастающая по громкости когда присоединяется все больше и больше голосов. Бросив свои попытки увидеть что же происходит, я напрягаю слух пытаюсь разобрать что они говорят.

— ... маг...

— Он вернулся!

— ОН ИДЕТ!

— ... ПРИДВОРНЫЙ МАГ!!!

— СМОТРИТЕ!! ВОТ ОН!! ЭТО...

— ВЕЛИКИЙ СКИВ!!!

... И это было так!!

Как раз, когда я издаю эти слова, и толпа в конце тронного зала расступается, и входит Босс..., а с ним и Ааз!! Они конечно кажется спорят и полностью игнорируют окружающую их толпу, которая сперва подается назад, а затем ломит стеной вперед.

Я выбираюсь из рядов зрителей прежде чем осознаю что в спешке потоптал несколько граждан Поссилтуна, и миную Машу, которая из-за своих размеров всегда несколько медленно берет старт. Я вижу как Нунцио идет сквозь толпу, сшибая людей словно кегли, и смутно сознаю, что делаю тоже самое... но меня это не волнует. Я просто счастлив видеть Босса здесь, да притом целым и невредимым.

— СКИВ!!

Я слышу как кто-то кричит голосом чем-то похожим на голос королевы, но к тому времени я уже в шести шагах от него и быстро приближаюсь.

Так вот, я никогда особо не любил традицию Синдиката обниматься при встрече мужчин, но на этот раз решаю сделать исключение.

— Босс!! ору я, широко распахивая объятия, и...

... И зал вертится..., а потом все темнеет!

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Я хочу повторения матча!

М. Тайсон

— Гвидо! Эй! Брось! Очнись!

Я слышу голос Нунцио, но решаю еще немного подержать глаза закрытыми. Испытав много схожих происшествий в прошлом, я без всякого труда вычисляю, что же случилось... то есть, что меня попросту оглушили. Трудно мне вспомнить обстоятельства, приведшие к этому состоянию, задача ничуть не упрощается тем, что в мозгу у меня по прежнему все взбаламучено от пережитого... почему я и предпочел притвориться по прежнему находящимся в отключке пока успокаиваюсь.

Мы находились в тронном зале..., затем вошел Босс вместе Аазом..., я двинулся приветствовать его... Нунцио шел сделать тоже самое..., а затем...

Я устанавливаю по голосу Нунцио его местоположение, а затем открываю глаза и быстро принимаю сидячее положение, хватаю его при этом за горло.

— Ты только что отвесил мне удар сопляка, кузен? — с любопытством-так осведомляюсь я.

Мир снова принимается немного вертеться, заставляя меня еще раз подумать, разумно ли пытаться так быстро двигаться после прихода в сознание, но я смаргиваю пару раз для прояснения в глазах и все утрясается. Я также снова замечаю, что Нунцио немного багровеет, и поэтому ослабляю захват у него на горле так, чтоб он мог мне ответить

— Это... был не я! — пищит он.

Ввиду того, что обычно Нунцио очень гордится своей работой... особенно в тех редких случаях когда он толь-

ко-только обработал меня... Я решаю, что он говорит правду и разжимаю захват до конца.

— Ну, если это сделал не ты, — хмурю лоб я все еще немного помаргивая, — кто же тогда...

— Познакомься с Пуки, — говорит он, показывая мне через плечо большим пальцем левой руки, так как правая рука у него занята массированием горла.

— Она новый телохранитель Босса.

— Новый телохранитель? — говорю я оглядываясь и...

Мир замирает... также, как и сердце у меня в груди.

Так вот, когда я говорю, что эта цыпочка ошеломляющая, то это никак не связано с тем, что она только что оглушила меня. У нее гладкие, сильные контуры пантеры... за исключением немногих приятных округлостей, каких обычно не найдешь на кошке любых размеров. У нее также зеленая чешуя и желтые глаза, глядящие на меня ровным взглядом.

— Сожалею об этой путанице, — говорит она, похоже вовсе не сожалея, — но ты набежал так быстро, что Скив не успел сказать мне, что ты на нашей стороне. В любом случае рада с вами познакомиться... полагаю. Вот, возвращаю вам нож.

Я смотрю на протягиваемый ею метательный нож и соображаю, что он и в самом деле из моих. Должно быть я все еще держал его в руке, когда кинулся приветствовать Босса, что является смущающим недосмотром. Одно из затруднений при обладании большими руками в том, что иногда забываешь о том, что чего-то держишь.

— Новая телохранительница, да? — говорю я, будучи не в состоянии придумать ничего остроумнее когда принимаю нож и прячу его.

— Мы встретились на Извре, — говорит она слегка ледяным тоном. — Скив нуждался в телохранителе..., а его с ним не было.

Ну, я не настолько далеко зашел, чтобы не суметь заметить профессиональный упрек когда, слышу его.

— Нам это тоже не нравилось, — бурчу я, — но Босс приказал нам не отправляться с ним и попросил нас помочь вместо этого здесь.

Пуки секунду думает об этом, а потом слегка кивает.

— Это кое-что объясняет, — говорит она слегка отгаивая. — То, что Скив был один заставило меня гадать насчет вас, но полагаю у вас действительно не было большого выбора в этом деле.

Ее одобрение ни с какой стати не должно б для меня чего-то значить..., но оно почему-то значит немало.

— Так, значит вы с Извра, да? — говорю я, пытаюсь продлить разговор.

— Она моя кузина, — говорит Ааз и я впервые сознаю, что он стоит поблизости.

Фактически, здесь стоит вся команда, и я...

— Твоя кузина! — говорю я, когда его слова наконец доходят до меня.

— Не беспокойся, — успокаивает меня Пуки слегка улыбаясь и подмигивая мне. — Мы не все одинаковые.

— Ребята, вы не могли бы потише? — шипит на нас Тананда.

— Я пытаюсь подслушать вон там!

С трудом оторвав внимание от Пуки, я наконец начинаю сосредотачиваться на происходящем.

Мы все еще находимся в тронном зале, но толпы исчезли фактически, во всем помещении... в зале и на балконах... нет ни народа, ни охранников за исключением нас. Ну нас и Босса, который сидит на ступеньках трона болтая с королевой Цыкутой.

— ... так все шло весьма неплохо, пока Ради не подцепил какую-то там заразу и умер, — говорит она. — Когда я не умерла тоже, то поняла, что те кольца которые ты нам подарил в действительности не связывают наши жизни... между прочим, я бы на твоём месте получила бы за них деньги назад...

— Ты хочешь сказать, что король действительно умер-таки естественной смертью? — шепчу я.

— Похоже на то, — шепчет в ответ Тананда. — А теперь завянь. Я хочу послушать.

— ... а ты знаешь, как я всегда хотела всего лишь самую малость раздвинуть наши границы, и поэтому решила. — Почему бы не попробовать?

— Судя по всему, что я слышал, перебивает Босс — это расширение по любому определению выходит далеко за пределы "самой малости".

— Знаю, вздыхает немного увядая королева. — Просто все это кажется уплыло у меня из рук. Мои советники... ты помнишь Гримбла и Плохсекира?... ну, они не перестают заверять меня, что все отлично..., что покуда я продолжаю снижать налоги народ будет меня поддерживать..., но меня не покидает ощущение, что я потеряла контроль над...

— Снижаете налоги пока раздвигаете границы? Прерывает ее Босс. — Но это же невозможно! Большое королевство означает больше расходов, а не меньше? По прежнему выделяются средства на дополнительные слои бюрократии для управления местным управлением.

До меня наконец доходит, что же беспокоило меня в этих “пониженных налогах” каждый раз, когда я слышал об этом. А также вспоминаю, что курс “Экономика-101” мне пришлось проходить трижды.

— Знаю, — говорит королева. — Я покрывала дополнительные расходы за счет казны своего старого королевства, но та почти иссякла. Гримбл все твердит, что в конечном итоге, когда королевство станет достаточно большим все уляжется, но...

— Этого не случится, — качает головой Босс. — Нельзя победить математику этой ситуации. Вам придется либо повысить налоги, либо отодвинуть границы назад..., либо обанкротится.

— Ах, Скив! — Говорит Цикута, стремительно обнимая его. Я знала, что ты сможешь разобраться в этом. Вот потому-то я и послала за тобой.

— Послала за мной?

— Ну, конечно глупенький. Кольцо. Разве ты не получил его?

— Ну, да. Но...

— Мне никогда особо не удавались письма, — продолжает королева, — но я была уверена, что ты поймешь сообщение, когда я пришлю тебе кольцо Родди... конечно мне пришлось отправить вместе с ним часть его... ты, кстати, был прав насчет неснимаемости колец.

— Так это было кольцо Родрика?

— Ну конечно. Ведь не думаешь же ты, что я отрезала бы палец себе, не так ли?

Она подымает руку и шевелит перед ним пальчиками... всеми ими, включая и тот, что с кольцом. Кожа на полученном нами пальце была такой мягкой и гладкой, что мы все приняли его за женский. Конечно, если поразмыслить, короли тоже не особенно работают руками.

— Так или иначе, ты получил сообщение, и вот ты здесь... и поэтому все будет отлично.

— Сообщение, повторяет Босс, выглядящий немного сбитым с толку..., что на мой взгляд вполне понятно. — Мгмм... просто для уверенности, что мы понимаем друг друга, вы не против объяснить мне то, чего хотели

сказать словами, а не пользуясь... графическими средствами сообщения?

— Разве это не очевидно? — говорит королева. — Мне нужна твоя помощь, чтобы управиться с делами, и поэтому я предлагаю тебе должность.

— Ну... я нынче довольно занят, — говорит Босс, — но полагаю могу уделить немного времени и помочь вам утрясти дела в качестве вашего советника...

— ... в качестве моего супруга, — поправляет королева.

При этих словах вся команда вздрагивает, и мы обмениваемся между собой встревоженными взглядами.

Босс однако соображает чуть помедленнее.

— ... конечно, первым делом тебе придется приказать армии остановить наступление пока мы не придумаем, что делать дальше.

— Считайте, что это уже сделано..., а потом мы с Гримблом... СУПРУГА??!

Как я сказал, Босс возможно соображает время от времени чуть медленнее, но в конечном итоге улавливает все.

— Конечно, — сияет ему Цикута. — Я считаю, что мы можем пожениться, а потом, если мы разделим между собой некоторые из этих утомительных обязанностей, у нас найдется время...

— СУПРУГА???

Босс похоже застрял на этом слове.

— Совершенно верно, — говорит королева, глядя на него чуть склонив голову набок. — А, что? У тебя с этим какие-то трудности?

Температура в тронном зале кажется стремительно снижается от холода в ее голосе.

— ... Потому, что если так, то есть и другой вариант. Я могу сделать то, что ты предлагал когда мы с Родди поженились.

— И, что же это было...? — говорит слабым голосом Босс.

— Отречение. Королеве каким-то образом удастся заставить одно это слово прозвучать словно приговор... смертный приговор. — Я могу сойти с трона и назвать своим наследником тебя. Тогда ты можешь попробовать управиться со всем этим кавардаком самостоятельно!

Шах и мат.

Весь этот разговор вызывает у меня более чем легкое беспокойство..., но это не идет ни в какое сравнение с тем, что он делает с Боссом. Тот выглядит пре-

бывающим в состоянии полной паники..., не говоря уж, что позеленевшим.

— Я... я... — заикается он.

— ... Но разве тебе не кажется, что будет намного лучше если ты просто согласишься с первоначальным предложением? — говорит Цикута, снова делаясь сплошь ласковой кошечкой. — При таком подходе, ты получаешь королевство и меня!

— Я... я не знаю, — выдавливают наконец Босс. — Я никогда не думал о женитьбе.

— Ну так подумай о ней, говорит немного резчающим голосом королева.

— Нет... я хочу сказать, мне понадобится некоторое время чтобы подумать об этом.

— Ладно, кивает Цикута. — Это справедливо.

— Возможно через год...

— ... Я дам тебе месяц, — говорит королева, ведя себя так, словно Босс ничего не говорил. — А тем временем, я прикажу армии остановиться, а ты можешь начинать проверять вместе с Гримблом бухгалтерские книги. Я хочу сказать, ведь это ж будет хорошей мыслью, какое бы решение ты не принял, не так ли?

— Я... полагаю так.

Дело выглядит неважно. Босс никогда не отличался ловкостью в обращении с чувихами, и судя по всему виденному Цикута сможет водить его за нос и вокруг пальца, а также вить из него веревки.

— Думаю я услышала достаточно, — говорит Тананда. — До скорого, ребята.

— А куда ты собралась, сестричка? — говорит Корреш, оглашая вопрос за всех нас. — Похоже, что Скиву понадобится вся помощь, какую мы только сможем ему оказать..., а потом еще столько же.

— На самом-то деле, — говорит она — я собиралась вернуться в главную контору. По моему мне нужно небольшая передышка, так что я решила поддерживать огонь в домашнем очаге пока у меня отрастают волосы.

— В самом деле? — хмурит лоб Корреш.

— Конечно, мурлычет она, сверкая широкой улыбкой, — это освободит Банни от обязанностей. Думаю я отправлю ее сюда на подмогу.

— Банни?

— Ну не ждешь же ты, что Скив сможет утрясти здесь дела без своей административной помощницы, не

правда ли? — невинно так говорит она. — Кроме того, Банни немного лучше меня разбирается с цифрами

Она умолкает и бросает один последний мрачный взгляд на королеву.

— ... по крайней мере, я считаю, что в этой ситуации она будет полезней.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Корпорация М.И.Ф.— связующее звено

<i>Предисловие автора.</i>	7
<i>Глава первая.</i> Мелкая преступность — бич сегодняшнего бизнеса.	15
<i>Глава вторая.</i> Все зависит от вашего определения “веселого времяпрепровождения”!	43
<i>Глава третья.</i> Это все дело вкуса.	69
<i>Глава четвертая.</i> Если вы слишком заняты, чтобы помогать своим друзьям, значит, вы слишком заняты!	93
<i>Глава пятая.</i> Какие же дураки эти смертные.	114
<i>Глава шестая.</i> Не все в жизни смешно.	134

Мифо-наименования и из-вержения

<i>Глава первая.</i> Никто не видел всего!	141
<i>Глава вторая.</i> Их больше не делают такими, как бывало!	149
<i>Глава третья.</i> Тут даже неприятно побывать!	157
<i>Глава четвертая.</i> Такси — это водный раствор в воде.	165
<i>Глава пятая.</i> Мне нужно выбрать всего лишь несколько вещей.	173
<i>Глава шестая.</i> Никакое место не сравнится с родным домом!	181
<i>Глава седьмая.</i> ...на улице, где живете...	189
<i>Глава восьмая.</i> Никогда нет поблизости фараона, когда он тебе нужен!	196
<i>Глава девятая.</i> Надо с чего-то начать.	203
<i>Глава десятая.</i> Не все финансисты созданы равными!	211

Глава одиннадцатая. Как же получилось, что мне задают все эти тяжелые вопросы?	219
Глава двенадцатая. БЭТАНЫЙ В РОТ, ЕБМЭН! Я хочу сказать...	227
Глава тринадцатая. — Да что, вы...— Кто, сержант? Кто я?	234
Глава четырнадцатая. Расставание — это такая сладкая печаль.	242
Глава пятнадцатая. Доступен кредит на легких условиях...	251
Глава шестнадцатая. Об успехе человека можно судить по его телохранителям!	259
Глава семнадцатая. Крабле... крабле...	267
Глава восемнадцатая. "М" означает многое чему она научила меня...	275
Глава девятнадцатая. Я не прохожимец!	283
Глава двадцатая. Вы меня искали?	291

Корпорация М.И.Ф. в действии

Посвящение. Я не быстросписец, Я не тихосписец, Я полубыстроописец!	301
Введение. Что я здесь делаю?	305
Глава первая. Что вы имеете в виду, утверждая, будто мои персонажи до смешного странно выражаются?	309
Глава вторая. Мы хотим чтобы вы чувствовали себя как дома!	316
Глава третья. Всего-навсего немножко снять сверху!	324
Глава четвертая. Нажимай на спуск плавно, а не дергай его.	333
Глава пятая. Когда я путешествую, меня никто не знает... и мне именно так и нравится!	344
Глава шестая. Доски не дают сдачи!	351
Глава седьмая. Служить и Защищать...	361
Глава восьмая. Свояка видит издали только свой!	369
Глава девятая. Манеры приобретаются, а не наследуются!	378
Глава десятая. Итак, вот мой план!	386

Глава одиннадцатая. Вот почему эта леди — бродяга! . . .	393
Глава двенадцатая. Сегодня ночью похоже и впрямь большой праздник!	401
Глава тринадцатая. Разве вы меня не ждали?	409
Глава четырнадцатая. — Чьей властью вы отменили мои распоряжения?	418
Глава пятнадцатая. Без канцелярской работы армия ни туда ни сюда!	429
Глава шестнадцатая. А чем же плохо следовать утвержденным процедурам?	436
Глава семнадцатая. Надо говорить на родном языке. . . .	445
Глава восемнадцатая. У кого-нибудь есть план?	454
Глава девятнадцатая. Мы должны спешить... уже почти конец!	462
Глава двадцатая. Я хочу повторения матча!	470

Роберт Асприн

Корпорация М.И.Ф. — связующее звено.

Мифо-наименования и из-вержения.

Корпорация М.И.Ф. в действии.

Подписано в печать 20.12.93 Формат 84×108¹/32 Бумага типографская

Печать высокая. Усл. печ. л. 24,6 Заказ № 350

Тираж 20000. Цена договорная.

Издательство ГРИФОН Company GRIF-F Ltd.

127434, Москва, Ивановский пр-д, д18

Отпечатано с оригинал-макетов в типографии ГИПП «Вятка».
610044, г. Киров, ул. Московская, 122.

У Р. АСПРИН КОРПОРАЦИЯ М.И.Ф. В ДЕЙСТВИИ

КОЛЛЕКЦИОННАЯ
ФАНТАСТИКА

**РОБЕРТ
АСПРИН**

КОРПОРАЦИЯ М.И.Ф.

*

**РОБЕРТ
АСПРИН**

5